

Комитет по культуре администрации г. Перми
МУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Пермский дом в истории и культуре края

Материалы третьей
научно-практической конференции

ПЕРМЬ 2010

УДК 9(с)
ББК 26.89
П 26

Составитель и редактор **Т. И. Быстрых**

Художник **Наталья Фуфачёва**

Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ **Е. Н. Клешина**

Пермский дом в истории и культуре края: материалы третьей науч.-практ. конф. 22 декабря 2010 г. / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина; сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2010. – 378с.

© МУК ОМБ, идея. 2010.
© Коллектив авторов, тексты. 2010.
© Фуфачёва Н., обложка. 2010.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Впервые научно-практическая конференция «Пермский дом в истории и культуре края» состоялась в декабре 2008 г. Она была организована Центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) по инициативе Комитета по культуре администрации города в рамках творческого проекта, посвященного 285-летию Перми.

Тема конференции вызвала неожиданно большой интерес у научной и краеведческой общественности Перми: авторами-участниками ее стали пермские ученые, историки и филологи, архивисты и библиотекари, музейные работники и специалисты в области охраны памятников истории и культуры, преподаватели, журналисты и краеведы. В декабре 2009 г. состоялась вторая, а в декабре 2010 г. – уже третья конференция «Пермский дом в истории и культуре края».

Сборники материалов конференции пользуются большой популярностью не только у тех, кто профессионально занимается краеведческими исследованиями по истории города Перми, но и у самого широкого круга читателей.

Материалы третьей конференции традиционно сгруппированы по основным разделам, принятым в первых двух сборниках, но с небольшими изменениями: «Пермский дом в истории и культуре края», «Замечательные дома Перми», «Пермский дом в искусстве, художественной литературе, мемуарах и воспоминаниях»; добавлен также раздел «Экскурсии и путеводители».

Подчеркивая, что сборники «Пермский дом в истории и культуре края» содержат именно материалы состоявшейся конференции, а тезисы докладов и сообщений, составители полагают уместным публиковать здесь научные статьи, результаты краеведческих поисков, воспоминания, мемуары, исторические и производственные справки о зданиях, комментарии к законодательным актам по вопросам охраны памятников истории и культуры, архивные документы, впервые вводимые в научный оборот, и пр.

Главными критериями для публикации являются достоверность и новизна материала: вновь выявленные документы, впервые представленные или приведенные в систему факты и сведения, либо новый, оригинальный взгляд на известные события. Составители не считают нужным корректировать предложенные авторами статей версии, авторскую оценку и трактовку причин и следствий, характеристику известных деятелей прошлого, даже если сами при этом придерживаются другого мнения.

В приложении к материалам третьей конференции «Пермский дом в истории и культуре края» публикуется содержание первых двух сборников: это пожелание неоднократно высказывалось читателями.

Организаторы конференции надеются, что эти книги, с интересом встреченные читателями, не затеряются в обширной краеведческой литературе.

Все замечания по содержанию и оформлению сборников «Пермский дом в истории и культуре края», а также предложения, связанные с проведением следующей, четвертой, конференции просим адресовать в администрацию Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева): e-mail: pushlib@permregion.ru

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

А. Б. Киселёв

СТАРЫЕ ЗДАНИЯ И ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПОРЯДОК ПРИДАНИЯ СТАТУСА

В последнее время в краеведческой среде активно рассматриваются вопросы сохранения всех старых зданий как объектов культурного наследия. В связи с этим следует обратить внимание общественности на требования действующего законодательства в отношении объектов культурного наследия.

На второй научно-практической конференции «Пермский дом в истории и культуре края» (2009) мы говорили о том, по каким признакам то или иное здание может быть объявлено памятником истории и культуры. По-видимому, есть насущная необходимость обсудить порядок придания конкретным пермским домам статуса объектов культурного наследия.

Статья 3-я Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ дает следующее определение: «к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»

Ключевым моментом здесь является ценность объекта. Определение этой ценности производится путем проведения специальных исследований – историко-архивных, натурных – дающих полную информацию об объекте. На основании данных исследований, соглас-

но нормам ст. 17, 18, 28, 30 указанного Федерального закона, в целях обоснования включения объекта в реестр и определения категории его историко-культурной ценности проводится государственная историко-культурная экспертиза.

Порядок проведения экспертизы регламентирован Положением о государственной историко-культурной экспертизе, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569.

Данное положение устанавливает порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы, требования к определению физических и юридических лиц, которые могут привлекаться в качестве экспертов, перечень представляемых экспертам документов, порядок их рассмотрения, порядок проведения иных исследований в рамках экспертизы.

В качестве экспертов могут привлекаться физические лица, обладающие научными и практическими знаниями, необходимыми для проведения экспертизы, удовлетворяющие следующим требованиям:

- высшее и (или) послевузовское профессиональное образование по направлению (специальности), соответствующему профилю экспертной деятельности (в исключительных случаях допускается среднее профессиональное или дополнительное образование по профилю экспертной деятельности);
- предшествующий стаж практической работы по профилю экспертной деятельности не менее 10 лет;
- знание международных актов и законодательства Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;
- умение проводить необходимые исследования, оформлять по их результатам соответствующие документы и заключения экспертизы.

Каждый эксперт должен получить аттестацию в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. Порядок получения аттестации установлен приказом Службы от 26.08.2010 г. № 563.

Инициатива проведения историко-культурной экспертизы может исходить как от органов государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих выявление объектов культурного наследия в плановом порядке, так и от отдельных граждан и общественных организаций. В последнем случае обязанности по подготовке обосновывающих материалов возлагаются на заявителя.

Основным требованием к подготовке данных материалов является их достоверность. Поэтому при написании исторической справки (записки) требуется пользоваться «Указаниями о порядке составления и оформления материалов историко-архивных и библиографических исследований для реставрации памятников истории и культуры» (Москва, 1986 г.). Каждый упоминаемый в записке факт, событие, личность должны иметь документальное подтверждение.

Если объект связан с меморируемой личностью, в справке приводятся сведения о данной личности, ее вкладе в развитие науки, культуры, искусства, государственного и общественного строительства. При этом сведения о том, что в данном доме проживал некий купец Иванов, ничем себя не проявивший, не могут служить основанием для включения объекта в реестр.

Кроме исторических сведений, для проведения экспертизы предоставляются материалы натуральных исследований, включающие фотографии фасадов и интерьеров, а также архитектурно-искусствоведческое описание, определяющее архитектурную, искусствоведческую, инженерную, градостроительную или иную ценность объекта.

Для составления указанного описания рекомендуется привлекать специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками написания аналогичных работ.

При получении положительного заключения историко-культурной экспертизы объект приказом Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края включается в перечень вновь выявленных объектов культурного наследия и подлежит государственной охране наравне с памятниками истории и культуры до принятия решения органом государственной власти (Правительством Пермского края) о включении его в Реестр. На рассмотрение Правительством законодатель установил срок в один год, по истечении которого, в случае непринятия соответствующего нормативного акта, процедура запускается с самого начала.

В случае установления значимости объекта для истории и культуры Пермского края он приобретает статус объекта культурного наследия регионального значения. Если же объект имеет локальное, местное значение, ему может быть присвоен статус объекта культурного наследия муниципального значения, при условии согласия соответствующего органа местного самоуправления.

Сама процедура включения объекта культурного наследия в реестр состоит из присвоения ему регистрационного номера и осуществляется Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. Для этого

Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края направляет в Росохранкультуру пакет документов и распорядительный документ Правительства Пермского края.

В случае отрицательного заключения историко-культурной экспертизы ввиду недостаточной значимости объекта для региона или муниципального образования, заявитель вправе осуществить повторное обращение с приложением дополнительных обоснований своего мнения по вопросу отнесения объекта к памятникам истории и культуры.

Сложность процедуры направлена на ограничение бесконтрольного включения объектов в реестр и, как следствие данного включения, ограничения хозяйственной деятельности. Еще Козьма Прутков писал, что нельзя объять необъятное. Попытка сохранить всё – приведет к полному коллапсу как в сфере охраны культурного наследия, так и в общей экономической ситуации в регионе.

Именно поэтому решение о включении объекта культурного наследия в реестр принимается только на основании научно подтвержденных данных, в отношении действительно уникальных объектов, утрата которых окажет существенное воздействие на состояние культуры общества и воспитание новых поколений.

В данной связи хотелось бы обратить внимание пермских ревнителей старины, что далеко не каждый дом, встретивший свое столетие, является уникальным и должен быть сохранен. Особенно актуально данное обращение в отношении списка так называемых «ценных средовых объектов», представленного разработчиком проекта зон охраны памятников НПФ «ЭНКО». Дело в том, что законодатель не рассматривает такое определение и не дает рычагов влияния на эту сферу. А попытки скопом включить весь список в реестр заранее обречены на неудачу, т. к. полностью отсутствует какое-либо научное обоснование. Более того, разработчики документа сами признаются, что единственным основанием для составления данного списка послужило их «видение», а разработкой соответствующих документов они даже не озадачивались.

ЦЕНА СТАРОГО ГОРОДА. НАЙТИ И СОХРАНИТЬ!

Почти половина ценовых средовых объектов, вошедших в перечень «Проекта охранных зон» Перми, на сегодня уничтожена. Такая печальная и, увы, явно запоздавшая констатация содержалась в открытом письме группы пермских деятелей культуры и правозащитников, обнародованном в начале 2010 года. Поводом для тревоги послужило следующее. Силами культуроохранной общественности в Перми была проведена общественная инспекция. Её предметом стала старинная застройка Перми согласно «Перечню ценных средовых объектов» (далее ЦСО), входящего в качестве составной части в «Проект зон охраны объектов культурного наследия города Перми» (данный документ составлен экспертами Санкт-Петербургской научно-проектной фирмы «ЭНКО»). Тот проект был официально утверждён постановлением Правительства Пермского края: № 119 от 15.06.2007 «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия города Перми». Позже охраняемый статус входящих в «Проект...» ЦСО был подтверждён действующей редакцией Правил землепользования и застройки г. Перми.

Проблема видна была, так сказать, невооруженным глазом и неспециалисту. На протяжении всех последних лет ценные средовые объекты сносились, освободившиеся участки застраивались торговыми центрами, автостоянками, жилой многоэтажной застройкой.

В результате проведённой инспекции было выявлено следующее. Из 342 включённых в «Перечень...» ценных средовых объектов 127 на сегодня полностью снесены, 28 находятся в предельно обветшавшем состоянии. Таким образом, около 45% исторических зданий Перми, имеющих статус ценных средовых объектов, на сегодня утрачено. Особенно сильно пострадали комплексы средовой архитектуры на улицах Большевикской, Кирова, Клименко, Окулова, Орджоникидзе, Осинской, Советской, Петропавловской, Островского.

Обращение адресовалось министру культуры и массовых коммуникаций Пермского края Б. Л. Мильграму, начальнику Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края Е. Н. Гонцовой и главе г. Перми, председателю Градостроительного совета г. Перми И. Н. Шубину. В письме, в частности, говорится:

«...Мы просим Вас принять самые серьёзные меры в связи со сложившейся ситуацией. Мы полагаем, что уполномоченный орган – Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края – должен срочно провести государственную инвентариза-

цию оставшихся пермских ценных средовых объектов, разработать и выдать требования о разрешённом режиме эксплуатации собственнику каждого из таких объектов. Следует также провести служебное расследование причин сложившейся на сегодня катастрофической ситуации, выявить виновных лиц и привлечь их к ответственности. Полагаем также, что в ходе ведущейся в настоящий момент разработки нового Генерального плана г. Перми (и мастер-плана как его концептуальной основы) следует предусмотреть в нём меры защиты средовой архитектуры. Весьма вероятно, что с целью защиты ценных средовых объектов необходимо, наконец, реализовать заложенную в федеральном законодательстве возможность выделения объектов культурного наследия местного (муниципального) значения».

В последующие полгода изменилось немного. С авторами письма состоялась «историческое» совещание в госинспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края. Руководство официального органа охраны обратилось к общественности с просьбой о помощи в деле выявления, изучения и сохранения исторической застройки. Собственных сил на проведение такой работы у сотрудников инспекции нет. Фактически расписавшись в своем бессилии, госинспекторы согласились поддержать инициативу с места официальными уведомлениями, ходатайствами и предупреждениями в адрес неразумных застройщиков и арендаторов.

Насколько эффективна подобная практика предупреждений, мы уже могли видеть на примерах. В течение последних двух лет были уничтожены дом купца Шадрин (угол улиц Большевистской и Попова) – виновник ООО «Технострой» не понес наказания; дом, где жил замечательный писатель-демократ Владимир Короленко (ул. Пушкина, 2) – фирма Пермстройкомплект, которую возглавляет бизнесмен и депутат Заксобрания В. Суетин отделалась легким испугом; дом купца Тонченко (на углу Куйбышева и Большевистской) – бизнесмен и депутат Госдумы Ю. Борисовец даже пообещал восстановить здание, но быстро забыл о своем обещании...

Силами добровольцев, краеведов и правозащитников, была создана Общественная инспекция, в результате работы которой удалось выявить немало ценных объектов культурного наследия, которые просто необходимо поставить на учет, на госохрану.

Помимо заявления о включении таковых в реестр для заключения государственной историко-культурной экспертизы, согласно ст. 17 Федерального Закона № 73, требовались следующие сведения:

- наименование объекта;
- время возникновения, а также дата основных изменений и даты связанных с ним исторических событий;

- местонахождение и вид объекта;
- категория историко-культурного значения;
- описание особенностей предмета охраны;
- описание границ территории объекта;
- фотографическое изображение;
- сведения о собственнике объекта и его пользователе;
- сведения о собственнике земельного участка и его пользователе, а также о правовом режиме использования данного участка.

Приведем только несколько заинтересовавших нас построек старой Перми.

Типография Каменского.

В угловом доме по ул. Покровской (Ленина), 12 – Верхотурская, 9 (Н. Островского, 15) с 1895 г. располагалась самая крупная пермская типография, принадлежавшая купцу 2-й гильдии Александру Петровичу Каменскому, который был гласным городской думы, весьма уважаемым в городе человеком. Здесь выполнялись самые разнообразные типографские услуги, продукция отличалась высоким качеством и изяществом. Владелец типографии приобрел самое современное на то время оборудование, нанял знающих специалистов. Число работников доходило до двух десятков. Жили они в этом же доме, на втором этаже.

Здание добротное, полукаменное, в дореволюционное время этот адрес был известен каждому пермяку. Реклама типографии Каменского обещала «исполнение скорое и аккуратное, цены самые умеренные». Обещала и не обманывала. Здесь же в доме находился магазин канцелярских и чертежных принадлежностей. По сведениям краеведа Е. А. Спешиловой, типография находилась по данному адресу до 1911 года, после чего новым владельцем здания стал купец Иван Петрович Алин. И вместо типографии в доме вскоре расположилось граверное заведение, которое основал Борух Мордух Шлиомов Кран.

В советское время в угловом доме располагался первый участок городской милиции, затем он стал жилым помещением. Здание представляет собой ценный образец средовой застройки, это типичный пермский стиль, излюбленный у состоятельных горожан. Постройка поражает своей продуманностью, удобством планировки. Здание весьма обширно и вместительно, в нем были созданы все условия для удобного и здорового образа жизни. Отделка дома, окон приятно поражала своим скромным изяществом.

Дом Николаева.

Как ни странно, это красивое каменное двухэтажное здание на углу улиц Попова (Далматовской), 7 и Орджоникидзе (Монастырской), 83 не было поставлено на учет как памятник архитектуры. Между тем это типичный образец добротной застройки купеческой Перми. Нарядный дом, увенчанный куполом, с изящным фронтоном, «опоясанный» узорной кирпичной лентой, украсил угол квартала в первое десятилетие XX века. Принадлежало здание виноторговцу и ресторатору Александру Павловичу Николаеву. И в царское время, и в советские годы основную площадь здания занимали учебные заведения: до 1917 года – III начальное женское училище, а после – школа и школа-интернат № 13. Несколько лет здесь также располагался лицей ПГУ. В настоящее время дом пустует, безропотно ожидая решения своей участи.

Дом Речного училища.

Здание по ул. Александра Матросова (быв. Ирбитская), 9/11 поражает своими размерами, вместительностью и удобством помещений. Оно построено в первое десятилетие XX века, по картам 1912 г. принадлежало городскому обществу. Постройка максимально приспособлена к условиям проживания в условиях уральской зимы (первый этаж каменный, второй деревянный), но в то же время архитектор и заказчик максимально использовали весь доступный арсенал выразительных эстетических средств для украшения фасада. Подкупает молчаливый любовный диалог узорочья наличников первого этажа (в камне!) и второго (в дереве). Дом был увенчан тремя остроугольными башенками (до наших дней не дожили).

Здание представляет собой интерес не только как архитектурный образец средовой застройки, но и с точки зрения истории. Именно здесь по высочайшему повелению с 1913 г. обосновалось первое на Урале речное училище. С перерывами оно помещалось на Ирбитской до 1960 г., когда в Мотовилихе было построено новое здание. Кроме того, здание отмечено мемориальной доской, сообщающей, что здесь в 1946—1953 гг. готовил офицеров запаса ВМФ боевой моряк, защитник Сталинграда, писатель Олег Константинович Селянкин.

Дом Блажевичей.

Старая Пермь уходит буквально на наших глазах. Дом на углу улиц Плеханова и Орджоникидзе весной 2010 г. был еще жив, но уже «приговорен». Между тем у этого двухэтажного каменного добротного здания есть своя история, интересная биография и свое «лицо». В начале XX века дом принадлежал Иустину Блажевичу.

Семья пермских поляков Блажевичей появилась здесь в конце XIX века, их жизнь была тесно связана с расположенным по соседству казенным винным заводом. Судя по домам Блажевичей, появившимся в квартале между Набережной и Монастырской, деньги они за свой квалифицированный труд получали неплохие. Да и люди были хорошие, интеллигентные, о чем свидетельствует эпитафия, написанная на надгробном кресте Дионисия Блажевича (скончался в 1908 г. 59-ти лет) на Егошихинском кладбище: «Вечная память от брата и от общества рабочих казенного винного завода». Повидимому, на предприятии царил дух товарищества, межнационального и классового мира, ведь уважение и благодарную память рабочих надо было чем-то заслужить.

Оазис на Набережной.

Чудом сохранился до наших дней дом по ул. Окулова (быв. Набережной), 12. Вокруг уже – выжженная зона, пустоты и безликие многоэтажки. А этот кирпичный дом, когда-то тоже выглядевший не очень-то оригинально – ведь типовая средовая застройка – смотрится сегодня очень тепло и комфортно. Дом – как последний из могикан. Это был добротный кирпичный купеческий особняк. В нем жили обычные люди, создававшие город для жизни, а не для продажи. Обитатели этого, а также соседнего здания (по ул. Окулова, 13), хозяином которого был инженер Михаил Михайлович Гладышев, управляющий заводами Каменских и гласный городской думы, в меру своих сил двигали прогресс. Только мы сегодня про это ничего не знаем, мы так равнодушны к своей истории. Именно эти пермские обыватели пропагандировали личным примером чудо-изобретение того времени – велосипед, а также участвовали в создании первого фотографического общества Перми.

Заповедный уголок у Мечети.

Возле мусульманской мечети по ул. Орджоникидзе (быв. Монастырской), сохранились два каменных двухэтажных здания (№ 71а и 73). Возведены они в начале XX века. Первый принадлежал семье коллежского асессора Алексея Павловича Шилова, служившего казначеем Пермской духовной консистории, а в соседнем доме жила семья правоверных мусульман Насыровых. На первый взгляд, скромные и ничем не примечательные строения, но они радуют глаз. При внимательном изучении нетрудно понять, за счет чего неизвестный архитектор достигает желаемого эффекта. Тут и изящный фронтоныч, увенчавший 73-й дом, и тщательная проработка фасадов, и соразмерность объемов, умелое применение стиливых особенностей

классицизма. Этот заповедный уголок и есть та самая средовая пермская архитектура, которую просто необходимо сберечь для души. Необходимость этого становится очевидной еще и потому, что на соседней улице, Осинской, сбегающей вниз от мечети, улице, воспетой Пастернаком в повести «Детство Люверс», практически уже ничего из старинной застройки не осталось.

Дом Судоплатова.

Красивый кирпичный дом о двух этажах был построен на ул. Торговой (Советской), 77 в конце XIX-го века. Первым его хозяином был П. С. Петухов, торговец железом и цементом, который был гласным городской думы и почетным членом Научно-промышленного музея. Вскоре, однако, у здания появился новый владелец: Владимир Васильевич Судоплатов, тоже купец, удачливый предприниматель. Сначала он торговал бакалейным и колониальным товаром, а с переездом на Торговую создал новое дело – построил кондитерскую фабрику, прямо на склоне лога, фактически на заднем дворе своего дома. По тем временам это был дворец, палаццо! Изящная кирпичная кладка фасада, с трехарочной центральной частью, импозантное крыльцо, стеклянная веранда... И хотя стекло веранды заменили теперь на дерево, и крыльцо новые жильцы очень упростили, но само здание все еще служит украшением этой горки. И – напоминанием об уехавшей в годы гражданской войны семье Судоплатовых, а также об исчезнувшей совсем недавно самой вкусной и самой запашистой фабрике, много десятилетий кормившей сладкой продукцией Пермь и округу.

Номера Заушицыных.

Два красивых каменных здания по ул. Островского (Верхотурской), 20 и 24 принадлежали семье пермского купца Льва Заушицына, а записаны были, судя по справочной книге «Вся Пермь» на 1911 год, на его супругу Татьяну Алексеевну. Угловое здание, выходящее на ул. Екатерининскую (Большевикскую) как самое вместительное было превращено хозяевами в доходный дом, а с 1904 г. здесь была открыта гостиница «для приезжающих и месячных» (!) как гласила реклама. Екатерино-Верхотурские номера Л. Ф. Заушицына действовали вплоть до 1917 г. В советские времена в доме был организован музыкально-драматический кружок. Дом был надстроен на один этаж. Автора проекта дома мы не знаем, но это нарядное здание прекрасно вписывается в квартал, выдерживая конкуренцию с домом архитектора Александра Турчевича, что стоит напротив. В последнее время здание используется под офисы.

Первое «Фотографство».

Вот еще одним примечательное строение – на ул. 25 Октября (быв. Обвинской), 28. Красивый двухэтажный каменный дом на углу улиц Вознесенской и Обвинской был возведен в 1890-е гг. (автор проекта неизвестен). По «Справочной книге «Вся Пермь» домовладелицей значится жена титулярного советника Евгения Ромашева, но пермяки знали это здание прежде всего как дом губернского землемера Ивана Игнатьевича Ткаля. Именно Ткаль и стал одним из организаторов первого фотографического общества Перми, созданного в 1901 г. Собирались члены первого пермского «фотографства» в доме прогрессивного землемера. Это были в основном представители интеллигенции: служащие железной дороги, инженеры, врачи, а также профессиональный фотограф Анатолий Москвин. Они устраивали фотовыставки, пропагандировали новое искусство, внедряли в быт технические новинки. Здание хорошо сохранилось, сейчас используется под офис, причем его владельцы устроили в коридорах здания интересную музейную экспозицию (правда, недоступную для «простых смертных»). Предлагается поставить дом на учет как памятник истории, отметив факт появления первого фотографического общества.

Склад, оказавшийся дворцом.

В последнее время в центре Перми практикуется так называемая точечная застройка дворов. Новые «высотки» вписываются в такие пространства не всегда аккуратно, не очень грамотно. И чаще всего, совсем не учитывается соседство со старинными зданиями. Будет очень обидно, если к сносу приговорят красивое каменное здание по ул. Советской (Торговой), 7. Скромно «отступив» от красной линии улицы, дом словно спрятался во дворе. Между тем постройка похожа на маленький дворец, благодаря красивому кирпичному узорочью, окантовавшему края этого здания с двумя готическими боковыми порталами. И кто бы мог сегодня предположить, что это «всего-навсего» железнодорожные склады! Автора проекта мы не знаем, но чувствуется рука опытного мастера, в таком стиле рационального модерна работали в конце XIX в. крупные зодчие Василий Попатенко, Рудольф Карвовский.

Не нужен даже Попатенко!?

А теперь назовем адрес, по которому стоит объект... – ну это просто вершина пермского расточительства!.. В 1890-х гг. на Казанском тракте, за заставой (шоссе Космонавтов, 16), по проекту известного архитектора Василия Попатенко был построен дом для наследников извес-

тных парходчиков Каменских. У постройки есть одна особенность: парадный вход ориентирован не на улицу, а во двор. Красивый двухколонный портик придает зданию торжественность загородного дворца. Среди деревянных домов каменное здание выглядело очень красиво. А еще оно обладает своими тайнами. Есть и подземный ход, сегодня заложены: судя по всему, он ведет к соседнему краснокирпичному зданию (№ 18), в котором находилась конюшня Каменских.

Старые жители близлежащих домов рассказывали; что владельцы в доме почти не жили, потому что в нем появилась «нечистая сила». И действительно, были моменты, когда в зрительном зале кинотеатра, позже размещенного в доме, во время сеанса вдруг раздавались какие-то воющие звуки. В 1930-х гг. в стене здания с западной стороны, где была пристроена кинобудка, обнаружили отверстие с замурованным горлышком от бутылки. Отверстие запечатали и «нечистая сила» исчезла – странные звуки прекратились.

После революции в здании находился народный дом имени 8-го Марта. В нем работали разные кружки, проводились лекции и беседы для населения, работала библиотека. Здесь же находился кинотеатр «8-е Марта», который запомнился местным жителям тем, что в 1932 г. в нем проводился показ опытного короткометражного объемного фильма. При покупке билета каждому зрителю в кассе за дополнительную плату выдавали очки из плотной бумаги, в которые были вставлены красная и синяя киноплёнки для создания эффекта объемного изображения. В южной части здания была мастерская общества инвалидов, где шили покрышки для волейбольных, баскетбольных и футбольных мячей. В 1936 г. кинотеатр «8-е Марта» был закрыт, что вызвало возмущение жителей. Позднее в этом здании располагался областной центр юных техников, затем – музей истории народного образования Прикамья. В мае 1993 г. в здание переехал областной центр педагогической информации. С 2008 г. здесь разместился медицинский просветительский центр с богатой библиотекой. Несмотря на некоторые изменения планировки, в доме сохранились «родные» двери, богатая лепнина и другие детали.

Не охранять такие здания, как творение Василия Попатенко, построенное для парходчиков и благотворителей Каменских, – это слишком бездумно для любого города.

«Город становится чужим».

Общественная инспекция по выявлению и охране памятников истории и культуры, которые необходимо взять на учет, учредила «горячую линию» в краевой газете «Пермские новости», в агентстве «Перископ». Акция по спасению исторической застройки Перми, а

фактически – по спасению лица губернской столицы – привела к живому контакту с пермяками. Оказывается, у нас много единомышленников! Люди едят, звонят, называют новые адреса, здания, которые, по их мнению, нужно сохранить, а какие-то и восстановить.

Приведем некоторые из откликов и адресов.

Жительницы Перми Наталья Александровна Есаева и Фаина Александровна выражают тревогу по поводу уничтожения исторической застройки в центре города. С ними солидарен юрист Денис Галицкий, который считает, что Пермь теряет свой статус исторического поселения. Необходимо исследование сохранившихся архитектурных ансамблей регионального и местного уровней, в том числе типичной застройки разных периодов. Кроме списка и границ ансамблей нужно поддерживать их стилевое единство, нужна регенерация их застройки, поэтому архитекторам пора иметь альбом характерных фасадов снесенных зданий.

Пермский старожил Ювеналий Константинович Каргапольцев считает, что нужно сберечь дом по ул. Мильчакова (быв. Центральной), 17. Здание было построено пленными немцами. Здесь жили такие замечательные люди, как Герой Советского Союза Иван Кондауров, конструктор Михаил Цирюльников, чемпионка мира легкоатлетка Вера Югова и другие.

Вячеслав Красавин, кандидат исторических наук, пишет:

«Причиной, прямо скажем, ужасного положения с охраной старинной застройки в Перми является поврежденное историческое сознание нашего общества. То есть, культура, образ жизни, внешний облик, материальные условия, общественная атмосфера столетней давности представляют собой тайну за семью печатями для нынешних пермяков. Думается, что улучшить положение можно лишь посредством развития независимых общественных инициатив. Вместе с тем, необходимо проводить просветительскую работу среди городской интеллигенции, шире знакомить ее с историко-культурным наследием старой Перми».

Давно не живет в Перми Нина Федоровна Аверина, известный книговед, автор очерка «История пермской книги». По семейным обстоятельствам она вынуждена была уехать в Австралию, но продолжает писать книги о любимой Перми и поддерживает активную связь с земляками, благо это нетрудно сейчас, при наличии Интернета и мобильных телефонов. «Родной город всегда со мной, – говорит Нина Федоровна. – Не скрою, меня далеко не все радует, город становится каким-то чужим. Пермь теряет свое лицо, и прежде всего из-за хаотичной застройки и сноса старинных домов. Поэтому я всей ду-

шой поддерживаю вашу акцию по спасению исторической застройки. Все познается в сравнении: здесь, в австралийских городах, очень берегут старые дома, а мы так расточительны, так небрежны по отношению к своей истории».

Мнение пермячки Елены Коноваловой, члена клуба «Пермский краевед»: «Обидно, что исчезает купеческая застройка, а ведь это отдельная и очень поучительная страница истории города, его развития. Пермские предприниматели не только двигали прогресс в уральской глубинке, развивали производство, строили заводы и фабрики. Ведя свое дело, свой бизнес, они думали о будущем, о потомках, не случайно самые красивые здания в городе принадлежали видным купеческим родам. Пермские купцы были также в числе самых активных благотворителей, жертвователей на храмы и культуру. Например, Александр Павлович Кропачев, коммерции советник и потомственный почетный гражданин, широко вел хлеботорговлю, развивал железную дорогу, ему принадлежали самые крупные кирпичные заводы. Неужели мы не сможем сберечь квартал Кропачевых: три каменных дома, расположенные в самом начале ул. Советской, быв. Торговой, по правой стороне? Два кропачевских здания (кстати, построенных из его же кирпича) приведены в надлежащий вид, хорошо сохраняются, там сейчас банковские учреждения. А вот дом под № 4в разрушается, хотя весь квартал представляет собой пример комплексной застройки, чудом сохранившийся до наших времен».

И еще один отклик: «Спасибо вам за дом на Попова-Орджоникидзе. Мало того, что это красивый дом, но с ним столько связано! В том числе и лично для меня. Я учился здесь, когда в этом доме располагалась школа № 18, время – с 1937 до 1944 г. Все помнится мне до мельчайших подробностей. Все дорого... Одноклассники... Педагоги... – такие родные! Заведовала школой тогда колоритная дама, москвичка, а дочка у нее была такая, огонь, такая хулиганистая, она лазила в Гоголевском саду на деревья лучше любого пацана! Терять такие здания – терять душу города». Так считает доктор медицинских наук профессор Вадим Орлов.

Шедевры умирают стоя.

А пока сыр да бор, в Перми продолжают сносить старинные здания, ценные объекты средовой архитектуры. Недавно исчез двухэтажный каменный дом по ул. Советской, 30б. Построен он был в конце XIX века купцами Бушуевыми. В квартале этой улицы, бывшей Торговой, еще недавно было восемь купеческих особняков, что позволяло говорить о градостроительном ансамбле. Теперь эта типичная пермская улочка осталась только на фотографиях.

Еще совсем недавно можно было приехать на правый берег Камы, в Нижнюю Курью, и познакомить гостей города с целым рядом великолепных построек в стиле «ропет» (так называлось зародившееся более ста лет назад движение за возрождение духа древнерусского зодчества). На высоком камском берегу, в сосновом лесу выстроились в ряд бывшие дачные терема пермских купцов, именитых людей, паромщиков Каменских, городского головы Синакевича, и др. И все на одной линии, настоящий парад шедевров! По соседству, на ул. Кировоградской, 194, стоит и Владимирский храм, построенный по проекту известного архитектора А. Турчевича. Но памятники архитектуры сегодня в плачевном состоянии. Этим летом мы с коллегой приехали в Нижнюю Курью и ужаснулись: бывшая дача Синакевича (ул. Танцорова, 24а) гибнет «на корню», деревянные фрагменты узорочья во многих местах отвалились. Сторож отсутствовал. А ведь на здании висит табличка, что памятник архитектуры охраняется государством. Надо сделать все возможное, чтобы это здание не постигла участь другого архитектурного шедевра, еще недавно стоявшего на соседней улице Кировоградской, 162. Это бывшее дачное строение, автором проекта которого предположительно являлся зодчий И. Голосов, недавно сгорело. По одной из версий, его могли поджечь: земля-то здесь золотая. Ирония судьбы в том, что одним из первых обнаружил эту утрату... зарубежный фотограф и архитектор, исследователь творчества русского зодчего. А ведь здание тоже стояло на учете...

Краевед Ян Кунтур обращает свой взор на Разгуляй, где тоскует в одиночестве памятник Василию Татищеву. Нужно развивать мемориал, восстановить старинную крепость, деревянные дома – «хоромы» первой администрации и заводской конторы.

Однако есть в Разгуляе ценные старинные постройки, еще не снеженные. Дом с брандмауэром по ул. Большевикской (быв. Екатерининской-Редутской), 8, представляет интерес не только градостроительный, но и исторический. Здесь жил поэт, журналист начала XX века Сергей Ильин, которого называли «душой пермского общества». Это – старший брат писателя Михаила Осоргина (Ильина). Ни один из домов семьи Ильиных в Перми не сохранился, так что деревянное здание на Большевикской – единственный объект, напоминающий об этом замечательном роде.

Визуальный аспект.

Специалисты, приезжающие из-за рубежа, отмечают, что градостроители Перми практически совсем не разрабатывают визуальный аспект при застройке города, особенно в его историчес-

кой, центральной части. Визуализация старого города – большая тема, как говорится, нет повести печальнее на свете... Проблема становится очевидной, когда смотришь на Пермь с лучшей обзорной площадки – с Красной горки на крутом Егошихинском берегу. Отсюда в 1910 г. делал свои первые цветные фотографии лейб-фотограф С. Прокудин-Горский. Хаотичность и бездумность строительства в губернской столице бросаются в глаза. Примеров – масса, почти в каждом квартале.

Лондонский профессор Роберт Тавернор, руководитель бюро архитектуры и дизайна, ознакомился с нашим городом и только изредка покачивал головой (автору этих строк довелось водить экскурсию для гостя по старому городу). Его техническое задание заключалось в следующем: определение секторов обзора (панорам, визуальных бассейнов), построение контура исторической застройки, привязка к местности, размещение высотных акцентов и т. п. «Высотки» на ул. Пушкина, а также пресловутая башня за Городским центром культуры им. А. Г. Солдатова делали его миссию почти невыполнимой.

Маски вместо лица.

Общественность бьет тревогу по поводу исчезновения ценной средовой архитектуры, то есть исторической застройки, которая официально не взята на учет и не охраняется государством как памятник градостроительства.

Однако в Перми уничтожаются и объекты культурного наследия, вошедшие в список памятников. Технология проста: в результате грубой и невежественной реконструкции от памятника оставляют только стены фасада, выходящего на «красную линию» улицы, а все остальное безжалостно выскребается и выбрасывается. Такая судьба постигла каменный двухэтажный флигель владельца Биржевых номеров А. В. Березина. Построен флигель в 1878 году, а фактически снесен в середине 1990-х, по вине одного из пермских предпринимателей и горе-депутатов в одном лице, посчитавшего этот дом помехой для развития своего бизнеса.

Новоделы вместо памятных зданий появляются в историческом центре Перми все чаще, практика «быстрой», удешевленной реконструкции приобретает у застройщиков угрожающие размеры. Вместо тщательной научной реставрации – небрежный паллиатив. В итоге идешь по городу и диву даешься: как могли наши предки жить в каких-то узеньких чуланчиках и комодах. Именно так можно назвать «встройки» под видом старинных зданий на углу улиц Осинской и Петропавловской, Островского и Кирова.

Вот еще один адрес – бывшая стоматологическая клиника, памятник истории, устоявший на углу улиц Осинской и Советской (быв. Торговой). Здесь работал видный специалист, профессор А. Ф. Иванов. Каменное здание можно было взять на учет и как памятник архитектуры (1911 г.), оригинальный образец стиля модерн, с красивыми чугунными декоративными решетками, с «текучими» узорными окнами. Но в итоге от здания осталась только «маска» фасада. Дома как будто сохранили свое невозмутимое выражение лица, а на поверку получается – подделка.

Совершенно неузнаваемым оказался после реконструкции облик бывшей фабрики-кухни на ул. Уральской (в последнее время там находился ресторан «Горный хрусталь»). Исчезли красивые обтекаемые линии и объемы, вместо них появились резкие «квадратно-гнездовые» погонные метры – а ведь это был памятник конструктивизма, один из объектов «соцгородка», разработанного специалистами школы Баухауз.

И кто же назовет истинную цену старой Перми?... И куда же пропали настоящие ценители скромной, не золотой старины моего любимого города?... Мы говорим о памятниках. Но искажаются до не узнаваемости и ценные здания, составляющие средовую ауру исторического града Пермь. Двухэтажный каменный дом купцов Эскиных (ул. Советская, 62) был выстроен в начале XX века в готическом стиле, теперь же, после реконструкции, – правая стрельчатая часть, устремленная ввысь, оказалась «задавленной» надстроенным этажом.

За столь очевидные просчеты нужно наказывать и застройщиков, и контролирующие органы, которые должны следить за сохранностью культурного наследия.

Мы стоим перед реальной опасностью, когда город, находящийся в статусе исторического поселения, может окончательно лишиться исторического центра, исторической ауры старой, вечной Перми.

ДОМ ЯКОВЛЕВА-МЕШКОВА И ЕГО СОСЕДИ. (Застройка 39-го квартала Перми в конце XVIII – XIX вв.)

Дом Мешкова без преувеличения можно назвать красивейшим зданием Перми, вторым после колокольни Спасо-Преображенского собора символом города. И в истории краевого центра он занимает особое место. Однако о его собственной судьбе известно далеко не так много, как хотелось бы. Начнем с общеизвестного. По сведениям А. А. Дмитриева, во второй половине XIX в. «на набережной Камы стройным рядом тянулись дома известных Уральских заводладельцев: Лазаревых и Яковлевых между Обвинским и Соликамским переулками, а еще ниже, ближе к старому заводскому рынку, – дома Сысертских заводов Турчанинова, Суксунских – Демидовых и около самого «Нижнего рынка» дом местного купца Антона Пономарева. Все эти обширные каменные постройки сделались жертвой пожара 1842 г., после которого были отстроены вновь, исключая дом наследников Яковлевых, который больше 40 лет так простоял в развалинах (пока в 1886 году его не купил местный пароходовладелец, купец Ник. Вас. Мешков, в последние годы превративший его в настоящий дворец, на удивление всем пермякам. Из других прибрежных домов многие были сломаны в 1876—1878 гг. при постройке Уральской железной дороги)»¹.

В своей записи А. А. Дмитриев несколько обобщил ситуацию, суммарно датировав снос почти всех домов (кроме яковлевского-мешковского) на Набережной улице второй половиной 70-х гг. XIX в. На самом деле дома в квартале 39 были снесены позже. Вообще же северо-западный (прикамский) фас квартала 39 с конца XVIII в. весьма существенно менялся, а как он выглядел в разное время, нам известно из иконографических источников, сохранившихся в фондах ПКМ и ПГХГ.

Дома заводладельцев на Набережной улице несколько обобщенно показаны на картине маслом неизвестного художника «Пермь из-за Камы» 3-й четверти XIX в. также из фондов ПКМ². На литографии неизвестного художника «Вид Перми в 1851 г.» из фондов ПКМ общий вид пермской набережной выполнен также обобщенно. Сохранилось более детализованное изображение Набережной (Монастырской) улицы Перми первой половины XIX в. Это акварель учителя истории пермской мужской гимназии П. Е. Размахнина «Вид г. Перми» из фондов ПГХГ. Сопоставляя изображенные на акварели здания и сооружения, и зная биографию пермского учителя и поэта, акварель можно датировать концом 1820-х – началом 1830-х гг.³ Акварель выполнена непрофессиональным художником, и несет черты художественного

примитива, однако в этом есть и положительный момент: автор уделил большое внимание деталям. Это не столько образ Перми, сколько технический, фиксационный рисунок. В то же время, П. Е. Размахнину пришлось уместить на лист весьма большое пространство, поэтому детализация вынужденно ограничена.

Итак, на западном (приречном, нижнем по течению) углу квартала изображен дом заводчика Лазарева, который покрыт железной крышей, окрашенной суриком. Дом имеет средний ризалит с пятью колоннами. Об этажности здания и количестве окон судить трудно. Дом окружен бревенчатым забором «в заплот». Выше по течению Камы расположен двухэтажный каменный дом заводчика Яковлева, покрытый железной крышей, окрашенной «малахитовой» краской. Фасад здания чрезвычайно напоминает современный: такой же средний ризалит с четырьмя колоннами. Нижний этаж оформлен рустом. На фасаде показано семь окон и углы здания острые, но это несовпадение с современным видом можно отнести на счет мелкого масштаба изображения. Имеющаяся теперь перед зданием балюстрада никак не показана, зато левее здания угадываются ворота в каменной ограде с двумя калитками по бокам.

Находящийся рядом двухэтажный каменный дом со средним ризалитом, также принадлежавший Яковлеву, и позднее перешедший в собственность Стенбок-Фермор, также крыт железом, окрашенным «малахитовой» краской. Нижний этаж оформлен рустом. Будущий дом купца П. К. Попова на северном углу квартала практически аналогичен дому Стенбок, только крыша окрашена суриком. Все здания побелены в светло-желтый цвет, как и полагалось казенным и общественным постройкам в губернском городе.

Наиболее полно облик Набережной улицы последней четверти XIX в. можно увидеть на фото К. Ф. Чайковского из фондов ПКМ⁴, датированном не ранее 1879 г. На фотографии хорошо видны все дома заводладельцев. Двухэтажный дом Абазелек-Лазаревых, построенный с отступом от красной линии, ярко освещен солнцем, поэтому детали фасада видны очень плохо. Если ризалит еще угадывается, то о наличии колонн судить невозможно. Однозначно дом был восстановлен после пожара 1842 г., о чем можно судить по наличию крыши и свежести побелки.

Дом Яковлева стоит без крыши, с частично выбитыми окнами, он сохранил побелку, но достаточно поблекшую. Поэтому явственно видны ризалит, четыре колонны и восьмое и девятое окна на углах здания. Судя по этому фото, А. Б. Турчевич-Глумов, реконструируя в 1885—1886 гг. здание для Н. В. Мешкова, не изменил коренным образом его фасада, а лишь снабдил обильным декором и устроил ротонду-беседку на балюстраде.

Дом гр. Н. А. Стенбок-Фермор двухэтажный и, в принципе, соответствует своему изображению на акварели Размахнина, но на фото заметен полуподвальный этаж, необходимый при размещении на уклоне. Дом купца П. К. Попова чрезвычайно похож на соседний, но его основание скрыто от зрителя пристанскими сооружениями.

Иконографические источники дают наглядное представление о фасадах зданий, но по ним сложно определить планы зданий и их размеры по периметру. Кроме того, они не фиксируют ситуацию далее первой трети XIX в. Подобную информацию можно почерпнуть из планиграфических источников.

«План города Перми 1782 г.»⁵, который представлял собой первый генеральный план развития города, свидетельствует, что новая регулярная планировка Перми создавалась на основе планировки старой Егошихи, во многом повторяя ее. Направление улиц по новому плану несколько отклонялась от прежнего. На плане 1782 г. впервые появился квартал, которому позднее был присвоен номер 39. Его особенность заключалась в том, что он примерно по диагонали делился обрывом коренного камского берега на низменную и возвышенную часть. «План губернского города Перма составленный 1797 году»⁶ фиксирует, что северо-западная часть квартала 39 по ул. Набережной застроена «каменным строением», поскольку обозначена латинской буквой «и». Однако, к сожалению, отдельных зданий на плане не указано. На «Плане губернского города Перма»⁷, составленном в 1798—1800 гг., часть квартала 39, обращенная к р. Каме отмечена литерой *f*, в легенде обозначающей «Обывательское строение каменное», что соответствует истине. Однако снова очертаний отдельных домов на плане не показано.

«Геометрический специальный план губернского города Перми...»⁸ 1822 г. фиксирует четыре стоящих по красной линии ул. Набережной каменных здания, а за ними, в глубине квартала, вытянутые параллельно улице тоже каменные надворные постройки. Другими словами, к концу первой четверти XIX в. основные дома горнозаводчиков уже были построены. План г. Перми 1842—1853 гг. из «Дела Департамента народного просвещения о постройке здания гимназии»⁹ также содержит изображения отдельных каменных домов в квартале 39. Их очертания несколько более сложны, нежели на плане 1822 г., и, очевидно, более соответствуют истине.

Итак, каменная застройка в квартале 39 по ул. Набережной окончательно сложилась в первой четверти XIX в., однако более точную информацию картографические материалы дать не могут, поэтому необходимо прибегнуть к источникам другого рода.

«Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми» 1898 г. свидетельствует, что землями «между Соликамской и Обвинской улицами» в квартале 39 владели «Попов Петр Карпович, купец, на углу Соликамской улицы» – дом № 5/1; «Стенбок-Фермор Надежды Алексеевны¹⁰ – графини, наследники» – дом № 6; «Мешков Николай Васильевич, купец» – дом № 7; «Абамелек-Лазарева Елизавета Христофоровна, княгиня, на углу Обвинской улицы» – дом № 8¹¹.

Известно, что участок по улице Монастырской, 6, в конце XIX в. принадлежавший графине Н. А. Стенбок-Фермор, владелице железнодорожных заводов Верх-Исетского горного округа, с каменным домом был выкуплен казной для строительства тоннеля, железной дороги. В фонде Пермского нотариального архива ГАПК сохранилось дело «По сообщениям Агента 1-го участка по отчуждению имуществ под сооружение Пермь-Котласской Железной дороги за № 1309, 1308 и 1307 с тремя данными для внесения в реестр крепостных дел показанных в оных имений, приобретенных казною в лице Министерства Путей сообщения под сооружения Пермь-Котласской Железной дороги, состоящих в городе Перми». В деле, начатом «Октября 26 дня 1898 года» и законченном «Ноября 16 дня 1898 года», содержится «Выпись из актов книги Пермского Нотариуса, Александра Константиновича Золотавина, для актов на недвижимыя имения на 1898 год».

В выписи говорится: «Тысяча девятьсот девяносто восьмого года Октября 15 дня, вследствие предложения Г. Пермского Губернатора, от 27-го Августа сего 1898 года за № 2464, последовавшего ко мне, Александру Константиновичу Золотавину, Пермскому Нотариусу... по предмету отчуждения недвижимого имения из владения Графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор под сооружение означенной дороги, – совершена мною, Нотариусом, настоящая данная на отчужденное, на основании 580, 587 и 588 ст. I ч. X т. Св. Закон. Гражд., принудительным способом в Казну, по ведомству Министерства Путей Сообщения, под сооружение Пермь-Котласской железной дороги, принадлежавшее Графине Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор, недвижимое имение, заключающееся в участке земли, площадью восемьсот тридцать пять и пять сотых квадр. сажень, с находящимися на нем постройками: трех-этажным¹² каменным домом, каменною банею, помойной ямой, деревянным птичником, каменным сараем, навесом, деревянным погребом, колодцем и каменною оградой, а также каменным тротуаром, состоящее первой части города Перми, по Монастырской улице, расположенное по линии Пермь-Котласской железной дороги по оси ее семь погон. саж., в границах: с Севера¹³ – Монастырскою улицею, с Востока – усадь-

бой Попова, ныне Пермь-Котласской железной дороги ¹⁴, с Юга – усадьбой наследников Малахова и Чиновника Юрганова и с Запада – усадьбой купца Мешкова, каковой участок нанесен на план, составленный участковым землемером Пермь-Котласской железной дороги Зубелевичем, удостоверенный 27 июня 1896 г. Начальником 1-го участка той же дороги г. Мейнгард и Депутатом ведомства Министерства Путей Сообщения – Агентом по отчуждению имущества г. Ивановым. Означенное недвижимое имущество отчуждено в Казну в сумме тридцати двух тысяч рублей...» ¹⁵.

К сожалению, документов относительно судьбы дома П. К. Попова обнаружить не удалось, хотя и ясно, что он разделил судьбу соседнего здания. Полученные из дела сведения также позволяют усомниться в современной датировке возведения корпуса Железнодорожного института. По справочным сведениям «Государственных списков памятников истории и культуры Пермской области» здание по ул. Горького, 1 – служебный корпус Управления Уральской железной дороги было возведено в 1888 г. по проекту инж. Быховца(?) ¹⁶. Получается, что казенное здание построено за 8 лет до отчуждения участка у частного собственника.

И, наконец, в статье А. Н. Торопова «Система управления заводским хозяйством Яковлевых во второй половине XVIII – начале XIX в.» содержится следующая информация: «Григорий Зотов на одном из этапов своей карьеры был поверенным в Перми. Например, в 1796 г. он занимался вопросами постройки дома для заводладельцев (Яковлевых – П. К.) в центре губернии и поставками металлургической продукции заводов для этого строительства» ¹⁷. Григорий Федотович Зотов – одна из интереснейших персон истории Урала конца XVIII – нач. XIX в., состоявший поверенным И. С. Яковлева в Перми, а при его наследнике «господине корнете Алексее Яковлеве», ставший главным приказчиком. И в конце концов, Г. Ф. Зотов стал управляющим Кыштымских заводов, которыми после смерти их прежнего хозяина Л. И. Расторгуева, стал владеть его сын Александр, женатый на Екатерине Расторгуевой. В бытность свою в Перми по замечанию А. Берковича: «Зотов все устроил не просто хорошо, а с нарочитой роскошью» ¹⁸. Неудивительно, что дом на Набережном «прешпекте» был самым большим и красивым в городе.

Таким образом, можно утверждать, что дом Яковлева-Мешкова был построен в самом конце XVIII в. По крайней мере, в документах «Дела о перестройке дома в Перми для владельцев Пермского вотчинного имения Лазаревых» встречаются упоминания о нем, как уже о построенном, датированные 1808 г. В Рапорте пермского уп-

равляющего Егора Глазунова в Пермское главное правление вотчины Лазаревых об отказе от дачи подписки в Пермской градской полиции об устройстве балюстрады как перед домом Яковлева от 23 февраля 1808 г. сообщается:

«По предложению Его высокопревосходительства от пермской градской полиции объявлено живущим по Набережному прешпекту жителям, чтобы они вместо существующего ныне деревянного обруба построили по манире выстроенного **противу дома господина Яковлева** (выделено мной. – П. К.) каменные, и чтоб приготовили материалы обязать подпискою, которую господ Демидова, Турчаниновых и Яковлева, поверенные, дали, и приготавливаются материалы, и я в полицию подал объяснение, что к строению того обруба без воли главного своего начальства приступить смелости не имею, а потому и подписи дать не могу, о чем на разрешение главному правлению и доношу сызьяснением таковым что у имеющегося ныне деревянного обруба, хотя в некоторых местах стенки и выпучило, но год другой существовать может без переправки, и если строить каменной вольными работниками, то коштование будет по замечанию моему больше тысячи рублей.

Февраля 23 дня 1808 года

Егор Глазунов» ¹⁹.

В этом же деле содержится план дома горнозаводчика Лазарева и документы, свидетельствующие о том, что в 1808 г. достраивались хозяйственные надворные сооружения при нем. 29 октября 1801 г. после смерти своего брата Ивана Лазаревича Лазарева владельцем Пермского имения и заводов стал Иоаким Лазаревич Лазарев, в скором будущем основатель Лазаревского института восточных языков. Так что не дошедшее до нас здание на углу Орджоникидзе и 25 Октября строился как «дом на приезд» для И. Л. Лазарева.

В «Делах об отводе земельных участков для строительства жилых домов и питейных заведений в городе Перми» ²⁰ 1782—1789 гг. не встречено сведений об отводе в этот период участков «господину корнету Алексею Яковлеву» или Лазаревым, таким образом, можно утверждать, что северо-западный участок квартала 39 застраивался в самом конце XVIII – начале XIX в. Два дома в северном углу квартала, принадлежавшие первоначально наследникам С. Я. Яковлева, появились не позднее 1822 г.

¹ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. – Пермь, 1889. – С. 222.

² ПКМ. 4108(195).

³ ПГХГ. КП-23911.

ПОЛИТИКА ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ ПЕРМИ В ОБЛАСТИ БЛАГОУСТРОЙСТВА (1905—1916 гг.)

Благоустройство является одним из важнейших направлений деятельности органов городской выборной власти. Деятельность по благоустройству складывается из следующих элементов: поддержание чистоты на городских улицах, площадях, бульварах; устройство общественных садов, городских аллей, дренажных систем; развитие уличного освещения; строительство пристаней, переправ, памятников; забота о городских водных источниках; устройство водопровода и канализации; развитие транспорта. С ростом размеров города и увеличением числа его жителей благоустройство становится всё более острой проблемой городского общественного быта. В этой сфере в начале XX в. были заметны существенные улучшения. Города становились всё более похожими на европейские: строились доходные дома в несколько этажей, проводились водопровод и электрическое освещение, по улицам городов стали ездить автомобили, а городское самоуправление Перми задумалось об устройстве трамвая.

Роль городских властей при строительстве частных зданий заключалась в выдаче разрешений на строительство и контроле за соблюдением необходимых норм городской застройки. Начало XX века обогатило Пермь замечательными зданиями в стиле «модерн», сделав облик города неповторимым. По улице Сибирской, 5 (прежде Сибирская, 3а) в 1907 г. по проекту архитектора Е. И. Артёмова для купца В. И. Королёва был построен дом в стиле «модерн», ставший знаменитой гостиницей «Королёвские номера». Далее на углу улиц Осинской и Петропавловской в 1910 г. появилось двухэтажное каменное здание купцов Бр. Ижболдиных по проекту А. Б. Турчевича.

Строила и городская управа. Например, здание для Алексеевского и Нассоновского начальных училищ было воздвигнуто на улице Обвинской (25 октября) в 1911—1912 гг. в стиле «рационального модерна» городским архитектором В. В. Попатенко. Им же возведено в этот период здание Стефановского городского училища на ул. Чердынской (Клименко).

Заощение улиц придавало городам современный облик, делало удобным передвижение, способствовало поддержанию чистоты. За восемь месяцев 1905 года городская управа Перми замостила три квартала¹, в 1906 году – квартал Обвинской улицы от Екатерининской до Вознесенской², и самую грязную улицу на Заимке – Кожевенную³. Для растущего города этого было, безусловно, мало.

⁴ ПКМ 4486/15.

⁵ ПОКМ. Б/н. Опубликовано в: Терехин А. С. Пермь: очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 32-33 (вклейка).

⁶ Шквариков В. А. История русского градостроительства XVIII в. и начала XIX в. – М., 1953. – Рис. 101. В книге ошибочно подписан – «План города Вятки».

⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22345.

⁸ ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 5.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 54.

¹⁰ Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор (1815—1897), дочь корнета Алексея Ивановича Яковлева, внучка Ивана Савича Яковлева и правнучка Саввы Яковлевича Яковлева (Собакина) из известной династии уральских горнозаводчиков.

¹¹ Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми: С приложением сб. обязательных постановлений Пермской городской думы для жителей Перми / изд. Пермского губ. статист. комитета. – Пермь: Тип. губ. правления, 1898. – С. 4-5, 12.

¹² Очевидно, полуподвальный этаж здесь был учтен как полный.

¹³ Указание сторон света в документе дано не очень точно. На самом деле – с северо-запада. Так же и в остальных случаях.

¹⁴ Судя по документу, дом Попова был выкуплен железной дорогой раньше, чем дом Стенбок.

¹⁵ ГАПК Ф. 72. Оп. 1. Д. 377. Л. 9-9об.

¹⁶ Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 136-137.

¹⁷ Торопов А. Н. Система управления заводским хозяйством Яковлевых во второй половине XVIII – начале XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Уральско-го ун-та, 2004. – С. 95. – Электронное издание.

Доступ: <http://www.hist.usu.ru/dais/articles/5/Toropov.doc>.

¹⁸ Беркович А. Григорий Федотович Зотов // Муниципальный музей истории Екатеринбурга. – Электронный ресурс.

Доступ: <http://museum1723.narod.ru/library/Zotov.htm>

¹⁹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 197. Л. 42-42об.

²⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 53, 53а.

Несмотря на то, что бюджет Перми на 1907 год предусматривал сокращение расходов на замощение улиц, в Старой Слободке замостили улицу Обвинскую, планировалось замощение Большой Ямской, где был благоустроен только один квартал, примыкающий к земскому саду⁴. В 1908 году, осознав в преддверии новых городских выборов ошибочность политики по замощению улиц, дума выделила значительные средства⁵. В 1910 г. планировалось замощение кварталов Покровской и Биармской улиц. Отдалённые кварталы города, такие как Старая и Новая слободки, были менее благоустроены, чем центральные улицы⁶.

Благоустройство набережной имело большое значение для Перми, как в плане оборудования пристаней, так и обустройства места отдыха для горожан. Пермская городская управа устроила спуск к Каме, соорудив деревянную лестницу⁷, отремонтировала лестницу на откосе около взвоза с Камы на Осинский переулок⁸, заровняла территорию городского садика на берегу Камы (Козьего загона) и посыпала дорожки песком. Вместо срубленных в целях пожарной безопасности тополей посадили липы, разбили цветник, обложили камнями канавы для стока воды⁹. Городская управа обустроила кухни и столовые для рабочих лесных пристаней¹⁰.

В вопросах благоустройства Пермь нередко обращалась к опыту других городов. Например, при благоустройстве Чёрного рынка планировалось обратиться к опыту Вятки, где на рынках строились крытые деревянные галереи¹¹.

В начале XX в. в разных городах России стали возникать общества благоустройства. Они были вызваны к жизни недостаточным развитием городского быта и плохим санитарным состоянием городов. Общества собирали средства на благоустройство и разрабатывали программы его улучшения. Привлекая видных гласных городских дум, общества выражали готовность содействовать укреплению городского общественного управления. Пермь несколько отставала от других городов российской империи в этом плане, похожее общество благоустройства («Деловая группа») появится здесь только в 1915 г.

Проблема поддержания чистоты на городских улицах была в городе одной из острейших. Например, Разгуляйская площадь весной и осенью становилась непроходимым болотом¹². Непролазная грязь была у казарм¹³. Состояние улиц несколько улучшилось с 1913 г., когда в Перми начали их поливать¹⁴.

Городские улицы нередко представляли собой настоящие ловушки. В одну из канав на ул. Садовой провалился купец из Елабуги Даутов вместе с экипажем. Пострадавший жаловался на городскую

управу¹⁵. Пермские власти пытались изменить ситуацию: был устроен тротуар около нового корпуса № 4 на Чёрном рынке¹⁶, асфальтовый переход через улицу Монастырскую от здания почты до биржи и тротуар от биржи до пристани братьев Каменских¹⁷.

Расширение сети уличного освещения в Перми было намечено на 1909 г. Фонари должны были появиться и во дворах домовладельцев. К 1910 г. планировалось осветить весь город¹⁸.

В 1913 г. органы самоуправления губернии активно занимались городской планировкой и замощением улиц. Одной из причин этого была подготовка к Всероссийской выставке городского благоустройства. С началом войны средства, выделяемые на благоустройство, резко сократились, но комиссии по благоустройству при думах действовали¹⁹. Летом 1915 г. в Перми было закончено замощение левой стороны забульварного участка (Широкий-Кунгурский проулок) от Кафедрального собора до Базановской заимки. Мостовая была сделана из «дикаря» (род кварцевого серого гранита с чёрными зёрнами)²⁰.

В 1916 г. Пермское городское управление собиралось замостить целый ряд улиц в центре и на окраинах, проложить трубы для стока вод²¹. По причине военного времени планировалось устроить только один асфальтовый тротуар²². Проводились работы по электрическому освещению тех улиц, где были ещё керосиновые фонари, – в Разгуляе, Старой и Новой Слободке, на Слудке и Городских Горках²³. Работы по прокладке подземного кабеля велись с привлечением военнопленных²⁴.

Пермские жители с удовлетворением отмечали, что забульварный сад и идущие к нему дорожки стали лучше освещаться. Электрические рожки между велодромом и садом и за Сибирской заставой были исправлены²⁵.

Летом 1916 г. были завершены работы по устройству Анастасьевского городского сада напротив губернской тюрьмы. Сад обнесли решёткой на цементированных столбах и подставках²⁶. В начале августа в Перми прошла работа по заравниванию водосточных канав²⁷. Уборка городских улиц от грязи и снега практически не проводилась. По Екатерининской улице в дождь легковые и ломовые извозчики нередко отказывались ездить²⁸. Пермская дума признала на время войны вывоз снега с улиц необязательным, из-за отсутствия возчиков²⁹. Зимой 1915—1916 гг. улицы были завалены снегом, кроме улицы Сибирской, уборки нигде не было³⁰.

Таким образом, деятельность органов местного самоуправления в области благоустройства в этот период отличается ростом количества объектов этой деятельности: электрического транспорта, дру-

гих городских предприятий. Продолжалось строительство зданий разного назначения. Активно велось замощение городских улиц и площадей, особенно с 1908 до середины 1914 г.

Поддержание чистоты на улицах и площадях городов губернии было одним из самых болезненных вопросов для городских властей. Именно эта сторона деятельности вызывала наибольшие нарекания горожан. Степень чистоты на улицах напрямую зависела от благоустройства мостовых. Существенным отличием данного периода является внимание к городской эстетике (в довоенный период): в Перми устраивают фонтаны, разбивают новые парки.

В среднем на благоустройство в Перми тратилось от 1/20 до 1/15 городского бюджета. На рассматриваемом этапе к решению проблем городского благоустройства подключается общественность путем создания обществ благоустройства, что соответствовало общероссийской тенденции.

¹ ПГВ. – 1905. – 2 сент.

² ПГВ. – 1906. – 17 мая.

³ Там же. – 11 авг.

⁴ ПГВ. – 1907. – 15 марта.

⁵ Журналы заседаний Пермской городской думы за 1908 г. – С. 5.

⁶ ПГВ. – 1906. – 6 янв.

⁷ Там же. – 24 июня.

⁸ Там же. – 11 авг.

⁹ Там же. – 13 окт.

¹⁰ ПГВ. – 1905. – 20 мая.

¹¹ ПГВ. – 1906. – 10 окт.

¹² ПГВ. – 1907. – 3 апр.

¹³ Там же. – 5 апр.

¹⁴ ГАПО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 445. Л. 269.

¹⁵ ПГВ. – 1907. – 30 марта.

¹⁶ Журналы Кунгурской городской думы за 1914 г. – С. 257.

¹⁷ Там же. – С. 282.

¹⁸ ПГВ. – 1907. – 15 марта.

¹⁹ Журналы Кунгурской городской думы за 1914 г. – С. 437.

²⁰ ПГВ. – 1915. – 4 июля.

²¹ ПГВ. – 1916. – 23 марта.

²² Там же. – 5 мая.

²³ ПГВ. – 1915. – 27 июля.

²⁴ Там же. – 15 авг.

²⁵ Там же. – 9 авг.

²⁶ ПГВ. – 1916. – 25 июня.

²⁷ ПГВ. – 1915. – 3 авг.

²⁸ Там же. – 4 сент.

²⁹ Там же. – 30 окт.

³⁰ ПГВ. – 1916. – 21 янв.

ПЕРМСКИЕ АДРЕСА РОДА КУПЦА АФАНАСИЯ ЭСКИНА

В феврале 1884 г. Пермь была потрясена ужасным происшествием, весть о котором с невероятной быстротой разнеслась по городу. Купец Афанасий Эскин в ночь с 4 на 5 февраля в припадке безумия (что впоследствии подтвердила экспертиза) убил ударами кинжала четырех человек – жену, Александру Венедиктовну, свою родную сестру Елизавету, двух человек из прислуги, а затем нанес себе несколько ран, от которых 7 февраля скончался. Происшествие вызвало всеобщее сожаление как к погибшим, так и к безвинному виновнику [1].

Эскин был уважаемой личностью в Перми, другом семьи Дягилевых, главноуправляющим их имением [2], а также занимал должность товарища директора Пермского Марьинского банка [3]. Известно, что он пожертвовал в 1876 г. на строительство театра в Перми немалые для того времени деньги – 750 рублей [4].

После страшной трагедии, разыгравшейся в Перми, сиротами остались восемь детей Эскиных [5].

Эскин Афанасий Павлович

В метрической книге церкви Михайловского винокуренного завода Пермской губернии обнаружена запись: «19 октября 1851 года бракосочетались – Оренбургской губернии Мензелинский 3 гильдии купеческий сын Афанасий Павлов Эскин, православного исповедания, 26 лет, с Оханским 3 гильдии купца Никифора Акиндинова Хвостова, дочь Параскевой, православного вероисповедания, 17 лет; оба первым браком» [6]. В 1862 г. Эскин – управляющий Бикбардинского завода помещика Дягилева – уже женат вторично, на Александре Венедиктовне [7].

В Перми в собственности семьи Эскиных находились два дома по улице Торговой, приобретенных Афанасием Павловичем. Сам он, проживая с семьей в **доме Дягилева по Большой Ямской улице**, приобрел [8]:

1868, 15 марта, дом – **Торговая, 62** (2-х этажный каменный; длина дома 21 сажень и поперек 16 сажень) у пермского мещанина Петра Григорьевича Куренбина;

1876, 21 января, дом – **Торговая, 64** (2-х этажный каменный дом с магазинами, кладовыми и другими надворными строениями; длина дома 21 сажень, поперек 35 сажень) у купца Никифора Семеновича Власова.

Оба здания, стоимостью в 60 тысяч рублей [9], находились в залоге у Нижегородско-Самарского земельного банка и у горного инженера Дмитрия Ивановича Захаровского [10].

После трагической смерти Афанасия Павловича в 1884 г. опекунами над имуществом стали Аркадий Маллеев и Александр Гильков [11]. В 1894 г. в наследство вступили дети купца Эскина. В 1902 г. Венедикт, Дмитрий и Андрей уступают свою долю брату Николаю, с выплатой им компенсации [12].

Эскин Николай Афанасьевич

Старший сын купца Афанасия Павловича Эскина родился 25 июля 1868 г. в Перми. В 1888 г. окончил Пермскую мужскую гимназию, а затем Московское пехотное юнкерское училище, из которого выпущен подпоручиком в 232-й Ирбитский резервный батальон, расквартированный в Перми.

В 1896 г. поручик Эскин временно исполнял обязанности заведующего охотничьей командой, а затем его утвердили в должности батальонного адъютанта.

Революционные события 1905 года стали первым испытанием на верность присяге: 15 мая штабс-капитан Эскин командовал батальоном при разгоне демонстрации мотовилихинских рабочих, а 13 декабря – при подавлении восстания в Мотовилихинском заводе.

В 1910 г. 232-й Ирбитский резервный батальон входит во вновь формируемый 194-й Троицко-Сергиевский полк, который также расквартирован в Перми. Капитан (звание присвоено в 1906 г.) Эскин был назначен командиром 9-й роты в этот полк и командовал им до 1912 г. Помимо военной службы в Перми Эскин преподавал гимнастику в оконченной им ранее мужской гимназии, а также был избран начальником добровольной пожарной дружины города. В Перми он был удостоен наград за безупречную службу: ордена Св. Станислава 2-й степени (1907) и ордена Св. Анны 2-й степени (1911).

В 1912 г. Николай Афанасьевич получил звание подполковника и в 1913 г. перевелся в Челябинск – в 196-й Инсарский пехотный полк 49-й пехотной дивизии. В августе 1914 г. он командовал этим полком на театре военных действий Первой мировой войны. За бои с 1 по 14 октября 1914 г. был награжден Георгиевским оружием. «Его полк оборонял весьма важный боевой участок дивизии, потеря которого или хотя бы частичное его занятие противником угрожало весьма серьезными последствиями. Несмотря на жестокий огонь полевой и тяжелой артиллерии, находясь все время в окопах с нижними чинами, ободрял их личным примером храбрости и самоотвержения и не только отбил ряд настойчивых атак значительно превосходя-

щих сил противника на свой боевой участок, но и сохранил за собой наши позиции. Полк под командованием подполковника Эскина, постепенно наступая, занял часть позиций противника», – писала об этом награждении столичная газета «Русский инвалид», орган Военного министерства, 1 марта 1915 г.

В августе 1916 г. Эскин награждается орденом Св. Георгия 4-й степени. В той же газете (26 августа 1916 г.) мы находим следующую информацию об отваге Николае Афанасьевича: «20 июня 1915 г. на р. Волица, временно командуя 196 Инсарским пехотным полком, видя, что наступление на ф. Францешек роты правого боевого участка полка, под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем врага остановились и залегли, подавая личный пример мужества, неустрашимости и спокойствия, вышел под обстрелом в передовые цепи, стал во главе роты и выбил штыками противника из ф. Францешек, и занял его. Причем сам будучи тяжело ранен, строя не оставил и в продолжение 14 часов продолжал руководить действиями полка, привлекая на себя внимание и силы врага, и тем дал возможность остальным полкам 49-й пехотной дивизии выполнить возложенную на нее задачу».

Писала об Эскине и пермская пресса. Из заметки «Царская милость» (ПГВ, 24 июля 1915 г.): «Наш герой, коренной житель города Перми, полковник Николай Афанасьевич Эскин, ныне находящийся в Петрограде, на излечении раны, полученной в бою 20 июня, в правую руку выше локтя, с раздроблением кости, 22 июля при спуске крейсера «Бородино» имел счастье из уст любвеобильного Батюшки Царя получить благодарность за боевую службу и удостоился два раза принять протянутую Царскую руку и что вновь будет удостоен лицезреть Батюшку Царя в Царском Селе, куда в скором времени будет представлен». А священник 194-го Троицко-Сергиевского полка, хорошо знавший Эскина, «поставил его в ряд выдающихся героев нашей великой, доблестной армии».

После выздоровления Эскин, уже в чине полковника, назначается командиром 193-го пехотного Свияжского полка. 7 мая 1917 г. Николай Афанасьевич Эскин получил чин генерал-майора и был назначен командиром бригады 4-й стрелковой дивизии. В декабре 1917 г. герой войны Эскин стал выборным начальником дивизии – так решили солдаты, учитывая его доблесть, отвагу и трогательное отеческое отношение к нижним чинам.

1918 год – первый год советской власти, создание Красной Армии и начало репрессий в отношении русского офицерства, служившего в старой армии. Это трудное и противоречивое время вынудило вернувшегося в Пермь генерала Эскина осенью 1918 г. поступить на службу к большевикам. Его назначили начальником особых формирований при штабе 3-й Красной армии.

В декабре 1918 г. Сибирская армия Колчака подступила к Перми. Большевики начали эвакуацию. Согласно распоряжения штаба 3-й Красной армии, генерал Эскин подлежал эвакуации вместе со всеми отделами штаба. Но при следовании эшелона через станцию Пермь II Эскин сбежал со всеми сотрудниками отдела. Жил у брата Дмитрия на **ул. Соликамской, 16**, где и был вскоре арестован командованием 1-го Средне-Сибирского корпуса армии адмирала Колчака. В течение двух суток он находился под стражей, едва не был расстрелян за службу в Красной армии, но отпущен в результате заступничества общественности. отпустили, а затем генерал Эскин получил назначение командовать бригадой белой армии во вновь формируемой Пермской дивизии [13].

С отступающими войсками белой армии Эскин – генерал для поручений при штабе 1-й Сибирской армии – прошел путь через Тюмень, Петропавловск, Омск, Томск, Иркутск. Находясь в чешском эшелоне, за взятку в три тысячи рублей, он обзавелся подложными документами на имя чиновника военного времени Николая Афанасьевича Пермякова. В Иркутске был задержан и после допроса в ЧК направлен в уездный военный комиссариат, где вынесено решение: с учетом возраста и болезненного состояния уволить его от военной службы.

Первый «советский» арест последовал в 1921 г. в Томске, где Пермяков (Эскин), счетовод на строительстве Кольчугинской железной дороги, находился в командировке. Следствие продолжалось в течение года. Бывшего генерала разоблачили. Выясняли, какова роль Эскина при занятии Перми белыми в декабре 1918 г. Компрометирующих материалов не нашлось, но его все же приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Затем «в память победы Октябрьской революции» расстрел был заменен пятью годами лагерей за сокрытие фамилии и воинского звания. По амнистии Эскина освободили досрочно, признав неопасным для советской системы.

Второй арест произошел в Новониколаевске. Приговор от 22 августа 1924 г. Особого совещания ОГПУ – высылка в Туруханский край на три года (обвинение: антисоветская агитация). Ссылку отбывал в Приангарском крае, в деревне Ирпиневой, Богучанского района. Суровый климат подорвал его здоровье. В марте 1926 г. Эскин обратился с заявлением в ОГПУ с просьбой пересмотреть вынесенный приговор: «Имея преклонный возраст и страдая острой степени болезнью сердца (миокарда), каковая от здешнего сурового климата и голодного существования за последнее время значительно усилилась, я к физическому труду мало способен, а другой подходящей работы в течении четырех месяцев получить

не мог. Теперь же, при установившемся в нашей Республике правовом порядке, обращаясь к вам, как блюстителю Правосудия и Законности, с покорнейшей просьбой рассмотреть мое дело, так как я, видимо, был арестован и сослан по какому-то злому доносу». Прошение было удовлетворено, он получил право «свободного проживания по СССР». Эскин поселился в Новосибирске, работал счетоводом на железной дороге, в тресте «Кузбассуголь», «Горстройпроекте» и «Горводоканале».

В 1931 г. Эскин вновь подвергнулся аресту по подозрению «участия в организации генерала Болдырева», но по невыясненным обстоятельствам был освобожден.

Страшный 1937-й год не обошел бывшего генерала стороной – 29 апреля он был арестован по обвинению в участии в японо-эсеровской террористической организации. Герой Первой мировой войны генерал Николай Афанасьевич Эскин был приговорен 18 августа 1937 г. тройкой УНКВД по ЗСК к высшей мере наказания и через шесть дней расстрелян. Реабилитирован 15 января 2002 г. [14].

Итак, после трагической гибели отца – купца Афанасия Павловича Эскина, Николаю Афанасьевичу достались по наследству два дорогих дома в квартале № 135 по ул. Торговой, 62 и 64, оцененных в 1911 г. в 53820 рублей [15].

Ул. Советская (Торговая), 64 – старое 2-х этажное здание Перми, украшающее город. До революции здание было известно как Торговый пассаж № 2, входящий в ансамбль Черного рынка. В этом доме будущий генерал Эскин проживал с 1909 г. Часть дома сдавалась под пивной склад братьям Александровым, часть – под универсальный магазин купцам Агафуровым. Существует дореволюционная почтовая открытка с видом магазина Агафуровых [16].

В феврале 1919 г. на втором этаже здания размещался Восточный Мусульманский клуб, где ставились спектакли с концертным отделением, а по окончании – танцы [17].

В советское время в доме размещались: контора Добровольного флота, Пермское отделение Уральско-Сибирского ГУМа, затем молочный завод, магазин «Детский мир» (быв. Торгсин). Позднее множество различных организаций [18]: «Пермская» производственная лаборатория молочной промышленности (2001—2008 гг.), продовольственный магазин «Старая площадь» Пермского мясокомбината, ателье школы «Миф», офис представительства Белогорского Свято-Николаевского монастыря, ЗАО «Инкоцентр», ООО Строительно-монтажное научное управление «Комплекс», ООО «Лавренчук и парт-

неры», страховая медицинская компания «Медведь ЛК», миграционная служба Пермской области, «Перммоллпром», «Пермхиммонтаж», отделение общественного фонда «Центр качества строительства», редакция издания «Досуг и услуги», мебельный салон (выставочный зал).

В 2008 г. по этому адресу находились: Агентство содействия инвестициям Пермского края; Афиша-медиа, МедФармКонсалтинг, Краевое информационное объединение, Пермский областной фонд социальной поддержки населения, Фонд имущества Пермского края, туристическое агентство «Эль Камино».

Ныне в здании расположены приемные уполномоченного по правам человека и представителя президента РФ в Пермском крае, органы опеки и попечительства Перми, гастроном (ИП Козлова Д. В.), Фонд социальной защиты населения.

Ул. Советская (Торговая), 62. В 1909 г. на втором этаже этого дома были открыты двухклассное мужское училище и бесплатные вечерние курсы для мужчин от 16 лет и старше. В 1917 г. открылось Пермское женское начальное училище. В 1933 году – кооперативный техникум; магазин Уралторга № 1. Много лет, до 1988 г., в доме располагалось протезно-ортопедическое предприятие, позднее – множество различных организаций [19]: общежитие Пермского государственного педагогического университета, существующее и ныне [20], компания «Практика», магазин «Мебель», туристическая компания «Пилигрим», компания «Принт», группа предприятий «Доступное жилье».

В пристрое на втором этаже, выходящем на ул. Советскую (где ныне расположены магазины модной одежды), в 1960—1965 гг. здания жил артист балета, педагог, заслуженный артист РФ Геннадий Гараевич Малхасянц (1937–2008), удостоенный в 2000 г. звания «Выдающийся деятель пермского балета XX столетия» в номинации «характерный танец» [21].

11 ноября 1918 г. в 11.00 по средневропейскому времени (15.00) вступило в силу перемирие на Западном фронте, и с тех пор во всем мире 11 ноября отмечается как день окончания Первой мировой войны и день памяти жертв этой войны. Именно в этот день – 11 ноября 2009 г. – в 15.00 в Перми произошло знаменательное событие. На **старом воинском участке Егошихинского кладбища** состоялось открытие памятника участникам Первой мировой и Гражданской войн. В том числе были отданы воинские почести и единственному генералу-пермяку того времени, герою Отечества Николаю Афанасьевичу Эскину.

Эскин Дмитрий Афанасьевич

Младший сын купца Афанасия Павловича родился в 1878 г. В 1896 г. окончил Пермскую мужскую гимназию и поступил в Петербургскую военную академию. В 1897 г. перевелся на первый курс медицинского факультета Казанского университета. Учился на средства брата Николая. После окончания университета в 1903 г. был оставлен ординатором клиники госпитальной хирургии у профессора Прокоина, у которого ранее специализировался.

В период русско-японской войны Эскин был мобилизован, служил ординатором Симбирского лазарета Красного Креста. По окончании войны в июле 1905 г. вернулся в Казань на прежнее место, к профессору Прокоину.

В августе-октябре 1908 г. Эскин занимал должность земского врача в г. Осе Пермской губернии до перевода его в Пермь ординатором хирургического отделения **Александровской больницы (ул. Вознесенская, 95, ныне Луначарского, 95)** губернского земства [22].

Кроме работы в больнице вел частный «прием больных от 4 до 15 ч. вечера по адресу **Торговая ул. 41, д. Керженцевой** (болезни хирургические, уха, носа, горла и полости рта)» [23].

В мае 1914 г. Конференцией Императорской военно-медицинской академии Д. А. Эскин удостоен степени доктора медицины [24].

В годы Первой мировой войны Дмитрий Афанасьевич был мобилизован и 17 августа 1914 г. отправлен младшим врачом с лазаретом Красного Креста на 200 коек, состоящего из 6 классных и 2 товарных вагонов [25]. Через некоторое время его отправили на Западный фронт в Седлец старшим ординатором госпиталя. Получив повышение, он был переведен в Белорецкий передвижной лазарет.

На фронте Дмитрий попал в плен, но через две недели был отбит своими частями. После освобождения он – врач 219-й пехотного полка, затем главный врач 55-й дивизии. За добросовестную службу его повысили и назначили главным врачом перевязочного отряда 170-й пехотной дивизии, который он формировал с февраля по октябрь 1917 г., находясь в Москве.

После Октябрьского переворота Эскин вернулся в Пермь и работал старшим врачом 191-го госпиталя до своего увольнения большевиками в апреле 1918 г. [26] После увольнения вновь заведовал хирургическим отделением Александровской больницы, занимался частной практикой, вел бесплатный прием пациентов. Проживал на **ул. Соликамской, 16** – в доме Зинаиды Кашперовой [27].

При уходе красных из Перми, как специалист, подлежал эвакуации. Но на станции Пермь II покинул поезд и отправился домой, а затем спокойно продолжил работу в больнице. Не эвакуировался и

с белыми. После ухода белых Дмитрий Афанасьевич Эскин был единственным хирургом в Перми, занимался частной практикой – приемом больных на дому [28].

8 сентября 1919 г. по доносу он был арестован, но за недостаточностью улик освобожден [29].

В 1920—1922 гг. Д. А. Эскин – преподаватель медицинского факультета Пермского университета, заведующий кафедрой оперативной хирургии.

В начале 1923 г. во время сложнейшей операции (трепанация черепа) скончался пациент Эскина – член Мотовилихинского райкома ВКП(б) Владимир Шумайлов. Эскин и с ним еще 15 человек были арестованы, их обвинили в смерти партийного работника. 7 мая 1923 г. на квартире Эскина был произведен обыск, во время которого изъято 80 фотографий (альбом), 20 листов переписки и телефонный аппарат фирмы Эрикссон. 20 июля 1923 г. Дмитрия Афанасьевича приговорили к двум годам высылки в Оренбургскую губернию. Дальнейшая его судьба неизвестна [30].

Маллеев Аркадий Александрович

Зять Афанасия Павловича Эскина и один из опекунов над имуществом тестя после его трагической гибели. Бракосочетание 27-летнего Аркадия Александровича Маллеева и 18-летней Ольги Афанасьевны Эскиной происходило в Градо-Пермской тюремной центральной пересыльной Николаевской Богородице-Скорбященской церкви в 1875 г. Это был второй брак Аркадия Александровича. Поручителями при венчании были коллежский советник Павел Дмитриевич Дягилев и мировой судья Михаил Павлович Дягилев [31].

А. А. Маллеев – потомственный дворянин Самарской губернии, видный земский деятель, действительный статский советник, председатель попечительного совета Александровской женской гимназии.

Обучался в Пермской гимназии, но курса не окончил. 27 октября 1864 г. поступил на службу в Пермскую палату уголовного и гражданского суда. С 31 марта 1865 г. – в канцелярии пермского губернатора, а 5 июня того же года перешел в казенную палату. В 1871 г. был назначен попечителем 5-го гигиенического участка, учрежденного губернским комитетом общественного здоровья для содействия к прекращению холеры. В 1873 г. избран членом учетного комитета Марьинского банка и назначен старостой пересыльной тюрьмы.

С 1874 г. в течение трех четырехлетий – гласный городской думы, в качестве такового избран товарищем директора Марьинского банка, а в 1879 г. избран членом городской управы и заступающим место городского головы. В этом же году он избирается почетным мировым судьей и попечителем 5-го мужского народного училища.

В 1880 г. Маллеев начал земскую службу, будучи председателем Пермской уездной земской управы; в том же году избирается членом попечительного совета женской прогимназии, впоследствии Александровской гимназии.

В 1883 г. он уже член губернской земской управы и заступающий место председателя этой управы.

В 1888 г. А. А. Маллеев возвратился в уездное земство, так как был избран председателем этой управы, и состоял в этой должности до 1906 г., когда от дальнейшего избрания отказался.

В 1887 г. Аркадий Александрович участвовал в приветственной встрече Великого князя Михаила Николаевича на Сибирско-Уральской выставке в Екатеринбурге, а в 1891 г. – в приветствии Наследника цесаревича Николая Александровича.

За свою многолетнюю и разнообразную деятельность А. А. Маллеев был награжден орденами: Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени [32].

Он состоял членом многих общественных организаций: Пермского губернского попечительства детских приютов, Комиссии для пособия переселенцам из внутренних губерний России в Сибирь; был членом-сотрудником Комитета Пермского дамского попечительства о бедных, председателем Пермского отделения Российского общества покровительства животным, действительным членом губернского статистического комитета; попечителем училища слепых; Общества попечения об освобожденных из мест заключения, губернского земского собрания, губернского комитета попечительства о народной трезвости, Пермского городского по налогу с недвижимых имуществ присутствия, Пермского общественного пожарного комитета, Пермского отделения государственного банка, попечительного совета Мариинской женской гимназии; был членом ПГУАК, попечительного совета Пермской торговой школы, местного управления Российского общества Красного Креста, попечительного совета гимназии Л. В. Барбатенко, и др.

Аркадий Александрович Маллеев скончался 4 октября 1914 г., 67 лет, от порока сердца [33]. Сообщение о кончине и погребении 7 октября на Архиерейском кладбище в газете «Пермские губернские ведомости» подписано женой Ольгой Афанасьевной, детьми и внуками [34].

На заупокойном богослужении в Воскресенском храме присутствовали представители уездного и губернских земств, общественного управления во главе с городским головою, члены городского пожарного комитета, представители учебных заведений и родительских комитетов. В похоронной процессии также участвовали учащиеся гимназий; выезжала отдать последний долг и пожарная команда первой части города.

Маллеевы владели домом в квартале № 165 – на углу Сибирской и Солдатской улиц, 78/14, оцененном в 1911 г. в 3240 рублей [35].

В Перми на бывшем погосте Спасо-Преображенского кафедрального собора (где ныне расположен зоосад) погребены герои нашей статьи: **Афанасий Павлович Эскин**, его жена **Александра Венедиктовна**, его родная сестра **Елизавета Павловна**. Здесь же погребены его зять **Аркадий Александрович Маллеев**, а также поручители при бракосочетании дочери Афанасия Павловича Эскина **Ольги Павел Дмитриевич Дягилев** и его сын **Михаил Павлович Дягилев** [36].

1. ПГВ. – 1884 – 8, 15, 22 февр.
2. «Смерть Эскина обнаружила большую запутанность в делах. Крупные затруднения, вследствие которых Дягилевым приходится выложить 50000 р. экстренно». (*Дягилева Е. В.* Семейная запись о Дягилевых. – Пермь. 1998. – С. 201).
3. Календарь Пермской губернии на 1883 год. – Пермь, 1882. – С. 66.
4. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 619об.
5. Антонина (род. 04.03.1862, с. Бикбарда), в замужестве Шебенина; Анна (род. 13.02.1866, Пермь); Александр (скончался до 1902 г.); Андрей (род. 04.09.1876, Пермь), выпускник Пермской гимназии 1895 г.; Павел первый (род. 22.07.1875); Павел второй (янв. 1877 – 07.03.1877); Павел третий (19.07.1878 – 07.12.1878); Ольга, в 1875 году (18 лет) вышла замуж за потомственного дворянина, губернского секретаря Маллеева Аркадия Александровича; Венедикт (18.08.1872, Пермь – 15.11.1914, Пермь), в 1896 г. женился на незаконнорожденной Агрипине Сукрышевой, Соликамского уезда, Пожевской волости, мастеровой девице; Николай (25.07.1868, Пермь – 24.08.1937, Новосибирск), генерал-майор Русской армии; Дмитрий (род. 1878), врач-хирург.
6. ГАПК. Ф. 37. Оп. 3. Д. 81а. Л. 117об.
7. Там же. Д. 32. Л. 25об.
8. ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 405. Л. 8; Куренбин Петр Григорьевич, в 1863 г. купец 3-й гильдии, подрядчик, домовладелец (ул. Торговая, 58 и 101).
9. ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.
10. Захаровский Дмитрий Иванович (?– 15.07.1901, Пермь), казначей (1891) Пермского отделения Императорского технического общества; член (1895) совета Кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства, горный инженер, надворный советник, владелец губахинских каменноугольных копий. Мать: Александра Николаевна; жена: Александра Дмитриевна; сыновья: Владимир, Иван (род. 22.01.1888).
11. ПГВ. – 1884. – 15 марта.
12. ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 405. Л. 8.
13. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12909. Л. 28.

14. Папков С.А., Симонов Д. Г. Генерал Эскин – герой отечества и «враг народа» // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Вып. 2. – Новосибирск, 2008. – С. 570-575; Книга памяти Новосибирской области. <http://lists.memo.ru/index28.htm>.

15. Ведомость о городских недвижимых имуществах гор. Перми, подлежащих обложению в 1911 г. налогом и сборам по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думою. – Пермь, 1911. – С. 42.

16. Овсянников А. И., Поляков Ю. М. Губернский город Пермь на иллюстрированной почтовой открытке: 1899—1917. – Екатеринбург, 2005. – С. 164. (Ошибочно указан адрес дома – ул. Советская, 62).

17. Освобождение России, Пермь. – 1919. – 26 февр.

18. Пермский телефонный справочник. – Пермь, 2001. – С. 174; Желтые страницы: Пермский край. – Пермь, 2007, 2008.

19. Список абонентов пермской городской телефонной сети. – Пермь, 1979. – С. 137; То же. Пермь, 1987. – С. 197; Желтые страницы: Пермский край. – Пермь, 2007, 2008, 2009, 2010; Пермский телефонный справочник. – Пермь, 2001. – С. 182; Желтые страницы: Пермский край. – Пермь, 2008. – 330, 447.

20. Желтые страницы: Пермский край. – Пермь, 2007, 2008, 2009, 2010.

21. Из личной беседы с мастером во время его приезда в Пермь на вечер «Прощание с XX веком», организованный обществом «Арабеск» в Пермском театре оперы и балета.

22. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12909. Л. 2, 22.

23. ПГВ. – 1914. – № 25.

24. ПГВ. – 1914. – 17 мая.

25. Адрес-календарь Пермской губернии на 1915 год. – Пермь, 1915. – С. 81.

26. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12909. Л. 24.

27. ГАПК. Ф. р-756. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

28. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12909. Л. 18.

29. По доносу, в котором говорилось, что «Д. Эскин считает Советскую власть временной, а Ленин и Троцкий – дураки». На одном из допросов он заявил: «Если я арестован, то завтра сдохнут 25 красноармейцев».

30. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12909. Л. 5, 46, 49.

31. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 319. Л. 557об, 558.

32. ПГВ. – 1914. – № 233.

33. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1055. Л. 158об, 159.

34. ПГВ. – 1914. – № 232.

35. Ведомость о городских недвижимых имуществах гор. Перми, подлежащих обложению в 1911 г. налогом и сборам по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думою. – Пермь, 1911. – С. 30.

36. Голубцов В. В. Пермский некрополь. – Пермь, 2002. – С. 54-55, 110-111.

«ПОД ПЕРМСКИМ НЕБОМ – РЫКАНЬЕ ЛЬВА!» ИСТОРИЯ ПЕРМСКОГО ЦИРКА

Со стороны кажется – история нашего цирка веселая-превеселая. Нет, она разная. Изучать ее тоже непросто. Взять хотя бы проблему источников. По этой теме отложилось очень немного документов и фотографий в пермских архивах, и в основном они касаются ныне существующего здания. Зато есть богатый музей в самом цирке. Знакомство с его экспонатами, изоматериалами (старыми снимками, афишами, программками, вырезками из периодических изданий и т. д.) позволило мне составить представление о том, как выглядели предшествующие строения, и отчасти проникнуться «духом арены». Плюс подшивки «Пермских губернских ведомостей», «Звезды», других газет, из столетия в столетие публиковавших объявления о цирковых гастролях, заметки, интервью с артистами и руководством цирка. В последнее время появился значительный пласт интернет-источников. К примеру, сайт <http://www.circus.perm.ru>. И, наконец, личные контакты.

Пьянство, примитивно-грубые развлечения, жизнь «безотрадная и беспросветная», чуть ли не главное массовое зрелище – публичные экзекуции – скорбел местный бытописатель середины – второй половины XIX века¹. А души простых пермяков требовали ярких впечатлений. Их с лихвой давал самый доступный и понятный всем, от мала до велика, вид зрелища – цирковой.

Исторически первый вид «циркачества» – скоморошество – Прикамье почти не познало. Разве что отдельными «заходами». Скоморохи – одновременно музыканты, певцы, танцоры, дрессировщики животных – в XVIII столетии стали постепенно исчезать. Зато здесь, как и по всей России, появились более созвучные новой эпохе балаганы, вертепы, райки, а также шарманщики, они же – гадальщики с «учеными» (дрессированными) морскими свинками или говорящими попугаями. «...Лишь только наступит вечер, как они (шарманки – А. К.) принимаются ныть, выть, пищать, хрипеть и скрипеть... Одна старается изобразить марш «Под двуглавым орлом», причем время от времени как-то странно всхлипывает, другая – отжаривает какую-то залихватскую польку, ежесекундно сбиваясь с такта и останавливаясь, третья заунывно тянет вальс «Дунайские волны», с какими-то курьезными вариациями, четвертая... «запузыривает камаринского», с сопровождением ударов в бара-

бан...»². Шарманщики просуществовали до 1900-х годов, и ушли в невозвратное прошлое только с появлением граммофона и кинематографа. Что являл собой балаган? Это было временное деревянное здание для представлений, получившее распространение на ярмарках и народных гуляниях. Он обычно сколачивался из досок – «горбыля». Набранная из жердей крыша (смотря по состоянию балаганщика) обшивалась парусиной, рядиной (толстым холстом) или старыми дерюжными мешками. Внутри огораживалась прямоугольная (позже – круглая) площадка, посыпаемая притоптанной соломой, песком, (опять-таки позже – опилками). По краям ставились столбы с железными кронштейнами для масляных (затем – керосиновых) ламп, которые и освещали, и согревали; кроме того, на них разогревали пищу, от них прикуривали трубки и «козьи ножки». В зрительном зале устанавливались простые, грубо сколоченные скамейки. Передние низко, задние же иногда так высоко, что сидящий не доставал ногами пола. Перед входом в балаган строился помост-раус. С него выступали зазывалы, демонстрировались фрагменты номеров³.

Балаганные представления обычно устраивались на масленицу, в Троицын или Петров день.

Первое из дошедших до нас упоминаний о собственно цирковых представлениях в Перми относится к августу 1877 года. «Пермские губернские ведомости» поместили кратенькое рекламное объявление: «Ежедневно с 10 часов утра до 10 часов вечера во вновь устроенном балагане на театральной площади будет представляться четыре контраста в мире, до сих пор ещё не виданные и очень интересные для всех».

Отсюда только шаг до шапито (от фр. *chapiteau*) – разборной конструкции из мачт и натягиваемого на них полотна (парусины, брезента) шатра. Яркого. Пестрого. Манящего.

Впервые пермяки побывали под его куполом в 1884 году, когда на гастроли (после Нижнего Новгорода, Казани и Вятки) приехала труппа обрусевшего итальянца Максимилиана Труцци. Наездники на лихих конях, акробатика и жонглирование, «икарийские игры», музыкальные номера, пантомима, клоунада... В «Летописи губернского города Перми с 1845 года по 1890 год» известного историка Урала А. А. Дмитриева сообщается: «Публика охотно посещала представления. Цирк Труцци собирал хорошие деньги». Кстати, о публике. «Цирк посещает преимущественно купечество и среднее сословие пермской публики» – свидетельствовал краевед В. С. Верхоланцев⁴. Действительно, «циркманами» являлись

даже такие гильдейские «тузы», как М. М. Камчатов, Ф. И. Подосенов, П. А. Рябинин, И. Н. Суслин⁵. Добавим сюда мелких чиновников, конторщиков, прислугу, пристанских грузчиков, мастеровых, окрестных зажиточных крестьян. С детворой. Соответственно – нравы. В отличие от театра, в цирке можно было комментировать происходящее, вступать в шуточные диалоги с действующими лицами, лузгать семечки, курить...

Встал вопрос о строительстве в губернском центре стационарного цирка. Тем более, что в Екатеринбурге таковой на 900 мест построили еще в 1883 году. Дощаное здание, по существу – огромный сарай в форме подковы, с раусом и навесом над входом, наскоро возвели на Сенном рынке по ул. Екатерининской (ныне – Большевикская, где музыкальный колледж). Место удачайшее, по соседству с рядами торговых прилавков и балаганов – сенных, дровяных, щепных, москательных, одежно-обувных, «обжорных». Время – тоже. Гастроли приурочивались к ярмаркам и праздникам. «Достойное воздаяние толпе, вожделеющей хлеба и зрелищ!» – саркастически восклицал по этому поводу бытописатель.

Летом 1896 г. там выступал знаменитый В. Л. Дуров с дрессированными животными. На следующий год – труппа И. Р. Боровского, труппа дагомейцев, снова Труцци и снова Дуров... Практически ни одного сезона без гастролей. В промежутках – то выступления хора лилипутов, то балалаечники, то зверинец, то музей восковых фигур, то «хождение по канату с подносом на голове, на котором был кипящий самовар», то «дебют знаменитого австралийского военачальника, генерала армии туземцев мистера Гибсона», то «свансы магии Роберта Ленца»⁶... Лето 1897 года. «...По ночам... пустынные пермские стогны оглашаются потрясающими, громopodobными монологами царственного трагика – африканского льва с Сенного рынка. Какая жестокая насмешка судьбы! Владыка зверья, гроза и ужас Сахары – гастролирует в клетке... в какой-то Перми! Под пермским небом – рыканье льва!»⁷

Год спустя. Пародия клоуна Криса (П. Крестова) на местные нравы: «Клоун, выдавая себя за пермского обывателя, рассказал историю о том, как дантист рвал у его жены зуб и вместо него вырвал... язык, который оказался длинным. Дантист в отчаянии, а супруг на седьмом небе, горячо жмет ему руку и кладет в нее 50 рублей. «Спасибо, друг, теперь в Перми будет меньше сплетен!» Цирк задрожал от грома аплодисментов и криков «Молодец, браво!»... Действительно, пермские сплетни – самая бьющая и непреходящая злоба дня. Сплетничают везде, но в Перми это культ, высоко усовершенствованное искусство»⁸.

В 1899 г. доверенный товарищества цирка под управлением А. Сур ходатайствует о разрешении установки в нашем городе временного цирка под парусиновой крышей. Городские власти отвели место поблизости от городского бульвара. Государственные органы власти считали зрелищные предприятия и народные гулянья одной из статей дохода и стремились взять их под контроль. В циркуляре министра финансов предлагалось относить все зрелищные балаганы к елочным торговым заведениям и взимать с них соответствующие налоги и сборы. Городское управление взимало с антрепренеров значительную земельную пошлину. Между тем, здание быстро ветшало. Крыша текла, сквозь щелястые стены проникали сквозняки и взоры «халявщиков». Несколько раз случались возгорания от ламп, железных печей и жаровен. Посему, весной 1905 г. его – с подачи только что избранного городского головы Рябинина – продали на слом, а на Дровяной площади – угол улиц Садовой (ныне ул. Революции) и Кунгурской (ныне – Комсомольский проспект) был построен временный «дощаник». Первое представление в нём состоялось 14 апреля.

Два года спустя «Пермские губернские ведомости» сообщили: «В воскресенье состоялось открытие цирка Коромылова. Публики было множество, и цирк был переполнен. Здание... устроено очень хорошо, прочно, капитально, так сказать, и крыто железом. Строил цирк г. Баканин, которому город сдал место в бесплатное пользование на 4 года с тем, что по истечении этого срока здание поступит в собственность города. Вся постройка, как слышно, стоила Баканину свыше 5000 рублей. Затраченную сумму он рассчитывает выбрать с цирковых антрепренеров, взимая по 500 рублей в месяц. При цирке устроено просторное помещение для буфета, который арендует госпожа Казначеева»⁹.

В нем все пошло по накатанной: труппы – гастроли за гастролями, концерты, «куриозы» вроде волосатой женщины, дуэта китайцев-юмористов «Чу и Фу»... Возникло новое увлечение – коверной борьбой. В Перми каждый раз, «волей случая», проводились «все-европейские» и «мировые» «чемпионаты». (Жалели, что не в Перми, а Екатеринбурге в 1911 г. состоялся «дамский чемпионат французской борьбы»). На арену выходили «знаменитости» вроде «чемпиона Азии Али Бурхана», «непобедимой Черной Маски», немцев Поля Абса и Густава Моора. Выступал и настоящий золотой медалист, чемпион мира Сергей Елисеев. Была даже местная знаменитость – крючник (пристанский грузчик) Петр Овчинников. «Пермс-

кие губернские ведомости» называли его «травленным зверенышем», «медведем сиволапым», «тюленем»¹⁰... А он – приземисто-сутуловатый, но жилистый и хваткий – на радость землякам клал на лопатки одного «чемпиона» за другим. Ему сулили великое будущее, столичные манежи. Вокруг увивались толпы поклонников. Они-то его и споили, а потом, как это водится, забыли.

До сих пор остается полузабытым еще один наш, некогда знаменитый земляк – молотобоец Павел Банников по прозвищу Ванька Каин. Падкая на сенсации пресса не скупилась на самые фантастические «подробности»: «Особый интерес вызвало появление на арене нового геркулеса-монстра Ивана Каина. Высокий ростом, с огромной круглой спиной, с какими-то узловатыми ногами и головой, похожей на самую фантастическую карикатуру, он кажется чем-то необычным даже среди тех полуатлетов-полугорилл, в которых превращаются профессиональные борцы двадцатого столетия». Журналюги зачислили его в бывшего каторжника с Сахалина, сообщили о том, что он давил медведя и несколько борцов. В 1912 г. Банников по результатам своих побед стал чемпионом Европы. Вскоре отправился на гастроли в США и Южную Америку. Произвел фурор и... умер от дизентерии.

Билеты стоили недешево, и «зайцы», усеивая куполообразную крышу, любовались представлениями через щели и специально проделанные дыры. Кое-кто еще и прибыль норовил извлечь: «Недурно устроились... любители-пенкосниматели из мужиков... Когда на представления в цирке пускают дам бесплатно (только в сопровождении с кавалерами. – А. К.), они... вводят поодиночке кучу баб по оторванному кусочку билета за гривенник-пятиалтынный; таким манером «любители» наколачивают за вечер рублик-другой. Просто и выгодно. Поди-ка проследи, свою и единственную бабу ведет или всех с улицы... главное, тратишь пустяки, а выгребаешь сто на один; да еще вдобавок и в [полицейский] участок не так легко попадешь...»¹¹.

Первая мировая война, две революции, Гражданская война обусловили упадок цирковой деятельности. Летом 1918 г. издается постановление Пермского Совета о конфискации цирка и назначении его директором прежнего владельца – А. Г. Коромылова. С приходом колчаковцев он восстановил свои частновладельческие права, устраивал представления, сбор от которых частично шёл в пользу «освободителей», выдавал контрразведке людей, сочувствующих большевикам. Когда Красная Армия заняла Пермь, Коромылова расстреляли¹².

В 1919 г. большевистское правительство издало декрет о национализации цирков. В городе несколько раз выступали труппы, подведомственные Главному управлению цирками РСФСР. В остальное время Пермский цирк влачил жалкое существование. Его помещение то и дело использовалось под временный склад – сена, дров, стройматериалов. Оживление началось с нэпом. Повалила обновленная публика, изменился репертуар. В 1923 г. сравнительно не старое здание пришло в такое состояние, что эксплуатировать его стало просто опасно. Оно «поехало» – покосилось. Пришлось разбирать и его. А затем, в 1924 году, строить временное здание на Сенной площади (там, где ныне «зады» главных корпусов технического университета)¹³.

Цирк передали трудовому коллективу. Руководителем и, по совместительству, бухгалтером назначили Б. Ю. Кухаржа¹⁴.

Первый «зимний» цирк построили в 1927 г. в Рабочем поселке силами работников Мотовилихинского завода, в основном – молодежи на субботниках. С общежитием для артистов, гримерными, помещениями для животных, и хозяйственной «подсобкой»¹⁵. Через три года ему присвоили название «имени Премудрова» – в честь директора Мотовилихинского завода. 11 августа 1937 г. П. К. Премудров, как «враг народа», подвергся аресту, и цирк опять стал безымянным¹⁶. Газета «Звезда» от 19 июля 1927 г.: «Позавчера закончилась лихорадочная, напряжённая стройка, ведшаяся американским темпом. Внушительное здание цирка вместимостью на 1500 человек было построено в 11 дней. В воскресенье, в ещё неотделанном, но залитом светом и переполненном публикой здании, цирк начал свою работу. Цирк, прошедший в последние столетия стадию бродячего балагана, имеет такую же большую и богатую историю, как и театр. И, несмотря на то, что цирк несколько односторонен в приёмах своего творчества и потому медленно эволюционирует, он, безусловно, занимает равное и почётное место среди других видов искусств».

До 7 ноября 1929 г. зрители добирались до цирка пешком. Пролетая мимо него трамвайная линия значительно облегчила и ускорила дорогу. В 1934 г. перед входом в цирк был установлен памятник борцам за власть Советов.

В ноябре 1940 г. в здании провели капитальный ремонт и перепланировку. Появились три буфета, в фойе перед началом представлений организовывались танцы.

Среди ярких цирковых фигур того периода, навестивших наш город, были иллюзионист Эмиль Кио, эквилибристки на двойной проволоке сёстры Кох, велофигуристы под управлением Жюля

Морено, укротитель львов Б. А. Эдер, акробаты-прыгуны труппы «Океанос» под руководством Л. С. Александрова-Сержа. Пусть без «всемирной» помпы, проводились матчи классической французской борьбы. В них принимали участие борцы В. Л. Боровских, А. З. Калишевич, «Яков Цыган» и другие.

Грянула Великая Отечественная война. Казалось бы, не до развлечений. Однако именно тогда тяга к ним возросла многократно. Из мемуаров артиста-манипулятора И. К. Симоновского узнаём: «Я получил указание Управления государственными цирками поехать на гастроли в молотовский цирк, чтобы поднять энтузиазм труженников тыла». Действительно, «...после посещения циркового представления у нас... поднималось настроение, да и работалось... веселее», – вспоминал старожил А. И. Дмитриев¹⁷. А что говорить о раненных воинах, узбекских и таджикских труженниках, прибывших в Прикамье по мобилизации, эвакуированных детей-воспитанниках детских домов и интернатов. С арены звучала едкая сатира на гитлеровских вояк, прославлялись подвиги наших воинов. Давались шефские представления в госпиталях, перечислялись средства на бомбардировщик «Советский цирк»¹⁸.

Судя по помещенной в «Звезде» рекламе, с 26 августа 1941 г. гастролировали аттракцион «Китайский цирк под руководством Ван Ю Ли», «акробаты на верблюдах Кадыр-Гуляма» и другие. Выступали канатоходцы Тихоновы, акробаты на подкидной доске Павловы, в номере «Лев на мотоцикле» – Ирина Бугримова и Василий Буслаев.

Полны противоречий свидетельства о том, как и когда сгорело цирковое здание. Дмитриев пишет: «...В ночь на 24 января 1942 года в цирке произошел пожар. Львов пришлось пристрелить прямо в клетках. ...На этом же самом месте был построен цирк-шапито с брезентовой крышей, а в июле 1943 года цирковые представления начались вновь»¹⁹. Старожилу изменила память. Трагедия произошла ровно годом позже. Вот трактовка автора статьи, опубликованной в № 8 за 1959 г. журналом «Советский цирк»: «Осман был сильный и строптивый зверь и доставлял много хлопот дрессировщику, пока несчастный случай, происшедший в 1943 году в Пермском цирке, не изменил его характер. Ночью... неожиданно начался пожар. Когда Макс Борисов прибежал из дома на конюшню, пламя уже пожирало здание, реквизит артистов, обезумевших лошадей и зверей. Дрессировщик бросился в огонь. Из всей своей звериной труппы он нашел живым лишь

ушибленного и обожженного Османа. Сильный Макс вытащил из огня своего питомца и на руках, как ребенка, принес его на квартиру. Сначала хозяева, увидев льва, испугались, но потом успокоились, заметив, что он умирает. Двое с половиной суток Осман ничего не ел и не пил. Все думали, что лев умрет. Но вот он попросил пить. О, как обрадовался укротитель! Точно заботливая нянька, выхаживал он запеленутого в бинты льва, кормил его и делал ему перевязки. Прошел месяц. Лев стал ходить по комнате, начал обрастать шерстью. А спустя некоторое время Макс Борисов вышел работать на манеж цирка с новой группой зверей. Среди них был и лев Осман. Могучий и ловкий, он оброс новой гривой и сделался еще красивей».

Цирковые коллективы вынуждены были работать в цирках шапито, которые устанавливались у входов в центральный колхозный рынок и Горьковский парк, на площади Дружбы. Приехав в Пермь в 1976 году, я застал лишь первый из них; там выступали мотоциклисты-каскадеры.

Нынешнее стационарное здание цирка заложили в 1960 году, когда правительством СССР было принято решение о строительстве в стране 20 типовых цирков, называемых в народе «фуражками», по проекту архитектора М. И. Футлика²⁰. Закончили через целых 10 лет.

Зрительный зал представляет собой амфитеатр высотой 18 метров. Состоит из 22 рядов, вмещает 2 247 человек. Здание располагает многочисленными «костюмерками», помещениями для животных и реквизита. Рядом – гостиница (Дом артиста). Первым директором стал Ю. Б. Александровский.

8 августа состоялось первое представление для строителей треста № 14 (эта дата и стала днем рождения нового пермского цирка). Стартовая программа – аттракцион И. Рубана, в котором были собраны несовместимые, на первый взгляд, животные: тигры, пантеры, лев, белый и бурый медведи.

При Ю. Б. Александровском цирк был постановочным (таковых в стране было всего 12). Первый режиссер цирка – Р. Алиев, затем А. Ди-Машио, И. Тернавский (нынешний руководитель Пермского театра кукол), Б. Мильграм (ныне – краевой министр культуры, массовых коммуникаций и молодежной политики).

Их программа «Бумбараш» стала лауреатом I премии на всесоюзном конкурсе; «Горская легенда» объездила весь мир, была удостоена Государственной премии. На пермском манеже были подготовлены и имели успех аттракцион заслуженного артиста

РСФСР Г. Минасова «Медвежий бенефис» – редкий синтез дрессуры и иллюзии; один из известнейших аттракционов «Факел» под руководством лауреата всесоюзных и международных конкурсов, заслуженного артиста А. Херца. Запоминающимся подарком к юбилею Победы в 1985 г. стал спектакль «В семь часов вечера после войны», получивший II премию на всесоюзном конкурсе. В цирке готовились и были выпущены аттракционы: О. Ратиани «Человек-Невидимка», В. и И. Эдер «Каменный цветок».

В 1985 г. руководство учреждением принял заслуженный работник культуры России С. Стефанов – продолжатель лучших традиций. При нем тоже – череда фестивалей, незабываемых гастрольных программ, реализация не только развлекательной, но и просветительской функции – именно это стало своеобразной «визитной карточкой» Пермского цирка. Было поставлено множество замечательных программ: «Цирк на льду», «Цирк на воде», «Китайский цирк», «Планета обезьян», «Индийские слоны», «Кракатук». Арена цирка превращается то в знойное сафари, то в площадку для испанской корриды, то в сверкающий каток, то в бассейн. Подсчитано: за 40 лет поставлено **280 программ**, на которых побывало **почти 10,5 миллиона человек**.

С развалом советской системы и СССР остаточный принцип в подходе к культуре, повальная коммерциализация не могли не сказаться и на положении циркового искусства. Из-за постоянного увеличения тарифов на перевозки, роста цен на корма для животных организовывать гастрольные поездки стало очень трудно. Чтобы как-то существовать, цирки вынуждены повышать цены на билеты, что приводит к оттоку зрителей. Некоторые коллективы работают неполную неделю, при полупустых залах, а то и вовсе вынуждены сворачивать деятельность.

Но вопреки всем трудностям российский цирк живет и совершенствуется, выдвигает молодые таланты, заслуженно остается сильнейшим в мире. Подтверждением этому являются новые победы российских артистов на престижных международных конкурсах. Из событий, родившихся в Пермском цирке, стоит отметить организацию в 2002 г. Всероссийского фестиваля-конкурса любительских цирковых коллективов. Мероприятие это теперь проводится регулярно, растёт число его участников и география.

Сергей Иванович ностальгирует: *«В советское время было так много аншлагов, что мы давали по девять представлений в неделю, а в выходные больше билетов старались распределять среди жителей области. Сегодня цирку зачастую приходится*

*выживать, постоянно искать спонсоров. И я очень благодарен всем друзьям Пермского цирка, которые отзываются и поддерживают наши начинания, будь детский цирковой фестиваль или помощь Дому артиста. Очень важно сохранять память и рассказывать подрастающему поколению о легендах цирка. Например, кто для сегодняшнего школьника Юрий Никулин? Только лицо из старых советских фильмов. А в нашем музее они видят его вещи, костюмы, книги, которые он подписал для Пермского цирка, слышат о том, что он делал на манеже и каким был человеком за кулисами... Музей цирка дарит зрителям уникальную возможность перешагнуть через десятилетия, погрузиться в неповторимую атмосферу старой цирковой сказки. Музею повезло с заведующей – Анной Александровной Поповой, увы, ушедшей из жизни».*²¹

Доброго слова заслуживает и технический персонал. До билетеров включительно. А взять пищеблок. В цирках сегодня почти не осталось собственных столовых – где-то сдают помещения в аренду, где-то заключают договор на привозные комплексные обеды. А в Пермском цирке десятилетия трудятся директор и завпроизводством – Л. Л. Каменских и Г. М. Литвиненко. Столовая себя не окупает, «выживает» за счет буфета, который работает в фойе цирка перед представлениями и в антрактах.

Проблемы возникают и у самого здания. Старея, оно требует ремонта, замены устаревших конструкций и аппаратуры на более современные. Лишнее подтверждение тому – постоянные претензии со стороны пожарных и правоохранителей. Так, в предписании Госпожнадзора, предъявленных зимой-весной 2006 г. фигурировало около 70 замечаний²². Четыре года спустя замечаний стало еще больше: «Отсутствуют системы автоматической сигнализации. Двери по-прежнему не имеют противопожарной защиты, работы по замене горючего покрытия стен на путях эвакуации также не проводились. Как выяснилось, причиной неисполнения явилась нехватка денежных средств»²³.

Каждый из нас до конца жизни несет в себе детские радости. Цирк – их неперенная частичка. Я, как и все, вернулся в цирк – с детьми, а теперь – с внуками. Недавно предложили войти в клетку ко льву. Вошел. Не заряда адреналина ради и куража для, а чтобы хоть на миг материализовать свои детские «фэнтэзи». Чтоб хоть печатным словом да помочь нашему цирку. На то же направлена и эта публикация.

¹ Белдыцкий Н. Старая Пермь. – Архангельск, 1913. – С. 6, 8.

² ПГВ. – 1901. – 28 июля.

³ См.: Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). – СПб., 2003. – С. 148-156.

⁴ Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 132.

⁵ Отдельные исполнители цирковых номеров гастролировали в купеческом клубе и на летней площадке Загородного сада.

⁶ Верхоланцев В. С. Указ. соч. С. 132-133.

⁷ ПГВ. – 1897. – 1 июня.

⁸ Там же. – 1898. – 8 июня.

⁹ Там же. – 1907. – 19 июня.

¹⁰ Там же. – 1897. – 26 июня.

¹¹ Там же.

¹² Характерный штрих: до революции Коромыслов являлся активным членом Пермского отделения черносотенного «Союза русского народа», соиздателем его печатного органа – газеты «Пермяк».

¹³ В музее Пермского цирка имеется фото этого здания.

¹⁴ Болеслав Юзефович Кухарж – поляк, электросварщик одного из рижских заводов, спортсмен-любитель. В Пермь попал в качестве беженца. В 1918 г. с номером «Воздушные гимнасты» поступил в цирк Коромыслова.

¹⁵ См. фото «зимнего» здания в музее Пермского цирка.

¹⁶ enc.permkultura.ru/showObject.do

¹⁷ Победители – потомкам. – Пермь, 2005. – С. 233.

¹⁸ См.: Славский Р. Г. Советский цирк в годы великой Отечественной войны. – М., 1975.

¹⁹ Победители – потомкам. – С. 233.

²⁰ Поньне Мендель Иудович – руководитель архитектурной мастерской. В рейтинг самых выдающихся архитектурных сооружений мира вошло спроектированное им 16-этажное здание гостиницы по ул. Сибирской, 7а. Удостоен многих наград, звания «Почетный архитектор России». www.permistika.ru/wiki/index.php

²¹ Попова А.А. (1939 – 2007) // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: биобиблиогр. справочник. – Пермь, 2006. – Вып. 2. – С. 269-270.

²² См.: Звезда. – 2006. – 1 июня.

²³ Материалы текущего архива ГУ МЧС по Пермскому краю; www.prokuror.perm.ru

СЕМЬЯ КЛИНГБЕРГОВ В ПЕРМИ (1856–1919)

Фамилия Клингберг имеет явные немецкие корни, ее можно перевести на русский язык приблизительно как «звенящая гора». Появившийся в Прикамье основатель семьи Александр Клингберг был лютеранином. Вероятно, происхождение Клингбергов связано с немцами, проживавшими в одной из трех губерний Прибалтийского (Остзейского) края Российской империи.

Александр Федорович Клингберг (1831/33–1911)

Родоначальник пермской ветви Клингбергов Александр Федорович Клингберг происходил из обер-офицерских детей, по рождению – лютеранского вероисповедания [1].

В мае 1855 г. он окончил Лесной и Межевой институт в Санкт-Петербурге и получил чин прапорщика. Учился за счет Департамента корабельных лесов, являвшегося подразделением Министерства государственных имуществ, и по этой причине был отправлен в распоряжение этого Департамента. В ноябре того же года Клингберг был командирован в Казань в Правление Низового округа корабельных лесов, а в апреле 1856 г. назначен для присмотра за корабельными рощами Чердынского лесничества Пермской губернии. Известно, что в Прикамье сосновые леса Чердынского уезда, особенно в Косинской волости, отличались наиболее высоким качеством и были пригодны для изготовления высших сортов древесины – основного палубника и понтона [2]. После упразднения Департамента корабельных лесов (май 1859 г.) А. Ф. Клингберг определен лесничим в Пермскую губернию, получив назначение в Березовское лесничество Соликамского уезда. Вскоре он произведен в подпоручики (1860), а затем в поручики (1864).

В дальнейшем, вплоть до 1875 г., его деятельность связана с лесным хозяйством Пермской губернии. Он успешно продвигался по службе, получив в 1871 г. должность лесного ревизора, а через год – Пермского губернского лесничего. Также успешно и при отсутствии взысканий закономерно повышались его чины – титулярный советник (1865), коллежский асессор (1869), надворный советник (1872). По представлению Министра государственных имуществ А. Ф. Клингберг награжден Императором за отличную службу (200 руб. 1870), а также орденом Св. Станислава 2-й степени (1872).

Но в сентябре 1875 г. приказом по корпусу лесничих за № 15 А. Ф. Клингберг был уволен согласно его прошению по неким «домашним обстоятельствам». С этого времени начинается новый этап его карьеры, уже не связанный с лесным богатством Прикамья. Указом Сената за № 39077 от 12 ноября 1875 г. Клингберг был утвержден кандидатом в мировые посредники по Оханскому уезду. В октябре 1878 г. Пермским уездным земским собранием он избран почетным мировым судьей Пермского судебного-мирового округа. С 1880 г. Клингберг являлся участковым мировым судьей, прослужив в этой должности более пяти трехлетних сроков. Указом Сената за № 20 от 28 февраля 1888 г. он был произведен «за выслугу лет в коллежские советники со старшинством», а в феврале 1893 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени «по статуту за выслугу 12 лет в одной должности не ниже 8-го класса» [3]. Помимо этого Александр Федорович исполнял обязанности члена Пермского уездного по питейным делам Присутствия [4].

Деятельность А. Ф. Клингберга продолжалась до начала XX века, в том числе и как члена Пермского отделения Епархиального училищного совета [5] (возможно, этот факт говорит о том, что он перешел в православие). Но с 1905 г. его имя не упоминается нигде. И лишь в самом начале 1911 г. пермская пресса сообщила, что «после тяжелой болезни 18 января в Перми скончался статский советник Александр Федорович Клингберг». Он был погребен на Егошихинском (старом) городском кладбище [6] (могила не сохранилась).

Александр Федорович был отцом большого семейства. От первого брака он имел одного сына Федора (1857) и пять дочерей – Ираиду (1858), Лидию (1860), Марию (1863), Валентину (1864) и Людмилу (1869). Все дети были православного вероисповедания, как и его первая жена Мария Андреевна, которая умерла в апреле 1874 г. [7]. К 12 июля 1889 г. (дате составления формулярного списка о службе А. Ф. Клингберга) четыре дочери были замужем за довольно крупными чиновниками [8]. Клингберг получал годовое жалование 1500 руб., плюс столько же канцелярских, всего – 3000 руб. Во втором браке его женой стала дворянка Мария Владимировна Вильбоа [9]. В их семье родились три дочери – Евгения (1876), Варвара (1878) и Елена (1881) [10]. Мария (от первого брака), Евгения и Елена (от второго) в разные годы учились в Мариинской женской гимназии. Имеются сведения, что овдовевшая Мария Владимировна Клингберг (Вильбоа) в 1911 г. жила в доме № 37 по ул. Кунгурской [11].

В 1880-х гг. А. Ф. Клингберг имел в Перми собственный дом (№ 32) на Большой Ямской, стоимость которого по городской оценке составляла приличную сумму – 3025 руб. Большой, деревянный, на каменном фундаменте одноэтажный дом, выходящий главным фасадом с семью высокими окнами на улицу Б. Ямскую, сохранился до нашего времени (Пушкина, 32), но доживает свои последние дни и скоро пойдет под снос. Известно, что в середине 1880-х гг. А. Ф. Клингберг был владельцем двух пермских домов [12]. Второй его дом – по ул. Екатерининской, 32 (Верхотурской, 15) – позднее был продан и затем снесен. На его месте ныне стоит известный дом архитектора А. Б. Турчевича, построенный по его проекту в 1892 г.

Федор Александрович Клингберг (1857–?)

Старший и единственный сын (от первого брака) Федор родился 2 сентября 1857 г. Окончив в 1877 г. Пермскую мужскую гимназию [13], он продолжил свое образование в столичном университете. 31 мая 1882 г. Федор Клингберг окончил курс юридических наук и выдержал испытание на степень кандидата в Императорском Санкт-Петербургском университете (свидетельства за № 3621 и 3630). Затем он вернулся в Пермь и 17 июля 1882 г. подал прошение о принятии его на службу в Пермский Окружной суд в качестве помощника присяжного поверенного [14]. 26 сентября он получил должность мирового судьи 4-го участка Чердынского уезда в селе Коса [15]. В этом же году Федор Александрович Клингберг женился на дочери статского советника, потомственной дворянке Надежде Яковлевне Поповой, православного вероисповедания [16]. Брачное свидетельство за № 1461 упоминается в одном из документов Н. Я. Клингберг, но место и дата их бракосочетания остаются неизвестными [17].

Около четырех лет молодая семья живет в селе Коса (Косинское), в 338 км от Перми. Село расположено на одноименной реке, притоке р. Камы, в северо-западной части Пермского края (до революции – Чердынский уезд, в настоящее время – территория Коми-Пермяцкого округа). В Косе родились дети Федора и Надежды Клингбергов – дочь Зинаида (1883) и сын Александр (1885). Они были крещены в Николаевской церкви Косинского села [18].

О Зинаиде речь пойдет ниже. Названный в честь деда **Александр** родился 19 февраля 1885 г. Сведения о нем довольно скудны. Среди выпускников Пермской мужской гимназии его имя не встречается. Вероятно, он получил домашнее образование или же учился в столичном закрытом учебном заведении. Однако известно, что он был студентом медицинского отделения Императорского Юрьевского университета в

городе Юрьеве (до 1893 г. – Дерпт) Лифляндской губернии, по окончании которого стал доктором [19]. Вернувшись в Пермь, занимался медицинской практикой [20]. В 1916 г. Александр уехал на недавно построенный сталерельсовый Надеждинский завод в Богословском горном округе Верхотурского уезда Пермской губернии (ныне г. Серов Свердловской обл.), получив должность главного врача в заводской больнице [21]. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Из Косинского села семья Клингбергов в конце 1886 г. переехала в уездный город Осу, стоящий на левом берегу Камы, в юго-западной части Пермской губернии. Здесь Федор Александрович приступил к должности судебного следователя Осинского уезда. Там же в 1889 г. он был судебным следователем по особо важным делам, а уже через год – товарищем прокурора Пермского Окружного суда Осинского участка [22].

После пятилетней службы в Осе, в конце 1891 г. Ф. А. Клингберг был избран товарищем прокурора в Перми. Вся его семья переселилась в губернский город, где в то время жили его отец и тесть. В Перми он получил чин коллежского асессора (1894), затем надворного советника (1895). Участвуя в светской жизни города, он выполнял в эти годы обязанности старшины Пермского Общества любителей правильной охоты, а в 1903 г. был избран председателем этого общества, слегка переименованного – Пермского Общества любителей охоты. Нетрудно заметить, что служебная карьера Федора Александровича продвигалась весьма успешно. В 1899 г. он имел чин коллежского советника, в 1902 г. – статского советника. В 1910 г. Клингберг избирается товарищем председателя Пермского Окружного суда, и через два года он получает чин действительного статского советника.

Семья Ф. А. Клингберга жила в доме № 44 на улице Пермской, – в центре города, в его респектабельной части. В книге «Старая Пермь» Е. А. Спешилова сообщает о том, что этот дом, являвшийся памятником деревянной архитектуры, был построен, предположительно, по проекту Турчевича, однако доказательств этому нет, и дом не сохранился [23]. Известно, что в 1880-х гг. владельцем этого одноэтажного деревянного дома с каменным цокольным этажом был Яков Филиппович Попов, отец Надежды Яковлевны Клингберг, затем (с 1898 по 1910 г.) ее брат – Алексей Яковлевич Попов [24]. Являясь также наследниками Я. Ф. Попова, Клингберги поселились в этом доме на рубеже XIX–XX века, но только с 1911 г. дом по ул. Пермской полностью переходит в их собственность [25]. А в 1890-х гг. они жили на ул. Б. Ямской, в довольно престижном 147 квартале, в доме № 32, принадлежавшем А. Ф. Клингбергу, отцу Федора Александровича.

Надежда Яковлевна Клингберг (1860–?)

Супруга Федора Александровича Надежда Яковлевна, дочь мирового судьи, статского советника Я. Ф. Попова (умер в 1897 г. [26]), получив хорошее образование и обладая сильным характером, в своей трудовой деятельности также прошла заметные этапы карьерного роста. Она родилась в Перми 10 марта 1860 г. После окончания в 1877 г. Мариинской женской гимназии с большой серебряной медалью она была удостоена звания домашней наставницы с правом преподавать русский язык и математику (свидетельство от 31 июля 1878 г. за № 2029).

В том же году Надежда Яковлевна поступила на Высшие женские курсы в С.-Петербурге на словесное отделение, где прослушала полный четырехлетний курс (свидетельство № 64 от 20 сентября 1882 г.). С 15 января 1902 по март 1907 г. она работала в Пермской частной женской гимназии Л. В. Барбатенко штатным преподавателем словесности и русского языка. Согласно формулярному списку о службе, с 5 декабря 1905 по 1 июня 1906 г. Н. Я. Клингберг исполняла должность начальницы этой гимназии.

Распоряжением Оренбургского учебного округа с 14 марта 1907 г. она была утверждена в должности начальницы Пермской женской прогимназии (которая занимала бывший дом Дягилевых), а по преобразовании прогимназии в Александровскую гимназию (распоряжение Министерства народного просвещения от 27 сентября 1907 г. за № 10969) вновь утверждена в должности начальницы этой гимназии. Из «Адрес-календарей Пермской губернии» известно, что Н. Я. Клингберг была членом правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Александровской женской гимназии. В память трехсотлетия Дома Романовых она была «всемилоостивейше пожалована» на 6 декабря 1914 г. золотой нагрудной на Аннинской ленте медалью. И, наконец, последний датированный документ на бланке Александровской женской гимназии за № 183 от 6 июня 1919 г. – это копия заявления Н. Я. Клингберг уполномоченному Министра Народного Просвещения: «Представляя свидетельство о болезни, прошу разрешить мне отпуск на каникулярное время с 11 июня по 11 августа. Заместительницей моей на это время выбрана Педагогическим советом преподавательница Э. В. Попатенко» [27].

Чем занимался Ф. А. Клингберг во время гражданской войны, служил ли он во вновь восстановленном при Колчаке Пермском Окружном суде, – об этом сведений нет. Среди членов комиссии «по расследованию преступных деяний большевиков и их сотруд-

ников», созданной в Перми 1 января 1919 г., его имя не встречается, хотя известно, что в этой комиссии работали три представителя из Пермского Окружного суда. Профессия Ф. А. Клингберга стала смертельно опасной. Так, в одной из колчаковских газет были названы поименно жертвы среди судебных деятелей, расстрелянных большевиками [28].

Скорее всего, Н. Я. Клингберг не вернулась из отпуска в Александровскую гимназию, т. к. на подступах к Перми уже в начале июня этого года разгорались жестокие бои белых и красных армий, а 1 июля 1919 г. город был отбит войсками большевиков. Армия Колчака отступила на Восток. Возможно, вместе с ней покинули Пермь и Клингберги.

Зинаида Федоровна Клингберг (1883–?)

Из всей семьи Клингбергов это, пожалуй, наиболее загадочный персонаж. Зинаида родилась 26 октября 1883 г. в селе Коса Чердынского уезда. Сохранилась копия ее метрического свидетельства:

«По указу Его Императорского Величества, Пермская Духовная Консистория свидетельствует, что в метрической книге Косинского села, Николаевской церкви, Чердынского уезда, за тысяча восемьсот восемьдесят третий год в 1-ой части о родившихся под № 95, значится:

Октября двадцать шестаго дня родилась, а 9 ноября крещена Зинаида.

Родители ея: кандидат права мировой судья 4 участка Чердынского округа Федор Александрович Клингберг и жена его Надежда Яковлевна, православные.

Восприемники: Земский Чердынский врач Михаил Иванов Золотов и вдова священническая жена Александра Иосифовна Головина. Таинство крещения совершал священник Федор Горбунов.

Свидетельство сие выдано из Пермской Духовной Консистории, за надлежащим подписом и приложением печати Надворному Советнику Федору Александровичу Клингберг, согласно прошению его и на основании 1048 ст. IX том Свод. зак. изд. 1876 года. Причитающийся гербовый сбор уплатил, Марта 23 дня 1895 года.

Член Консистории, Протоиерей Иринарх Пьянков
Секретарь А. Светлов
Столоначальник Удинцов» [29].

Зинаида Клингберг училась в Пермской Мариинской женской гимназии и в 1900 г. была среди выпускников, награжденных золотой медалью [30]. Любопытно, что годом раньше (1899) эту же гимназию и также с золотой медалью окончила Елена Клингберг (младшая дочь от второго брака Александра Федоровича, т. е. тетка Зинаиды). Два года после окончания гимназии Зинаида отдыхала, иногда пребывая в раздумьях о своей дальнейшей жизни, и всерьез занималась рисованием. Вполне вероятно, что в Перми она училась рисованию не только в Мариинской гимназии (в которой преподавали художники с академическим образованием), но и получала дополнительные уроки изобразительного искусства. Например, в частной школе рисования и живописи Африкана Сидоровича Шанина, окончившего Императорскую Академию художеств. Но достоверных сведений об этом не обнаружено.

В сентябре 1902 г. Зинаида едет в Москву, где останавливается в известном доме князя Абамелек-Лазарева, имевшего в Пермской губернии земельные владения, в том числе лесную дачу рядом с селом Коса. Не исключено, что она прожила всё не столь долгое время ее обучения в Москве здесь, в Армянском переулке (московский адрес указан в ее прошении о приеме в Строгановское училище) [31].

В начале сентября 1902 г. Зинаида без экзаменов поступила в Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище в число «любительниц рисования», т. е. в подготовительный класс. Это был начальный этап, который продолжался недолго. Учеников, имеющих гимназическое образование и некоторые навыки по рисованию, принимали сразу в 3-й класс, если они успешно сдавали экзамен «по рисованию геометрических тел, с наложением главных теней и света, а также простых ваз с тушевой» [32]. Благодаря неплохой подготовке и определенным успехам в занятиях на следующий год Зинаида становится ученицей уже 5-го класса. Среди специальных предметов она изучала теорию теней, перспективу, карандаш, контура, акварель, перо, гуашь. По истории искусств общий балл Зинаиды за V класс – 4, за VI – 5, а за работу гуашью постановлением учебного комитета она была удостоена «Похвалы». Оценки в ее учебной ведомости свидетельствуют, что Зинаида училась в целом хорошо, лишь в 5-ом классе у нее были две случайные тройки [33].

Охватившая Россию революция 1905 года приостановила занятия в Строгановском училище на целый учебный год, оно было закрыто до 1 сентября 1906 г. Все это время Зинаида жила с родителями в Перми. Вскоре после возобновившихся занятий в Строгановке

в ноябре 1906 г. она взяла учебный отпуск до 1 сентября 1907 г. для поездки за границу, мечтая получить художественное образование за границей, решила непременно ехать во Францию. В Париже Зинаида повстречала свою любовь – молодого художника Амеде Озанфана [34]. Их неожиданная встреча произошла в Академии La Palette, где Озанфан учился. Зинаида влюбилась, и это новое чувство, как ей показалось, основательно изменило и перевернуло всю ее жизнь. Она направила в адрес Строгановки заявление:

«Прошу вычеркнуть меня из списка учениц Императорского Строгановского Центрального художественно-промышленного училища, так как я не буду продолжать занятия в ней. Зинаида Клигберг. Париж 14 января 1907 года» [35].

Таким образом ее обучение в московском училище завершилось еще до полного окончания курса (7-го и 8-го класса). Но гербовый диплом Строгановского училища за № 2432 «на звание ученой рисовальщицы» Зинаида Клигберг все же получила, поскольку по новому уставу училища всем окончившим пять классов присваивалось звание «ученого рисовальщика». Вместе с другими ее документами диплом был выслан в Пермь в декабре 1907 г. [36].

Тогда же Зинаида приняла участие в Рождественской художественной выставке, проходившей в Пермском научно-промышленном музее с 26 декабря 1907 по 13 января 1908 г. На ней экспонировались около 250 произведений, среди них восемь работ Зинаиды Клигберг – композиция декоративного фриза, рисунок для материи, натюрморт, рама для зеркала и четыре этюда [37]. Размеры и техника работ в каталоге не названы, но некоторое представление о двух выставленных Зинаидой произведениях дает обзорная газетная статья «Художественная выставка в пермском музее» (подписанная С. Г-нь):

«Представительницей декоративной живописи является только одна г-жа Клигберг, особенно хорош ее фриз, скомпонованный из водяных лилий и болотных растений, освещенных бледным светом раннего туманного утра, и написанный в светлых, прозрачных тонах. <...> есть <...> и выжигание (стильная рамка работы г-жи Клигберг)» [38].

Описание декоративного фриза явно соответствует новому стилю модерн, который в те годы проник во все российские цитадели реализма, включая Строгановское училище. На выставке Зинаида показала, скорее всего, свои ученические работы, которые она привезла из Москвы. Других сведений об ее участии в художественной жизни Перми не обнаружено.

В 1908 г. она вышла замуж за Амеде Озанфана. По желанию жениха, очарованного Россией, их бракосочетание состоялось в Санкт-Петербурге [39]. Вместе с Зинаидой Амеде много путешествовал по России и не менее трех раз приезжал в Пермь [40].

Не имея точных сведений, можно высказать предположение, что Зинаида посещала некоторое время, в период с 1908 по 1912 г., парижскую Академию La Palette, где преподавали Шарль Котте и Жак-Эмиль Бланш. Кроме Озанфана она познакомилась в этой Академии с Соней Терк (впоследствии Делоне), которая также училась в La Palette и стала близкой подругой Зинаиды [41].

Известно, что в 1913–1914 гг. Зинаида занималась в мастерской известного скульптора Эмиля Антуана Бурделя в парижской Академии Гранд Шомьер, в которой тогда же обучалась большая группа русских учеников, в том числе Вера Мухина, Борис Терновец и др. Сохранились несколько фотографий, запечатлевших Бурделя с русскими учениками [42].

Летом 1913 г. молодые супруги Озанфан в очередной раз отправились путешествовать по России и останавливались в Перми. В результате этой поездки появились такие работы Амеде, как «Слияние Волги и Камы», «Урал, гроза», «Кама, Пермь», вошедшие в его пейзажную серию «Путешествие по России» [43]. Во время загородной прогулки он повстречался с учителем с. Бахаревка Аникиевым, который запомнил и позднее рассказал Н. Н. Серебренникову, как «Озанфан осматривал и давал оценки некоторым образцам живописи, находившимся в Бахаревке» [44].

В июле 1914 г., по сведениям Ф. Дюкро, автора книги об Озанфане, Зинаида вернулась во Францию из большого путешествия в тот самый день, когда французское правительство объявило о всеобщей мобилизации в связи с начавшейся 1-ой мировой войной. Она путешествовала одна, без мужа. Ее маршрут пролегал через Афины и Стамбул, российский Кавказ и Туркестан [45]. Зинаида уехала к родителям в Пермь, где осталась на несколько лет (по причине военных событий). Около двух лет она давала уроки рисования в Пермской женской гимназии им. И. С. Тургенева, учрежденной А. И. Дрекслер-Голынец [46]. Поскольку Зинаида Федоровна Озанфан (именно так писалась ее фамилия по нормам русской дореволюционной транслитерации) была «исполняющей обязанности преподавателя», она получала за 12 уроков всего 120 руб., самую низкую оплату в гимназии, имея при этом диплом «ученой рисовальщицы» Строгановского училища [47].

Имея французское гражданство, Зинаида, вероятно, еще до окончания 1-ой мировой войны уехала в Париж. Точная дата ее отъезда из Перми неизвестна. В июле 1918 г. брак Зинаиды и Амеде Озанфана был расторгнут.

На сегодняшний день это почти все, что можно сказать о Зинаиде Клингберг-Озанфан. Но поиск сведений о ней непременно продолжится, уже в парижских архивах. Этим намерен заняться известный французский исследователь Жан-Клод Маркадэ, который и вдохновил автора данной публикации на этот увлекательный поиск сведений о семье Клингбергов в Перми.

1. ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 14 об.
2. Коми-Пермяцкий национальный округ / под ред. А. А. Григорьева и др. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – С. 74.
3. ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 14 об.
4. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 год. – Пермь, 1893. – С. 58, 60.
5. То же на 1904 год. – Пермь, 1904. – С. 19.
6. ПГВ. – 1911. – 19, 20 янв.
7. *Голубцов В. В.* Пермский некрополь. – Пермь: Реал, 2002. – С. 65; *Марченко А. Н.*, протоиерей. Летопись православных храмов на Егошинском кладбище города Перми. – Кн. 1: 1783–1917. – Пермь: Всехсвятский храм, 2007. – С. 206. Не вызывает сомнений, что В. В. Голубцов (на него же ссылается А. Марченко) ошибся и неверно прочитал надпись на памятнике М. А. Клингберг. Она скончалась не «на 30 году», а не менее чем на 39-ом.
8. Ираида была замужем за коллежским асессором Игнатием Ивановичем Акоронко, Лидия – за статским советником Николаем Ивановичем Васильевским, Валентина – за лесничим Владимиром Павловичем Васильевым, Мария – за горным инженером, статским советником Александром Петровичем Кавадеровым (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 15-17).
9. Не исключено, что это родственница русского композитора и дирижера Константина Петровича Вильбоа (1817–1882), автора популярного дуэта «Моряки» («Нелюдимо наше море», слова Н. М. Языкова).
10. ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 14об.-17.
11. *Субботин Е., Серов М.* Пермь: Жители и гости: 1723–1924: Словник. – Пермь, 2006. – С. 252.
12. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробного городского плана / сост. Г. И. Минеев. – Пермь, 1886. – С. 28, 30.
13. *Зверев А. В.* Старейшее учебное заведение г. Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). – Пермь, 1908. – С. 162.
14. ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 1–2.
15. Там же. Л. 3.
16. ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 17. Л. 1об.

17. Там же. Л. 12.

18. Каменное здание Свято-Николаевской церкви было построено в 1802–1815 гг. Интерьер храма, обильно украшенный деревянной скульптурой, существенно пострадал в сентябре 1923 г., когда из него было изъято 15 скульптур XVIII–XIX вв. (сидящий спаситель, распятия, ангелы, пророк Моисей и др.), вывезенных Н. Н. Серебренниковым в Пермский художественный музей.

19. ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 17. Л. 2, 5.

20. *Субботин Е., Серов М.* Указ. соч., с. 252.

21. Адрес-календарь Пермской губернии на 1917 год. – Пермь, 1916. – С. 53. Интересно, что среди инженеров и служащих этого завода много фамилий немецкого происхождения. Директором Надеждинского завода был горный инженер, барон Е. А. Таубе. К началу XX в. завод был наиболее технически оснащенным предприятием на Урале, а заводской поселок, где проживало около 30 тысяч человек, одним из самых крупных.

22. Адрес-календарь Пермской губернии на 1889 год. – Пермь, 1888. – С. 32; То же на 1890 год. – Пермь, 1889. – С. 36.

23. *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. – 2-е изд., доп. и перераб. – Пермь: Курсив, 2003. – С. 251-252.

24. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми / сост. Г. И. Минеев. – Пермь, 1886. – С. 43; Справочная книга «Вся Пермь» на 1910 год. – Пермь, 1910. – С. 27, 47, 86.

25. Справочная книга «Вся Пермь» на 1911 год. – Пермь, 1911. – С. 44, 64, 110.

26. *Марченко А. Н.* Указ. соч., с. 154.

27. ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 11, 14.

28. Современная Пермь. – 1919. – 4 мая (№ 84). – С. 4.

29. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 4064. Л. 9.

30. Мариинская женская гимназия в Перми: К 50-летию юбилею, 1861–1910. – Пермь, 1913. – С. 134.

31. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 4064. Л. 7.

32. *Некрасов Н. В.* Московские художественные новости // Искусство и художественная промышленность. – 1898. – № 3, декабрь. – С. 241.

33. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 4064. Л. 1.

34. Амеде Озанфан, Амьидье Ozenfant (1886–1966), французский художник, теоретик искусства и педагог. Вместе с Ле Корбюзье он был создателем пуризма – нового направления в живописи (1918).

35. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 4064. Л. 4.

36. Там же. Л. 3.

37. Пермский Научно-промышленный музей: Худож. выставка: Каталог. – Пермь: Электро-тип. Чердынцева, 1908. – С. 5 (№ по каталогу 94-101).

38. ПГВ. – 1907. – 30 дек. (№ 281). – С. 3.

39. Ducros, Françoise. Амьидье Ozenfant. – Paris: Éditions Cercle d'Art, 2002. – P. 17, 221. В каталоге выставки «Москва – Париж, 1900–1930» (М., 1981, т. 1, с. 370) приведена другая дата их бракосочетания – 1912 г. Затем эта дата повторяется еще в двух публикациях пермских авторов.

40. О пребывании Озанфана в Перми см.: *Серебрянников Н. Н.* В поисках художественных сокровищ // Звезда. – 1937. – 27 марта (№ 72). – С. 3; *Семянников В., Субботин Е.* Авангардист Озанфан // Уральский следопыт. – 1986. – № 10. – С. 62-63; *Семянников В. В.* Выставка картин «Прикамье – Франция» // Новый гуманитарный журнал. – 1993. – № 4. – С. 32-37.

41. Соня Делоне-Терк, урожденная Соня (Сара) Елиевна Штерн (1885–1979), живописец, дизайнер. Родилась в Полтавской губернии, начальное художественное образование получила в Петербурге. Училась в Германии (1903–04) и Франции (с 1905). В 1910 г. вышла замуж за художника Робера Делоне. Вместе с мужем она создала теорию симультанизма и сформулировала принципы орфизма. В орфическом стиле Робер и Соня Делоне создали декорации и костюмы для возобновленного балета «Клеопатра» в труппе «Русский балет» С. Дягилева (1918).

42. *Шатских А.* Русские ученики Бурделя // Советская скульптура 10 / сост. В. Тиханова. – М.: Советский художник, 1986. – С. 211-234.

43. Серия А. Озанфана «Путешествие по России» (Voyage en Russie), созданная в 1913 г., состоит из 20 акварелей и гуашей и находится в коллекции Художественного музея в Базеле, Швейцария. На выставке «Москва – Париж» в ГМИИ в 1981 г. экспонировались только две работы из этой серии, не связанные с уральской темой.

44. *Серебрянников Н. Н.* В поисках художественных сокровищ // Звезда. – 1937. – 27 марта (№ 72). – С. 3.

45. Ducros, Françoise. Амидье Ozenfant. – Paris: Éditions Cercle d'Art, 2002. – P. 27.

46. Об этом свидетельствуют два выпуска «Адрес-календаря и справочной книжки Пермской губернии» за 1915 и 1916 гг.

47. Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1915 год. – Уфа, 1915. – С. 177.

Е. П. Субботин, М. Г. Ситников

ПО ПЕРМСКИМ АДРЕСАМ АДМИРАЛА КОЛЧАКА Хроника пребывания Верховного правителя России А. В. Колчака в Перми в 1919 г. [1]

*Почему так Пермь сияет,
И над нею реет флаг?
Гость высокий приезжает,
Гость желаннейший – Колчак!*

Д. Бронин [2]

Полевой сводный запасной госпиталь 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса

Угол улиц Покровской и Соликамской, 15/15 (ныне ул. М. Горького, 15). Здание Епархиального женского училища (ныне Пермский краевой госпиталь для ветеранов войны).

20 февраля. Четверг. После семи часов вечера.

Верховный правитель не мог не посетить основной госпиталь 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса (Первый корпусной сводный госпиталь), в котором лечились солдаты и офицеры корпуса. Обслуживало госпиталь 6 младших врачей, 11 фельдшеров и 8 медсестер. Старшим врачом госпиталя был Костинецкий. Всего в госпитале на 2 февраля 1919 г. находилось на излечении 448 раненых, из них – 60 офицеров. Здесь же находились 70 красноармейцев, оставшихся в городе после отступления красной армии. После выздоровления они подлежали мобилизации в белую армию, либо, в случае отказа, попадали в тюрьму.

По результатам проверки, проходившей перед приездом адмирала Колчака, в госпитале не хватало нательного и постельного белья, а также не было табака и газет, отсутствовала связь с частями, поэтому солдаты не могли получить жалованье [3].

Это посещение госпиталя Колчаком не было освещено в прессе. Известно о нем только из Приказа (по корпусу) № 115 от 24 марта 1919 г., в котором говорится, что при посещении данного госпиталя 20 февраля 1919 г. Верховный правитель лично наградил георгиевскими крестами 4-й степени 20 солдат, находящихся на излечении [4]:

5-й Томский Сибирский стрелковый полк

Рядовой Торгашев Яков (№ 210051).

Младший унтер-офицер Рышков Андрей (№ 819313).

Рядовой Сартаков Григорий (№ 739273).
Рядовой Дренин Петр (№ 375218).

2-й Барабинский Сибирский стрелковый полк

Рядовой Польшгалов Герасим (№ 814115).
Рядовой Маслов Михаил (№ 210132).
Рядовой Казанцев Филат (№ 274319).
Рядовой Буренков Иван (№ 818983).
Рядовой Артемьев Иван (№ 209754).
Рядовой Лепеха Аким (№ 209709).

3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк

Рядовой Задорожный Семен (№ 274325).

4-й Енисейский Сибирский стрелковый полк

Рядовой Петрушин Ефим (№ 209776).

7-й Кузнецкий Сибирский стрелковый полк

Рядовой Начайбегов Санатула (№60403).

8-й Бийский Сибирский стрелковый полк.

Рядовой Бочкарев Дмитрий (№ 819031).
Рядовой Нутрехин Василий (№ 813872).
Рядовой Мальченко Яков (№ 739302).
Рядовой Шабалин Тихон (№ 190545).
Рядовой Потешкин Георгий (№ 739273).

1-й Сибирский штурмовой батальон

Рядовой Райников Петр (№ 375185).

1-й учебный батальон

Рядовой Улитов Иван (№ 209873).

Вокзал железнодорожной станции Пермь I Салон-вагон поезда Верховного Правителя

Один из дней: 19, 20 или 21 февраля.

В своем вагоне адмирал Колчак принял лейтенанта **Вадима Степановича Макарова** [5], прибывшего в Пермь для службы в Камской Речной боевой флотилии. Он был сыном известного флотоводца, вице-адмирала **Макарова Степана Осиповича** [6].

Александр Васильевич Колчак давно был знаком с Вадимом Степановичем Макаровым. В мае 1917 г. Макарова направили в распоряжение русского военно-морского агента (атташе) капитана 1 ранга И. В. Миштовта в США. За океаном Вадим Степанович Макаров пробыл полтора года. Он вел занятия с офицерами американского морского генштаба и артиллерийского управления, знакомя их со способами управления артиллерийским огнем на российском флоте, занимался инженерной разработкой запатентованного им прибора для управления огнем зенитной артиллерии; участвовал в миссии адмирала А. В. Колчака. В. С. Макаров являлся флаг-офицером адмирала во время его пребывания в Америке. Существует фотография 1917 года членов «Русской морской миссии в США», на которой среди членов миссии мы видим адмирала Колчака и его адъютанта В. С. Макарова.

В Перми зимой 1918/19 г. Макаров участвует в переоборудовании гражданских судов на Каме в боевые, проектирует специальные установки для сухопутных орудий, размещаемых на палубах судов и барж. Эти установки изготавливались на Мотовилихинском заводе. Именно одна из таких артиллерийских установок впоследствии стала музейным экспонатом и выставлена для обозрения в вестибюле Центрального военно-морского музея. Это 76-миллиметровое орудие было своеобразным памятником моряку-артиллеристу колчаковской Камской военной флотилии старшему лейтенанту Вадиму Степановичу Макарову.

С началом навигации 1919 г. Вадим Степанович становится флагманским артиллеристом Камской флотилии и участвует в боях на реке против красных судов и береговых батарей.

После отхода белой армии на восток, Макаров занимается организацией Обь-Иртышской белой флотилии, командует в этой флотилии дивизионом канонерок на Иртыше [7].

Работая в архивах Перми, авторы статьи обнаружили сведения еще об одной встрече Верховного Правителя А. В. Колчака в нашем городе, не отраженной в средствах массовой информации. Это встреча адмирала Колчака с Чащиным Василием Степановичем [8] – руководителем крестьянского восстания в Перемской, Останинской и Никулинской волостях Пермского уезда в декабре 1918 г.

Из Обвинительного Акта [9]:

«28 декабря 1919 года.

Вооруженное восстание в 1918 году в Перемской, Останинской и Никулинской волостях. Чащин Василий Степанович, Конюхов Иван Евдокимович, Соколов Степан Степанович в 1918 году при отступлении Красной армии, еще до прихода белых, организовано выступили с агитацией против советской власти, призывая местных граждан к воо-

руженному восстанию. Собрав достаточное количество местных граждан, они двинулись в д. Малкова, где обезоружили штаб Красной армии, отобрав оружие, пулеметы и 400 винтовок. Вооружив всех, кто мог носить оружие, они разбили людей на отряды. Чашин, Конюхов и Соколов вступили в командования отрядами и двинулись к Останинской и Никулинской волостям. Крестьяне соседних волостей частью добровольно, а иногда под силой оружия вступали в их отряды.

Были убиты военный комиссар Никулинской волости Эдукис (латыш) и военный комиссар Перемской волости Зубков. В одной из деревень был убит начальник хозчасти красной армии, при этом забрали 500 т. р. и расстреляны 5 красноармейцев в доме Дмитрия Черемихина.

Граждане Черемыхин Андрей Алексеевич, Нефедов Иван Павлович, Ерофеев Василий, Поморцев Лука, Ларионов Михаил, Балдин Степан, Балдин Павел и Черепов Иван принимали активное участие в восстании.

Черемыхин Андрей Алексеевич – начальник штаба восстания;

Нефедов Иван Павлович – комендант штаба;

Поморцев Лука Дмитриевич – начальник хозчасти;

Поморцев Михаил Дмитриевич – зав оружием;

Балдин Степан – начальник отряда».

Из Прощения в Чрезвычайную комиссию Чашина, находящегося под арестом [10]:

«Я, как сын трудового народа, стоящего за правду и за народное дело, признаюсь чистосердечно, что руководил восстанием против хулиганов и грабителей, которые именовали себя коммунистами.

Я наверно против тех комиссаров и лжекоммунистов, которые, прикрываясь этим званием, грабили силой оружия и отбирали последнее у крестьян. Все были крайне возмущены и ненавидели этих советских работников, но ничего не могли сделать голыми руками, а грабители были вооружены и имели в своем распоряжении вооруженных солдат.

Я руководил восстанием не против Советской власти, а против преступников и хулиганов-грабителей. Я говорю правду и не боюсь, что меня присудят за это к расстрелу, я чувствую, что моя совесть чиста, что будь тогда в начале 18 года, как теперь работают советские работники, будь они такими же честными, как настоящие работники, вовек бы не было бы никакого восстания и даже тени недовольства. Я не бежал с белыми лишь потому, что никакого зла не делал, и руки мои не замараны в крови. Никого не убил, никого не расстрелял и не допускал этого делать. Я и еще 6 человек (не больше) разоружили

22-й полк, состоящий из 500 человек, совершенно бескровно, потому что они сами перешли к нам и сдали нам оружие, видя произвольные действия своего начальства, обижающие народ.

Сперва восстала моя волость, потом соседние волости – Останинская и Никулинская. Там тоже восстали под моим руководством и там также не убивали никого и не расстреляли ни одного человека. Все арестованные мною комиссары были отпущены по домам. Белые пришли на вторые сутки после восстания в 1-й моей волости. Я их не звал, но я знал, что они близко, что скоро они придут. Все равно советские войска не имели бы никакого успеха без поддержки озлобленного народа, ограбленного разными негодьями, называющими себя коммунистами. Я говорю откровенно, что восстание пошло только в пользу населения. Во-первых, и это главное, они избежали жертв, которые были бы неминуемы при военных действиях и бомбардировке, а во-вторых, наши бедные и истощенные волости были обречены на голод.

При белых был сначала назначен народом председателем волостного управления по выборам. Прослужив месяц, я отказался, но меня опять выбрали, и, прослужив около 2-х месяцев, в третий раз я отказался, потому что не мог служить, так как опять воскресли помещики, и бедному народу стало очень плохо.

За время моего председательства в волостной управе белыми войсками расстреляли человек 12, а может и больше, только слышал. Я не мог касаться этого. Это было дело военных властей в лице штабс-капитана Сачкова. Перед моим уходом из управы я стал делать собрание и говорить народу, что нехорошо дать расстреливать народ, нам надо выручать их. Между тем пришел какой-то другой батальон. Он [был] с другим поручиком во главе и расстрелы прекратились.

Про комиссара Зубкова ничего не могу сказать. Не видел и не знал его. Также не знаю, кем он был расстрелян и кто его выдал.

Арестованных со мною вместе я никого из них не знаю. Они далеко от меня живут, и я не был с ними знаком.

Когда я был председателем, то был вызван Колчаком к себе лично в г. Пермь и он мне лично предложил чин капитана за восстание и предложил мне вступить в ряды армии, но я от всего этого отказался, говоря ему, что родился крестьянином и помру крестьянином. Никаких чинов мне не надо. Это было в 3-й месяц моего председательства. Когда приехал оттуда и отказался совсем от председательства.

Добавить больше ничего не имею.

[Подпись].

16 августа 1919 года г. Екатеринбург».

1. Дополнение к статье: *Субботин Е. П., Ситников М. Г.* По пермским адресам адмирала Колчака // Пермский дом в истории и культуре края: материалы второй науч.-практ. конф. – Пермь, 2009. – С. 145-164.

2. Освобождение России, Пермь. – 1919. – 20 февр.

3. Акт осмотра и проверки лечебных заведений г. Перми и завода Мотовилихинского комиссией под председательством штабс-капитана Голубева и членов: подпоручика Квасневского, поручика Чернова и испол. должность старшего врача 8-го Бийского полка Миль, при участии помощника корпусного врача Орлова. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 895. Л. 169, 220-222.

4. Приказ № 115 от 24 марта 1919 г. В круглых скобках указан номер георгиевского креста. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 946. Л. 116.

5. **Макаров Вадим Степанович.** (29.04.1892, Кронштадт – 02.01.1964, Нью-Йорк, США).

Выпускник Морского корпуса (1912 г.) Лейтенант. Службу начал на крейсере «Адмирал Макаров», названном в честь отца. Участник Первой мировой войны. Награды: орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом; орден Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость»; Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом; Св. Станислава 2 ст. с мечами; британский орден Военного креста. С декабря 1918 г. – помощник начальника морской артиллерийской части в Сибирской армии адмирала Колчака. С февраля по июнь 1919 г. в Камской речной боевой флотилии. С сентября 1919 г. командир 1-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии. Старший лейтенант. С 1920 г. в США: на государственном артиллерийском заводе, где изобрел и внедрил в производство прибор для стрельбы противоздушной артиллерии (угловой указатель) «Angular Speed Indikator»; на нефтяных предприятиях, где создал свою фирму «Makaroff & Co» (1923 – 1945). Занимался благотворительностью. Один из основателей Общества бывших русских офицеров в Америке и Толстовского фонда, долгое время был вице-председателем последнего.

В 1966 г. в Лейквуде (штат Нью-Джерси) на территории культурно-благотворительного общества «Родина» в специально построенном помещении открылся Русский морской музей. На доске у входа можно прочитать:

РУССКИЙ МОРСКОЙ МУЗЕЙ
имени адмирала
СТЕПАНА ОСИПОВИЧА МАКАРОВА
памяти старших лейтенантовъ
Российскаго Императорскаго флота
Вадима Степановича МАКАРОВА,
Дмитрія Николаевича ФЕДОВОА-УАЙТЬ
и Сергья Владиміровича ГЛАДКАГО

Средства для создания музея были предоставлены В. С. Макаровым. В последние годы XX века большая часть экспонатов из Лейквуда была передана в Россию. Часть экспонатов и материалов находится в Центральном военно-морском музее в Петербурге.

6. **Макаров Степан Осипович** (1848–1904) – выдающийся флотоводец и ученый, вице-адмирал (1896). Создатель тактики броненосного флота, автор свыше 50 научных работ. Руководитель двух кругосветных плаваний, герой русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войн.

В течение полутора лет С. О. Макаров проводил систематические гидрологические и круглосуточные метеорологические наблюдения, которые научно обработал и обобщил в двухтомной монографии «Витязь» и Тихий океан» (1894), удостоенной премии АН и золотой медали. Высокая ценность научных исследований, проведенных на «Витязе», получила международное признание. Наименование корвета начертано на фронтоне Океанографического музея в Монако в числе 20 других судов, внесших крупный вклад в изучение Мирового океана.

В сентябре 1897 г. вице-адмирал С. О. Макаров проездом из Красноярска в Санкт-Петербург сделал остановку в Перми.

24 февраля 1904 г. в Порт-Артур прибыл новый командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал С. О. Макаров, принявший решительные меры по усилению обороны базы и повышению боевой активности эскадры. Но его руководство эскадрой оказалось недолгим. 31 марта при выходе кораблей в море эскадренный броненосец «Петропавловск» подорвался на минах и затонул. Погибли С. О. Макаров и большая часть экипажа корабля.

Летом 1913 г. в Кронштадте состоялось открытие памятника С. О. Макарову. В тот торжественный день почти весь Балтийский флот собрался на Кронштадтском рейде, чтобы почтить память знаменитого флотоводца. «К назначенному часу все свободные от вахты офицеры, в белых кителях при сабле, съехали на берег и собрались на площади перед Морским Собором... У подножия монумента, с одной стороны почетный караул, с другой взвод матросов с крейсера «Адмирал Макаров», у них на фланге – сын адмирала, Вадим Макаров, молодой мичман, почти юноша. Тут же поблизости – вдова адмирала и ее дочь с мужем...». На открытии памятника присутствовал Николай II.

Лит.: Советский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 744; *Аммон Г. А.* Морские памятные даты. – М., 1987; *Галкин В.* К Северному полюсу через Пермь // Домашний адрес. – 2005. – Ноябрь, № 4 (9). – С. 4. (Газета Пермского общественного фонда социальной стабильности).

7. Флот в Белой борьбе. – М., 2002. – С. 596.

8. Чашин Василий Степанович, 45 лет; родился 26 декабря 1873 г. в с. Красное, Пережской волости, Пермского уезда. Крестьянин. Получил начальное образование. Семья три человека. Левый эсер. Арестован за участие в восстании. Расстрелян 29 декабря 1919 г. в 12 часов ночи. (ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29623. Л. 99, 103, 160).

Чашин Василий Степанович, 1874 г. р., д. Красная, Пермский уезд, Пермская губ. Арестован 28.12.1919. Проживал там же. Осужден 29.12.1919. Обвинение: участник КР восстания. Приговор: ВМН. Расстрелян 02.01.1920. (Годы террора. – Ч. 3. – Т. 5. – Пермь. 2005. – С. 395).

9. Резолюция: Чашина, Соколова и Конюхова расстрелять, а остальным два года. (Дело Чашина. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29623. Л. 102, 103).

10. Прошение Чашина в ЧК. (ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29623. Л. 115-116).

ПО АДРЕСАМ СИБИРСКОЙ АРМИИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА В ПЕРМИ

В течение шести месяцев и шести дней в Перми хозяйничала Сибирская армия адмирала Колчака. В нее входили: 1-й Средне-Сибирский, 3-й Степной Сибирский и 4-й Сводный Сибирский армейские корпуса. 24 декабря 1918 г. в Пермь ворвался 1-й Средне-Сибирский армейский корпус, очистив ее уже на следующий день. Здесь разместились войска и учреждения корпуса.

Почти три месяца город считался прифронтовым, т. к. бои проходили в непосредственной близости от него. Соответственно здесь было расквартировано много воинских частей и соединений. Более того, Пермь была ими переполнена. Мало кому известно, где они размещались, этот вопрос слабо освещен в литературе.

Начнем с высших структур Сибирской армии – ее штаба. Он находился в Перми 20 дней. Штаб Сибирской армии прибыл в наш город 18 мая, а 10 июня выехал в Екатеринбург.

Адреса частей и учреждений Сибирской армии [1].

Командующий Сибирской армией – генерал-лейтенант Гайда.

Дом Любимовой, ул. Екатерининская, 68.

Резиденция командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Гайды.

Кабинет начальника штаба Сибирской армии Генерального штаба генерал-майора Богословского Бориса Петровича.

Квартира старшего адъютанта генерал-лейтенанта Гайды.

Дежурная комната офицеров.

Дом Камчатова, ул. Монастырская, 59.

Здесь располагались основные отделения штаба Сибирской армии.

Кабинет начальника штаба Сибирской армии Генерального штаба генерал-майора Б. П. Богословского.

Кабинет генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии полковника Попова.

Кабинет дежурного генерала штаба Сибирской армии генерал-майора Фукина Михаила Николаевича.

Кабинет генерала для поручений штаба Сибирской армии полковника Гусарека Карела.

Начальник артиллерии Сибирской армии.

Начальник информационного отделения Сибирской армии штабс-капитан Калашников Николай Сергеевич.

Редакция газеты «Голос Сибирской армии». (Печатный орган Сибирской армии. Газета начала издаваться с апреля 1919 г. Главный редактор – поручик Кошкодомов. Вход в редакцию со стороны Красноуфимской улицы).

Начальник связи Сибирской армии.

Адъютантская комната штаба Сибирской армии.

Комендант штаба Сибирской армии полковник Цыровой.

Телеграф штаба Сибирской армии.

«Бельгийские номера», ул. Кунгурская, 77.

Главный начальник снабжения Сибирской армии генерал-лейтенант Рычков Вениамин Вениаминович.

Дом О. П. Турчевич, ул. Екатерининская, 32/15.

Кабинет начальника инженеров штаба Сибирской армии.

Инженерное управление штаба Сибирской армии.

Ул. Торговая, 51.

Команда управления начальника инженеров Сибирской армии.

Номера «Благородного собрания».

Отдел начальника военно-окружного артиллерийского управления.

Ул. Большая Ямская, 32/42.

Контр-разведочный отдел штаба Сибирской армии.

Ул. Покровская, 40.

Военно-полевой контроль Сибирской армии.

Станция Пермь II.

Отдел военных сообщений Сибирской армии. Начальник – капитан Силенко.

Ул. Монастырская, 14.

Канцелярия и кабинет инспектора артиллерии штаба Сибирской армии.

Ул. Покровская, 59.

Штаб и квартира командира Сибирского понтонного батальона.

Ул. Покровская, 30.

Квартира командира 1-й отдельной саперной роты поручика князя Урусова.

Духовная семинария, ул. Монастырская, 12.

Нестроевая рота штаба Сибирской армии.

Ул. Торговая, 69.

Управление автомобильной части Сибирской армии. Начальник – штабс-капитан Воронов.

Красные казармы.

Отдельная егерская рота, охранявшая штаб армии. Командир – прапорщик Латынин.

Угол улиц Торговой и Кунгурской.

Управление ремонтом конного состава Сибирской армии. Заведующий – генерал-майор Красноярцев Николай Григорьевич.

**Адреса частей и учреждений 1-го Средне-Сибирского
армейского корпуса [2].**

В 1-й Средне-Сибирский армейский корпус входили: 1-я и 2-я Сибирские стрелковые и Пермская стрелковая дивизии, 1-я Сибирская штурмовая бригада и 1-й Сибирский Драгунский дивизион.

Волжско-Камский коммерческий банк, ул. Покровская, 32.

Кабинет командира корпуса генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева. Здесь же проживала его семья: жена Нина Ивановна, урожденная Гавронская, и сын Всеволод.

Станция Пермь I.

Центральная телефонная станция штаба корпуса.

Там же на путях стояли эшелоны: штаба корпуса и редакции газеты «Сибирские стрелки». Главный редактор газеты – подпоручик Вс. Н. Иванов.

Биржа труда, ул. Торговая, 32.

Штаб 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса.

Автомобильная команда и гараж 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса.

Ул. Покровская, 8.

Дежурный штаб – офицер корпуса полковник Иванов.

Ул. Торговая, 63.

Корпусной интендант полковник Калмыков.

Богородицкая школа, ул. Пермская, 55/19.

Школа телефонистов. Начальник школы – поручик Ермаков.

Ул. Соликамская, 16.

Отдельная телеграфная рота корпуса. Командир роты – штабс-капитан Григорьев.

Управление Почтово-Телеграфного округа, ул. Торговая, 56/8.

Учебно-телеграфный класс отдельной телеграфной роты корпуса.

Ул. Покровская, 58.

Канцелярия броневоза № 4. Командир броневоза – прапорщик Рошковский.

Духовное училище, ул. Покровская, 29/18.

Контрразведка 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса.

Ул. Петропавловская, 27.

Отделение военного контроля г. Перми и уезда. Начальник – подполковник Никифоров [3].

Ул. Петропавловская, 20.

На верхнем этаже размещалась гостиница (5 комнат) для офицеров.

Адреса 1-й Сибирской штурмовой бригады [4].

Командир бригады – полковник Урбанковский Евгений Иосифович.

Дом Пермякова, ул. Петропавловская, 33.

Штаб 1-й Сибирской штурмовой бригады. Начальник штаба – капитан Заскокин.

Ул. Екатерининская 75.

Квартирмейстер 1-й Сибирской штурмовой бригады.

Усадьба Тупицыных, ул. Екатерининская, 212.

С 26 декабря 1918 г. до начала февраля 1919 г. здесь размещался штаб Сибирского штурмового батальона полковника Урбанковского.

С февраля по конец июня – интендант 1-й Сибирской штурмовой бригады.

Ул. Вознесенская, 20.

Штаб кавалерийского дивизиона бригады. Командир – капитан М. М. Плотников.

Ул. Малая Ямская, 13.

Квартира командира артиллерийского дивизиона подполковника Страхова.

Ул. Торговая, 51.

Квартира командира обоза 1-й Сибирской штурмовой бригады Левицкого.

**Адреса частей и учреждений 1-й Пермской
стрелковой дивизии [5].**

Начальник дивизии – генерал-майор Шаров Василий Степанович.

Ул. Соликамская, 16.

Квартира командира 1-й бригады генерал-майора Эскина.

Угол улиц Сибирской и Пермской.

Канцелярия начальника штаба дивизии. Начальник штаба – полковник Сухорский.

Угол улиц Екатерининской и Сибирской.

Начальник связи капитан Добровольский.

Дом Осипова, ул. Сибирская, 8.

Управление Интенданта дивизии.

Ул. Пермская, 33.

Обоз штаба дивизии.

Ул. Соликамская, 52.

Канцелярия дивизионного обоза.

Угол улиц Соликамской и Екатерининской.

Перевязочный отряд дивизии. Главный врач – лекарь Петросьянц.

1-й Пермский стрелковый полк.

Крестьянский поземельный банк, ул. Обвинская, 14.

Канцелярия штаба полка. Командир полка – подполковник Бармин Яков Петрович.

Дом Н. А. Синакевича, ул. Пермская, 50/9.

1-й батальон полка. Хозяйственная часть полка.

Ул. Торговая, 115.

Начальник хозчасти 1-го Пермского полка капитан Ильин.

Ул. Соликамская, 5.

Штаб 2-го Чердынского полка. Командир полка – капитан Рейнгардт Август Янович.

Конвойная команда, ул. Сибирская, 35/13.

Штаб 3-го Добрянского полка. Командир полка – полковник Поляков Сергей Максимович.

Ягошихинские казармы.

В них был расквартирован 4-й Соликамский полк.

Ул. Верхотурская, 25.

Квартира командира полка – подполковника Правохенского Генриха Антоновича.

Ул. Покровская, 25.

Канцелярия 1-го Пермского кадрового полка. Командир полка – капитан Покровский.

**Адреса частей и учреждений 1-й Сибирской
стрелковой дивизии [6].**

Начальник дивизии – генерал-майор Мальчевский Модест Иванович.

Ул. Екатерининская, 68.

Штаб 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Начальник штаба – полковник Турбин Дмитрий Петрович.

Станция Пермь 2; 15 Кунгурский путь.

Управление дивизионного интенданта дивизии. Дивинтендант – капитан Ванурин.

Ул. Вознесенская, 55.

Управление 1-го Сводного артиллерийского дивизиона.

1-й Новониколаевский Сибирский стрелковый полк.

Ул. Торговая, 58.

Командир полка – полковник Ластовский Николай.

Дом ректора Духовной семинарии, ул. Монастырская.

Пулеметная и учебные команды полка. Хозяйственная часть полка.

3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк.

Ул. Вознесенская, 63.

Штаб полка.

Ул. Красноуфимская, 38.

Квартира командира полка – полковника Камбалина Александра Иннокентьевича.

4-й Енисейский Сибирский стрелковый полк.

Командир полка – подполковник Журавлев.

Ул. Торговая, 69.

Учебная команда полка.

Епархиальное училище, ул. Соликамская, 13.

Штаб и казармы 1-го Сибирского прифронтового кадрового полка. Командир полка – подполковник Игнатюк.

Адреса частей и учреждений 2-й Сибирской стрелковой дивизии [7].

Начальник дивизии – генерал-майор фон Укке-Уговец Альфонс Генрихович.

Биржа труда, ул. Торговая, 32.

Штаб 2-й Сибирской дивизии. Начальник штаба – подполковник Остроумов.

Ул. Екатерининская, 52.

Автомобильная команда штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии.

Ул. Покровская, 45.

Штаб 5-го Томского Сибирского стрелкового полка. Командир полка – генерал-майор Кузьменко.

Ул. Петропавловская, 33.

Штаб 2-го Сибирского прифронтового кадрового полка. Командир полка – капитан Ерохин.

Другие воинские части [8].

Угол улиц Пермской и Оханской.

Учебная команда 14-го Иртышского Сибирского стрелкового полка 4-й Степной Сибирской стрелковой дивизии. Командир полка – подполковник Домбровский.

Ул. Монастырская, 51.

Штаб 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка 4-й Степной Сибирской стрелковой дивизии. Командир полка – подполковник Вержболович.

Ул. Екатерининская, 145.

Канцелярия 20-го Тюменского Сибирского стрелкового полка 7-й Степной Сибирской стрелковой дивизии.

Ул. Сибирская, Ягошихинские казармы.

Штаб 2-го Кунгурского полка Кунгурской кадровой бригады 3-го Степного Сибирского корпуса. Командир полка – подполковник Парфенов.

Ул. Соликамская, 5.

Канцелярия 1-й Сибирского Драгунского дивизиона.

Ул. Торговая, 22.

Квартира командира 1-го Сибирского Драгунского дивизиона рот-мистра Янерта.

Опорная база Камского речного, боевого флота [9].

Улица Монастырская, 4.

Квартира контр-адмирала Михаила Иосифовича Федоровича, который занимался формированием Камской речной, боевой флотилии и двух ее опорных баз.

Дом Мешкова, ул. Монастырская, 11.

Управление базы речного боевого флота. Начальник – капитан 1-го ранга Щербачев.

Ул. Торговая, 64.

Комендантская рота базы.

Ул. Обвинская, 3.

Квартира врача базы.

Духовная семинария, ул. Монастырская, 12.

3-й отдельный батальон морских стрелков. Командир батальона подполковник Долецкий [10].

1. Освобождение России, Пермь. – 1919. – 6 июня.
2. Там же. 28 марта.
3. ГАПК. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.
4. Освобождение России, Пермь. – 1919. – 29 марта.
5. Там же. 1, 4 апр.
6. Там же. 2 апр.
7. Там же.
8. Там же. 4 апр.
9. Там же. 30 марта.
10. Отечество, Пермь. – 1919. – 24 июня.

ПЕРМСКИЕ КИНОТЕАТРЫ 1920-Х ГОДОВ (по материалам газеты «Звезда»)

С первых лет появления в Перми кинематограф «прочно входит в обиход городского жителя, став без преувеличения самым популярным способом времяпрепровождения для обывателя»¹. Замечательно интересные и исторически ценные свидетельства о первых пермских кинотеатрах мы находим в публикациях Е. Спешиловой, А. Дмитриева, А. Шабрина². Из них мы знаем, что первый в городе электротheater «Иллюзион» был открыт в 1896 г. в доме Михайловой на углу улиц Большой Ямской и Кунгурской (теперь на этом месте детский творческий центр «Муравейник»). В 1900—1910-х гг. в Перми появились: синематограф (в здании Благородного собрания), «Парижский биоскоп» (в доме городского головы Синакевича), летний кинотеатр «Отдых» (в летнем помещении Общественного собрания в Загородном саду), второй по счету «Иллюзион» (в доме М. Добродина на углу улиц Оханской и Екатерининской), кинотеатры «Модерн» и «Прогресс», «Аквариум» (на углу Монастырской и Ирбитской улиц), «Мираж» (Кунгурская, 11), кафе-театр «Колибри» (Петропавловская, 39); в Мотовилихе – кино «Заря». Первый в городе специально построенный для кинопоказов кинотеатр «Триумф» первоначально существовал в виде электротheaterа в доме на ул. Пермской, 45, и лишь в 1913 г. был переведен в новое здание на ул. Покровской (Ленина), 44, где и продолжал работать по назначению до недавнего времени³.

Таким образом, пермская киносеть, начавшая формироваться в 1910-е годы, в последующее десятилетие включала уже более десятка постоянных и сезонных помещений. Во всяком случае, реклама и журналистские публикации на страницах газеты «Звезда» 1920-х гг. содержат информацию о следующих активно действующих кинотеатрах: «Триумф», «Мираж», «Колибри», «Красная Звезда», летний кинотеатр «Отдых» (в Красном саду – бывшем Загородном), «Пролетарий», кино общества «Долой неграмотность», «Научное кино» (Культурфильм) в Доме Санпросвета (ул. К. Маркса, 21), кино «Смычка» на Красной площади, «Луч», «Кино-Нардом» на Балашихе, «Металлист» в Мотовилихе, кино «Горн», кино «8-е марта», «Пионер» (ул. Оханская, 13а), кино клуба «Профинтерн», кино клуба «Имени Фрунзе» (ул. Толмачевская, 18), кино Объединенного клуба (ул. К. Маркса, 6).

Некоторые из них продолжали существовать с дореволюционных времен – под прежним названием, но чаще – в переименованном виде. К примеру, кинотеатр «Заря» в Мотовилихе (угловое двухэтажное здание на Монастырской, принадлежавшее В. Бересневу) после революции был добровольно передан владельцем народу, после чего продолжил работу как кинотеатр «Горн». Анонсы и хроника газеты «Звезда» позволяют следить за тем, как «Аквариум» превратился в «Пролетарий» (значительно позже он вновь поменял имя и стал «Победой»), бывший «Мираж» стал «Красной Звездой» (это произошло в конце 1925 г.), в синематографе Благородного собрания обосновался киноклуб «Профинтерн». Буржуазный «Колибри» был переименован в идеологически грамотный «Долой неграмотность».

Как верно заметила Е. А. Спешилова, в переменах названия этого кинотеатра после революции, как в зеркале, отражается наша история. До 1925 года он носил свое первоначальное имя – «Колибри»; с 1926 по 1927-й г. – «Общество «Долой Неграмотность»; с 1928 по 1933-й – «Крам – Юнг – Штурм»; с 1933 по 1941-й – «17-й МЮД» (Международное Юношеское Движение); с 1950 по 1992-й – «Комсомолец»⁴, после был вновь переименован в «Колибри».

Всего можно выделить три категории пермских кинотеатров 1920-х гг.: коммерческие, клубные, «передвижки». По данным газеты «Звезда» в 1926 г. в Перми преобладали клубные кинотеатры (под них забирали даже церковные помещения) – в городе и округе их было 18. Коммерческих насчитывалось шесть, а кинопередвижек – две⁵. К 1928 г. число кинотеатров возрастает: в Пермском округе теперь насчитывается 12 коммерческих кино, 27 клубных и 21 передвижка, – всего 60 установок. Из них 20 принадлежат Окронам и РИ-Кам, 33 профсоюзам, 1 кооперации и 6 прочим организациям⁶.

В целом на всем протяжении 1920-х гг. киножизнь Перми находится в зоне пристального внимания газеты «Звезда». Из публикаций газеты мы можем получить представление не только о том, какие были в Перми кинотеатры и где они располагались, но также об их репертуаре, бытовых условиях кинопоказов, нравах и предпочтениях посетителей.

Репертуар кинотеатров 1920-х отличался насыщенностью и разнообразием – как в идейном, так и в жанровом планах. Следуя запросам нового времени, кинотеатры активно демонстрировали картины о революции и пролетариате. Но, как показывает газета «Звезда», «старый» репертуар «изжить» с экранов было не так просто. Несмотря на вводимые абонементы и скидки на «правильное» кино, зритель по-прежнему стремился на заманчивые, разрекламированные газетой картины: «жуткая драма», «сверх-боевик», «гвоздь сезона», «нашумевшая картина»

и др. В первое революционное десятилетие на экранах пермских кино-театров по-прежнему шли «старорежимные» фильмы 1910-х гг. («Песнь торжествующей любви», 1915; «Сатана ликующий», 1917; «Пляска смерти», 1916, и др.). Также демонстрировались современные зарубежные комедии и боевики. Не только Вера Холодная, Иван Мозжухин и Витольд Полонский, но и Осси Освальд, Дуглас Фербенкс, Гарри Пиль, Чарли Чаплин, Пат и Паташон, Монти Бэнкс были любимцами пермской публики, которая изумлялась невероятным трюкам и съемочным эффектам. Фильмы с их участием давали полный сбор.

Кинотеатры работали как культурные центры: в них читались научные лекции, проводились диспуты. До или после просмотра пермской публике иногда предлагалась культурно-развлекательная программа: например, концерт известного балалаечника Смирнова, выступление на злобу дня ленинградского юмориста Альдо, концерты популярных юмористов Рима и Рома, народного певца Еленского, тенора Каренина, юмориста-импровизатора Юзефа Самарского и т. д.

В газете «Звезда» сохранились интересные сведения и о зрительской аудитории. Например, в 1923 г. автор под псевдонимом «Пл. Вар.» публикует очерк «Пермь ночью. У кино»⁷, в котором представлен социальный портрет пермского зрителя. Публика самая разнородная. «Шляпки. Фуражки. Платки» – в одной очереди у кинотеатра. – «По сырому асфальту хлопают десятки ног». При этом автор намечает противопоставление «старого» и «нового» зрителя: «Нет, раньше картины были красивей... Теперь мало показывают о эстетической любви... Все хотят о нашей жизни...», – лепечет барышня, тогда как некто в кожаной куртке выражает более прогрессивное мнение: «Кино должно носить культурно-воспитательный характер. Через кино мы можем расширить свой жизненный кругозор».

Именно такой, сознательный зритель, должен был массово сформироваться в результате пропаганды, агитации и практических организационных мер по кинофикации населения. С этой целью по области разъезжали агитационные «киноповозки», для красноармейцев и рабочих устраивались льготные киносеансы, проводились кинолектории, по «требованию рабочих» под кинопоказы оборудовались разоренные церкви.

Окрполитпросвет совместно с заинтересованными организациями распределил городские сады для развертывания в них на летнее время зрелищ и политпросветработы. «Набережный сад прикреплен к ОДН, в нем будет устроено кино. Гостинодворский сад отдан Тюзу и Траму под «сад юношества». /.../ Сад при б. Мешковском доме отдан водникам, Ботанический – университету. О Загородном саде вопрос еще не разрешен»⁸.

Тогда же, в 1920-е, киноруководство начало уделять внимание работе с детской аудиторией. В Перми для детей давали специальные киносеансы, утренники в таких кинотеатрах как «Триумф», «Заря», «Отдых», «Пролетарий», «Кино 8-е марта», «Металлист», «Научное кино» Дома Санпросвета. Детской публике предлагали посмотреть кинокартины «Ванька пионер», «Дитя госцирка», «Маленький Мук», «Мишка Звонов», «Аня», «В тайгу за метеоритом», «Гога-летчик», «Живые дома», «Месть Мурзилки». На некоторые фильмы из общего репертуара был установлен возрастной ценз: дети до 16 лет на них не допускались.

Нередко на кинопоказах возникали различные «инциденты» и «непорядочки». Из публикаций видно, как ощущал себя зритель на киносеансе, какие удобства (или неудобства) были ему предоставлены. В целом картина складывалась довольно неприглядная. «Крик, шум, гам в клубе Н. Курьинского дома отдыха, – жалуется Отдыхающий. – Картина мелькает, рвется ежесекундно полотно, как лицо старушечье, сморщенное. Стол с аппаратом как живой ходит»⁹. В кинотеатре «Пролетарий», «посещаемом исключительно заводским людом», «аппарат мигает, надписи едва видны, а по картинам все благородные мистеры и лорды скачут, и ручки у леди целуют»¹⁰.

Были в кинотеатре «Пролетарий» и другие «непорядочки», отбивающие желание его посещать: начало сеанса рекламировали в одно время, а показ начинался на полчаса позднее, или, наоборот, раньше. Сталкивался кинозритель и со спекуляцией билетами: «всегда за билетами длинные очереди. /.../ ловкачи-мальчишки, купив заранее билетов, спекулируют ими с надбавкой в пятак-два»¹¹. В кинотеатре «Красная звезда», например, дешевый билет купить можно было редко – «а для тех, кто был «с кассиршей на ты и за ручку» («нафуфыренные дамочки»), «по протекции ЗАВа» дешевые билеты находились»¹².

Известно также и то, что музыкальное сопровождение картины в кинотеатре «не всегда кстати подбирается» под ее содержание: к примеру, в картине «Мать» – массовый расстрел, а «пианистка наяривала разухабисто что-то похожее на песенку «По улице мостовой». У рабочего зрителя нутро воротит от такого аккомпанемента!»¹³, – негодует некто Иван Бродяга. Возможно, причиной такого «неблагозвучия» была ветхость музыкальных инструментов, их изношенность. В 1929 г. в газете «Звезда» появляется такая информация: «В кино «Пролетарий», обслуживающем один из крупнейших районов Перми, – 55 клавишей пианино совершенно

отказываются издавать какие бы то ни было звуки. В «Заре» инструмент напоминает ободранный гроб. Во всех кинотеатрах города, исключая, разве, «Красную звезду» и кино «8-е марта», инструменты разбиты и расстроены»¹⁴.

В клубе «Профинтерн», где показывали общедоступное и хорошее кино, наблюдалась постоянная давка, теснота и духота. «В погоне за общедоступностью администрация продала на одно место несколько билетов. Приходится тесниться и размещаться между стульев»¹⁵, – пишет автор под инициалами А. С.

Подобные впечатления от посещения кинотеатра описывает и кинозритель В. Просвирнин: «В кино только в самый зал входить худо. Трудновато входить – могут затискать до смерти. А так все остальное очень благородно». В зощенковской манере автор отмечает и фамильярность служительницы («Вдруг открывается дверь, барышня говорит: «Валяйте...»), и в целом дикий нрав пермской кинопублики («Ринулся народ к дверям. /.../ Меня вдруг стиснуло, как севрюгу, и понесло вправо. Двери, говорю, человеком расколоть можно. /.../ Хотел я от этих дверей отойти. Начал башкой дорогу пробивать. Не пускают»)¹⁶.

В прошлом respectable кинотеатр «Триумф» в 1920-е гг. также снизил планку культурного обслуживания населения. Кассиры в нем позволяли себе грубо обходиться с публикой и отвечать: «Убирайтесь к черту»¹⁷. В зрительный зал публику впускают «только в одни двери, хотя есть три двери. Контроля у дверей все равно нет»¹⁸.

Но все же наблюдались и позитивные перемены. Увеличивалось количество кинопоказов – в 1925 г. «Отдых» и «Триумф» начали ежедневно проводить по три сеанса. В кинотеатрах проводился ремонт, расширялись помещения, обновлялась аппаратура. В частности, в 1925 г. было капитально отремонтировано помещение кинотеатра «Красная Звезда». «В зале поставлена новая мебель. Новая электрическая установка. Масса света. Для проекции картин поставлена новость последней техники Лампа Ган-Герцена, дающая резкий свет и в то же время совершенно не утомляющая глаз», – сообщала газета¹⁹. А в октябре 1929 г. отремонтирован зал и «установлен новый киноаппарат «ТОМП» с хорошей проекцией» в кино клуба «Имени Фрунзе»²⁰.

Пермская публика постепенно перевоспитывалась, репертуар приобретал все большую идеологическую заданность. Показательным событием стало открытие Научного кино Дома Санпросвета, на котором демонстрировали картину «Волховстрой» (февраль 1927 г.). «Мы являемся пионерами – на Урале до сего времени не было ни одного научного кино. Наше Пермское научное кино является третьим по

счету в СССР. /.../ Зрители остались чрезвычайно довольны, и по окончании сеансов благодарили устроителей научного кино шумными аплодисментами»²¹. Краевед А. Шабрин вспоминает другое заметное в этом плане событие – когда «успех иностранных фильмов превзошли «Красные дьяволята» Ивана Перестиани. Толпы зрителей заполняли проезд перед кинотеатром «Триумф» /.../, и гужевому транспорту приходилось объезжать другими улицами»²².

Работать на нового зрителя пытался и собственный пермский любительский киноколлектив. Он намеревался «выпускать хорошие, чистые технически, фильмы»²³. Но для такого кинопроизводства не хватало денег. Однако в 1926 г., как свидетельствует «Звезда», в кинотеатре «Триумф» пермяки все же увидели на экранах самих себя: «многолюдные манифестации и митинги по поводу выборов в горсовет /.../. Общий подъем настроения и отдельные моменты схвачены удачно»²⁴.

И все же, несмотря на массивную агитацию, пермский зритель продолжал упорствовать – вплоть до конца 1920-х гг. публика по-прежнему выбирала заграничные комедии и боевики.

Каждый из пермских кинотеатров 1920-х гг. прожил свою жизнь. К сегодняшнему дню многие из них снесены. Все сохранившиеся здания перепрофилированы. В «Аквариуме» (он же «Пролетарий» и «Победа») до недавнего времени размещалась баптистская церковь, сейчас в здании продуктовый магазин. В «Колибри» – располагается офис фирмы «Алендвик». В «Заре» («Горн») – магазин и студия ТРК «Рифей». В кино клуба «Имени Фрунзе», работавшем в здании интерната для учениц бывшей Мариинской женской гимназии – Сельскохозяйственная академия им. Прянишникова. В здании, где размещался киноклуб «Имени Энгельса» (ул. Толмачева, 18) – школа № 84. В 2008 г. прекратил свое существование и «старейшина» пермских кинотеатров – изящный и respectable «Триумф». Его здание, уже без вывески, еще продолжает хранить надежду на культурную востребованность. В конце концов, благодаря ему, в городе была своя «триумфальная арка» – только сквозь нее можно было попасть в кассу за билетиком. Теперь ее нет, и как тут не вспомнить слова писателя Анатолия Королева: «Пермь – это город, в котором нет ни одной конной статуи...».

¹ Устюгова В. В. Великий немой: дореволюционный кинематограф глазами пермского зрителя // Ретроспектива. – 2008. – № 4. – С. 12.

² Дмитриев А. История кино в Перми // Вечерняя Пермь. – 1992. – 21 мая; Слешилова Е. От «Триумфа» до «Кристалла» // Звезда. – 1988. – 27 авг.; Слешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723—1917. – Пермь, 1999; Шабрин А. А начиналось так... // Звезда. – 1986. – 27 авг.

³ История «Триумфа» подробно описана в кн.: *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723–1917. – Пермь, 1999. – 580 с.

⁴ *Спешилова Е.* Указ соч. С. 167-168.

⁵ *С. П.* Союзная кино-работа // Звезда. – 1926. – 31 авг. (№ 198). – С. 3.

⁶ *Постников Д.* Кино-дело в округе // Звезда. – 1928. – 29 июня (№ 149). – С. 5.

⁷ *Пл. Вар.* Пермь ночью. У кино // Звезда. – 1923. – 20 июля (№ 160). – С. 5.

⁸ *Отдыхающий.* Кино-недоразумение // Звезда. – 1925. – 30 авг. (№ 197). – С. 5.

⁹ *Слудский.* Хорошие картины рабочим // Звезда. – 1925. – 25 окт. (№ 241). – С. 6.

¹⁰ *Иван Бродяга.* Кино-непорядочки // Звезда. – 1926. – 22 дек. (№ 294). – С. 5.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Музыкальные инструменты в кино нужно заменить новыми // Звезда. – 1929. – 26 нояб. (№ 267). – С. 4.

¹⁴ Готовятся к лету // Звезда. – 1927. – 27 марта (№ 70) – С. 6.

¹⁵ *А. С.* Между двух стульев // Звезда. – 1926. – 16 дек. (№ 289). – С. 4.

¹⁶ *Просвирнин В.* Кино-драма // Звезда. – 1926. – 18 авг. (№ 187). – С. 5.

¹⁷ Развлечение в «Триумфе» // Звезда. – 1926. – 15 окт. (№ 237). – С. 4.

¹⁸ Звезда. – 1925. – 3 апр. (№ 76). – С. 3.

¹⁹ Звезда. – 1925. – 17 сент. (№ 212). – С. 3.

²⁰ Звезда. – 1929. – 13 окт. (№ 232). – С. 4.

²¹ *В. Б.* Научное кино // Звезда. – 1927. – 23 февр. (№ 44). – С. 6.

²² *Шабрин А.* А начиналось так... // Звезда. – 1986. – 27 авг. (№ 197). – С. 4.

²³ *Лисин В.* Что нужно для кинопроизводства // Звезда. – 1926. – 4 февр. (№ 28). – С. 6.

²⁴ Там же.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ЭЛЕКТРОСВАРКИ Н. Г. СЛАВЯНОВ Из истории увековечения памяти в Перми

В 2008 году, в День города, в Перми на аллее «Доблести и славы», расположенной на площади мемориала «Единство фронта и тыла», была заложена плита **«Изобретатель электрической электросварки Славянов Николай Гаврилович. 1854 – 1897».**

Еще ранее в городе было установлено несколько мемориальных досок:

«В этом доме с 1888 по 1893 г. жил и работал выдающийся русский инженер изобретатель электросварки плавящимся электродом Николай Гаврилович Славянов»;

«В этом доме жил с 1893 г. и умер 17-го октября 1897 года великий русский изобретатель – творец электросварки металлов Николай Гаврилович Славянов»;

«СЛАВЯНОВ НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ (1854 – 1897) горный начальник (директор) «Пермских пушечных заводов» с 1891 г. по 1897 г. создатель электрической дуговой сварки металлическим электродом» (на проходной «Мотовилихинских заводов») [1].

Всем известен памятник Н. Г. Славянову, установленный на оживленном месте – в сквере площади «Дружба». Памятник создан на средства завода им. В. И. Ленина и торжественно открыт 14 сентября 1988 г. Его открытие было приурочено к 100-летию изобретения электродуговой сварки металлов нашим земляком. Памятник стал украшением города. Его авторы: скульптор А. А. Уральский и архитектор С. И. Тарасов [2].

Менее известен памятник-бюст Славянову на улице Уральской, 78 – в сквере у политехнического колледжа им. Н. Г. Славянова, так как он находится не в оживленном месте.

Все началось с Постановления Совета Министров СССР «Об увековечении памяти изобретателя электродуговой сварки металлическим электродом Славянова Николая Гавриловича», № 5792 от 27 декабря 1949 года, подписанного председателем Совета Министров СССР И. Сталиным [3]. В Постановлении предписано:

1. Соорудить в г. Молотове памятник-бюст Славянову Н.Г.
2. Установить 4 стипендии имени Славянова Н. Г.
 - а) для аспирантов 800 руб. в месяц по одной в Институте электросварки им. Патона Академии наук УССР, и в Московском Высшем техническом училище им. Баумана.
 - б) для студентов 400 руб. в месяц.

3. Передать Академии наук СССР архив Славянова Н. Г., находящийся в Московском Высшем техническом училище имени Баумана.

4. Поручить Академии наук СССР издать монографию о жизни и деятельности Славянова Н. Г. и в 1952 году – его труды в двух томах.

5. Установить персональную пенсию сыну Славянова Н. Г. – Славянову А. Н. в размере 800 руб. в месяц пожизненно.

По всей видимости, это постановление готовилось заранее, т. к. местные власти вспомнили о самом известном и любимым народом горном начальнике пушечных заводов Н. Г. Славянове в 50-ю годовщину его смерти. Вспомнили о месте его погребения – кладбище Свято-Троицкого монастыря Мотовилихи, которое к тому времени было ликвидировано, а сам монастырь закрыт. Было принято редкое для тех и сегодняшних дней решение – о вскрытии могилы и перезахоронении Славянова на новом месте.

Для вскрытия могилы (основание – решение Молотовского городского Совета депутатов трудящихся от 18.11.1948 г. за № 667) была создана авторитетная и компетентная экспертная комиссия. В нее вошли: председатель районного совета М. Ф. Бушмелев, прокурор района А. Н. Казымов, главный врач районной больницы А. М. Соснина, известные и авторитетные в городе профессора медицинского института – Н. М. Степанов, П. А. Ясницкий, А. С. Лебедева, судебно-медицинский эксперт Н. Н. Кудрявцева, секретарь райкома партии, начальник отделения милиции, представители завода и редакции газеты «Звезда», а также трое старых рабочих, принимавших участие в похоронах Славянова 7-го октября 1897 г. и лично знавших и помнящих его в лицо. В состав комиссии был включен и сын Николая Гавриловича – доцент, кандидат химических наук А. Н. Славянов.

Из «Акта вскрытия могилы выдающегося русского изобретателя Славянова Николая Гавриловича. Город Молотов, Молотовский район, б/церковная ограда Свято-Троицкой церкви (ныне Хлебозавод № 3). Ноябрь 22 дня 1948 года» [4]:

«...Могила СЛАВЯНОВА Н. Г. расположена в ограде б/Свято-Троицкой церкви против алтаря с Восточной его стороны на расстоянии 5 метров от стены в виде ниши, образованной из кирпичной кладки в один кирпич на известке, оштукатуренная, внутри побеленная, покрыта двумя металлическими плитами. Размер ниши /длина 2 метра, 25 см., б/ширина в голове 85 см., в ногах 70 см., в/глубина 72 сант.

В могиле имеется деревянный гроб из липовых досок, толщиной от 2 S – 4-х см., длина гроба 2 метра 10 см., ширина в голове 65 см., в ногах 55 см., с останками трупа СЛАВЯНОВА Н. Г., головой обращенной на Запад, ногами на Восток.

Доски гроба имеют темно-коричневый цвет, разошедшиеся по бокам и на крыше. Изнутри и снаружи гроб обит парчой голубого цвета с такими же кистями по углам. Парча при дотрагивании довольно прочная.

На разошедшихся досках крышки гроба лежит деревянный крест длиной 1 м. 20 см. обитый сверху золотой парчой – также довольно прочной.

В головной части гроба, на досках крышки полукругом лежит венок из мха, буровато-зеленоватого цвета. В нижнем конце гроба лежит на трупе металлический венок с остатками белой ленты. Цветы и листья венка при дотрагивании легко крошатся.

Внутри гроба лежит труп мужчины, одетый в мундир статского советника, из сукна темно-синего цвета с синей окантовкой, на брюках лампасы зеленоватого цвета шириной 5 сан. с синей полоской посередине. На рукавах мундира имеются черные бархатные с золотым шитьем галуны. На груди мундира в два ряда желтые металлические с двуглавым орлом пуговицы, покрытые сверху прозрачной белой сеткой и местами имеющие зеленоватый цвет. На правой стороне мундира привинчен значок Горного инженера, желтоватого цвета, местами блестящий, местами позеленевший. В центре значка расположен двуглавый орел, сверху накрест расположены молоток и кайло, перевитые венком. На ногах одеты кожаные сапоги, имеющие короткие голенища, на среднем каблуке, с закругленным носком. Одежда местами покрыта плесенью, местами имеет отверстия (вследствие гниения), местами же довольно прочная.

Голова покоится на полусгнившей подушке на деревянной стружке. Мягкие ткани на голове почти полностью отсутствуют, лишь в области глазниц сохранились в виде плотных черных кусочков. Кости черепа имеют темно-коричневый цвет, прочные при дотрагивании.

Хорошо выражен высокий лоб. Волосы в области лба и темени отсутствуют. На затылке и висках они имеют темно-бурый цвет, короткие, легко отделяющиеся при дотрагивании.

Носовые кости, ближе к основанию носа деформированы, на левой носовой косточке имеется небольшой, до одного сантиметра пологий выступ, правая носовая косточка слегка западает. Борода и усы темно-буроватого цвета, легко отделяются при дотрагивании. Борода длинная окладистая, слегка вьющаяся, по фасону соответствует представленным комиссии фотографиям

покойного. Из-под усов видны белые ровные зубы. На лбу имеется венчик из белой шелковой ленты с ясно различимыми словами и эмблемами священного писания.

Руки сложены на груди крестообразно. Из рукавов мундира видны концы костей предплечий. Мелкие кисти костей свободно лежат между ними на середине груди.

Все кости имеют темно-коричневый цвет и лишены мягких тканей.

Труп по внешнему виду лица и одежды опознан присутствующими при вскрытии могилы:

- а) сыном покойного СЛАВЯНОВЫМ Александром Николаевичем, а также рабочим завода № 172 им. Молотова / б. Пермского Пушечного завода.
- б) АСПИЦОВЫМ, в) СИЛИЦИНЫМ и е) ПИШУЛЕВОЙ, за труп бывшего Начальника Пермских Пушечных заводов СЛАВЯНОВА Николая Гавриловича, на похоронах которого они присутствовали 7-го октября 1897 года.

Труп СЛАВЯНОВА Н. Г. переложен вместе с сохранившимися частями гроба, креста и венка (из мха) в новый металлический гроб.

Изъято для сыновей СЛАВЯНОВА: а) СЛАВЯНОВА А. Н. и б) СЛАВЯНОВА Н. Н. по их желанию и просьбе:

1. Нагрудный значок горного инженера.
2. Четыре металлических пуговицы.
3. Часть венка.
4. Венок из металлических цветов.
5. Две кисти от покрывала.
6. Часть волос из бороды.

Комиссия разрешает установить запаянный металлический гроб с останками Н. Г. СЛАВЯНОВА в Рабочем Клубе им. Свердлова, как совершенно не представляющий инфекционной опасности, т. к. по материалам книги записи Молотовского ГорЗАГСа видно, что СЛАВЯНОВ Н. Г. скончался от паралича, для воздания почестей им при жизни и для последующего погребения на новом месте».

Гроб с останками Н. Г. Славянова был установлен в Рабочем клубе им. Я. М. Свердлова. Желающие проститься с великим русским изобретателем могли это сделать в течение двух дней: 27 и 28 ноября 1948 г. У гроба великого русского изобретателя нес службу почетный караул, постоянно сменяемый представителями различных государственных учреждений. В воскресенье, 28 ноября, в 12 часов дня, после гражданской панихиды, многочисленная процессия сопровождала установленный на орудийном лафете гроб с останками творца электросварки к новому месту захоронения – на площадь сквера Дома техники завода в Рабочем поселке Мотовилихинского района.

На могиле, сделанной из цемента, сверху положили металлическую доску с надписью: **«Великий русский изобретатель, творец электросварки Николай Гаврилович Славянов. 1854–1897 г.»** Установили обелиск с фотографией Славянова. Все это огородили чугунной оградкой [5]. Так вновь обрел вечный покой на пермской земле Славянов, присоединившись к шестилетней дочери Софье, скончавшейся пятью годами ранее него [6].

К 100-летию рождения Н. Г. Славянова – 7 мая 1954 г. рядом с его могилой был установлен памятник-бюст из бронзового литья, тем самым выполнено сталинское Постановление 1949 года. Авторами выступили архитектор А. Л. Прозоровский и скульптор З. В. Баженова. Так появился первый памятник Николаю Гавриловичу Славянову не только в нашем городе, но и в стране.

1. *Субботин Е. П., Семянников В. В., Серов М. И.* Мемориальные доски Перми. – Пермь, 2008. – С. 100-101.

2. *Пряхин Д.* Инженеру Славянову посвящается // Звезда. – 1988. – 15 сент. – С. 4.

3. Постановления Совета Министров СССР № 5792 от 27 дек. 1949 г. – ГАПК. Ф. р-1009. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.

4. Акт вскрытия могилы выдающегося русского изобретателя Славянова Николая Гавриловича. – ГАПК. Ф. р-1009. Оп. 1. Д. 10. Л. 57-60.

5. *Субботин Е. П.* Гений места – Славянов // Шпиль. – 2010. – № 47. – Май. – С. 26-28. Фото: могилы, перезахоронения.

6. Дочь Николая Гавриловича Славянова – Софья (17.04.1885 – 11.11.1892). Метрические книги Мотовилихинской Свято-Троицкой церкви: на 1885 год (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1163. Л. 41об.-42); на 1892 год (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 172. Л. 328-329).

ЗАСТРОЙКА ГОРОДА ПЕРМИ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Воплощением сталинской эпохи в архитектуре для современного человека, являются так называемые «сталинские дома». Это четырех- и пятиэтажные солидные здания, с просторными квартирами не менее чем из двух больших комнат, широкими лестницами и «парадными», полным набором современных удобств, разве что не всегда имеющие лифты. Красивые фасады этих зданий не лишены разного рода архитектурных излишеств, особенно ласкающих глаз горожан, в сравнении с унылыми серыми параллелепипедами домов эпохи «развитого социализма». Жилые пятиэтажки дополняют дворцы культуры – величественные здания с колоннами, а также окружающие их парки с фонтанами и статуями пионеров и физкультурников.

Большая часть таких домов в Перми была построена уже после смерти вождя – в середине 1950-х годов, но они все равно считаются «сталинскими».

В действительности Пермь (тогда Молотов) конца 1940-х – начала 1950-х гг. выглядела как конгломерат рабочих поселков, возникших рядом с заводами-гигантами и группировавшихся вокруг старого городского центра – наследия еще дореволюционной губернской Перми.

Каждый из заводских поселков включал несколько каменных зданий капитальной постройки и множество деревянных бараков, в которых и проживала подавляющая часть его жителей. Их массовая застройка началась одновременно со строительством новых и реконструкцией старых заводов в годы первой пятилетки.

Достаточно типичным примером можно считать поселок (затем – город) в Краснокамске. Весь домовый фонд рабочего поселка Краснокамского бумкомбината, включая дома ТЭЦ, спиртозавода и треста «Прикамнефть», по данным инвентаризации на 1 декабря 1940 г., насчитывал 138 строений, в том числе пять многоэтажных жилых каменных домов, составляющих по удельному весу 34,3 % всей жилой площади поселка. Основной жилой массив поселка был представлен в кварталах двухэтажной деревянной застройки, где имелся 81 деревянный двухэтажный дом, жилая площадь которых составляла 63,4 % от всей жилой площади поселка.

Квартал № 13 смешанной застройки (четыре 2-х – 3-х этажных дома) был занят преимущественно административными и обслуживающими учреждениями. Остальные строения поселка одноэтажные, барачного типа, составляли незначительный удельный вес от общего жилого фонда поселка (44 строения – 4,2 %).

Благоустройство улиц фактически отсутствовало, ограничиваясь замощением деревянными торцами проезжей части двух улиц. На некоторых участках отдельных улиц по одной стороне были проложены тротуары из досок, шириною 0,75 метров.

Все каменные здания были присоединены к водопроводу и канализации, а также теплофицированы. Двухэтажные же деревянные и смешанные дома к водопроводу и канализации были не присоединены (кроме гостиницы). Население этих домов снабжалось водой из водоразборных будок (1).

Акт приемочной комиссии, подписанный 10 ноября 1931 г., дает возможность в деталях представить себе, как выглядели бараки 1930-х годов, в данном случае – каркасно-засыпные, построенные по проекту ОКС ПСЗ № 179 от 18 марта 1931 г. (2).

В документе описаны пять бараков, построенных Пермстроем для рабочих станкостроительного завода (завод им. Дзержинского) – три по ул. Университетской в кв. 132 (бывшее Кержацкое кладбище) и два – на берегу р. Данилихи. Кровля тесовая, на деревянных «стужьях», с полом и потолочным перекрытием. Стены, переборки и потолки оштукатурены. Имели 22 комнаты площадью по 18,4 кв. метра, две кухни с кладовой, две теплые уборные, умывальную комнату, вестибюль и два коридора. Отопление – печное. Никаких внешних построек и благоустройства не имелось: положено было иметь дровяник на 66 отделений, две помойные ямы, вошебойку, прачечную на семь корыт, мусорные ящики и ограду для участка.

Бараки сданы с рядом недоделок: не огрунтованы полы, не побелена штукатурка стен, переборок и потолков, кухни не оборудованы очагами, умывальные комнаты не разделены перегородками на женские и мужские отделения и не сделаны для них вторые двери. Все наружные двери не утеплены, голландские печи не имели душников, толщина засыпки – 7-10 см вместо положенных 12 см и т. д.

Барачное строительство рассматривалось как временная мера – рабочих новых гигантов индустрии и расширяющих производство старых заводов необходимо было срочно обеспечить хоть каким-то жильем. Для современного избалованного комфортом горожанина это жилье покажется совершенно неудовлетворительным, особенно учитывая, что бараки были перенаселены уже в 1930-е гг. Однако большинство заселявшихся в бараки рабочих были выходцами из крестьянской среды, где скученность и отсутствие минимального, по меркам современного горожанина, комфорта – явления вполне заурядные. Бараки 1930-х гг. по уровню комфорта примерно соответствовали уровню дореволюционных казарм для несемейных неквалифицированных рабочих, которые строились фаб-

рикантами во 2-й половине XIX – начале XX вв. и предоставлялись в пользование, как правило, на льготных условиях.

Баракы обходились государству очень дешево – за пять барак-ков, каждый из которых имел жилую площадь 405 квадратных метров и был рассчитан на проживание 22 семей, без учета работ по устранению недоделок, строительной организации полагалось всего лишь 2 929 рублей (3). Таким образом, работы по постройке одного барака стоили всего 600 рублей – сумма несопоставимая со стоимостью строительства капитального жилого дома. Судя по упоминающимся в акте ссылкам на неполучение от заказчика всех необходимых материалов, в эту сумму не вошли строительные материалы, транспортные расходы и т. д. Однако и эти расходы были минимальными – кровельное железо, краска, кирпич и другие остродефицитные материалы в начале 1930-х гг. обычно использовались только в капитальном строительстве. Сохранившаяся смета на устранение всех многочисленных недоделок в этих пяти бараках, с учетом стоимости всех материалов составила 2 844 рубля (4).

Часть работ производилась самими будущими жильцами, и это касается не только внешнего благоустройства: в других актах, в списке дефектов, упоминаются перегородки, устроенные самими жильцами – сделанные «крайне небрежно» и не обеспечивающие защиту от морозов (5). Качество строительства, не говоря уже об отделке, было невысоким. В актах приемки повсеместно фиксируются щели в полах, неполная засыпка стен и перегородок (иногда всего на 15-20 %), протекающие крыши и т. д. Характерно, что часть помещений и оборудования в новых, только что построенных бараках, уже требовала ремонта: разбитые стекла, разрушающиеся печи, сломанные двери и т. д.

В дальнейшем баракы постепенно обустроивались и приспособлялись для жизни, как правило, уже самими жильцами. Для описанных выше «плекхановских» барак-ов, Пермстроем, в порядке ликвидации недоделок было сделано только самое необходимое, в первую очередь – вошебойка. Она представляла собой деревянную рубленую постройку площадью 6,5 кв. м, изнутри обшитую железом, с теплыми сенями. Вошебойка была оборудована очагом, железными плитами, форсункой и железным противнем для уничтожения вшей (6).

В годы Великой Отечественной войны капитальное строительство в Перми сократилось до минимума. Выросшее за счет эвакуированных и спецпоселенцев население размещали в наскоро построенных бараках «упрощенной конструкции», а также землянках и подвалах.

На этом убогом фоне немногочисленные капитальные здания, построенные в Перми в послевоенные годы, выглядят настоящими

дворцами. Первым таким значительным сооружением было здание комбината «Молотовуголь» по ул. Орджоникидзе, 15. Оно строилось с апреля 1945 г., к лету 1946-го подведено под крышу. На строительстве временами было занято до 250 человек (7).

В ходе строительства органы ГАСК (начальник инспекции Калининцев) неоднократно вмешивались в работу Стройконторы комбината Молотовуголь, писали ее главному инженеру Рюмину письма, где отмечались грубейшие нарушения технических норм:

«Вы ведете устройство фундаментов... приготовление бетона производится вручную... дозировка составляющих бетон не организована, а именно:

- а) отсутствует лабораторный подбор состава бетона и нет данных, подтверждающих марку бетона;
- б) дозировка песка, цемента, воды производится не по весу, а по объему и на глаз, носилки загружаются неравномерно;
- в) отсутствуют данные по консистенции бетона, водоцементный фактор не установлен...» (8).

Не имевшие опыта многоэтажного строительства инженеры и техники использовали первоначально те же методы, которыми они привыкли пользоваться при строительстве малоэтажных зданий, за что критиковались инспекцией:

«Вы ведете устройство железобетонных перекрытий над подвальной частью здания... Состав (рецептура) бетона до начала бетонирования не подбираются. Лабораторных данных нет. Дозировка бетона делается просто на глазок, вода употребляется грунтовая, возможно вредная. Щебенка чрезмерной величины 90-100 мм, крупная. Опалубка от мусора и грязи плохо очищена, не тщательно промыта...» (9).

Однако переписка со стройконторой давала только частичный эффект. Поэтому к осени инспекция обращалась уже напрямую к начальнику комбината, угрожая ему прокуратурой:

«Ставлю Вас в известность, что до сих пор к строительству дренажа не приступлено, и отсутствует подготовка к зиме. Предлагаю Вам своевременно отеплить фундамент и не позднее 20.11.45 закончить строительство дренажа. В случае допущения размораживания фундаментов на виновников будет передан материал прокурору» (10).

Отметим, что комбинат «Молотовуголь» в середине 1940-х годов – пожалуй, самая мощная и значительная организация в области, превосходившая остальные с точки зрения своих ресурсов. Поэтому возможности ее строительной конторы, не уступали возможностями других строительных организаций, а скорее превосходили. С современной точки зрения, эти возможности более чем скромны:

- «... I. Лесорама общей производительностью 15 км/сутки.
- II. Столярная мастерская оборудована 5 станками.
- III. Кузница построечного типа на 1 горн с ручными мехами.
- IV. Действующие механизмы на участках:

- 1. Транспортеров «Ленинец» – 2 шт.
- 2. Кран-Укосина – 1 шт.
- 3. Бетономешалка – 1 шт.
- 4. Растворомешалка – 1 шт.
- 5. Сварочных аппаратов – 2 шт.
- 6. Центробежный насос – 1 шт.
- 7. Циркулярная пила – 2 шт.

V. Автотранспорт.

В распоряжение стройконторы комбинатом «Молотовуголь» выделяется 13 автомашин (3-х тонных). Своего гаража не имеется.

VI. Гужтранспорт.

Конный двор Стройконторы имеет 12 рабочих лошадей» (11).

В итоге, ценой значительных усилий, здание было закончено и принято госкомиссией 30 декабря 1947 г. В акте приемки отмечались многочисленные недоделки: не был облицован мрамором 1-й этаж (из-за отсутствия мрамора), не заасфальтирована прилегающая территория, не установлены скульптуры и др. внешнее благоустройство. В 1948 г. предполагалось закончить внутреннюю и внешнюю отделку здания и благоустройство территории, включая сад Решетникова, где должны были быть установлены четыре прожектора, подсвечивающие фасад нового здания. После окончания всех работ оно обрело внушительный вид и стало одним из наиболее значительных домов в городе. В дальнейшем, в хрущевский период, в нем размещался пермский совнархоз.

Еще более внушительным был Дворец Культуры в Сталинском районе города Молотова. Здание, начатое строительством в 1940 г. по проекту Меерзона (Ленгипрогор), с 1941 по 1948 гг. находилось на консервации. В послевоенный период проект дорабатывался Гипроавиапромом под руководством Н. Б. Кузнецова. Дворец строился подрядным способом трестом № 12 МАП при непосредственном руководстве директора завода им. Сталина А. Г. Солдатовой и ряда других руководителей завода. Он имел зрительный зал на 1200 человек, где находилась сцена с вращающимся кругом диаметром 12 метров. В крыльях Дворца располагались Малый зрительный зал на 400 человек и «клубная часть с развитым физкультурным и пионерским сектором на 1200 человек». Для его строительства характерна «максимальная механизация», в т. ч. использование башенных кранов, скиповых подъемников, бетономешалок, вибраторов, экскаваторов, автосамос-

валов, бульдозеров, скрепера и грейдера, а также растворонасосов и краскораспылителей. Для обработки поверхностей полов применялись паркетно-строгательные и шлифовальные станки, а также ручной электрифицированный инструмент. Детали и полуфабрикаты готовились в цехах подсобных предприятий, а малярные работы обслуживались колерной мастерской. Как отрицательный момент комиссия отметила отсутствие сметно-финансовой документации. Здание находилось на консервации семь лет, из-за чего пришлось усиливать фундаменты, частично перекладывать стены и перекрытия (12).

Пропасть между Дворцами Культуры и другими немногочисленными капитальными многоэтажными зданиями, олицетворявшими величие и успехи советского общества, и бараками, в которых обитала большая часть жителей города, во второй половине 1940-х годов заполнялась чрезвычайно медленно. Тем не менее, и в этот период отдельные счастливицы имели возможность переехать в более или менее комфортабельное жилье. Его строили в очень небольших количествах крупные предприятия так называемым «хозяйственным способом». Лучшие из этих домов представлялись на конкурс жилых и гражданских зданий, проводимый министерством коммунального хозяйства РСФСР. Так в 1947 г. завод им. Кирова представил на этот конкурс трехэтажный каменный 36-квартирный дом в Кировском районе г. Молотова. Строительство осуществлялось по проекту, разработанному проектным отделом УКСа завода на основе технического проекта Ленинградского Гипрогора НККХ РСФСР 1944 г.

Здание имело ленточные бутовые фундаменты. Стены – кирпичные в 2 S кирпича. Перекрытия междуэтажные – деревянные, между балок забраны трехслойными щитами (накат). Крыша – стропила наслонные из круглого леса, кровля из волнистого эстерна. Карнизный свес кровли, настенные желоба, ендовы, коньки – выполнены из кровельного железа.

Лестницы – железобетонные по металлическим косоурам, на площадках чистые цементные полы. Перегородки – в жилых комнатах деревянные щитовые под штукатурку. Межквартирные перегородки из плит «дифферент». Полы – дощатые.

Стены снаружи были выполнены под расшивку. Выступающие части на фасаде, цоколь, оконные и дверное обрамление, пилястры, карнизы – обработаны штукатуркой.

Внутренняя отделка помещений была сделана наилучшим по тому времени образом. Все помещения оштукатурены и поверхности стен окрашены клеевыми колерными красками. Панели – в кухне, передней, коридорах, умывальных и уборных – покрыты масляными красками. Окна и двери окрашены белилами.

Здание имело водопровод, канализацию, электроосвещение. Отопление дома выполнено печное, как временное мероприятие, вызванное отсутствием необходимых материалов для осуществления центрального отопления. Внешнее благоустройство включало подъезды к дому и проезд во двор от существующей шоссейной дороги, шлаковые тротуары. Ограждение усадьбы – штакетный забор. В дворовой части поставлены в соответствии с потребностью хозяйственные постройки (дровяники, помойная яма). Выполнено озеленение – посадка деревьев и разбивка клумб (13).

В несколько большем количестве, чем кирпичные, строились деревянные одно- и двухэтажные дома. Комплекс из 28 одноэтажных 1-квартирных 3-х комнатных брусчатых домов на пос. Октябрьский был построен в том же 1947 г. в Кировском районе (типовой проект № 3).

Конструкция их была довольно примитивна:

«Фундаменты – деревянные стулья, между стульями деревянная заборка из пластин. Стены – из брусьев 18x18 см, 15x18 см. Полы – по балкам из брусьев, шпунтован. 4 см доски. Чердачное перекрытие – деревянное с накатом по брускам из горбыля, глиняная смазка, утепление шлаком 17 см. Подшивка потолка сделана 2,5 см строганными досками в четверть. Перегородки – в отапливаемой части из досок 5 см, строганные с 2-х сторон, сплоченные в четверть. Крыша – стропила наслонные из бревен. Кровля из волнистого эстерна и железные. Печи русские в соответствии с проектом.

Отделочные работы были проведены в необходимом объеме: окна, двери, ставни окрашены белилами, полы огрунтованы с охрой. Внутренняя штукатурка помещений не выполнена, работы отнесены на следующий год после осадки стен...» Дома также имели внешнее благоустройство: дровяники, уборные, помойные ямы. Водоснабжение было посредством артезианских скважин, установлены скрытые утепленные металлические водоемы в противопожарных целях. (14).

Подобные дома, конечно, выглядят не слишком современными для города середины XX века. Они представляют своего рода компромисс между олицетворяющими великую мечту советских людей дворцами культуры и стремлением к комфорту обитателей каркасно-засыпных бараков, особенно тех из них, кто относился к средним слоям советского общества. Для такого крупного города как Молотов их строилось слишком мало – последнее десятилетие сталинской эпохи не было временем компромиссов.

Как нам представляется, бараки оставались основным жильем до конца сталинской эпохи отнюдь не случайно. Барак не предполагал возможности уединиться, спокойно посидеть за столом с семьей или

с ближайшими друзьями, выпить не за товарища Сталина и успех пятилетки, а просто за свое здоровье и благополучие в личных делах. Физическое пространство барака формировало особое социальное пространство и особый тип людей, это пространство населявшее. Сталинская эпоха ушла в прошлое, когда жители бараков и коммуналок переселились в отдельные собственные квартиры.

1. Сборный план современного использования территории г. Краснокамска. Домовой фонд. 1941 г. // ГАПК. Ф. р-1206. Оп. 1. Д. 22. Л. 3-4об.
2. Акты по обследованию объектов строительства в г. Перми и приемке их в эксплуатацию. 1931 г. // ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2.
3. Там же. Л. 2.
4. Там же. Л. 55-56.
5. Там же. Л. 6-6 об.
6. Там же. Л. 18.
7. Журнал работ по строительству здания комбината «Молотовуголь» по ул. Орджоникидзе, 15 // ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 517.
8. Дело сектора ГАСК отдела по делам строительства и архитектуры Молотовского горисполкома по строительству и приемке 4х этажного дома комбината «Молотовуголь» по ул. Орджоникидзе, 15 Ленинского района г. Молотова // ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 517. Л. 137.
9. Там же. Л. 135.
10. Там же. Л. 128.
11. Описание технической мощности Стройконторы комбината Молотовуголь // ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 517. Л. 126.
12. Протоколы заседаний жюри и переписка по отбору на конкурс выстроенных в 1950 г. в г. Молотове жилых и гражданских зданий // ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 37. Л. 22-23.
13. Там же. Л. 3-4.
14. Там же. Л. 5-5об.

АДРЕСА ПЕРМСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ

Район Липовой горы в 1920—1930 гг. был пригородной зоной. Он находился в восьми километрах от города [1]. Сейчас это – микрорайон Липовая гора в составе Свердловского района г. Перми. Липовая гора – уникальное место. Здесь находится ботанический памятник природы регионального значения, где до сих пор растут реликтовые растения, в частности, ветреница отогнутая [2-3]. С 1920-х гг. Липовая гора стала базой агрономического факультета ПГУ, а затем и ПСХИ. Здесь было образовано учебное хозяйство, находились опытные поля, фермы, производственные постройки. Студенты проходили практику, закладывали опыты. Здесь же жили преподаватели агрономического факультета ПГУ (Пермского СХИ).

Домик Ф. М. Юдкина

Федор Михайлович Юдкин – замечательный ученый и педагог, обладавший уникальным даром хозяйственника, родился 1 марта 1899 г. С 1933 г. он был назначен Наркомземом РСФСР управляющим учхозом Липовая гора и приехал в г. Пермь с семьей, женой и двумя детьми. Ф. М. Юдкин получил квартиру в одноэтажном деревянном доме на две семьи и прожил там до начала войны, современный адрес: Центральная ферма, 113.

До приезда в Пермь Федор Михайлович окончил плодоовощеводческое отделение Тимирязевской СХА, был автором монографии «Культура огурцов в теплицах». Печататься в центральных изданиях начал с 1925 г. К моменту его приезда учхоз подчинялся овощересту, претерпел ряд реорганизаций вместе с сельскохозяйственным вузом и находился в достаточно запущенном состоянии. Юдкину удалось в небольшой период времени сделать учхоз одним из лучших хозяйств Пермской области [4]. В 1939 г. учхоз «Липовая гора» был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [5].

Ф. М. Юдкин проводил большую исследовательскую работу. На территории учебного хозяйства, по его инициативе и под его руководством была создана учебно-экспериментальная база института. Профессор кафедры плодоовощеводства А. Н. Папонов утверждает, что такой мощной учебной базой к началу войны обладали лишь немногие вузы страны [4]. До войны Ф. М. Юдкин по результатам научно-исследовательской работы на базе учхоза, опубликовал три значительные монографии.

С 1937 г. Ф. М. Юдкин был ассистентом кафедры плодоовощеводства Пермского СХИ. Студентам очень нравились практические занятия на Липовой горе. Один из его бывших учеников П. А. Хоринко (ректор института с 1960 по 1974 г.) вспоминает: «Федор Михайлович Юдкин любил природу, сохранял и защищал её. Он любил все делать красиво. В его время в учхозе был красивый сад, оригинальные цветники и своеобразные, неповторимые природные уголки для отдыха – это прививало вкус к природе и красоте студентам» [6]. Одной из достопримечательностей Перми предвоенного времени был парк, заложенный под руководством Юдкина. «Этот парк был удивительным по красоте, по изобилию цветов, которые цвели с ранней весны до поздней осени, в беседках можно было посидеть, отдохнуть... Кто все это видел, не забудет никогда эту сказку. Даже во время войны в парке был порядок, цвели цветы, но особенно хорош парк стал после возвращения в 1944 году Ф. М. Юдкина, появились новые садовые культуры, жасмин, розы...», – вспоминала внучка профессора А. А. Хребтова, Э. В. Хребтова в 2005 г. [7]. По свидетельству краеведа Е. А. Спешиловой (бывшей студентки плодоовощного факультета), коллекция Ф. М. Юдкина была очень богатой: таких цветов не было даже в городской оранжерее [8].

В августе 1941 г. Ф. М. Юдкина призвали в армию. Он был начальником обозно-вещевого снабжения дивизии, начальником отдела по продфуражному снабжению 56-й Армии, с марта 1944 г. – начальником сельхозотдела отделения Приморской Армии. Семья Ф. М. Юдкина во время войны проживала уже по-другому адресу: ул. Луначарского, 3. После возвращения с фронта Ф. М. Юдкин летом жил по старому адресу: Центральная ферма, 113. Он руководил учхозом, летней практикой студентов. И сейчас люди, живущие в этом доме, знают о Ф. М. Юдкине, домик его называют Юдкинским. О «домике Юдкина» нам поведала в 2000-х гг. Э. В. Хребтова. По ее словам, этот домик приютил в свое время А. А. Хребтова. Ф. М. Юдкин также бывал частым гостем у Аристоклия Александровича по адресу: ул. К. Маркса (Сибирская), д. 28. Ученых связывала большая дружба. Только А. А. Хребтову мог Ф. М. Юдкин, находясь на фронте, поручать неотложные дела в Липогорском саду учхоза [9].

Усадьба по улице Луначарского, 3

В довоенные годы по этому адресу находилась усадьба Пермского СХИ [10]. Там размещались общежитие для студентов, общежития для преподавателей и технического персонала, надворные постройки (отдельно стоящий деревянный домик, площадка для дров) и др.

Почему нам дорог этот уголок, сейчас совершенно изменившийся? От всей усадьбы остался один дом, экономический корпус Пермской ГСХА. Когда-то здесь жили наши замечательные педагоги и ученые. Свыше 50% состава педагогов работали в институте более 10 лет [10]. Бытовые условия жизни преподавателей и студентов были схожи. Сейчас, спустя более 65 лет, доцент кафедры почвоведения А. И. Паутов помнит своих соседей по комнате студенческого общежития. Одна из музейных фотографий лета 1941 года сделана именно здесь, у здания студенческого общежития. На фотографии 14 ребят, добровольцами ушедших на фронт в июле 1941 года; многие из них погибли в первый же военный год. В усадьбе проводились все мероприятия военной значимости: ПВХО, затемнение, рытье щелей, ремонт тротуаров и двора [10], и т. д. Несмотря на военное время, территория усадьбы облагораживалась совместными усилиями преподавателей и студентов. Под руководством жены Ф. М. Юдкина Евдокии Ивановны сажались кусты, кустарники, делались клумбы и дорожки.

Студенческое общежитие было двухэтажным, деревянным, барачного типа зданием с печным отоплением (в довоенное время). Заготовка, подвозка, колка дров осуществлялись силами студентов. После войны отопление было уже центральным. Но уголь и дрова по-прежнему подвозились на усадьбу. На усадьбе была кочегарка, которая располагалась с торца общежития, для технического и обслуживающего персонала. Часть квартир занимали преподаватели, например, В. П. Чернов, Сандраков. Общежитие для преподавателей находилось в двухэтажном кирпичном здании, справа от студенческого. В нем и в 1939 г. было центральное отопление. Общежитие имело название – «Дом научных работников». Каждая семья имела, как правило, по одной комнате в 20–25 м². Только профессор В. И. Андреев с семьей занимал две комнаты. В 1938—1939 гг., по воспоминаниям В. И. Паутова, на Луначарского, 3 проживали семьи: Ю. В. Бранке, А. М. Тифлова, М. П. Рабиновича. После войны в преподавательском общежитии жили Калмыков, Нохрин. До и после войны доцент М. П. Петухов жил в отдельном маленьком деревянном домике с печным отоплением. Дом располагался в самом уголке усадьбы.

В студенческом общежитии были общая плита, общий титан. В комнатах жили по 7–8 человек. Овощехранилище находилось в машинном зале главного корпуса.

В 1945 г. две комнаты (№ 1 и № 4) были специально подготовлены для демобилизованных из армии, поступивших в вуз или возвратившихся с фронта студентов [9].

В 1945 г. в связи с образованием двух новых факультетов (плодоовощного и земфака) ожидался прирост поступающих. Столовая № 28 по Луначарского, 3, была преобразована в общежитие на 20 человек [9]. Несмотря на это, питание студентов было усилено. Ф. М. Юдкин, как директор учхоза, был ответственным за выполнение указания Главвуза, Союзнаркомзема и ВКВШ при СНК СССР об улучшении питания студентов [9].

После войны, решением администрации института в студенческом общежитии были оставлены только девушки, юноши переведены в общежитие на Липовую гору. Освободившиеся комнаты использовались для квартир преподавателей.

В дальнейшем «домик Петухова» был снесен, и на этом месте построено студенческое общежитие, а в последующем – экономический корпус.

Послесловие

Ф. М. Юдкин вернулся к своим довоенным занятиям в 1944 г., он был отозван с фронта как высококвалифицированный специалист решением правительства. Майор Ф. М. Юдкин имел три боевые награды: Орден Красной звезды, медаль за освобождение Кавказа и медаль за оборону Керчи [11].

Евдокия Ивановна Юдкина (в девичестве Пигарева) родилась 28 февраля 1906 г. в г. Жиздре. По специальности – агроном. После мобилизации Ф. М. Юдкина на фронт, она работала техником-овощеводом в учхозе «Липовая гора». По семейным обстоятельствам в 1942 г. была переведена старшим лаборантом на кафедру механизации.

В 1943 г. Е. И. Юдкина принимала деятельное участие в строительстве первой городской Сельскохозяйственной выставки подсобных хозяйств и индивидуального огородничества в Молотове [12].

После войны Ф. М. Юдкин способствовал созданию плодоовощного факультета, возглавлял кафедру плодоводства и огородничества, первое время продолжал руководить учхозом и поднял его производственные мощности. Студенты очень любили Юдкина как тактичного, корректного, коммуникабельного человека, красивого и доброго. «В научных трудах профессора Ф. М. Юдкина отражены практически все направления мирового садоводства, овощеводства открытого и защищенного грунта, плодоводства, декоративного садоводства, конструктивные направления современного ему защищенного грунта, отдельные вопросы хранения и переработки овощных культур», – подвел итоги деятельности Ф. М. Юдкина профессор А. Н. Папонов [4].

В 1950-х гг. Юдкины жили по адресу Луначарского, 3, затем переехали в Дом ученых на Комсомольском проспекте. Ф. М. Юдкин умер 16 марта 1961 г.

Решением ученого совета Пермской ГСХА им. академика Д. Н. Прянишникова студентам агрономического факультета с 1 сентября 1995 г. ежегодно присуждается стипендия имени Ф. М. Юдкина за успехи в учебе и научной деятельности.

Ф. М. Юдкин – один из основоположников овощеводства и плодородства на Урале. Это направление продолжено и развивается А. Н. Папоновым, Л. А. Ежовым и др.

Автор благодарит замечательных ученых-педагогов: доцентов А. И. Паутова, Т. А. Кротких, В. П. Хоринко за сердечную память и щедрость.

1. Жаворонкова Г. И. Д.Н. Прянишников и ученые агрономического факультета ПГУ: 20-е гг. // Пермский аграрный вестник. – Ч. 2. – Пермь, 2008. – С. 372-377.

2. Особо охраняемые природные территории Пермской области: реестр. – Пермь, 2002. – С. 254.

3. Красная книга Пермского края. – Пермь, 2008. – С. 117.

4. Федор Михайлович Юдкин: библиография. – Пермь, 2005. – 23 с.

5. Наши участники // Звезда. – 1939. – 14 дек.

6. Хоринко П. А. Они живут в нашей памяти, в наших делах // За сельскохозяйственные кадры. – 1978. – 22 нояб.

7. Письмо Э. В. Хребтовой // Маринка. – 2005. – 14 авг.

8. Беседа Е. А. Слешиловой о Ф.М. Юдкине.

9. «Ох, как хочется побывать сейчас на Липовке...» // Мариинка. – 2005. – Апр.

10. Архив Пермской ГСХА. 1940-1945 гг.

11. Личное дело Ф. М. Юдкина.

12. Личное дело Е. И. Юдкиной.

13. Воспоминания А. П. Юдкиной.

БАЛЕТНАЯ ДИНАСТИЯ ОРЕШКЕВИЧЕЙ В ПЕРМИ

В историю послевоенного оперного театра в Перми яркой страницей вписаны имена Николая Федоровича Орешкевича и его жены Анастасии Николаевны Кокуриной

Основоположник артистической династии – **Орешкевич Федор Гаврилович** (1872—1932) [1] артист оперы, режиссер и вокальный педагог. Выступал на главных оперных сценах России – в Мариинском театре в Петербурге и в Большом театре в Москве. Был партнером Ф. Шаляпина. Федор Гаврилович обладал не сильным, но гибким голосом красивого тембра и актерским дарованием. Исполнение его отличалось музыкальностью, глубоким психологизмом исполнения, мастерством перевоплощения и артистическим обаянием. Известный режиссер Н. Н. Боголюбов в своей книге «Шестьдесят лет в оперном театре» говорил об исполнении Ф. Г. Орешкевичем партии Самозванца в опере «Борис Годунов» М. Мусоргского: «Он словно создан был для этой роли – замечательная дикция, выразительное лицо, темперамент и чувство меры, которые можно было видеть, пожалуй, только у мхатовцев, – все это возвышало Орешкевича над обычными тенорами оперного театра».

Орешкевич Николай Федорович (1910—1992) [2] – сын Федора Гавриловича.

Он окончил семилетнюю школу в Киеве (1925) и электромеханический техникум (1925—1927). Решив стать артистом балета, одновременно занимался в балетном классе К. Ю. Давыдовой при Киевской опере.

В 1929—1940 гг. Орешкевич уже ведущий солист в театрах Днепропетровска, Винницы, Харькова, Горького, Свердловска (1940—1949). Театры Украины неоднократно посылали талантливого артиста стажироваться у лучших педагогов Ленинграда.

В 1949 г., в зените славы, Николай Федорович Орешкевич стал солистом Пермского театра. Его известность связана с созданием образа Данилы в первом уральском балете «Каменный цветок» А. Фридлендера (Свердловск, 1944). Присутствовавший на репетициях автор, П. П. Бажов, сказал, что именно таким представлял себе Данилу – русского богатыря, талантливого мастера-горноуральца.

В Перми Николай Федорович был также педагогом и репетитором балетной труппы. Он создал в нашем городе ряд запоминающихся образов: Базиль («Дон Кихот»), Филипп, Вацлав, Гирей («Бахчиса-

райский фонтан»), Фрондосо и Командор («Лауренсия»), Злой гений («Лебединое озеро»), Клод Фролло, Феб («Эсмеральда»), Раджа («Баядерка»), Данила, Северьян («Каменный цветок»), Капитан («Красный мак»); Печорин, Князь («Бэла»), Губернатор, Голован («Грушенька» Машковского), Тибальд; Ганс, Герцог («Жизель»), Вождь («Болеро» Равеля) и др.

Главный хореограф Пермского театра Марат Газиев писал об Орешкевиче в канун празднования его 50-летия как о великолепном актере и мастере дуэтного танца. 22 июля 1961 г. Н. Ф. Орешкевичу было присвоено почетное звание «Заслуженный артист РСФСР».

Кокурина Анастасия Николаевна (1915—1993) [3] – жена Николая Федоровича Орешкевича. Настоящая ее фамилия – Какурина, в Пермском театре Анастасия Николаевна заменила в фамилии букву «а» на «о». По всей видимости, это изменение связано с трагедией в семье. Ее отец, Какурин Николай Евгеньевич (1883—1936) [4] – представитель русской военной интеллигенции, командарм Красной Армии и военный историк, автор серьезных исследований по истории гражданской войны – был репрессирован в 1930 году и приговорен к 10 годам заключения. Он умер в политизоляторе г. Ярославля. Лишь в 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала Н. Е. Какурина.

Анастасия Кокурина после окончания Московского хореографического училища при ГАБТ СССР (1926—1933 гг., класс А. И. Чакрыгина) – солистка балета Большого театра (1933—1945). Во время Великой Отечественной войны в составе артистической бригады была на 2-ом Украинском фронте (1944, Румыния) и на Северном флоте (1945). Награждена медалями «За боевые заслуги» (1945), «За оборону Советского Заполярья» (1946), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

С начала театрального сезона 1945 года А. Н. Кокурина стала солисткой Молотовского (Пермского) театра. Приглашение в наш город солистов балета из других театров страны было связано с тем, что после эвакуации Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова необходимо было усилить балетную труппу пермского театра, подтянуть уровень труппы к уровню уехавших ленинградцев. Именно в этот период в Пермь приехали А. Н. Кокурина и Л. П. Сахарова из Москвы, Т. Х. Кушаева из Ленинграда, Н. П. Захаров из Уфы, Н. Ф. Орешкевич из Свердловска.

На пермской сцене солистка Кокурина перетанцевала весь репертуар: Одетта-Одиллия («Лебединое озеро»), Фея Карабос («Спящая красавица»), Гудула («Эсмеральда»), Жена Капулетти, Кор-

милица, Уличная танцовщица («Ромео и Джульетта»), Китри («Дон Кихот»); Милица («Милица» Асафьева), Зарема («Бахчисарайский фонтан»), Хозяйка медной горы («Каменный цветок»), Артистка цирка («Грушенька»), адажио в «Вальпургиевой ночи», Сванильда («Коппелия»), Тао-Хао («Красный мак»); Царь-Девица («Конек-Горбунок»), балет «Испанское каприччио», Актриса («Пламя Парижа»), Тамара («Бэла») и др.

В Перми А. Н. Кокурина ставила танцы в операх «Садко» и «Русалка», создала отдельные концертные номера для молодых исполнителей. Заочно окончила ГИТИС (1954—1960 гг., диплом с отличием по специальности «История и теория театра»). Как театровед, вела большую лекторскую деятельность, преподавала историю русского и советского балета в Пермском хореографическом училище. Анастасия Николаевна — автор книг «Балет» (1961) и «Пермский академический» (1971). Но главной ее заслугой является создание музея Пермского театра оперы и балета.

Пермский театр неоднократно выдвигал А. Н. Кокурину на присвоение почетного звания «Заслуженный артист РСФСР», которого она, безусловно, достойна. Но, несмотря на хлопоты театра и изменение буквы в фамилии, органы советской власти не удостоили Анастасию Николаевну этим званием.

В Перми семья Кокуриной и Орешкевича жила в доме на углу улиц Советской и 25 Октября, 28/8 (кв. 17) – в двух шагах от театра. Из окон их угловой квартиры на четвертом этаже с одной стороны был виден театр, с другой – Кама. В этом доме появилась на свет их дочь Марина.

Орешкевич Марина Николаевна родилась 23 сентября 1950 г. Выпускница Пермского хореографического училища 1968 года (класс Н. Д. Сильванович). В конце 1967 г. Марина была принята в Москве в Государственный Академический ансамбль народного танца СССР Игоря Моисеева и работала здесь в качестве солистки с 1968 по 1990 г. Ее репертуар: сольные партии в танцах из цикла «Картинки прошлого»: Городская кадрили, Кавалеры, Подмосковная лирика; из цикла «Советские картинки»: партизанка – танец «Партизаны», невольница – «Половецкие пляски», сюита «На катке»; танцы: русская сюита «Лето», Арагонская хота, Гопак, Венесуэльский танец, картина «Ночь на Лысой горе», Мексиканский танец, Молдавская сюита, Белорусский танец «Бульба» и др. С 1990 по 1995 г. М. Н. Орешкевич – педагог народного и классического танца в школе при ансамбле. В 1983 г., Марина Николаевна удостоена звания «Заслуженная артистка РСФСР», а в 1987 году – знака отличия «За отличную ра-

боту» Министерства культуры СССР. Она награждена медалью «Ветеран ГААНТ СССР» (Государственного Академического ансамбля народного танца СССР).

В 1973 г. ансамбль Игоря Моисеева гастролировал в Перми на сцене ДК им. Я. М. Свердлова. Солистку ансамбля Марину Орешкевич аплодисментами встретил город ее детства.

Ныне, выйдя замуж за американца, М. Н. Орешкевич живет в США, преподает классический и характерный танец в частной школе Германа Замуеля, созданной бывшими солистами балета Ленинградского Малого оперного театра Германом и Валентиной Мухановыми. Марина Николаевна воспитывает дочь Анастасию, названую в честь мамы, Анастасии Николаевны Кокуриной. Анастасия 2-я (род. 1979, Москва) – представитель четвертого артистического поколения рода Орешкевичей. Окончив школу ансамбля Игоря Моисеева и проработав два года в хореографическом ансамбле «Березка», она оставила танцы и перебралась к маме в Америку. В декабре 2009 г. окончила факультет интерьер-дизайна Арт института в Дэнвере и получила степень бакалавра.

Волшебный треугольник

воспоминания Марины Николаевны Орешкевич о детстве[5]

Мне очень повезло родиться в семье ведущих солистов балета Пермского театра – Анастасии Кокуриной и заслуженного артиста РСФСР Николая Орешкевича, в доме 25/8 на ул. Советской и угол 25 Октября. Возможно, сейчас этим улицам вернули прежнее название, но то, о чём я пишу, было давно, в 1950-е, в городе Молотове.

Дом считался театральным, и если соединить линиями три точки – театр, наш дом и хореографическое училище, в котором я позже училась, то получится треугольник, в котором начиналась моя жизнь, моё образование, моё взросление. Наша семья занимала две комнаты в 4-х комнатной квартире на четвертом, последнем, этаже. Окна гостиной, и в тоже время моей комнаты, выходили в чудесный парк, где находился оперный театр, в котором работали мои родители. До сих пор помню запах распустившейся разными оттенками пышных кустов сирени, когда я, будучи ученицей хореографического училища, спешила после спектакля по широкой аллее домой. Одно из окон спальни моих родителей было с видом на Каму. Зимой снег и лёд уходили далеко за горизонт, а летом был отчётливо виден другой берег.

Пока не был проведён газ в дом, огромное пространство в кухне занимала печь, на которой и готовилась еда. Ещё при кухне была маленькая комнатка, в которой жила моя няня. Поскольку моя мама

после родов очень быстро вышла на работу и начала танцевать, то помощь няни была необходима. Меня, грудную, приносили в антракте спектакля на кормление, благо театр был напротив дома. Так что я смело могу сказать, что выросла в театральные кулисы.

Ещё в квартире нам принадлежала крохотная каморка в коридоре, где были папина фотолаборатория и слесарная мастерская. Помимо артистической деятельности, мой отец увлекался фотографией [6] и профессионально делал прекрасные фотоафиши для театра. Кроме того, у него было хобби – он любил делать всякую электро- и механическую работу своими руками. Эта каморка носила устрашающее название «душегубка» В раннем детстве на меня это название наводило мистический ужас: я думала, что там происходят страшные вещи, особенно когда мой отец в ней запирался и при красном свете что-то творил. Потом я поняла, что там делаются фотографии, и так рождается фотоискусство.

Мама была тоже разносторонне талантливым человеком. Она была блестящей балериной, окончила ГИТИС как театровед, читала лекции, писала статьи, балетные рецензии. Ещё её увлечением было сочинение стихов в есенинском стиле. Она хорошо рисовала, особенно ей удавались эскизы к театральным костюмам. Свои же балетные костюмы в свободные от спектакля вечера она сама расшивала и декорировала. Когда мамы не было дома, я надевала на себя её костюмы, доставала балетные туфли, включала радиоприёмник и начинала танцевать и импровизировать под музыку.

Каждое лето театр уезжал на гастроли, и меня, как многих других детей артистов, родители брали с собой. Это было одно из самых радостных событий моей жизни. В то время труппа театра в основном ездила поездом, в плацкартных вагонах. Из-за нехватки гостиниц почти все жили на частных квартирах, иногда по несколько человек в одной комнате. Но во всех этих неудобствах было своё преимущество – ощущение одной большой семьи. Там, на гастролях, начались мои первые выступления. Моя премьера состоялась, когда мне было четыре года, и я вместе с мамой выступала в балете «Эсмеральда». Я исполняла маленькую Эсмеральду, которую крадут цыгане. Но это была только пантомимическая роль. В шесть лет я уже танцевала в «Спящей красавице» маленькую Аврору. Мама поставила для меня небольшой несложный танец. Балетные туфли пришлось ушить и подогнать для меня самую маленькую пачку. Самым волнующим моментом было гримироваться и завивать волосы для сцены, и затем с нетерпением ждать своего выхода. Сцены я никогда не боялась – жажда танцевать была высшим наслаждением уже тогда, с детства.

Так как наша квартира принадлежала театру, который обеспечивал своих сотрудников жилплощадью, то в двух других комнатах жили в разное время театральные работники. Я помню певицу театра Кочеткову, которая жила здесь в начале 1950-х. Потом какое-то время жила режиссёр оперы Е. Минакова, а позже в этих комнатах поселилась семья театрального художника Котова [7]. В начале 1960-х мама перевезла свою мать из Москвы в Пермь, обменяв ее московскую квартиру на пермскую. Котовы переехали в новую бабушкину квартиру, и таким образом наша семья объединилась.

У бабушки сохранился старинный ломберный стол красного дерева, и когда у родителей собиралась компания поиграть в преферанс или бридж, то столик раскладывался, и обнаруживалось зелёное сукно, чтоб не скользили карты – так за игрой и разговорами коротался вечер. Мне было очень интересно слушать эти беседы, где обсуждались постановки, костюмы, театральные премьеры, кто и как станцевал или спел...

Наш дом был очень гостеприимным. По традиции у нас любили собираться друзья на встречу Нового года. Обычно перед праздником приходил кто-нибудь помогать лепить пельмени, которые потом выставлялись за окно на мороз. Моей обязанностью было сервировать праздничный стол, чему меня научил мой папа, и это мне доставляло большое удовольствие. Наши вечера отличались ещё и тем, что все любили танцевать, поскольку публика была театральной. Коронным номером была мазурка моего папы с моей 85-летней бабушкой [8], когда она с лёгкостью, не задыхаясь, проделывала несколько рас под общие аплодисменты.

В соседней квартире на нашей площадке жила солистка оперы, заслуженная артистка РСФСР Сильвестрова со своей мамой. Мы иногда заходили на чай в их уютную двухкомнатную квартиру. Особенно мне запомнилась кукла в нарядном чешском костюме, которая называлась Качей, наверное, в честь героини оперы «Чёрт и Кача», и я была счастлива, когда мне разрешали с ней поиграть. Кто ещё жил в нашем подъезде? Помимо работников театра жили семьи Литвиновых, Розовых, Морзовских, Беленьких... Всех уже не вспомнить.

На первом этаже нашего дома находился продуктовый магазин, и поэтому двор выглядел очень неприглядно: всегда загружен пустой тарой, ящиками и пр. Продукты, в основном, подвозились на лошадях, и мы, дети, любили покататься в телеге или на санях, управляя послушной лошадкой. Позже была построена детская площадка, где мы уже свободно могли играть, не мешая ни лошадям, ни машинам.

Если продолжить рассказ о нашем дворе, то следует упомянуть наш «гараж». Когда у нас появился первый автомобиль, то моему папе разрешили построить гараж, что он и сделал своими руками. А когда отец закончил танцевать, он там же затеял строительство маленького катера. Не могу сказать, сколько времени занял этот проект, но через некоторое время катер был спущен на воду, и папа на нём ездил на рыбалку с друзьями или возил нашу девчачью компанию (моих одноклассниц) на пикники на Камское море и изумительную по своей красоте реку Чусовую.

Среди друзей родителей хочу выделить самого близкого друга – Ксению Андреевну Есаулову [9], балетмейстера театра, худрука и педагога хореографического училища. Я помню её талантливую постановку балета «Пер Гюнт», где вся наша семья была одновременно на сцене: я исполняла детский танец, папа – гротескную характерную роль англичанина, а мама – трагическую роль Озе, матери главного героя. Ещё могу назвать близкими друзьями нашей семьи дирижёра К. Тихонова [10] и его супругу, балерину Э. Потёмкину. Они часто бывали у нас дома, и мы наносили ответные визиты. Из московских связей могу вспомнить дружбу мамы с балетным критиком Натальей Рославлевой-Ренэ [11], с которой она вела переписку, обсуждая проблемы балетного театра, а также критика Николая Эльяша [12], писавшего в рецензиях о творчестве моих родителей. Когда они приезжали в Пермь, то непременно бывали гостями нашего дома.

В 1965 г. моих родителей пригласили на работу в Воронежское хореографическое училище. Меня оставили в Перми заканчивать учёбу. После окончания хореографического училища я сразу поступила в ансамбль Игоря Моисеева, где и прошла вся моя творческая карьера. А мои родители начали новый этап жизни. Я думаю, что это было непростое решение для них, т. к. лучшие годы – пик их балетной карьеры, моё рождение, друзья и многое-многое другое – были связаны с Пермью, с театром и с нашей квартирой.

С годами прошлое сжимается, и жизнь просто делится на отрезки – детство, отрочество, юность... Моё детство и отрочество вращались в том волшебном треугольнике между моим домом, театром и хореографическим училищем, который сформировал мою будущую судьбу. Я очень благодарна своим родителям, подарившим мне не только жизнь, но и давшим прекрасную профессию танцовщицы. Они научили меня не бояться трудностей, любить своё дело и быть преданной искусству балета, каковыми были они сами.

После отъезда Орешкевичей из Перми их квартиру № 17 по адресу ул. Советская, 28/8, занял бывший директор Пермского телефонного завода **Иван Федорович Титаренко** [13]. Позднее на той же площадке, в квартире № 16 проживал директор Пермского академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского, заслуженный работник культуры России **Михаил Самуилович Арнопольский** [14].

Ныне дом достроен пятым мансардным этажом. В здании помимо квартир располагаются организации: геодезическая фирма «Антей», производственная фирма «Дацит», туристическое агентство «Затерянный мир», строительная компания «Ремстроймаш», гостиница «Persona 59» и магазин спортивных товаров «Baseg».

После Перми

В 1965 г. Н. Ф. Орешкевич и А. Н. Кокурина оставили Пермь. В 1965—1975 гг. они работали педагогами в Воронежском хореографическом училище, где Анастасия Николаевна подготовила четыре выпуска: три – дуэтного танца и один – мужской класс. Затем они руководили балетным ансамблем в ДК г. Павловский Посад Московской области, а в 1984 г. чета Орешкевичей переехала в Москву.

Урны с прахом Николая Федоровича Орешкевича и Анастасии Николаевны Кокуриной покоятся в Москве, в одной нише колумбария Донского кладбища. Нишу закрывает мраморная доска с именами и датами жизни наших героев, с изображением раскрытого занавеса и цветным фото в овале, на котором они изображены в главных партиях Авроры и Дезире балета «Спящая красавица» на пермской сцене.

1. **ОРЕШКЕВИЧ Фёдор (настоящее имя Теодор) Гаврилович** [24.04(06.05).1872, Одесса — 02.10.1932, Киев] – артист оперы (лирико-драматический тенор), концертный певец, режиссёр и вокальный педагог. Родился в семье военного. По окончании юнкерского училища до 1897 г. служил офицером. В 1897–1900 гг. обучался пению в Петербурге у Ф. И. Гущина. В 1900 г. дебютировал в Тифлисской опере, в 1901–1904 солист Мариинского театра в Петербурге (дебютировал в партии Ленского – «Евгений Онегин» П. Чайковского), в 1904–1906 пел в Большом театре Варшавы, в 1906–1913 и 1915–1925 солист Киевской оперы (в 1920–1925 гг. режиссёр театра), в 1913–1915 – московского Большого театра.

В 1917 г. Ф. Г. Орешкевич принимал активное участие в организации украинской оперы в Киеве. С 1920-х гг. преподавал в Киевской консерватории (профессор) и Музыкально-драматическом институте им. Н. В. Лысенко.

Лит.: Левик С. Ю. Записки оперного певца. – 2-е изд. – М., 1962. – С. 63, 64; Боголюбов Н. Н. Шестьдесят лет в оперном театре: воспоминания режиссера. – М., 1967. – С. 132, 133.

2. **ОРЕШКЕВИЧ Николай Федорович** [17(30).8.1910, Киев – 28.12.1992, Москва].

Лит.: Газиев М. Путь артиста // Звезда. – 1961. – 3 июня; Эльяш Н. Характерный танцовщик // Театральная жизнь. – 1960. – № 23. – С. 8.

3. **КОКУРИНА Анастасия Николаевна** [20.4(03.05).1915, Житомир, Украина – 28.10.1993, Москва], солистка балета, педагог, балетовед.

Соч.: Балет. – Пермь, 1961. – 63 с.; Пермский академический. – Пермь, 1971 (совместно с И. Келлером и Ю. Надеждиным).

Лит.: Суриц Е. Все о балете. – М.;Л., 1966. – С. 232; Балет: энциклопедия. – М., 1981. – С. 257; Русский балет: энциклопедия. – М., 1997. – С. 222-223.

4. **КАКУРИН Николай Евгеньевич** (04.09.1883, Орел – 29.06.1936, Ярославль). Православный. Из дворян. Из семьи офицера. Образование получил в Житомирской гимназии. Окончил Михайловское арт. училище (1904) и Академию Генштаба (1910). Участник 1-й мировой войны, полковник (06.12.1915). Участник гражданской войны. С 1923 г. начальник отдела по истории гражданской войны при Штабе РККА. Затем в Военно-научном отделе Управления по исследованию и использованию опыта войны Штаба РККА. В 1925—1930 гг. в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Автор ряда крупных работ по истории Гражданской войны. Арестован по ложному обвинению 19.08.1930. Приговорен к 10 годам заключения. Умер 29.06.1936 в Ярославской тюрьме.

Лит.: Как сражалась революция. – М., 1990. – Т. 1. – С. 3-12; Гражданская война и военная интервенция в СССР. – М., 1983. – 249 с.

5. Воспоминания М. Н. Орешкевич написаны по просьбе Е. П. Субботина (письмо М. Н. Орешкевич от 23.08.2003).

6. В музее Пермского театра оперы и балета хранится архив фотонегативов Н. Ф. Орешкевича.

7. **КОТОВ Николай Иванович** (р. 13.06.1927, д. Галузино Погорельского р-на Калининской обл.), театральным художник, заслуженный деятель искусства РСФСР. По окончании Московского художественного училища памяти 1905 года (1946—1951) работал в Новосибирском ТЮЗе (1951—1956), в театрах оперы и балета Новосибирска, Перми (1959—1964), Челябинска (1964—1971). В Перми оформил балет «Дон Кихот» (1963), а также оперы: «Аида» (совместно с Б. Матруниным) и «Трубадур».

8. Бабушка Марины Николаевны **ОРЕШКЕВИЧ – КАКУРИНА** (урожденная Мерелли) **Эльвира Леопольдовна** (1876–1963), итальянка по происхождению. Скончалась в Перми; по всей вероятности, похоронена на Южном кладбище. Мать Кокуриной Анастасии Николаевны, жена Какурина Николая Евгеньевича (1883—1936) (письмо М. Н. Орешкевич Е. П. Субботину от 20 авг. 2010 г.). В анкете (1950 г.) Кокуриной Анастасии Николаевны в графе «родители» запись: мать – Кокурина Анна Леопольдовна. (Архив Пермского театра оперы и балета. Оп. 2. Д. 182. Л. 34-53).

9. **ЕСАУЛОВА Ксения Андреевна** [28.10 (11.11).1911, Краснодар – 12.03.1989, Пермь], артистка, балетмейстер, педагог. Репетитор-педагог и балетмейстер Пермского театра оперы и балета (1948—1953 и 1960—1963). Балетмейстер и художественный руководитель Пермского хореографического училища (1953—1960). Перерезала ленту на открытии учебного театра Пермского хореографического училища (1984).

Лит.: Коробков С. «Балет рифмуется с полетом...» // Звезда. – 1983. – 13 сент.; Коробков С. Главный хранитель // Сов. балет. – 1986. – № 6. – С. 62; Ощепкова А. и др. Преданность балету: Слово о педагоге // Звезда. – 1981. – 11 нояб.; Чернова Т. Пермская ленинградка // Вечерняя Пермь. – 1986. – 27 нояб.

10. **ТИХОНОВ-ЛИПШИЦ Кирилл Клеменьевич** (26.04.1921, Москва), дирижер. Окончил оркестровое отделение Московской консерватории по специальности «альт» (1942—1947) и дирижерское Ленинградской консерватории по классу профессора Б. Хайкина (1948—1952). Дирижер Пермского театра оперы и балета в 1953—1956 гг.

11. **РОСЛАВЛЕВА (Ренэ) Наталья Петровна** (22.02.1907, Москва – 03.01.1977, там же), критик, историк балета, переводчик. Кандидат искусствоведения (1968). Автор книг и статей по балету. По завещанию часть фонда балетных книг из ее коллекции находится в собрании Пермской краевой библиотеки имени М. Горького.

12. **ЭЛЬЯШ Николай Иосифович** (31.10.1916, Керчь – 24.10.1990, Москва), балетовед, театровед, педагог. Засл. деятель искусств РСФСР (1974). Преподавал в Московском хореографическом училище (1951—1957) и ГИТИСе. Профессор (1976). Автор книг по истории балета.

13. **ТИТАРЕНКО Иван Федорович** (р. 20.09.1917, г. Луганск, Украина), директор Пермского телефонного завода с 1957 по 1987 гг. Ныне пенсионер. На Урале с начала войны, прибыл с Украины с одним из эвакуированных заводов. Возводил Пермский пороховой завод.

Лит.: Ежиков И. Звонок сквозь годы. – Пермь, 1991; Снитко А. «Красный директор» // Звезда. – 2007. – 20 сент.

14. **АРНОПОЛЬСКИЙ Михаил Самуилович** (20.08.1945, Баку – 02.08.1997, Пермь), директор Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского (1986—1997). Ранее, с 20-летнего возраста на административной работе в театрах Сарапула, Омска, Свердловска. Заслуженный работник культуры России (1993). В 1995 г. журнал «Балет» отметил его званием «Рыцарь балета». Похоронен на Южном кладбище в Перми, квартал № 19.

Лит.: Дьякова Л. «Нет труда замысловатее...» // Театральная сюита. – Пермь, 1999. – С. 102-105; Деменева Л. Михаил Арнопольский // Балет. – 1995. – № 1-2. – С. 20-23; Некролог // Вечерняя Пермь. – 1997. – 5 авг.; Звезда. – 1997. – 5 авг.; Местное время. – 1997. – 7 авг., Культура. – 1997. – 7 авг.; Кропман В. Скорбный август // Пермские новости. – 1997. – Сент. № 133; Кропман В. В память о директоре // Пермские новости. – 1997. – 19 сент.; Дьякова Л. Человек, сделавший себя сам // Звезда. – 1997. – 8 авг.

ПЕРМСКОЕ ОБЩЕСТВО «АРАБЕСК» И КОНКУРСЫ АРТИСТОВ БАЛЕТА В ПЕРМИ

Основная гордость Пермского общества «Арабеск» – создание конкурсов артистов балета «Арабеск», благодаря которым Пермь значительно упрочила своё место на международном балетном Олимпе; стали широко известны имена многих молодых артистов балета и балетмейстеров, впервые заявили о себе талантливые ученики хореографических училищ. Теперь в наш город как в балетную Мекку стремятся приехать артисты со всего мира, чтобы принять участие в этом престижнейшем соревновании и, если повезёт, победить. Пермь научилась не только экспортировать хореографическое искусство, но и принимать его представителей у себя дома, щедро одаривая гостей и жадно впитывая всё новое, что происходит в развитии мировой хореографии.

Разнообразные проекты, реализованные Пермским обществом «Арабеск» в 1986—2002 годах, обогатили культурную жизнь Перми, внеся в её содержание новые формы; помогли выявить и поддержать талантливую творческую молодежь – потенциальных деятелей культуры и искусства XXI века, активизировать деятельность любителей балета страны, укрепить престиж Перми как одного из крупнейших балетных центров России.

Петропавловская, 25а (Пермский государственный академический театр оперы и балета имени П. И. Чайковского).

1986, 27 октября – Экспресс-конкурс молодых артистов балета театров Урала «Арабеск-86» (совместно с Пермской областной филармонией и Пермским обкомом ВЛКСМ), с участием артистов из театров Перми, Свердловска, Челябинска, Уфы, Устинова (Ижевска). Впервые применены отрывные карточки для голосования при определении судьбы «Приза зрительских симпатий». В третьем отделении – просмотр фильма о международном конкурсе артистов балета.

Именно отсюда берёт истоки история известного и признанного ныне в мире открытого конкурса артистов балета России «Арабеск». До 1992 г. организаторы конкурса были независимы от государственных структур, как в финансовом, так и в организационном отношениях, а также в формировании жюри и состава участников. По приглашению общества работу жюри конкурса с 1990 г. возглавил выдающийся танцовщик и хореограф Владимир Васильев. С 1990 г. конкурс получил статус российского, с 1994 г. – открытого международного, проходящего под патронажем ЮНЕСКО.

Комсомольский проспект, 79 (ДК им. Я. М. Свердлова – Городской центр культуры имени А. Г. Солдатова).

1988, 27-28 ноября – Экспресс-конкурс молодых артистов балета Урала и Сибири «Арабеск-88» (совместно с Пермской областной филармонией). Председатель жюри – народная артистка СССР Л. П. Сахарова. Фотовыставка Д. Куликова «Международные и всесоюзные конкурсы балета» (Москва).

Петропавловская, 25а (Пермский государственный академический театр оперы и балета имени П. И. Чайковского).

1990, 20, 24-25 ноября – Конкурс артистов балета России «Арабеск-90». Председатель жюри – народный артист СССР В. В. Васильев. В фойе – фотовыставка «Катя и Володя».

1992, 26 мая – 4 июня – Конкурс артистов балета России «Арабеск-92» (в составе Пермской дирекции конкурса). В рамках конкурса – выставка карикатур «Балет» (художники – М. Слобожанин, С. и Л. Лемеховы).

1994, 26 апреля – 4 мая – Конкурс артистов балета России «Арабеск-94» (совместно с другими организациями). Организация деятельности пресс-центра, проведение конкурса знатоков истории хореографии.

1996, 2 апреля – Вечер хореографии солистов балета Москвы, Санкт-Петербурга и Перми, посвящённый 10-летию общества «Арабеск». К 100-летию первых балетных спектаклей в Перми (1896—1996)

Участвовали артисты балета: Любовь Кунакова и Сергей Штыков, Ирма Ниорадзе и Виктор Баранов, Максим Хребтов (Санкт-Петербург), Вера Тимашова и Александр Горбачев, Светлана Смирнова и Владимир Кириллов (Москва), Юлия Машкина и Наталья Гусева (Пермь).

1996, 6 мая – открытие конкурса артистов балета России «Арабеск-96». 36 участников из 8 стран (в т. ч. 13 учащихся хореографических училищ).

Положение об экспресс-конкурсе молодых артистов балета театров Урала и Сибири «Арабеск-88». – Пермь, 28 марта 1988 г.

Билева Т. Звёзды открывает «Арабеск» // Звезда. – 1988. – 27 нояб. – С. 4.
Чернова Т. Вариации на одну тему...: послесловие к экспресс-конкурсу «Арабеск-88» // Вечерняя Пермь. – 1988. – 29 нояб. – С. 4: фот.

История конкурса «Арабеск» в фотографиях и биографиях. – Пермь, 2008.

Субботин Е. Конкурсы «Арабеск» // Город в глубине России: календарь-справочник города Перми на 2010 год. – Пермь: Пушка, 2010. – С. 127-131.

ПЕРМСКИЕ СКВОТЫ: АРТ-ПОЗИЦИЯ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

В общесоциальном смысле, сквоты – это пустующие помещения, в которых обитают самовольно захватившие их жильцы¹. Соответственно, арт-сквоты, это помещения, в которых устраивают мастерские самовольно захватившие их художники. «Если классический западный сквот, – пишет автор Арт-азбуки Макс Фрай, – это ангар или старая фабрика, с наивно размалеванным фасадом и флагом на крыше, обитатели которого непременно являются носителями соответствующей идеологии и всегда готовы бороться за свое жилище с муниципальными властями, /.../, то классический российский сквот – это расселенный жилой дом в центре города, пустующие квартиры которого временно заняты под художественные мастерские, музыкальные студии и просто спальни «сочувствующих»².

Сквотное движение сегодня.

Сейчас «сквотное движение» как аутентичный феномен постепенно себя изживает и уходит в прошлое. «Захваты» помещений всё чаще происходят санкционировано. Тем не менее, «лофтинг», переделка нежилых и промышленных помещений под галереи и временные выставочные пространства не теряет своей актуальности на протяжении последних 10-15 лет: в Санкт-Петербурге существует лофтинг-проект «Этажи», в Москве – центры современного искусства «Гараж» и «Винзавод», занимающие постройки прошлого времени. Уральская Индустриальная биеннале в Екатеринбурге так же носила открыто «лофтинговый» характер: одним из главных объектов стала типография «Уральский рабочий», несколько проектов предполагали работу с действующим индустриальным пространством на заводе «ВИЗ-Сталь». В связи с этим можно говорить о наличии некоторой тенденции.

Шведский художник (участник Уральской Индустриальной биеннале современного искусства в Екатеринбурге) Карл Михаэль фон Хауссвольф комментирует ситуацию так: «Эта тенденция не исчерпает себя, пока существуют индустриальные помещения и ещё есть, с чем работать»³. Архитектор и арт-куратор Юрий Аввакумов также полагает, что эта тенденция «никогда себя не изживёт»: «Любое производство рано или поздно себя исчерпывает, площадь освобождается. Здание живёт лучше, когда в нём живут, при этом не нужно тратить денег на консервацию, так что пусть в них лучше живут художники, это всем пойдёт только на пользу»⁴.

Пермские сквоты.

В Перми социально-художественная оккупация пространства, изначально не предназначенного для искусства, началась в 1970-е гг. Это не были сквоты в полном смысле слова, но это были и не «квартирники» – движение в означенном направлении прослеживалось очевидно: молодые литераторы нелегально «захватывали», например, детские сады – устраивали там ночные литературные посиделки, художники «захватывали» под мастерские подвалы (правда, обзаводились официальным разрешением). В начале 1980-х был «окупирован» цокольный этаж общежития на Народовольческой, 42, затем подвал на Советской, 8⁵.

Кисловодская, 17.

Отголоском андеграундной эпохи до наших дней дожил единственный и последний в Перми настоящий сквот – мастерские художников на Кисловодской, 17. Художники здесь не просто экспонировали свои картины, как это было в последующих пермских сквотах. В двух бараках на Кисловодской они также жили и работали.

«Я там подтусовался за год до закрытия, – вспоминает молодой пермский художник Глеб Шарафиев. – Там было неплохо, такая нон-стоп тусовка. Правда, все были старше меня. Минимальный разрыв составлял около 10 лет. Ну и искусство, по большому числу, березки и «очень кушать хочется». В общем, это был сквот-заповедник культуры 1980—1990-х. Там жили и работали. Я знал оттуда Ниточкина, Адонина, Рафу (по-моему, он там последний до сих пор как-то выживает), Побережника и еще пару человек. Там у них всякие байки-легенды ходили»⁶.

Но сквотом бараки на Кисловодской стали не сразу, а только после того, как судьба помещений была решена: под снос. Те художники, которым выселяться было некуда, остались обитать в бараках до последнего на правах сквоттеров, т. е. без прав.

Арт-Сквот «Мы и мир: 5 метров на карачках».

Одним из первых «проектных» сквотов стал сквот в недостроенном и заброшенном здании фармакадемии возле остановки «Авторадио», организованный 26-29 сентября 2008 г. при поддержке программы «Гражданская активность каждый день» Коллегии им. Теодора Хойса фонда Роберта Боша, Министерства культуры и молодежной политики Пермского края, а также Автономной некоммерческой организации «Институт гражданской активности». Согласно проекту всем желающим, мыслящим себя в качестве художников, предлагалось организовать собственное пространство. Комнаты, в которых расположились художники, представляли собой тематичес-

кие «отсеки». Темы изначально были согласованы с организаторами, что не характерно для традиционного сквота. Сквот на «Авторадио» позиционировался как молодежный, тематика его была достаточно широка (кратко её можно выразить так: я и то, что меня окружает), при том, что все происходило в урбанистическом ключе. Как отметили организаторы выставки, сегодня «современное искусство в нашем городе только делает первые шаги, пытаюсь встать с «карачек». Точно также и современный урбанизированный человек, пытающийся преодолеть давление города, пытается расти. В составе экспозиции были представлены современные виды искусства: фотография (Алексей Гуцин, Ирсен Волгарева), инсталляция (Аня Зелёная (Марамыгина)), живопись (Сергей Амелицкий); чтобы оживить и уплотнить пространство транслировался видеоарт, по вечерам происходили фаер-шоу, перфомансы.

Безусловно, не все представленные работы имели художественную ценность, но единое художественное пространство и атмосферу импровизации, сиюминутности происходящего создать удалось. Кроме того, сквот зажил собственной жизнью: люди рассказывали о нём друг другу, на второй-третий день пришли уже уличные художники, райтеры, которые устроили собственную «тусовку» с аутентичными танцами и даже разжиганием костра в баке, как делают обычно уличные граффитисты и танцоры.

Этот проект вызвал и заметный резонанс в СМИ: несколько телеканалов посещали его во время работы, вышли газетные и журнальные публикации.

Арт-сквот «Мы и мир» стал одной из первых попыток организовать творческих молодых людей Перми поколения 2000-х. Это принципиально важно, поскольку художник сегодня, чаще всего, индивидуалист – работает в одиночку, и «сквотовая система», построенная на самоорганизации группы, воспринимается им не вполне органично. Со стороны организаторов мероприятие позиционировалось как «новое событие в культурной жизни Перми, затрагивающее актуальные темы, волнующие молодежь, творческих людей, город». Важно было и то, что участвовать в нем мог любой «творческий человек».

Пермская АРТ-позиция.

Почти в одно время с Арт-сквотом на «Авторадио» стартовала первая «пермская АРТ-позиция» на ул. Куйбышева, 7. Участники: художник Глеб Шарафиев, скульптор Рустам Исмагилов, фотографы Ольга Сорокина, Клим Новопашин, Саша Солнечный и Саша Белов (арт-группа «Велосипед»), Рафа, Андрей Янкин. Организа-

тором выставки выступил Михаил Сурков, ныне заместитель директора Музея Современного Искусства PERMM. В заброшенном здании функционировали второй этаж и подвал. Арт-группа «Велосипед» помимо инсталляции представляла своё художественное видео. Получилось создать атмосферу, люди приходили, оставались надолго, общались.

Первая АРТ-позиция, в сравнении со второй, оказалось более андеграундной и представила больше молодых имён. Пройти отбор было сравнительно несложно. Вторая же АРТ-позиция оказалась тесно связана с фестивалем «Живая Пермь 2009» и существовала, фактически, в рамках фестиваля. Здесь были представлены профессиональные художники и фотографы – Вячеслав Смирнов, Юрий Чернышев, Сергей Белов.

АРТ-позиция, безусловно, была организована лучше арт-сквота «Мы и мир», но и направленность, и задачи у неё были другие. Она существовала и действовала скорее как выставочное пространство, а не как творческая лаборатория, привлекала профессиональных и начинающих художников, а не всех желающих творческих людей.

Также в связи с фестивалем «Живая Пермь» отметим оккупацию заброшенного корпуса бывшего ВКИУ, который на время фестиваля перевоплотился в выставочное пространство. Впрочем, размещенная в нем экспозиция носила чрезмерно дилетантский характер.

Сквот в рамках проекта «Европейские акценты».

Следующий пермский сквот был временно образован в помещении трамвайного депо в Разгуляе – на этот раз в рамках фестиваля «Европейские акценты» (сентябрь 2010 г.).

Обустройством пространства, в основном, занимались европейские гости, им помогали пермские волонтеры. Территория сквота охватила два здания бывшего трамвайного депо. Во дворе художница Зигрид Бойтинг собирала инсталляцию «Факты о городе» – из предметов, принесённых жителями города. Пермские участники Вячеслав Мoff и Александр Жунёв расписали фасады депо. К созданию художественной атмосферы были привлечены также пермские музыканты – группа «Чехов друг», Сергей Шкарупа. Сквот позиционировался как международный, однако он был интересен прежде всего живой атмосферой, а не художественной ценностью представленных объектов.

Отметим, что данный проект торжественно открывался при участии официальных лиц, что для традиционного сквоттинга категорически неприемлемо. Этот факт также свидетельствует в пользу того, что прецеденты «оживления» брошенных городских объектов сей-

час больше походят на попытки создания выставочных пространств, нежели являются событиями из жизни контркультуры. Сквоты уже не выполняют изначально присущую им функцию формирования художественной среды, творческой лаборатории, но, тем не менее, молодые пермские художники получают таким образом возможность заявить о себе, постепенно «включаются» в художественную жизнь и периодически подтверждают свой статус.

¹ По определению Википедии, «сквоттинг ([англ. Squatting](#)) — акт самовольного заселения покинутого или незанятого места или здания лицами (сквоттерами), не являющимися его юридическими собственниками или арендаторами, а также не имеющими иных разрешений на его использование. Сквот ([англ. squat](#)) — нелегально занятое помещение».

² Арт-азбука. Словарь современного искусства Макса Фрая. Электронный ресурс: <http://azbuka.gif.ru/alfabet/s/squats/>

³ Интервью для ресурса Art59.ru, записала М. Пакните. Не опубликовано.

⁴ Интервью для ресурса Art59.ru, записала М.Пакните. // <http://rutube.ru/tracks/3659322.html?v=75d467cd65569f925f93e564cd8c8164>

⁵ Сидякина А. Маргиналы: Уральский андеграунд: Живые лица погибшей литературы. – Челябинск, 2004.

⁶ Интервью с Г. Шарафиевым от 25.10.2010. Записала М. Пакните. Архив Лаборатории городской культуры и СМИ ПГУ.

КВАРТАЛ № 161 В СТАРОЙ СЛОБОДКЕ

Долгое время район современного гипермаркета «Семья» не застраивался. Рядом выросли современные многоэтажные дома, прокладывались автомагистрали, а этот уголок в центре города так и оставался занятым несколькими зданиями за зелеными железными воротами. И каждый раз, проходя мимо, я задавала себе вопрос: «А что здесь было раньше?»

Оказалось, что раньше здесь был так называемый батальонный двор. Он занимал квартал № 161 в Старой слободке города, ограниченный улицами Малой Ямской, Соликамской (ныне улица Горького), Верхотурской (Н. Островского) и Ильинской (Швецова). История батальонного двора тесно связана с расквартированием в г. Перми 232-го Ирбитского резервного пехотного батальона. Батальон был сформирован в 1811 г., с 1847 г. расквартирован в Перми. За это время он несколько раз менял свое название: внутренний гарнизонный батальон, местный резервный батальон и только с 1891 г. – Ирбитский. Интересен факт, что в период с 1884 по 1888 г. им командовал полковник Павел Павлович Дягилев, отец С. П. Дягилева (1). В 1910 г. в ходе военной реформы 232-й Ирбитский и 230-й Ветлужский резервные батальоны вошли в состав резервных частей Троицко-Сергиевского полка. Объединенный полк стал именоваться 194-м Троицко-Сергиевским пехотным полком. Место дислокации его было определено в Перми. Полк с честью воевал на фронтах первой мировой войны, за что был представлен к награждению Георгиевским знаменем. После революции, в марте 1918 г., он был расформирован. С октября 1914 г. этим полком командовал пермяк, подполковник Эскин Николай Афанасьевич (1).

Вся территория квартала № 161 была застроена (2). Здесь на площади 16176 кв.саж. (1 кв.сажень=4,552 кв. м) находились деревянные казармы, кухня, швальня (портняжная мастерская), кладовые, здания цейхгаузов (склады), конюшня, сенник, навесы и жилой домик сторожа (3). Сторожем на батальонном дворе в 1915 г. служил Ф. Печенкин (4). Городская управа принимала самое деятельное участие во всех нуждах военного ведомства.

Каменный сарай, построенный под вещевой цейхгауз по системе Прюсса, проектировала и строила технико-строительная контора «Ф. К. Лашинский и К°» (5). 15 ноября 1912 г. комиссия в составе члена Пермской городской управы Г. В. Юрьевского, городского архитектора И. И. Бенды, подполковников А. М. Никитни-

кова и А. П. Уфимцева и поручика В. В. Свидзинского приняла здание. Размеры склада составляли 25x8 саж. (1 сажень=2.13 м), площадь 200 кв.саж. Здание было построено на столбчатом бутовом фундаменте, наружные стены выложены толщиной в 3 кирпича, внутренние в 1 кирпич. Покрит склад железом, делился вдоль на две половины глухой стеной. В каждой половине было пять отделений, отгороженных одно от другого каменными стенками. Внутри отделений имелись два окна с одинарными рамами и решетками и входная дверь с двумя запорами: глухим (наружным) и решетчатым (внутренним). Стеллажи для склада изготовили нескольких видов по представленным чертежам: для мягких вещей, для саперных лопат, для кирок и мотыг и для легких топоров. В помещениях на ввернутом в балку крюке были развешаны сапоги (6). Половину склада заняли под неприкосновенный запас. Любопытно, что один из деревянных на «каменных столбах» складов был куплен и перевезен на батальонный двор городской управой с пристани Мешкова. «Амбар имел длину 26 сажень, ширину 4 3/4 сажень и высоту 4 сажени. Разделен он был также на пять отделений поперечными стенами». Этот склад обошелся городу в 4775 рублей (7).

В трех одноэтажных деревянных казармах (№ 1, № 2 и нестроевой роты), выходящих на улицу Соликамскую (Горького), кроме комнат личной гигиены и жилых помещений, размещались канцелярии рот, амбулатория, помещения команды службы связи и мастерские. Помещения казарм в 1896 г. были телефонизированы (8). Солдаты содержали казармы в чистоте и, по возможности, старались украшать их. Перед новогодними праздниками командир одной из рот полка просит «выделить 150 длинных пихтовых и еловых веток для украшения казармы». Управа разрешила срубить ветки «с места заготовки дров на пятой версте по Сибирскому тракту на правой стороне» (9). Для освещения казарм использовали сальные свечи. 15 января 1913 г. командование 194-го пехотного Троице-Сергиевского полка обращается в Пермскую городскую управу: «Желая перейти к электрическому освещению казарм и принимая во внимание, что все казармы принадлежат городу, просим разрешить для опыта на первое время сделать проводку в канцелярии полка». Предложение было с удовольствием принято городской управой, так как электрическое освещение «приносит помещению чистоту и экономию содержания» (10). С 25 по 31 мая 1912 г., когда полк был в лагерях, казармы батальонного двора заняли учащиеся начальных школ железнодорожных училищ города. Здесь проводились военные сборы в честь 100-летия победы в Бородинском сражении и «в целях развития и проверки занятий

военной гимнастикой» (11). В день юбилея, 26 августа 1912 г., казармы были украшены флагами. В каждой из них состоялись чтения литературы об Отечественной войне 1812 г. и о Бородинском сражении (12).

В здании кухни и столовой располагалась собственная полковая хлебопекарня. Кроме обозных сараев на территории батальонного двора была конюшня на 65 лошадей и сарай для сена. Конюшня перенесена в Старую слободку в 1912 г. «с усадьбы, что рядом со штабом полка для освобождения места под постройку Стефановского училища» (13). Под навесом располагались службы: каретник (постройка для карет), овсянник (сарай для овсяной соломы, на корм) и склад для соломы (14).

Еще в 1899 г. командир Ирбитского 232-го резервного пехотного батальона обращался в городскую думу с просьбой об отводе одного из двух мест, удобных для постройки военного храма: или на углу Покровской и Чердынской, или на батальонном дворе в Солдатской слободке. Однако Дума надеялась на скорый перевод полка из Перми, и решение принято не было. Постройка нового полкового храма была отложена более чем на десять лет (15).

12 сентября 1912 г. командир Троицко-Сергиевского полка обращается в Пермскую городскую управу с просьбой о выделении участка земли в размере 400 кв.сажень около батальонного двора на улице Соликамской для строительства полковой церкви (16). Городская управа 12 октября 1912 г. (№ 3649) предложила построить храм на «середине полкового двора», выходящим алтарной частью на улицу Верхотурскую. Выделенное место, по мнению командования, было неудобным, «стесняло площадь двора». Для храма предлагалось использовать участок между зданием «сухарного запаса» (продуктовый склад) и домиком сторожа по улице Соликамской. Сославшись на мнение начальника окружного управления по квартирному довольствию войск генерал-майора Сахарова, считающего, что «местность за сухарным складом, отделяющим полковые казармы от полковой церкви, не может быть разрешена», городская Управа в просьбе отказала (17). 24 апреля командир 194-го пехотного полка вновь обращается с этим вопросом, предлагая место постройки определить между казармами 1-й и 2-й роты и хлебопекарней. Городская управа напомнила командованию о том, что, «изъявляя согласие вообще на уступку под храм места, указала таковое на середине полкового двора в квартале № 161 в Старой слободке, как самое подходящее для сей цели, как в противопожарных интересах, так и особенно в интересах церковного благочиния. Именно на этих условиях место для построения храма отведено управой бесплатно на

все время, пока будет существовать эта церковь» (18). Строительному комитету городская дума выделила «пособие на постройку храма для войск в размере 500 рублей» (19). Вся смета на строительство составила свыше 20 тысяч рублей. Строился храм «исключительно на частные пожертвования» (20).

5 мая 1913 г. состоялось торжество закладки полкового храма 194-го Троицко-Сергиевского полка. На торжественной литургии во временной полковой церкви присутствовал полк в полном составе, военные власти и много публики. Затем Крестный ход, за ним полк с развернутым знаменем и полковой оркестр двинулись на батальонный двор. По обеим сторонам шествия стояли войска. На месте будущего храма была устроена палатка с деревянным крестом наверху, украшенная зеленью и флагами. На закладку храма прибыли почетные гости: управляющий губернией В. И. Европеус, городской голова П. А. Рябинин, председатель губернской управы А. И. Мухлынин. Преосвященный Палладий, епископ Пермский и Соликамский отслужил молебен вместе с семьей протоиереями и священниками, во время которого и совершил закладку храма в честь святого Сергия Радонежского чудотворца и в память 300-летия царствования дома Романовых. После закладки первого кирпича владыка освятил святой водой место будущих стен и заложил в стену металлическую памятную доску. Во время богослужения супруга командира 49-й артиллерийской дивизии Прясллова вместе с другими полковыми дамами собирали пожертвования на строительство церкви. Исполняющий обязанности командира 194-го пехотного полка полковник А. В. Глебов выразил благодарность церковному старосте полковой церкви Н. М. Грибушину и брату его, М. М. Грибушину, много потрудившимся для создания нового храма (21).

6 декабря 1913 г. Пермь торжественно встречала икону святителя Николая Мирликийского чудотворца, пожертвованную государем императором Николаем Александровичем во вновь сооруженный 194-м пехотным Троицко-Сергиевым полком храм. Икона в позолоченной ризе, весом 6 фунтов 5 золотников (2, 75 кг), размером 6х7 вершков (1 вершок=4,45 см), была послана из Ливадии. По получении посылки, «икона была торжественно Крестным ходом, с пением военного хора перенесена в Кафедральный собор». После Божественной литургии, владыка Палладий благословил святой иконой войска и весь собравшийся народ. Затем Крестным ходом же царская икона была доставлена во временную полковую церковь (22).

22 декабря 1913 г., в воскресенье, Преосвященнейшим Палладием, епископом Пермским и Соликамским совершилось торжественное освящение храма в Троицко-Сергиевском полку. Вот как описывали храм очевидцы: «Храм хоть и деревянный, но довольно вмес-

тительный, прекрасной архитектуры. Иконостас и иконы выполнены художником А. С. Гастевым. Иконы чудной живописи в Васнецовском стиле. Храм освещен электричеством» (23). Архитектор А. Ширяев спроектировал пятиглавый храм в одной связи с двух ярусной колокольней (24). Александр Евстафьевич Ширяев окончил Томский технологический институт, служил в Перми вторым городским архитектором. Позже был избран последним городским головой (25). С улицы Верхотурской (Н. Островского) полковую церковь ограждал резной забор. План его чертил поручик С. П. Бакланов (26). В служении с Архиепископом принимали участие: благочинный военных церквей Петр Соболев, игумен Серафим, ключарь кафедрального собора протоиерей А. Бирилов, протоиерей П. Серебренников, полковые священники Н. Яхонтов и Н. Розанов. На освящении храма присутствовали: губернатор И. Ф. Кошко, генералы М. А. Пряслов и Котовский, командир 194 пехотного полка Н. Н. Вейц и другие. «Торжество закончилось братской трапезой, радушно предложенной полком присутствующим гостям и офицерам. Полковой оркестр чудно играл духовные кантаты». Были отмечены «вклады в благое дело» протопресвитера Г. И. Шавельского, Н. М. Грибушина, коммерции советника П. С. Жирнова и Д. С. Жирнова, А. А. Дубенского, ктитора (старосту) подполковника А. И. Тенниса, поручика С. П. Бакланова и других жертвователей. Благодарили за добросовестное отношение к постройке храма строителя его П. Е. Драгунова. Их императорские величества отправили в Пермь телеграммы с поздравлениями (23). Так открылся первый в Пермской епархии военный храм (20).

Настоятель храма святого Сергия Радонежского в Перми Николай Николаевич Яхонтов родился 6 мая 1874 г. в семье псаломщика в Костромской губернии. Окончил Литовскую духовную семинарию. С 1910 г. был полковым священником 194-го пехотного Трицко-Сергиевского полка. Кроме выполнения своих прямых обязанностей, о. Николай сотрудничал с «Пермскими губернскими ведомостями» и издаваемым игуменом Серафимом журналом «Голос долга». С 1914 г. вместе с полком священник Яхонтов был на фронте. За проявленные им героизм и отвагу, о. Николай был награжден орденами св. Владимира 4-й степени с мечами (высочайший приказ от 2 июля 1915 г.), св. Анны 3-й степени с мечами (приказ № 150 по войскам 8-й армии от 31 октября 1914 г.), святой Анны 2-й степени с мечами (высочайший приказ от 10 июня 1915 г.). За бой 28 сентября 1914 г. награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленточке (высочайший приказ от 10 июня 1915 г.). Представлен к награждению орденом св. Владимира 3-й степени с мечами. С 2 марта 1916 г. находился в госпитале. В конце 1916 г. вернулся по болезни в Пермь (27). В ночь с 16 на 17 (новый стиль) декабря 1918 г. о. Николай вместе с

другими священниками, привязанный к тюремной койке, живым был утоплен большевиками в Каме. Архиерейским Собором русской православной церкви 13-16 августа 2000 г. он канонизирован. Память о. Николаю Яхонтову отмечается 17 декабря в Соборе новомучеников и исповедников Российской Церкви (28).

Командование не раз поднимало вопрос «об уступке военному ведомству квартала № 161, так называемого батальонного двора в Старой слободке, со всеми зданиями». Кроме этого, военные просили прирезать еще 7 десятин городской земли. Компромисс в решении этого вопроса городской думой найден не был. Обе стороны готовили документы для рассмотрения в высшей инстанции (29). Примирила всех начавшаяся первая мировая война. Уже 19 октября 1914 г. на вокзале Пермь I губернатор М. А. Лозина-Лозинский, начальник гарнизона Семенов и другие встречали тело первого офицера Трицко-Сергиевского полка, погибшего на войне штабс-капитана Меньшикова. В Перми Василий Константинович Меньшиков жил вместе с семьей с 1907 г., выполнял обязанности ктитора (старосты) новой полковой церкви (31). 20 октября, после панихиды, отслуженной в полковой Сергиевской церкви Владыкой (30), его похоронили в ограде этой церкви, справа от алтаря. На этом месте решено было поставить на средства горожан памятник «Всем воинам Трицко-Сергиевского полка на поле брани со славой живот свой положившим» (31). По каким-то причинам, памятник установлен не был.

Храм просуществовал до революции. Закрыли его, вероятно, в 1919 г. 28 февраля 1924 г. президиум Пермского окрисполкома постановил: «В виду того, что церковь пуста, угрожает разрушением... разрешить окрвоенкомату (по квартирному отделу) разобрать эту церковь и использовать строительный материал на необходимые нужды» (32).

В 1917 г. в бывших казармах 194-го Трицко-Сергиевского пехотного полка в Старой слободке был расквартирован 107-й запасной пехотный полк Пермского гарнизона.

1 июля 1932 г. была «пущена Пермская макаронная фабрика с вновь оборудованным лапшеделательным цехом» (33). Располагалась она в углу бывшего батальонного двора на пересечении улиц Горького и Швецова (34).

Оставшиеся здания на бывшем батальонном дворе были переданы в бессрочное пользование военному ведомству г. Перми. В декабре 2003 г. администрация города передала этот участок в аренду ОАО «Пермский облунивермаг» и разрешила строительство здесь торгового центра. Весной 2004 г. на месте бывшего батальонного двора открылся один из крупнейших в Перми торговых центров «Семья».

1. Лобанов Д. А., Ощепков Л. Г. История 194-го пехотного Триоцко-Сергиевского полка. – Пермь, 2006. – С. 13.
2. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 295. Л. 1.
3. Там же. Д. 258. Л. 2.
4. Там же. Д. 262. Л. 28.
5. Там же. Д. 210. Л. 31.
6. Там же. Д. 229. Л. 19-26.
7. Журнал Пермской городской думы за 1890 г. – Пермь, 1891. – № 8. – С. 64-65.
8. То же за 1896 г. 16-17 окт., п. 11. С. 194.
9. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 229. Л. 13.
10. Там же. Л. 67, 67 об.
11. Там же. Д. 210. Л. 106.
12. Там же. Л. 198-198об.
13. Журнал Пермской городской думы очередного собрания 20 июня 1912 г. – Пермь, 1913. – С. 321-322.
14. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 229. Л. 172об.-173об.
15. Журнал Пермской городской думы за 1899 г. № 7. П. 14. С. 362.
16. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 210. Л. 281.
17. Там же. Д. 229. Л. 49-50.
18. Там же. Л. 141-143, 186.
19. Журнал Пермской городской думы за 1913 г. Июнь. П. 9. С. 232.
20. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 229. Л. 187.
21. ПЕВ. – 1913. – № 14, неофиц. – С. 371-373.
22. ПЕВ. – 1913. – № 35-36, неофиц. – С. 869-872.
23. ПЕВ. – 1914. – № 1, неофиц. – С. 15-22.
24. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 330. Л. 2.
25. Пермские градоначальники. – Пермь, 2008. – С. 75-79
26. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 229. Л. 297-298.
27. Лобанов Д. А., Ощепков Л. Г. Указ. соч. – С. 133.
28. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. – Тверь, 1996. – Кн. 2. – С. 113.
29. Журнал Пермской городской думы за 1913 г. Июль. П. 2. С. 276.
30. ПЕВ. – 1914. – № 32, неофиц. – С. 660-661.
31. Лобанов Д. А., Ощепков Л. Г. Указ. соч. С. 72, 73.
32. ГАПК. Ф. р-122. Оп. 1. Д. 18. Л. 95.
33. Звезда. – 1932. – 21 июня (№ 135). – С. 4.
34. Силина Т. И. Свердловский район: Время, события, люди. – Пермь, 2001. – С. 203.

ПРОСТРАНСТВО ПЕРМСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере 2-ой мужской казенной гимназии и Алексеевского реального училища) [1]

Смыслы, которые приписываются тому или иному социокультурному институту авторами, его место и значение в структуре их жизненного мира, во многом зависит от внешних предметных форм, в которых этот институт формализован. Начиная изучение жизненного мира (в понимании и трактовке Э. Гуссерля) участников какого-либо социокультурного института, необходимо реконструировать организацию внешнего формального пространства, в которых данный институт организован. Попытаемся рассмотреть, каким образом было организовано школьное пространство на примере двух пермских средних учебных заведений (Алексеевского реального училища и 2-ой казенной мужской гимназии). А именно: внешний вид и территорию школьного здания, функциональную организацию внутреннего пространства школы, санитарно-гигиеническое состояние школьного здания и т. д.

Пермское Алексеевское реальное училище было открыто 12 сентября 1876 г. и с «момента своего основания располагалось в собственном доме, пожертвованном для него при самом учреждении этого учебного заведения бывшим почетным попечителем оногo, коммерции советника И. И. Любимовым» [2]. Примерно с 1900 г. в отчетах о деятельности училища ежегодно стала появляться запись следующего содержания: «помещение училища никак не может быть признано удовлетворяющим своему назначению, и потому уже приняты надлежащие меры к изысканию средств, необходимых для его расширения соответственной пристройкою ... В настоящее время вследствие весьма значительного и постоянного увеличения за последние десять лет числа учащихся в училище и желающих поступить в оноe, каковыми обстоятельствами вызвана безотлагательная необходимость открытия с начала 1898-99 года параллельных отделений» [3].

Домовладение Алексеевского реального училища состояло из домов № 24, 26 и 28 по Вознесенской улице и № 41 и 49 по Екатерининской улице [4]. Все дома были приобретены в собственность училища в более поздний период его существования. В этих зданиях, кроме учебных помещений и мастерских горнозаводского от-

деления, располагались так же и квартиры, где проживали сотрудники училища. В частности там проживал М. М. Дмитриевский – директор училища в период с 1882 по 1908 г., инспектор училища и три преподавателя, в разные годы – разные. Эти квартиры принадлежали училищу и преподаватели, проживающие там, как правило исполняли какие-то дополнительные обязанности по училищу, не получали за это деньги, а получали право на проживание в училищных квартирах, и только квартира директора находилась в его собственности. Документов, позволивших бы восстановить то, каким образом преподаватели оценивали факт проживания на территории училищного усадебного комплекса, обнаружить пока не удалось. Можно лишь предположить, что раз сам директор училища проживал тут же, то факт проживания рядом был достаточно почетным. Квартиры состояли из 8, 9 или 10 комнат, комнаты были без мебелировки, т. е. у каждой жильца мебель была своя, комнаты были с отоплением, включенным в квартирную плату.

Кроме преподавателей на территории училища жили и иногородние ученики, как самого училища, так и горнозаводского отделения. Общежития содержались за счет платы, взимаемой с учеников. Эта плата составляла в общежитии для учеников реального училища 17 р. в месяц [5], а в общежитии для учеников горнозаводского отделения – 3 р. 50 к. в месяц [6]. Ученики реального училища получали за эту плату полное содержание, кроме белья, платья, учебных книг и принадлежностей [7]; жильцы общежития для учеников горнозаводского отделения за свою плату, кроме самого факта проживания в комнате, могли получать горячую воду для чая три раза в день, всем остальным они обеспечивали себя сами. Общежитие при горнозаводском отделении оказалось невостребованным учениками. Так, в отчете за 1900 год указывается, что, несмотря на дешевизну, совсем не многие ученики (11 человек при 20 местах) захотели воспользоваться им, «считая квартирование в нем вообще стеснительным для себя» [8]. Таким образом, можно предположить, что, в отличие от учителей, ученики считали проживание на территории училища излишним контролем над своей жизнью вне учебы.

Пермская 2-ая мужская гимназия возникла как частное учебное заведение в 1909 г., 1 июля 1914 г. она получила статус полной правительственной гимназии, что означало появление в гимназии трех старших классов, а выпускники гимназии получили право поступления в университеты. Располагалась гимназия в некотором отдалении от центра тогдашней Перми, на так называемом Черном рынке, среди торговых рядов.

Гимназия помещалась в двух зданиях. Первое было предоставлено Пермским городским управлением и приспособлено для учебного заведения, хотя первый этаж был занят торговыми помещениями и складами рынка, только второй и третий принадлежали гимназии. Для размещения восьми классов этого оказалось недостаточно, и хозяйственный комитет гимназии нанял один этаж в соседнем каменном здании, который был соединен с основным зданием звонками и телефоном. В основном здании гимназии лучшую часть составлял третий этаж, где помещались три класса и рекреационный зал. На втором этаже помещался один класс, физический кабинет, служебное помещение и квартиры помощников классных наставников, смотрителя здания и нижних служителей. Во втором здании располагались три старших класса гимназии. До наших дней здания не сохранились.

Воспользоваться удобством нанятого помещения гимназия смогла недолго. Уже с 1 января 1915 г. она была вынуждена отдать этот этаж под лазарет для раненных солдат и соединить все классы в одном здании. Под классы отдали служебное помещение и рекреационный зал, были прекращены уроки пения и гимнастики. Отапливалось здание печами, вода для хозяйственных нужд выкачивалась из колодца, питьевая – привозилась в бочках из городского водопровода. В гимназии было три теплых отхожих места, располагавшихся внутри здания. Зловоний они не издавали, нечистоты откачивались в бочки [9].

Расположение гимназии на территории рынка имело некоторое неудобства. В непосредственной близости от здания гимназии располагались мясные и рыбные ряды. Здания вокруг отапливались каменным углем, поэтому нельзя было открывать окна, поскольку это сильно портило воздух в классах. У гимназии совсем не было двора или сада, где ученики могли бы играть во время перемен. Коридоры в гимназии были узкими, а освещение в них недостаточным. В классах было проведено электрическое освещение. Ученики во всей гимназии сидели за одноместными партами, классные доски и место учителя располагались на возвышенности, что представляло собой определенное удобство с точки зрения санитарно-гигиенических норм, а с другой стороны подчеркивало статус учителя. В каждом классе были плевательницы и ящики для мусора, что опять же принуждало учеников соблюдать определенные гигиенические нормы. Поскольку наличие этих элементов особенно подчеркивается в отчетах о состоянии гимназии, то можно предположить, что их освоение только начиналось, что они не были характерны для обычной домашней жизни учеников.

В качестве выводов можно сказать следующее: организация школьного пространства осуществлялась таким образом, чтобы подчеркнуть особое не только функциональное, но и статусное предназначение в обществе и в структурах жизненного мира своих учеников. Особенно это касается учебных заведений, которые располагали собственными зданиями в центре города. Сам факт наличия этого здания и его расположения в центральной части города должен был вызывать пиетет и уважение к этому заведению, как у учеников, так и у остальных горожан. Ситуация со второй казенной гимназией несколько отличается. Поскольку потребность в ее открытии была в городе очень велика, то ее открыли в том здании, которое смогла выделить городская управа. Но, даже находясь на территории рынка, гимназия сумела найти механизм обозначения своего высокого статуса – в том числе, например, за счет принуждения к соблюдению санитарно-гигиенических норм. Однако ученики, как во все времена, рассматривали школу как некое ограничивающее их пространство и стремились свое личное пространство выстраивать вне ее границ.

1. Статья написана при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (Германия). Грант AZ 14/SR/10.

2. ГАПК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 207. Л. 27.

3. Там же.

4. Там же. Д. 233.

5. Там же. Д. 207. Л. 50.

6. Там же. Д. 237. Л. 93.

7. Там же. Д. 207. Л. 50.

8. Там же. Д. 237. Л. 93.

9. ГАПК. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 110.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

П. А. Корчагин

ДОМА КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ В ПЕРМИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

В сборнике второй научно-практической конференции «Пермский дом в истории и культуре края» опубликована статья Ю.А. Кашаевой «План дома М.М. Голицына в г. Перми конца XVIII в.»¹, в которой описывается редкий документ из фондов ПКМ, представляющий собой план землеотвода под строительство жилого дома. Автор приводит текст одной из записей на документе: «Дан сей план в пермского наместнического правления по отведению учиненному в одно [...утраты] 13 числа 1782 года его [...текст бледный, нечитаемый] генерал порутчику [...текст бледный, нечитаемый] кавалеру [...текст бледный, нечитаемый] князю Михаилу Михайловичу Голицыну для строения против онога на отведенном ему месте дому по улице девяносто а по двору по средней пропорция сорок три всего квадратных три тысячи восемьсот семьдесят сажень октября 24 дня 1784 года Евгений Кашкин». В заключение автор высказала пожелание «больше знать об этой постройке начальной Перми».

Похоже, что ныне появилась возможность прояснить историю жилых домов Голицыных в Перми. В ГАПК в фонде 316 (Пермское наместническое правление) сохранилось «Дело об отводе земельных участков для строительства жилых домов и питейных заведений в городе Перми», которое начинается следующей записью:

«1782 года мая 13 дня в пермском наместническом правлении в журнале в 16 п[нрзб.]ните записано.

Правитель наместничества генерал майор Ламб объявил повеление его высокопревосходительства генерал поручика правящего должность генерала губернатора пермского и тобольского лейб гвардии пример майора Евгения Петровича в рассуждении чинимой здесь в городе Перми продаже прежними жителями домов, покупки оных, также отводе мест тем из госпот, присутствующим здешнем правительстве, и другим чинам, здесь определенным, и протчим, кто собственныя свои дома построить желают, что земля, на которой создается ныне город, есть государственная, и никто из прежних здешних жителей, которые почти все состоят из заводских и мастеров заводских служителей из крестьян

ян частью; государственных приписных и заводских, частью ж помещичих, не имеет права продавать земли той, на которой находится нынешнее его строение, тем более, что всем оным по их желаним отводятся другие места здесь же в городе, такого ж количества мерою, а иным может быть и более, разве бы и то[т] на ту землю имел законную крепость, которая остается в своей силе, а строение свое, буде кто не захочет переносить на другое место, продавать волен; для отвращения впредь всех могущих быть затруднений по необходимо нужные касательно до мест до домов, и до полицейской должности последующим распоряжением за нужно поставяет, чтоб каждый тот, кто вознамерится построить себе дом из здешних обывателей, кому вместо нынешнего отведено будет другое место, испросили себе у губернского землемера господина капитана Груббера избираемому и отводимому месту план, а на первых улицах и фасад, губернского землемера капитана Грубера должность будет сделать месту план и фасад строению, и надписав на оной меру и на какой улице, и кому дается, и представить наместническому правлению за своею скрепою, в наместническом правлении такой план по записи в журнал кому имянно место отведено и какой меры и на какой улице подписать оной члену. И доставить тому, кто строиться хочет с росписью, оставя для ведома в правлении такой же; получа сей план, объявить оной у здешних комендантских дел, где оной в книгу [и дать в книгу] и дать дозволение строить и номер дому, почему уже и строение начинать, однако чтоб поставлен был до безоштит(?) в линию, то не закладывать строение. Иначе, как тогда, когда чрез посланного от господина губернского землемера место отведено, и где заложить строение по улице размечено будет, что и наблюдать правящему комендантскую должность, дабы улицы оставались легурярныя и прямыя. Приказал о сем его высокопревосходительства повелений, как всем здешним присудственным местам, так и господину майору Антипову и губернскому землемеру Грубберу чрез сообщение и указы дать знать, а протчим здесь жителям от полиции объявить. У подлинного подписано тако Владимир Тунцельман Иван Ламб Евгений Кашкин; в должности секретаря коллежский регистратор Осиф Арендт»².

В деле подшит «План отведенного места в городе Перме по конфирмованному плану в Набережной подле монастыря Его сиятельству господину генерал порутчику действительному камергеру и разных орденов кавалеру князь Михаил Михайловичу Голицыну... сентября 30 дня 1787 года»³.

Таким образом, можно заключить, что документ из ПКМ есть ничто иное, как выданная М.М. Голицыну (точнее, его поверенному) пермским наместническим правлением копия плана «с росписью», в

которой определяется место, размеры участка, а также фасады дома и флигелей. И это пока единственный известный исследователям документ подобного рода. Сопоставив оба документа, запись на документе из ПКМ можно читать следующим образом:

«Дан сей план в пермского наместнического правления по отведению учиненному в одно [...утраты... маяя⁴] 13 числа 1782 года его [сиятельству господину] генерал порутчику [действительному] камергеру [и разных орденов кавалеру] князю Михаилу Михайловичу Голицыну для строения против оного на отведенном ему месте дому по улице девяносто а по двору по средней пропорция сорок три всего квадратных три тысячи восемьсот семьдесят сажень октября 24 дня 1787⁵ года Евгений Кашкин».

Можно восстановить и ход событий: 30 сентября 1787 г. для М.М. Голицына был составлен план землеотвода, который был утвержден 24 октября того же года генерал-губернатором М.М. Кашкиным. А когда было решено непосредственно приступить к строительству, «ноября 1-го дня 1787 года» план был предоставлен в пермскую управу благочиния к недавно назначенному коменданту подполковнику Ивану Ивановичу фон-Будендику⁶, поскольку «получа сей план» поверенный Голицына обязан был «объявить оной у здешних комендантских дел где оной... и дать в книгу». А «правлящему комендантскую должность» вменялось в обязанности наблюдать, «где заложить строение по улице размечено будет», и «дать дозволение строить и номер дому». И если предварительный этап строительства дома Голицына (разметка фундамента, заготовка материалов и проч.) начался в ноябре 1787 г., то следует думать, что само строительство началось с весны следующего 1788 г. К сожалению, на очень информативной акварели П.Е. Размахнина⁷ этот первый пермский дом М.М. Голицына на Слудке не виден из-за леса, остававшегося возле Сенькиного поля у Спасо-Преображенского собора.

Необходимо также уточнить некоторые факты, содержащиеся в статье Ю.А. Кашаевой. Андрей Данилович Данилов стал губернским землемером несколько позднее, чем считает автор статьи, только лишь в 1794 г.⁸ На момент выдачи М.М. Голицыну плана, как свидетельствует приведенный нами источник, пермским губернским землемером был «господин капитан Грубер», известный еще как составитель плана Перми 1782 г.⁹ Ю.А. Кашаева считает, что первый голицынский дом в Перми был деревянным, хотя на приведенном в статье рисунке изображен фасад оштукатуренного здания на каменном фундаменте. Ни в тексте плана из ПКМ, ни в записи о землеотводе материал, из которого возводился дом, не ука-

зан, однако деревянные фасады в других подобных документах изображались иначе и отмывались серой акварелью. Кроме того, два слуховых окна-люкарны, изображенные на рисунке на углах среднего ризалита, собственно, как и сам ризалит, являются характерными частями именно каменных зданий.

Дом «в набережной улице напротив Монастыря» был первым, но не единственным пермским домом Голицыных. В фонде 1263 (Голицыны) Российского государственного архива древних актов нами были обнаружены два документа, характеризующие жилую застройку начала XIX в. в центре Перми. Первый из них представляет собой своеобразную передаточную опись, составленную 19 мая 1829 г. при переводе в собственность пермского Приказа общественного призрения жилого дома, принадлежащего кн. Голицыным. Второй – является копией, переданной в архив Голицыных составленного «при пермских стряпчие делах» (вероятно, в Пермском губернском магистрате) описания «разности» другого жилого дома Голицыных, на моменты покупки у купца П. Проскуракова в 1814 г. и на 1829 г.

Документы написаны на бумаге с водяными знаками в виде цифры 1828. В подлиннике описи организованы в табличном формате, в две колонки: текст первоначального описания и текст, фиксирующий состояния здания на момент составления документа. Ниже тексты документов приводятся в соответствии с «Правилами издания исторических документов...»¹⁰ в виде непрерывного текста с повторением рубрикации, которое выделено курсивом. Тексты передаются с точным сохранением смысловой, стилистической и фонетической их сторон, по правилам современной орфографии с соблюдением особенностей языка документа.

№ 1

19 мая 1829 г. – Описание дома, пожертвованного князем Голицыным для заведений Приказа общественного призрения в г. Перми.

Получ. 9 июня 1829^{Г°}

Опись каменному дому, состоящему в 1-й части Города Перми под №13, что прежде был Гг. князей Голицыных, а ныне пожертвованный для заведений приказа общественного призрения. Майя 19-го числа 1829^{Г°} года.

1^Е

Дом каменного строения по торговой улице, лицом к Гостиному двору, по правую сторону дом купца Смышляева, по левую переулоч, ведущий к реке Каме, и дом купца Попова, по фасаду 8

сажен 2 S аршина, а поперешнику 8 сажен о двух этажах и с антресолями, снаружи весь выщекатурен, крыша на нем листового железа, окрашенная зеленою масляною краскою, по улице по фасаду двор обнесен деревянною решеткою на каменном фундаменте, при них восемь каменных столбов, при входе во двор для ворот и калитки имеются три каменных столба, а с левой стороны по переулку к реке Каме деревянный забор о тридцати звеньях окрашенной желтой краскою.

Какие найдены неисправности

Снаружи дома имеются в 6^{Т^и} местах по сторонам трещины, штукатурка около дверец на фундаменте, которой служит для решетки, во многих местах обвалилась, для ворот столбы, хотя и имеются, но самих ворот нет, крыша местами имеет течь, по переулку деревянный забор пошатился.

2^Е

1^й Этаж

При входе со двора деревянное крыльцо о пяти ступенях, с которого вход в сени, в них дверь плотничьей работы створенная на железных шалнерах, пол и потолок деревянные, из сеней в кухню дверь также плотничной работы на крюках и петлях железных, при кухне русская печь, при печи железная заслонка одна, чугуныя с околышком вьюшки, при очаге вмазана железная плита о трех канфорках для коструль, из кухни вход чрез задние сени, при коих деревянное крыльцо под деревянную крышку, при оных сенях дверь плотничьей работы на крюках и петлях железных, из сеней вход в чистые комнаты, коих имеется 4, в них печей галанских 2 и русския 1, при них по 1^й чугуныя без торелек вьюшке и железной бокоушке и по одной железной заслонке, во всех 3^х комнатах стены и потолки выщекатурены, дверей столярной работы 2, плотничной работы 1 на шалнерах железных, полы деревянные, в этом этаже имеются палатки или лучше назвать подвал, в котором свод обвалился и полу не имеется, во всех комнатах нижнего этажа окон 10, в них рам со стеклами летних 6^{Т^б}, зимних 13^{Т^б}.

Какие найдены неисправности

Во всем во оном этаже печи и очаг к дальнему употреблению быть не могут; заслонки и бокоушки нужно поправить, полы перебрать с добавлением новых досок, на стенах и потолках щекатурку поправить, зимних рам 3^х нет, нет стекол разбитых в зимних рамах 39, в летних рамах 45, оные должны вставить вновь, а прочие стекла надо поддержать замаскою и самые рамы требуют поправки.

3^Е
2 Этаж

Из сеней нижняго этажа лестница деревянная с перилами, ведущая во второй этаж, под ней не большей из тесу забранной чулан, при входе [в] оной сени, в них стены и потолок выщекатурены, во всем этаже чистых комнат 6 и 7 прихожая, стены и потолки выщекатурены, при одной комнате буфет, забранной из досок, в них галанских печей 4, вьюшек чугунных без торилок 4, железных бокоушек 4, заслонок железных 4, душников медных 6, дверей столярной работы створных на железных шалнерах 6, при них медных без ключей замков 6, полы во всех комнатах деревянные, стены и потолки выщекатурены, окошек 22, к ним летних рам со стеклами 22, зимних 20.

Какие найдены неисправности

В оном этаже все 4 печи требуют поправок, заслонок ветхих 3, душников ветхих 2, бокоушек 2. Замков медных 6, во всех 7 комнатах и сенях стены и потолки [и] щекатурка требует поправки, полы поправить с прибавлением новых досок, рам зимних новых 2, стекол битых в летних рамах 28, в зимних 34. Оныя вставить вновь, прочия стекла поддержать замаскою и самыя рамы нужно поправить.

4^Е

Антресоли из сеней второго этажа, в них деревянная лестница, в коих комнат 3, как стены, равно и потолки нещекатурены, полы деревянные, окошек 11, из них при 6 одинакие со стеклами рамы: а в 5 окошках рам не имеется, при всех комнатах галанская печь 1, с одной чугунной вьюшкою, одной железной бокоушкой и одною железной заслонкою, дверей плотничьных на крюках и петлях железных 2, полы деревянные.

Какие найдены неисправности

Стекол битых 16, рам по числу окон не достает 5, бокоушки ветхия, полы требуют поправки.

5^Е

Во дворе деревянные службы шириною 4 длиною 14 S сажено четырех разделениях, один каретный сарай, две конюшни и один хлев, потолки и два сеновала, при всех сих помещениях дверей плотничьей работы на крюках и петлях железных 4, крыши на оных деревянные.

Какие найдены неисправности

Все сии службы как стены, потолки, двери и крыши в самом ветхом виде и не могут быть более к употреблению.

6^Е

Баня с сенями при ней печь с чугунной вьюшкой, дверей плотничьей работы 2 на крюках и петлях железных, окошко 1 в нем одна рама со стеклами.

Какие найдены неисправности

Баня в самом ветхом виде и ныне находится без употребления.

7^Е

Между служб и бани имеется огород, со двора забранной тынчатой деревянной оградой, и позади онаго огорода не имеется никакого забора.

Какие найдены неисправности

Хотя и имеется тынчатой забор, но вельми ветх.

С подлинной описи написано тако: При здаче и описи был управляющий Вотчинами и Заводами Их Сиятельств отставной Титулярный советник Иванов.

По сей описи дом принял над заведениями приказа

Смотритель Иванов.

С подлинного Верно

Петр [нрзб.]

РГАДА. Ф.1263. Голицыны. Оп.10. Ед. хр. 1317. ЛЛ.1-2.

№ 2

9 апреля 1829 г. – *Опись изменений, произведенных в доме кн. Голицыных в Перми с 1814 по 1829 г.*

Получ. 29 апреля 1829^{ГО}

Копия.

Получ. 10 апреля 1829^{ГО}

Опись, учиненная при пермских стряпчие делах, состоящему в губернском Городе Перми каменному Дому Их Сиятельств с показанием положения его и разности против состояния дому сего по покупке в 1814 году.

Апреля 9^{ГО} дня 1829^{ГО} года.

Положение дома и служб по покупке

Дом каменной, купленной с публичнаго торгу, принадлежавшей купцу Петру Проскурякову, состоит в губернском Городе Перми в 1^й части в торговой улице под № 13 трех етажной, крыт листовым железом, застроен на углу против Гостиного двора и черного рынку, дли-

ною по торговой улице на 8 S сажень, шириною по обвинской улице на 7 S саженьях, фундамент под капитальными стенами и под простенками положен из крепкого дикаго камня, глубиною в землю два, шириною в два ж аршина с кирпичным щебнем и залитой извеской, под нижним этажем под двумя комнатами в ограду два подвала, один с кирпичным сводом и одним окном с железною решоткою, а другой с накатным потолком с тремя окошками, с железными решотками и у обоих подвалов железные двери.

Нынешнее его положение и разность против прежняго

Состоит в 1^а части в торговой улице под № 13, на углу против Гостиного двора и плац-парадной площади, длиною по торговой улице на 8 S саженьях, имеет по торговой улице с домом перемского купца Дмитрия Смышляева, по Обвинской улице с домом же Санктпетербургских купцов Андрея и Абрама Поповых. – по среднем этаже под двумя комнатами в ограду один подвал с кирпичным сводом в середине уроненным, земляным полом и одним окном с железною решоткою, двери деревянные на железных петлях [с] крюками и замком – другой подвал с накатным потолком и таковым же полом, с кирпичною печкой, тремя окошками с одними окончинами без дверей, которые в 1824 г. закладены и зделаны на место их третье окно.

Положение дома и служб по покупке

В нижнем этаже стены и пристенки все во обще в три кирпича толщиною в один с четверть аршин, в коем чистых жилых покоев шесть, в них окон двадцать, шестеры двери.

Нынешнее его положение и разность против прежняго

В нижнем этаже жилых покоев четвере, в том числе две комнаты, одна кухня и одна же стряпущая, в них три печи, 11 окошек с зимними летними окончинами и 5 двери без замков.

Положение дома и служб по покупке

Во втором этаже стены капитальные ведены в два с половиною кирпича толщиною один аршин с вершком, простенки в два кирпича, в нем жилых покоев восемь, дверей восемь, окон двадцать три.

Нынешнее его положение и разность против прежняго

Во втором этаже жилых покоев семь, дверей девять, из них восемь с железными замками, окошек 22 с летними и зимними окончинами.

Положение дома и служб по покупке

В третьем этаже антресоли в половине дому, в них три жилых покоя, 10 окон, четверы двери, во всем оном доме в средних этажах в стенах положены весьма благонадежные железныя брусковые связи с железными баутами, вышиною оный Дом до крыши 12^{ти} Аршин, на доме крыша железныя, выкрашенная малахитовою краскою, и донига ¹¹ дому два крыльца каменныя, при них двое Дверей простыя на железных шалнерах.

Нынешнее его положение и разность против прежняго

У дому сего крыльца каменныя, обшитые деревянными досками, двои двери на железных шалнерах, – дом покрыт листовым железом и выкрашен малахитовою краскою.

Положение дома и служб по покупке

Во дворе службы деревянные, а именно два Амбара, два погреба, два каретника, две конюшны длиною на 15 поперег на 5 саженьях, еще клином¹² амбар на пяти ж саженьях, баня одна с горницей длиною на трех саженьях шириною на пяти аршинах.

Нынешнее его положение и разность против прежняго

Во дворе службы деревянные, а именно три амбара, два погреба без ям, один каретник, две конюшны и один коровник; – баня с малинькой горницей без печи, – разность в службах та, что прежде было показано два каретника, но он состоит один, и не показывалось коровника, который есть.

Положение дома и служб по покупке

Ворота деревянные с калиткою на железных крюках и петлях, двор порожен спереди, у ворот кирпичною стеною на десят сажень и в протчих местах деревянным заплотом.

Нынешнее его положение и разность против прежняго

Ворота деревянные в половине с деревянною решеткою, требующие поправок, две калитки, двор огорожен спереди на торговую улицу кирпичною стеною в половину из деревянной решетки, на обвенскую улицу деревянным заплотом выкрашенным желтою на мелу вохрою.

В протчем протчее положение дому в отношении его к стенам, все то же, как он был покупкою, кроме того, что щекатурка с наружи истрескалась, а внутри в некоторых местах обрушилась.

Подписал стряпчий Иван Костырев.

Две подписи неразборчивы.

РГАДА. Ф.1263. Голицыны. Оп.10. Ед. хр. 1317. ЛЛ.3-4.

Итак, в конце первой трети XIX в. в Перми у кн. Голицыных был еще один дом. Оба документа описывают одно и то же строение, хотя на первый взгляд может показаться иначе. Несколько отличаются размеры: в первом документе «по фасаду 8 сажень 2 S аршина, а поперешнику 8 сажень», во втором «длинною по торговой улице на 8 S сажень, шириною по обвинской улице на 7 S саженьях». В передаточной описи «о двух этажах и с антресолями», в описи различий – «в третьем этаже антресоли». Но более внимательное изучение позволяет прийти к выводу об идентичности описываемых зданий.

Дело в том, что антресоли (от фр. entresol) в особняках и усадебных домах XVIII – перв. пол. XIX в. представляли собой верхний полуэтаж, встроенный в объём основного этажа, как правило, имеющий низкий потолок. Подобные антресоли сохранились в Перми в «губернаторском доме» по Сибирской, 27. Причем, это здание считается двухэтажными. А разница в обмерах составляет около 1 м, что в начале XIX в., было неудивительно, ведь Главная палата мер и весов, следившая за соблюдением стандартов, была учреждена по инициативе Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге только в 1893 г.

Оба документа описывают месторасположение и соседние здания в принципе одинаково. Передаточная ведомость: «Дом каменного строения по торговой улице, лицом к Гостиному двору, по правую сторону дом купца Смышляева, по левую переулоч, ведущий к реке Каме, и дом купца Попова». Опись различий: «...застроен на углу против Гостиного двора и черного рынку... имеет по торговой улице с домом перемского купца Дмитрия Смышляева, по Обвинской улице с домом же Санктпетербургских купцов Андрея и Абрама Поповых». Итак, дом Голицыных располагался на углу Торговой и Обвинской улицы, еще недавно бывшей безымянным проулком, ныне угол ул. Советской и 25 Октября. Сейчас на этом месте располагается двухэтажное здание, занимаемое Пермской торгово-промышленной палатой (Советская, 24б).

Интересны детали описаний. Из документов становится понятным, что дом Голицыных граничил по ул. Торговой с усадьбой Д.Д. Смышляева, в которой тот жил до покупки дома Д.В. Дягилева. А по ул. Обвинской – соседствовал с купцами Андреем Петровичем и Абрамом Петровичем Поповыми, сыновьями Петра Абрамовича Попова, пермского городского головы в 1790—1793 и 1805—1807 гг. Именно ему на 1807 г. принадлежал оцененный в 25.000 рублей трехэтажный дом на ул. Набережной ¹³, который в том же году, из первых рук, получили его наследники, и владели им, как следует из документа, по крайней мере, до 1829 г.

А если так, то почему считается, что именно в этом здании в сентябре-октябре 1812 г. в пермской ссылке жил М.М. Сперанский? Ведь из литературы известно, что опальный канцлер снимал квартиру у Ивана Николаевича Попова, разорившегося купца, «весь капитал которого и состоял в этом доме» ¹⁴. Среди многочисленных родственников городских голов и братьев Петра и Михаила Поповых не было мужчины с такими именем-отчеством. Кроме того, известно, что дом И.Н. Попова был стар и холоден, что и стало причиной скорого переезда М.М. Сперанского в дом Ипатова на углу Торговой и Верхотур-

ской. Вряд ли такое можно было сказать про дом городского головы и купца I гильдии. Кроме того, в деле «О поземельном сборе», на которое ссылаются авторы «Пермских градоначальников», говорится о трехэтажном доме, а судя по описанию А.А. Дмитриева, дом Н.И. Попова был двухэтажным: «... на берегу Камы, против набережной площадки, ныне известной в народе под кличкой «Загона»... Попов, бывший хозяин дома, жил в нижнем этаже, Сперанский помещился в верхнем. Во флигеле дома квартиру снимал член духовной консистории, настоятель Соликамского Троицкого Истобенского монастыря, о. Иннокентий» ¹⁵. На акварели П.Е. Размахнина дом наследников П.А. Попова ¹⁶ хорошо различим, он действительно трехэтажный, точнее, имеет два полных этажа и один антресольный, который показан рядом малоразмерных окон. А вот флигелей при нем нет. Так насколько был прав замечательный пермский историк, «поместив» Сперанского в здание, которое потом было занято «губернскую почтовую конторой и телеграфом»?

Однако оставим этот сюжет для отдельного исследования, и продолжим изучать акварельный рисунок. На нем виден и к тому времени бывший дом Голицыных, почти полностью соответствующий описанию документов. Трехэтажное здание (с антресольным этажом, что видно по маленьким окнам под крышей) стоит на углу Торговой и Обвинской, пространство между ним и домом Поповых огорожено забором, детали которого рассмотреть нельзя. Других зданий или построек в этом пространстве нет. Единственное расхождение с документами – вальмовая крыша дома покрашена не зеленой «малахитовой» краской, а суриком. Цвет кровли вполне мог измениться в ходе ремонта здания, который должен был произойти в начале 1830-х гг. Ведь не зря же 19 мая 1829 г. при передаче дома в ведение Приказа общественного призрения составлялась дефектная ведомость.

Конструкцию забора «по обвенской улице» можно уяснить из документов: «двор огорожен спереди на торговую улицу кирпичною стеною в половину из деревянной решетки, на обвенскую улицу деревянным заплотом выкрашенным желтою на мелу вохрою». Заплот, по Далю – «забор, деревянная сплошная ограда, из досок или бревен...». Интересно, что от дома Поповых по ул. Монастырской показан такой же заплот, но более детально: это конструкция из 23 вертикальных бревен, между которыми в пазы «забраны» 22 звена из горизонтальных бревен. Интересующий нас деревянный забор усадьбы Голицыных «по переулку к реке Каме» был «о тридцати звеньях окрашенной желтой краскою». По Торговой «улице по фасаду

двор обнесен деревянной решеткой на каменном фундаменте, при них восемь каменных столбов, при входе во двор для ворот и калитки имеются три каменных столба». Из текста документов не известно, каков был цвет стен дома Голицыных, но на рисунке дом отмыт желтой акварелью, что, в принципе, соответствует принятым тогда правилам побелки зданий в губернских городах. Очевидно здание, как и усадебный забор, было побелено «желтою на мелу вохрою».

Различия при описании «служб» кажутся существенными только на первый взгляд. Хотя количество каретных сараев, конюшен и коровников не совпадает, но на самом деле речь идет об одном бревенчатом сооружении длиной около 15, и шириной около 5 сажень, разделенное на 4 отсека, в которых конюшни, сарай и коровник и располагались.

Внутренняя планировка дома описана в документах достаточно подробно, поэтому о ней можно составить достаточно полное представление, вплоть до количества окон на разных этажах здания. Единственно, что необходимо сделать в отношении источников, пояснить некоторые использованные в них термины.

Вьюшка – железная или чугунная крышка, задвижка, закрывающая отверстие в дымоходе для прекращения тяги воздуха. Состоит из: горизонтальной железной или чугунной рамки, круглого отверстия в ней – тарелки (торельки, торилки) с бортиком-«околышком», и колпака, которым тарелка закрывалась. Заслонка – металлическая пластина для закрывания (заслонения) отверстий в печи. У русских печей она закрывала зев основной топочной камеры, у отопительных комнатных печей – вьюшки, находящиеся в дымовом канале. Душник – вертикальная металлическая пластина в печной стенке с круглым отверстием для пропуска воздуха, закрывающимся колпаком. Мог служить для присоединения к дымоходу самоварной трубы. Голландская печь – отопительная печь круглой формы, зачастую обшитая железными листами. «Бокоушка» – термин затруднительный для истолкования, однако, поскольку он применяется одновременно и к русским и к голландским печам, и, в то же время, вовсе не упоминаются печные дверцы, то можно заключить, что загадочные бокоушки и есть эти самые дверцы.

В дверях «плотничьей работы» дверное полотно набиралось из деревянных плах, соединенных в «ласточкин хвост». К полотну прибавались две железных «петли», длинные пластины с горизонтальным отверстием на конце, которыми дверь насаживалась на два железных Г-образные «крюка» с круглыми стержнями, вбитых в косяки. Такой способ крепления тяжелых дверных и воротных полотнищ до сих пор можно увидеть в храмах и сельских усадь-

бах. В дверях «столярной работы» полотна были филленчатыми и, как более легкие, крепились к косякам при помощи шарниров («шалнеров»), т.е. обычных дверных петель. «Тынчатая» деревянная ограда устраивалась из вертикально поставленных бревен или жердей. «Малахитовая краска» на самом деле приготавливалась из малахитовой пыли, отхода камнерезного производства, путем разведения ее олифой.

В заключение позволим себе два замечания, не имеющие прямого отношения к теме статьи. Обратим внимание на изменение в пермской топографии или, лучше сказать, топонимики, произошедшее в промежуток с 1814 по 1829 г. В 1814 г. положение дома описывалось как: «на углу против Гостиного двора и черного рынка», а в 1829 – «на углу против Гостиного двора и плац-парадной площади». Из текста явствует, что «плац-парадная площадь» и «черный рынок» суть одно и то же. Известный ныне «Черный рынок» располагается много южнее (в трех кварталах) и речь идет явно не о нем.

В фонде Пермской городской думы сохранилось дело «Указы о исправлении моста через Егошиху, об осушении торговой площади и др.», которое свидетельствует, что Черный рынок был перенесен с Торговой площади на Черную в 1823-1824 гг.¹⁷ Другими словами, Черный рынок был «черным» еще до перенесения его в заболоченную пойму р. Медведки, и его название никак не связано с обильной грязью на его территории, как утверждали некоторые старые и современные авторы. Раньше «черным рынком» называли площадку для торговли чаще всего потребительскими товарами представителями «черных» т.е. податных сословий, крестьян и мещан. Именно на такие рынки в тяжелую годину шли обыватели за тем, чтобы купить по спекулятивной цене самое необходимое. Со временем черных сословий не стало, а понятие «черный рынок» сохранилось в значении места для спекулятивной или нелегальной торговли. Торговавшие в пермском Гостином дворе купцы, как известно, с 1711 г. были освобождены от воинской повинности, с 1775 г. не облагались подушной податью, а с 1785 г. были освобождены от телесных наказаний, т.е. к «черным» сословиям не принадлежали. Отсюда и противопоставление «Гостиный двор» – «Черный рынок».

И второе замечание. Текст цитируемого в «Деле об отводе земельных участков...» повеления Е.П. Кашкина о «том, что земля, на которой создается ныне город, есть государственная, и никто из прежних здешних жителей, которые почти все состоят из заводских и масте-

ров заводских служителей из крестьян частью; государственных приписных и заводских, частью ж помещичих, не имеет права продавать земли той, на которой находится нынешнее его строение» должен пониматься однозначно. Усадьбы «прежних здешних жителей», т.е. работников Егошихинского завода, при учреждении губернского города оказались включены в пределы Перми, стало быть, между Егошихинским поселком и губернской Пермью наличествовала территориальная и хронологическая преемственность. Этот факт наряду с показаниями других письменных и планиграфических источников¹⁸ неопровержимо свидетельствует о том, что Егошиха и Пермь – это один населенный пункт, и дальнейшую дискуссию о преемственности поселка и города уже можно считать не актуальной.

¹ Пермский дом в истории и культуре края: материалы второй науч.-практ. конф. – Пермь, 2009. – С. 53-54.

² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 53а. Л. 1-2.

³ Там же. Л. 130-131.

⁴ Ссылка на озвученное И. Ламбом повеление Е. П. Кашкина от 13 мая 1782 г.

⁵ В данном случае Ю. А. Кашаева неверно прочла очень характерно написанную (с заниженным хвостиком) цифру 7. На рис. 3, приложенном к статье, характер написания семерки очень хорошо виден.

⁶ Его подпись хорошо читается на рис. 3, приведенном в статье Ю. А. Кашаевой.

⁷ ПГХГ. КП-23911.

⁸ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 19. Л. 148.

⁹ ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 148.

¹⁰ Правила издания исторических документов в СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1990.

¹¹ Так в тексте. Очевидно, стоит понимать – «до низа».

¹² Так в тексте. Очевидно, стоит понимать – «расположен под острым углом».

¹³ Пермские градоначальники. – Пермь, 2008. – С. 20.

¹⁴ *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми. – Пермь, 1889. – С. 165.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Датировка акварели П. Е. Размахнина и публикуемых нами документов практически совпадают.

¹⁷ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 248.

¹⁸ *Корчагин П.А.* Губернская столица Пермь. – Пермь, 2006. – С. 67-71, 82-85.

ЗДАНИЕ ЕКАТЕРИНО-ПЕТРОВСКОГО ГОРОДСКОГО УЧИЛИЩА (ул. Большевистская, 71)

Здание Екатерино-Петровского городского училища было построено в 1901—1903 гг. по проекту архитектора В. В. Попатенко¹ на средства, завещанные после смерти золотопромышленника, действительного статского советника, коммерции советника, почетного гражданина г. Иркутска, известного мецената Ивана Ивановича Базанова (1813—1883)². И. И. Базанова не был уроженцем Перми, но в 1840-х – первой половине 1850-х гг. был пермским купцом первой гильдии и занимался торговлей мануфактурой с Китаем на Кяхтинской пограничной таможне³. В Перми у него родились дети – сын Петр и дочь Екатерина. В 1857 г. совместно с иркутскими купцами М. А. Сибиряковым и Я. А. Немчиновым получил право на разработку в Восточной Сибири золотых приисков, которые принесли ему богатство. В 1864 г. совместно с его компаньоном М. А. Сибиряковым организовал «Ленско-Витимское пароходство К° Сибирякова и Базанова». И. И. Базанов был известным меценатом. В Иркутске он внес большие деньги на строительство городского театра, Иркутской учительской семинарии, технического училища, воспитательного дома и другие благотворительные цели. И. И. Базанов пережил своих детей и завещал свои капиталы вдове сына Ю. И. Базановой и их дочери, продолжавших заниматься благотворительной деятельностью. Он завещал 100 тысяч рублей на открытие в Перми городского училища имени его умерших детей⁴.

Пермская городская дума в 1891 г. вынесла решение о возведении на эти деньги здания для городского училища и выделила место для его строительства⁵.

8 сентября 1903 г. в новом большом двухэтажном каменном здании было открыто Екатерино-Петровское начальное четырехклассное училище⁶. С января 1913 г. училище было преобразовано в высшее начальное училище с дополнительным классом: строительным, электромеханическим или сельскохозяйственным, сохранив свое наименование, «установленное согласно воле И. И. Базанова»⁷.

В просторном актовом зале училища часто устраивались публичные лекции, концерты, выставки. 10 и 11 января 1911 г. с публичными лекциями «Растение и солнце» и «Русский Алтай» выступил в

зале училища уроженец Перми, известный русский ботаник и географ, исследователь Алтая, профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861—1924)⁸.

Екатерино-Петровское училище просуществовало до 1918 г. С 1919 г. в здании размещалась губернская партийная школа, а с 1921 г. – совпартшкола. В годы Великой Отечественной войны размещался эвакогоспиталь № 2559. В 1961 г. здание было передано Пермскому музыкальному училищу⁹.

¹ Терехин А. С. Пермь: очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 109.

² Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881—1901 гг. – Иркутск, 1993. – С. 487.

³ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 442. Л. 4об.-5.

⁴ Романов Н. С. Указ. соч. С. 487; К преобразованию Екатерино-Петровского училища // ПГВ. – 1912. – 11 нояб. (№ 246).

⁵ Верхоланцев В. С. Летопись города Перми с 1890 по 1912 гг., с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г. – Пермь, 1913. – С. 14.

⁶ Верхоланцев В. С. Летопись города Перми.... С. 47; Трапезников В. Н. Летопись города Перми. – Пермь, 1998. – С. 119.

⁷ К преобразованию Екатерино-Петровского училища // ПГВ. – 1912. – 11 нояб. (№ 246).

⁸ Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 111.

⁹ Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. – Пермь, 1999. – С. 460-462.

**ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
КРАЕВОГО ЗНАЧЕНИЯ
«ЗДАНИЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ»
(угол улиц Сибирской и Петропавловской, 11/25)**

Двухэтажный каменный дом на углу улиц Сибирской и Петропавловской – один из самых старых каменных домов г. Перми, был построен в начале 1800-х гг. пермским купцом 1-й гильдии И. Р. Жмаевым (1743—1807). Жмаев – один из самых богатых пермских купцов начала XIX в. (в Перми ему принадлежало 11 лавок в Гостином дворе, несколько каменных зданий, занимавших всю западную сторону Театральной площади и часть Петропавловской и Торговой улиц). С 1799 г. он был бургомистром, а затем в 1802—1805 гг. служил городским головой г. Перми. При нем было начато строительство каменного гостиного двора в центре Перми (1800). Жмаев на свои средства начал строительство больницы для бедных, которое завершил после его смерти зять – Д. В. Дягилев. В 1803 г., по представлению губернатора К. Ф. Модераха, И. Р. Жмаев получил чин коллежского асессора¹.

В начале 1800 г. Жмаев построил на углу Петропавловской улицы и площади большой одноэтажный дом, в котором жил он сам и его семья. К дому примыкали, спускаясь по площади по направлению к Каме 15 соляных лавок и амбаров, а на противоположном углу, по Торговой улице, завершал линию зданий небольшой каменный двухэтажный дом с мезонином. При доме Жмаева были устроены сад и оранжерея, в которой росли абрикосовые и персиковые деревья, виноградные кусты, дававшие обильные плоды. Оранжерею разделяла на две половины круглая, в виде башни с куполом, каменная двухэтажная беседка, на стенах которой были изображены ландшафты, а на потолках – резвящиеся нимфы и Амуры². Стоимость каменного дома Жмаева с каменными флигелями, оранжереей, погребами и прочими постройками, включая 10 лавок, согласно оценке 1805 г. составляла 86600 рублей³.

В 1807 г., после смерти Жмаева, дом перешел по наследству к его младшей дочери Марии Ивановне Дягилевой (1780—1814), и сюда переехала ее семья. Д. В. Дягилев а записал в дневнике: «1807 год августа 17 числа перешли мы в новый каменный дом»⁴. После смерти жены владельцем дома стал Дмитрий Васильевич Дягилев (1773—1823) – прадед С. П. Дягилева (организатора «Русских сезонов» в

Париже). После смерти Д. В. Дягилева дом перешел во владение к его дочерям Татьяне Дмитриевне Сведомской и Елизавете Дмитриевне Дягилевой⁵. Перед пожаром 1842 года, в большом доме снимал квартиру вице-губернатор Андрей Федорович Кабрит⁶.

В 1842 г. наследники Жмаева продали дом пермскому купцу 1-й гильдии, почетному гражданину, мануфактур-советнику Дмитрию Емельяновичу Смышляеву (1789—1857)⁷. Д. Е. Смышляев родился в семье соликамского купца 3-й гильдии Е. М. Смышляева. После смерти отца ему рано, в девять лет, пришлось оставить школу в Соликамске и идти на службу, «в люди». В 12 лет Смышляев отправился на судах с товарами на Макарьевскую ярмарку, где его опекун Я. П. Любимов нашел ему нового хозяина – московского купца Шарاپова. У него на службе Смышляев сумел накопить небольшой капитал, который передал на хранение хозяину. Шарапову понравилась бережливость мальчика, и он стал начислять ему проценты. После разорения Шарапова, Смышляев сумел вернуться на родину, где завел собственное дело. Числясь мещанином г. Соликамска, он переехал в Пермь, где занялся торговлей галантерейным товаром, потом открыл свечной завод и канатную фабрику (в 1838 г. на его фабрике были установлены машины, выписанные из Англии, за что ему было присвоено звание мануфактур-советника)⁸.

В 1811 г. Д. Е. Смышляев, начавший собственное дело в Перми, купил у пермского мещанина Алексея Леонтьева Иванова «деревянный дом на каменном фундаменте ... состоящий в губернском городе Перми 2 части на Петропавловской улице, в смежности с домами по правую сторону Надворного советника Дмитрия Дягилева, и по левую сторону умершего пермского купца Якова Любимова и под оным домом со строениями земли длиннику по улице пятнадцать поперешнику во двор и огород тридцать пять, а всего квадратных пятьсот двадцать пять сажен»⁹.

В 1813 г. Д. Е. Смышляев записался в пермское купечество, в 1814 г. женился на Дарье Антиповой Лазаревой. В 1815 г. он купил у пермского мещанина Кондратия Кирилова Рядного «каменной двухэтажный дом, крытый железом, со всеми принадлежащими к нему разным деревянным служебным строением, все без изъятия, состоящий в губернском городе Перми, первой части в Торговой улице в смежности с каменными домами по правую сторону, входя во двор Госпожи княгини Анны Алексеевны Голицыной, а по левую сторону пермского купца Дениса Дружинина, и под оным домом со строением земли считается ... по улице длиннику – двадцать пять, поперешнику во двор и огород тридцать шесть, а всего квадратных девять сот сажень»¹⁰ [ныне это – ул. Советская, 26].

В 1823 г. Д. Е. Смышляев овдовел; через год он женился вторично на А. И. Кузнецовой, и в 1828 г. у него родился сын Дмитрий (краевед, публицист и издатель, общественный деятель, организатор губернского земства Д. Д. Смышляев)¹¹.

В начале 1842 г. Т. Д. Сведомская и Е. Д. Дягилева продали дом на углу улиц Петропавловской и Сибирской Д. Е. Смышляеву. Этот дом сгорел во время пожара 14 сентября 1842 г. В том же году Д. Е. Смышляев подал в комиссию по расследованию причин пожара в Перми «Сведение ... о сгоревших домах»: «Дом под № 54 собственной, купленной от господ Дягилевых, с каменными службами, простирающимися до угла другого квартала с садом и оранжереєю и мебелью красного дерева и заготовленных для постройки материалов, стоящий девяти тысяч рублей серебром»¹².

Д. Д. Смышляев: «В 1842 г. дом этот был куплен у наследников Жмаева моим отцом за 25 тысяч ассигнациями и сгорел 14 сентября в общий пожар. После пожара отец надстроил в главном здании второй этаж, сломал соляные лавки и вместо них сделал к дому пристрой, в котором теперь помещается городская библиотека и 1-я часть, а далее выстроил на прежнем фундаменте двухэтажный дом, где теперь находится городское полицейское управление. В 1864 г. я передал этот дом городскому обществу»¹³.

С 1856 г. Д. Е. Смышляев сдавал дом в аренду Палате государственных имуществ и Палате уголовного и гражданского суда. 21 апреля 1859 г. управляющий палаты государственных имуществ представил на имя и. д. военного и гражданского губернатора Перми К. И. Огарева прошение, в котором указывал, что Палата государственных имуществ с самого своего открытия помещалась в наемных домах, и в течение 20 лет по разным обстоятельствам переменила уже шесть домов. При таком частом перемещении, «кроме очевидных неудобств и чрезвычайного затруднения в приискании квартир», при переездах чрезвычайно страдал архив палаты, в котором «было сосредоточено ... более 45 тыс. дел, почему при всяком перемещении устройство архива требовало нескольких месяцев»¹⁴.

С 1859 г. Палата занимала помещение в доме почетного гражданина Смышляева, которое было «хотя и просторно, прилично и удобно», но хозяин, предполагая продать свой дом, просил озаботиться поиском нового помещения для Палаты. В связи с этим, управляющий просил рассмотреть вопрос о покупке дома Смышляева в казну для помещения в нем Палаты государственных имуществ¹⁵.

Еще в 1848 г. Д. Е. Смышляев хотел продать этот дом под помещение присутственных мест. Предложение о покупке дома Д. Е. Смышляева в казну с надстройкой нового этажа находилось в рассмотре-

нии Главного управления путей сообщений и публичных зданий Министерства внутренних дел. 4 августа 1848 г. Департамент сообщил в губернское правление, что принадлежащие купцу Смышляеву дом и службы «в настоящем их виде для предназначенной цели совершенно неудобны, так как кроме разных недостатков, свойственных частным домам, выстроенным собственно для отдачи в наем, эти строения возведены без внутренних капитальных стен, что от этого печи большей частью расположены на половых и потолочных балках, и окружены деревянными перегородками;... дымовые трубы устроены не в каменных стенах, каковое устройство дымовых труб и печей весьма опасно в пожарных случаях, самые балки утверждены на деревянных перегородках, а не на каменных».

Было решено, что приобретение дома Смышляева для размещения в нем казенных учреждений «едва ли будет выгодно для казны, т. к. на приспособление дома к помещению учреждений, сверх 43 тыс. руб., потребуется не 2 тыс. руб., а значительно больше: т. е. замена деревянных перегородок каменными, устройство печей на железных кронштейнах и полосах с дымовыми в стенах каналами, выведение сводов над помещением денежных и прочих кладовых, и архивов, устройство каменных лестниц вместо деревянных и много др. работы»¹⁶.

После осмотра дома непременно членами Губернской строительной и дорожной комиссии инженер-майором Шамардиным и губернским архитектором Летучим, было установлено, что в случае предполагаемой надстройки дома он «не будет удовлетворять всем условиям благонадежного существования по причине слабости фундамента и стен, расположить же с удобностью предназначенные в нем помещения без увеличения здания надстройкой этажа не представляется возможным»¹⁷.

В 1850 г. архитектурский помощник Р. О. Карвовский собрал следующие данные о доме Смышляевых: «До пожара, бывшего в Перми в 1842 г., ... дом этот состоял из одного этажа с подвальной частью и примыкал к соляным лавкам, после пожара надстроено второй этаж, а вместо сломанных лавок сделана пристройка под жилое помещение и всему зданию дан настоящий вид; одновременная постройка всего здания доказывается различной толщиной стен, в особенности наружных в главном корпусе, прежде всего построенном, толщина стен с подвальным этажом в 3 S кирпича, в пристройке в 1 аршин. С противоположной стороны со двора в 14 вершков, в поперечной же крайне стене еще тоньше, напр. над частью достроенной после толщина составляла всего 2 S кирпича, тогда как на продолжении этой стены в главном корпусе в 3

кирпича, от этой различной толщины в стенах и фундаменте в толщине разных размеров и с понижением поверхности земли, по мере приближения к р. Каме, менее углубляется в землю, опускаясь от 2 j до 1 s арш. и следовательно не может представлять одинакового сопротивления, и от этого произошла неравномерная осадка здания, образовавшая трещину в стене, в месте пристройки к дому, начиная с карниза до половины»¹⁸.

Таким образом, для покупки и приспособления дома Смышляева под помещение присутственных мест по составленному в 1848 г. проекту требовалось 70 тыс. руб. (43 тыс. руб. на покупку и 27 тыс. руб. на приспособление здания). Главное управление путей сообщения и публичных зданий признало приобретение этого дома выгодным только в случае «надлежащего приспособления его сравнительно с постройкой для тех же присутственных мест нового здания, которое по смете обошлось бы уже около 100 тыс. руб. Покупка однако не состоялась по неимению источника на покрытия расхода»¹⁹.

В 1860 г. вопрос о покупке дома в казну был решен, и даже отпущены средства в размере 21 тыс. руб. (18 тыс. руб. на приобретение и 3 тыс. руб. на приспособление здания). Однако выяснилось, что стоимость приспособления здания составит сумму в 5 раз более сметной стоимости, т. е., 15 тыс. руб.²⁰ Дом был осмотрен академиком архитектором Гирстом, который признал, что на переустройство дома и флигеля хватит 6 тыс. руб. сер., а также архитектором Шиловым в присутствии губернского архитектора Летучего, которые признали, что цена, назначенная владельцем за дом, «весьма умеренная, и постройка нового дома в тех же размерах будет стоить втрое дороже назначенной цены»²¹.

Однако купчая на дом Смышляева была аннулирована из-за того, что в 1855 г. дом был отдан в залог. В 1863 г. вопрос о покупке дома решился окончательно: казна отказалась покупать дом для размещения Палаты государственных имуществ²².

В 1864 г. Д. Д. Смышляев передал дом городскому обществу, и с этого времени в нем разместилась городская дума и купеческий клуб (Общественное собрание)²³.

Перестройка здания для нужд Городского общественного управления производилась по проекту городского архитектора В. В. Попатенко. По сообщению Л. В. Перескокова и согласно архивным документам, перечень которых был подготовлен Н. Ф. Захаровой, по Петропавловской улице была сделана пристройка с крыльцом и парадной лестницей. Надстраивается 3-й этаж с целью устройства зала заседаний с «верхним светом»²⁴.

В мае 1878 г. Городская управа предоставила Пермской публичной библиотеке помещение в своем доме по ул. Сибирской. Пермская публичная библиотека была основана в конце 1831 г. на частные пожертвования. Более чем 30 лет она находилась на окраине города, в помещении училища детей канцелярских служащих. 14 сентября 1842 г. во время большого пожара в Перми библиотека полностью сгорела, уцелело только 1070 книг, находившихся на руках у читателей. Библиотека долго не могла оправиться от пожара. 30 августа 1863 г. состоялось новое открытие публичной библиотеки, переименованной в городскую общественную библиотеку. Открытие ее состоялось с торжественным богослужением, на нем присутствовали вся городская знать и любители чтения. Библиотеку вновь поместили в бывшем канцелярском училище, в неблагоустроенном помещении с протекающей крышей, разрушенными печами и крыльцами. Тяжелое материальное положение библиотеки привело в мае 1864 г. к ее слиянию с губернским статистическим комитетом, в августе 1864 г. – с библиотекой казенной палаты. В 1867 г. губернское правление передало библиотеку в хозяйственное заведование городской управы с условием покрытия ее дефицита за счет средств городского самоуправления. Управление библиотекой по-прежнему было в руках Библиотечного комитета, назначаемого губернатором. Таким образом, библиотека была в двойном подчинении – городского управления и губернского управления. В июле 1875 г. городская общественная библиотека перешла из ведения губернского статистического комитета в собственность городского общества. В 1877 г. утвержден новый устав библиотеки, провозглашавший ее полновластным хозяином городскую управу, а губернатора – ее почетным попечителем и покровителем. 1 мая 1878 г. библиотека переведена в дом городского общества рядом с думой, на Сибирской улице²⁵, сейчас это помещение детской областной библиотеки им. Л. Кузьмина.

В начале XX в. городская публичная библиотека завоевала признание горожан, с 1898 г. ее деятельность оживилась, ассигнования города увеличились. С 1900 г. основным источником существования библиотеки становится пособие городской управы, повышаются расходы на комплектование фонда, растет штат сотрудников библиотеки. С 1898 г. пользование читальным залом становится бесплатным, снижается абонементская плата. В 1911 г. в библиотеке было 1054, в 1917 г. – 5136 читателей. В 1912 г. в библиотеке была введена десятичная система классификации книг, с этого же года появились карточные систематический и алфавитный каталоги, заказаны специальные каталожные шкафы из натурального дуба. В 1913 г. так называемая «цифирная» (инвентар-

ная) расстановка книг заменена форматно-инвентарной, рекомендованной «Обществом библиотекосведения». В связи с этим были приобретены новые шкафы для книг: открытые и соответствующие форматам книг. Благодаря этим нововведениям Пермская публичная библиотека с 1913 г. пользовалась славой одной из лучших и передовых библиотек Российской Империи²⁶.

В 1918 г. направление деятельности Городской общественной библиотеки изменилось. 6 декабря 1919 г. она была переименована в губернскую публичную библиотеку. 1920—1923 гг. были временем колоссального роста фонда библиотеки: сюда свозили книги из реквизированных частных библиотек, из учреждений. В связи с этим, помещения библиотеки значительно расширились. В сентябре 1921 г. площадь библиотеки резко растет, а с октября 1922 г. ей было предоставлено все здание, занимаемое ранее городской управой. Читальный зал получил новое обширное помещение – зал заседаний городского общества. С 1923 г. библиотека становится крупнейшей на Урале, а с 1924 г. она была взята на государственный бюджет в качестве Пермской окружной публичной библиотеки. С этого времени начинается ее новая история: до 1926 г. здание библиотеки было отремонтировано, электрифицировано, обеспечено необходимым оборудованием²⁷.

В книге Вл. Чижова «Пермь в экскурсиях» есть интересное описание Пермской библиотеки: «В западной части площади [Театральной] возникшая в 1831 г., и преобразованная в 1863 г. в общественную библиотеку центральная публичная библиотека, крупный культурный центр города и края, одна из самых богатых библиотек среди губернских городов РСФСР. Библиотека имеет свыше 300000 томов по всем отраслям знания, из них 143157 [на 1.03.1926 г.] заинвентаризованных и находящихся в пользовании читателей. Для повседневной работы последних предоставлено 3 обширных, уютно обставленных зала: 1 имени В. И. Ленина, 2 – периодической печати и 3 – педагогической и политпросветской работы. В учебный период раза 2-3 в месяц устраиваются вечера рецензий, на которых читателями, главным образом, юными, из числа учащейся молодежи обсуждаются и разбираются последние новинки русской и иностранной литературы. Периодически устраиваются книжные выставки, отмечающие крупные события общественно-политической жизни республики и мира. Кроме того, библиотека имеет специальный музыкальный отдел, до последнего времени единственный в уральской области и окружной коллектор-распределительный пункт литературы для 53 библиотек в районах округа и постоянно циркулирующих по территории города

передвижек (до 350 в год). Остается только пожалеть, что наряду с ростом библиотеки, ее посещаемости (87804 человек в 1924—1925 гг.) неизменно происходит сокращение ее персонала, вызванного переходом культурного центра Камского Приуралья на окружное положение»²⁸.

В 1928 г. постановлением Пермского городского Совета и Окрисполкома в связи с 60-летием А. М. Горького окружной библиотеке присвоено имя великого писателя. 19 августа 1928 г. вышло постановление об обязательном экземпляре для Пермской окружной библиотеки. 20 августа 1928 г. Пермскую окружную библиотеку посетили Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. В октябре 1928 г. – открылся новый детский отдел²⁹.

В годы 1-й пятилетки библиотека, выполняя Постановление ЦК ВКП (б) от 30 октября 1929 г. «Об улучшении библиотечной работы», включилась в работу по оказанию более активной помощи в социалистическом строительстве. Библиотека проводила массовую работу по пропаганде политической и технической литературы в рабочих общеджитиях, на заводах, новостройках; усилилась передвижная работа на селе. В 1933 г., в связи с реорганизацией Перми в районный центр Свердловской области, окружная библиотека была реорганизована в районную публичную библиотеку³⁰. В годы 2-й пятилетки в связи с коренным преобразованием Перми в один из мощных центров страны в области машиностроения, металлургической, химической, бумажной, деревообрабатывающей, нефтяной и др. отраслей промышленности, ростом грамотности среди населения (в Перми в этот период было семь ВУЗов, университет, развитая сеть школ и культурно-просветительных учреждений), число читателей библиотеки выросло с 15 тысяч до 26 тысяч, а посещаемость читального зала превысила 400 человек в день. На страницах районной газеты «Звезда» и областной газеты «Уральский рабочий» было немало замечаний по поводу работы библиотеки. Справедливо отмеченные недостатки комплектования, организации фондов свидетельствовали о том, что библиотека отстала от запросов читателей. Остро давало о себе знать в этот период отсутствие в штате библиотеки работников со специальным высшим и средним образованием, и вообще низкий образовательный уровень библиотекарей³¹.

Но были в этот период и серьезные успехи: выросла популярность музыкального и детского отделов; пользовались успехом массовые мероприятия, особенно литературные вечера. Появился ряд новых отделов: иностранной литературы, брайлевский, отдел доставки книг на дом, методический кабинет, начал работу межбиблиотечный абонемент (МБА)³².

В 1936 г. был составлен «Паспорт Пермской городской центральной библиотеки Свердловской области, Пермского р-на, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 25». Согласно этому документу здание библиотеки охарактеризовано как «мало приспособленное, с электропроводкой, водопроводом и канализацией, с калориферным и печным отоплением. Число библиотечных комнат 24 и подвал, площадь 1387,24 кв.м. Книгохранилище – 9 комнат и подвал, площадь 588,94 кв.м. Абонемент – 2 комнаты площадью 146,22 кв.м., читальня – 3 комнаты площадью 242,53 кв.м., рабочих комнат нет, раздевальня – 2 комнаты площадью 108,6 кв.м., передвижные фонды – 2 комнаты площадью 60 кв.м., отдел обработки – 2 комнаты площадью 61 кв.м., иностранный отдел – 2 комнаты площадью 61 кв.м., музыкальный отдел – 2 комнаты площадью 75 кв.м., отдел доставки книг на дом – площадь 23, 57 кв.м»³³.

В 1940 г., после образования Пермской области (1938) и переименования Перми в город Молотов, городская библиотека была переименована в Молотовскую областную библиотеку³⁴.

В годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) в библиотеке были размещены фонды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. В период эвакуации в Молотове жило немало известных специалистов: литературоведов, писателей, артистов. В библиотеке читались циклы лекций, устраивались встречи с писателями, проводились вечера, программы которых были насыщены высоким идейным и духовным содержанием, художественная часть исполнялась выдающимися артистами, мастерами художественного чтения, устраивались выставки. В 1943 г. при библиотеке был организован филиал Государственного фонда литературы, задачей которого стал сбор книг для восстановления пострадавших во время войны библиотек в западных районах СССР. Молотовским филиалом было собрано 47 тыс. томов³⁵.

12 февраля 1944 г. постановлением СНК РСФСР № 134 Молотовская областная публичная библиотека была переведена в разряд научных библиотек республиканского подчинения. В 1950—1960-е гг., исходя из новых требований, предъявляемых к научным библиотекам, была проведена большая работа по упорядочению и реорганизации имеющихся каталогов, создан каталог на периодические издания (газетный фонд), фонд редкой книги, улучшено хранение фондов, проведена их проверка, переоборудовано книгохранилище, установлены новые стеллажи, увеличена площадь общего читального зала, а также открыты зал текущей периодики и читальный зал для научных работников с аппаратом для чтения микрофильмированных книг. Написано 3 крупных работы по исто-

рии библиотечного дела в Молотовской области с библиографическими указателями к ним, составлен справочник по библиотекам г. Перми (Молотова) и области, разработаны библиографические указатели по темам: история промышленного развития области, история музыкальной культуры Урала³⁶.

С 5 ноября 1967 г., после переезда областной библиотеки им. А. М. Горького в новое здание на ул. Ленина, 70³⁷, в занимаемых ею зданиях размещаются городская библиотека им. А. С. Пушкина и детская библиотека им. Л. И. Кузьмина.

21 января 1975 г. решением Пермского облисполкома № 20 здание по ул. К. Маркса, 11 взято на учет как памятник градостроительства и архитектуры местного (областного) значения «Здание Городской думы»³⁸.

1. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 696. Л. 29.

2. *Смышляев Д. Д.* Сборник статей о Пермской губернии. – Пермь, 1891. – С. 134-135.

3. ГАПК. Ф. 297. Оп. 2. Д. 229. Л. 1-1об.

4. ИРЛИ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

5. Из архива Пермского рода Дягилевых. Публикация Е. Субботина и В. Дылдина // Пермский ежегодник-95: Хореография. История. Документы. Исследования. – Пермь, 1995. – С. 227.

6. *Смышляев Д. Д.* Указ. соч. С. 135.

7. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 696. Л. 60об., 75.

8. Городские головы города Перми: сб. статей. – Пермь. 2003. – С. 23-26.

9. ГАПК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1906. Л. 9.

10. Там же. Д. 1212. Л. 39-41об.

11. *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 225-228.

Дмитриев А. А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Вып. 1. – Пермь, 1902. – С. 35-38.

Дмитриев А. А. Памяти Д. Д. Смышляева // ПГВ. – 1893. – 15, 17 дек.

Солодовникова Н. П. Д. Д. Смышляев: биограф. очерк // ПГВ. – 1900. – 19-22, 24, 25, 30, 31 марта, 21, 23 апр.

12. ГАПК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 16. Т. 3. Л. 595-595об.

13. *Смышляев Д. Д.* Указ. соч. С. 135-136.

14. ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 156. Л. 1-1 об.

15. Там же. Л. 1-2об.

16. Там же. Л. 61-62об.

17. Там же. Л. 63об.

18. Там же. Л. 64-65.

19. Там же. Л. 65-65об.

20. Там же. Л. 31-32.

21. Там же. Л. 46-48об.

22. Там же. Л. 23, 39-39об.

23. *Смышляев Д. Д.* Указ. соч. С. 136.

24. *Перескоков Л. В.* Материалы к истории дома Смышляевых в Перми // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1995. – С. 69-70; *Захарова Н. Ф.* Трансформация здания дома Смышляева: Перечень архивных документов // Пермский дом в истории и культуре края: материалы 2-й науч.-практ. конф. – Пермь, 2009. – С. 66-72.

25. *Афанасьева О.* Справка об истории создания Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького. ГАПК. Ф. р-1024. Оп. 1. Д. 1028. Л. 2-5.

26. ГАПК. Ф. р-1024. Оп. 1. Д. 1028. Л. 6-8.

27. Там же. Л. 10.

28. *Чижов В.* Пермь в экскурсиях... С. 29-30.

29. ГАПК. Ф. р-1024. Оп. 1. Д. 1028. Л. 10.

30. Там же. Л. 11.

31. Там же. Л. 12.

32. Там же. Л. 13.

33. ГАПК. Ф. р-1024. Оп. 1. Д. 131. Л. 1-2.

34. ГАПК. Ф. р-1024. Оп. 1. Д. 1028. Л. 13.

35. Там же. Л. 14.

36. Там же. Л. 15.

37. ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 1147. Л. 159.

38. Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993. – С. 52; Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 142. По адресу ул. Коммунистическая, 25 в списках ошибочно указано «Здание городского театра» (Пермский театр оперы и балета).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Документы предоставлены для публикации Т. А. Калининой, кандидатом исторических наук, преподавателем Пермского государственного университета. Рукописная копия с документов была снята в 1950-е гг. преподавателем ПГУ Е. В. Поповой.

Канцелярия губернатора. № 3570. Получено 4 июля 1859 г.

Записка

Статского Советника Петра Сидорова Васильева.
30 июня 1859 года. Пермь.

О продаже дома купца Смышляева.

Его Превосходительству,
Господину исправляющему должность
Военного Губернатора г. Перми
И Пермского Гражданского Губернатора.

Пермский 1-й гильдии купец мануфактур-советник Дмитрий Емельянов Смышляев, предлагал Правительству каменный дом свой с флигелями и службами, состоящий в г. Перми, на большой площади, между Петропавловскою и Торговою улицами, для помещения казенных Присутственных мест, выпрашивая за оный 43 т. руб. серебром. По поводу сему происходила переписка и наконец Г. Министр Внутренних Дел, от 25 марта 1853 г. за № 1968 *, с отзыва Г. Главноуправляющего Путиями Сообщений уведомил Г. Начальника Пермской губернии, что из истребованных им генерал-адъютантом графом Клеймихелем от местной губернской строительной и дорожной комиссии сведений, как о состоянии означенного дома Смышляева, так и о возможности помещения в оном предположенных присутственных мест оказалось, что дом сей за надлежащим приспособлением его, будет соответствовать своей цели, и что по составленному для сего проекту требуется до 27 т. руб., а с присовокуплением к оным 43 т. р., следующих за приобретение дома вся издержка будет простираться до 70 т. руб., тогда как постройка тех же присутственных мест нового здания обошлась бы около 100 т. руб. К сему генерал-адъютант граф Клеймихель присовокупил, что он признает за сим выгодным для казны приобретение дома купца Смышляева.

* Документ не разыскан.

Почему Г. Министр Внутренних Дел просил Гражданского Губернатора доставить сведение, каким образом можно было бы покрыть предстоящий по сему предмету расход.

Далее о положении сего дела никакого сведения не имеется, но в течение времени в доме Смышляева с начала 1855 по 1858 год помещалась в нижнем этаже и флигеле Казенная Палата со всеми ее отделениями, рекрутское присутствие, уездное казначейство и кладовая оного, по переходе Казенной Палаты в здание, для нее выстроенное, помещается ныне Палата Государственных Имуществ со всеми ее принадлежностями, а флигель, что на Петропавловскую улицу, занимает земский суд с его архивом.

За смертью мануфактур-советника Смышляева, наследник его, сын родной, Дмитрий Смышляев уполномочил меня доверенностию на продажу означенного дома.

На основании сей доверенности, я решился возобновить предложение о продаже означенного дома Смышляева, для помещения Присутственных мест, и для пользы казны соглашаюсь взять за него вместо 43 т. руб., выпрошенных покойным Смышляевым, за которую цену разрешена и покупка оного, только восемнадцать тысяч рублей серебром, без всяких с моей стороны расходов по совершению актов, и потому почтительнейше представляя о сем Вашему Превосходительству и прилагая при сем в подлиннике доверенность Г. Смышляева, план и фасад, бывшие уже в рассмотрении Главного Управления Путей Сообщения на означенный дом, честь имею покорнейше просить, о последствии по сему делу приказать меня уведомить, и в случае если не состоится покупка, возратить мне доверенность и планы.

Статский советник Петр Васильев.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 156. Л. 5-6об. Подлинник рукописный.

Министерство
Государственных
Имуществ.
1-й Департамент.
Отделение 1.
Стол 1.

7-го сентября 1860 г.
№ 210.

Копия.

Пермской Палате Государственных Имуществ.

Государственный Совет Высочайше утвержденным 14-го минувшего августа мнением положил разрешить отпуск из капитала, собранного в пермской губернии для устройства зданий присутственных мест и тюрем, двадцати одной тысячи руб. сер. на покупку и приспособление дома купца Смышляева в г. Перми под помещение тамошней Палаты Государственных Имуществ.

Давая знать о таком Высочайшем повелении Пермской Палате Государственных Имуществ и предписывая о времени прекращения платы за наем помещения донести, присовокупляю, что надлежащее исполнение по этому делу Министерством Внутренних Дел возложено на Начальника Пермской губернии.

Подписал: Министр Государственных Имуществ, генерал от инфантерии Мураев.

Верно: и. д. советника Бекетов.

С подлинным читал делопроизводитель [подпись неразборчива].

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 156. Л. 18-18об. Копия рукописная.

П. Г. И.
Пермская
Палата
Государственных
Имуществ

По отделению
Хозяйственному
Стол 2.

г. Пермь
10 октября 1860 года
№ 13218.

Господину Начальнику Пермской губернии.

Вследствие предписания Первого Департамента Государственных Имуществ, Палата Государственных Имуществ, по надлежащем согласии Управляющего Палатою с Г. бывшим Начальником губернии по предположенной покупке дома купца Смышляева под помещение одной только Палаты, от 15 марта сего года за № 3021 *, представила Первому Департаменту о пользе и выгодах купить дом Смышляева собственно под помещение Палаты, по предположенному ею и одобренному Г. Начальником губернии размещению.

На это Господин Министр Государственных Имуществ, от 7-го сентября за № 210, дав знать Палате о Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета о разрешении отпуска из капитала, собранного в пермской губернии для устройства зданий присутственных мест и тюрем 21 тыс. руб. сер. на покупку и приспособление дома купца Смышляева в г. Перми под помещение здешней палаты Государственных Имуществ, присовокупил, что надлежащее исполнение по этому предмету Министерством Внутренних Дел возложено на Начальника Пермской губернии.

Палата Государственных Имуществ, встречая постоянные неудобства и затруднения при размещении своей канцелярии по тесноте настоящего помещения Палаты, представляя при сем копию с означенного выше предписания Господина Министра, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, сделать распоряжение о выводе из купленного для палаты дома купца Смышляева земского суда.

Управляющий палатою [подпись неразборчива].

Исправляющий должность советника [подпись неразборчива].

Делопроизводитель [подпись неразборчива].

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 156. Л. 16-17. Подлинник рукописный.

* Документа в деле нет.

ИСТОРИЯ ЗДАНИЯ ПЕРМСКОЙ ШКОЛЫ № 22 (ул. Сибирская, д. 80)

В Перми сохранился великолепный памятник истории и архитектуры конца XIX века – бывшее училище для слепых детей, а сегодня – школа № 22 с углубленным изучением иностранных языков. 11 сентября 2010 г. зданию школы исполнилось 120 лет.

Открытие этого учебного заведения явилось результатом благотворительности, которой славилось пермское общество в дореволюционные годы. Пермская губерния занимала одно из первых мест в России по проценту слепых к числу населения (23 человека на 10 тысяч жителей) [1]. Медицинская помощь в губернии была недостаточной, свирепствовали болезни, приводившие к болезням глаз и полной слепоте. Из шести тысяч слепых около 400 человек не имели никаких средств к существованию [2]. Врач-офтальмолог Евгения Павловна Серебренникова, работавшая в глазном отделении Александровской земской больницы, старалась привлечь внимание общественности к положению слепых [3]. Ее современники вспоминали: «Жизнь Евгении Павловны не замыкалась тесными рамками специальных служебных интересов. Она была, прежде всего, разносторонний общественный деятель, человек инициативы и несокрушимой энергии. В ней присутствовало редкое сочетание природного такта и сердечности, участливого отношения к людям, обаяние, способность увлекать идеями других. Из общественных предприятий, организованных трудами и энергией Евгении Павловны, следует отметить прекрасное училище для слепых детей в городе Перми» [4].

12 марта 1889 г. в помещении Благородного собрания решался вопрос об открытии отделения Мариинского попечительства о слепых. Епископ Пермский и Соликамский Петр (Лосев) призвал собравшихся учредить Пермское отделение попечительства: «...Ибо из всех крестов человеческих самый тяжелый есть крест, несомый несчастными слепцами» [2]. Решение об открытии попечительства было принято, под ним поставили свои подписи лучшие люди нашего города того времени, всего 52 подписи.

Уполномоченный попечительства о слепых действительный статский советник Николай Михайлович Васильев писал городскому голове Петру Ерофеевичу Сигову: «Будучи вполне убежден в Вашем полном сочувствии к делу призрения слепых, прошу Вас решить вопрос о безвозмездном отведении пустопорожнего места в городе Перми для постройки дома под убежище для слепых. При отзывчивости Пермского Общества и вообще населения Пермской губернии ко всякому добро-

му начинанию, можно с уверенностью надеяться, что в материальных средствах на такое святое дело недостатка не будет» [5]. Городская Дума единогласно приняла решение о выделении безвозмездно места под здание училища. На выбор попечительству о слепых были представлены: угол улиц Биармской и Покровской, мерою 1650 кв. сажень (7507,5 кв.м); Мещанской и Обвинской, мерою 2940 кв.сажень (13377 кв.м); и Мещанской и Сибирской, мерою 2016 кв.сажень (9172,8 кв.м). При осмотре пустопорожних городских мест уполномоченным попечительского совета Васильевым совместно с губернатором, городским головой и городским архитектором, «более удобным и соответствующим своему назначению признано место по Мещанской и Сибирской улицам имеющее 2016 кв.сажень» [6]. 23 июля 1889 г. городской архитектор Василий Васильевич Попатенко «произвел разбивку места» будущего училища [7]. К строительству приступили 28 июля 1889 г.

Из отчета о работе попечительства за 1890 год: «Каменный 2-х этажный дом для училища слепых детей в городе Перми, занимающий по длине 15 сажень (31,95 м) и в глубину 8 с сажень (18,64 м), выстроен и отделан внутри на пожертвованные Екатеринбургским 1 гильдии купцом Рожновым деньги в сумме 28 тысяч рублей. Каменные надворные строения при доме (каретный сарай, конюшня, ледник и амбары) и деревянные – баня и прачечная, выстроены также на пожертвования, сделанные разными лицами.

- 1) Дом, выстроенный вчерне – 21107 рублей.
 - 2) Внутренняя отделка – 8000 рублей.
 - 3) Каменные надворные строения – 3000 рублей.
 - 4) Деревянные баня и прачечная – 750 рублей.
- Итого на строительство потрачено: 32857 рублей.

Собранные средства:

1. Екатеринбургский купец Рожнов 28000 рублей.
 2. Московская купчиха Дедюхина 1000 рублей.
 3. Действительный Статский Советник Поклевский-Козелл 500 рублей.
 4. Екатеринбургский купец Рожнов 500 рублей.
 5. Сарапульские купцы Бодалев и Дедюхин 200 рублей.
 6. Пермские купцы братья Суслины 300 рублей.
 7. По подписным листам собрано 1259 рублей 43 коп.
 8. % на капитал купца Рожнова, обращенный в % бумаги впродоль до расчетов по постройке дома 332 рубля 50 коп.
 9. Переданные совету попечительства о слепых 484 рубля 54 коп.
- Итого: 32576 рублей 47 коп.

«Постройка дома могла обойтись дешевле, если бы не спешка. Через 2 3 месяца дом вчерне был готов» [8].

31 мая 1890 г. Пермское попечительство о слепых обратилось в городскую Управу с просьбой «поставить в известность городское население о предполагаемом открытии 30 августа текущего года училища о слепых, с тем, что, если кто пожелает поместить в означенное училище слепых детей мальчиков от 7 до 9 лет, то должен прислать к 15 июля в попечительство заявление, приложив документы (метрику, справку о привитии оспы, медицинскую справку)» [9].

Газеты писали: «30 августа 1890 г., в день тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора, в г. Перми открыты училище для слепых детей и приют для престарелых слепцов. При открытии училища присутствовал прибывший из Петербурга директор Петербургского училища о слепых Недлер. Осмотрев во всех подробностях выстроенный дом, он сказал: «Дом – прекрасное двухэтажное каменное здание, специально приспособленное для призрения слепых». В день открытия училища в нем поселились 7 слепых мальчиков и один 65-летний старец». Дом был выстроен для помещения в нем 45 слепых детей, но согласно п. 6 утвержденных Советом попечительства 6 мая 1889 г. правил, в первый год должно быть принято на содержание не более 10 человек [10]. Здание училища было выстроено по проекту академика архитектуры Ю. И. Дютеля. «Каменный двухэтажный дом из красного кирпича украшали фигурно выложенные кирпичом наличники. В середине здания находились парадные входные двери. Ажурные решетки на каменном фундаменте, закрепленные между каменными же столбиками, окружали всю территорию училища. В ограде были ажурные кованые ворота, с обеих сторон ворот – такие же калитки. На первом этаже здания размещались классы, мастерские и квартиры преподавателей, на втором – спальни учащихся, актовый зал и библиотека. В подвальном помещении находилась столовая» [11].

3 октября 1894 г. при училище слепых епископом Пермским и Соликамским Петром в присутствии губернатора с семейством, высших лиц города и большого количества народа была заложена домовая церковь во имя святого князя Михаила Черниговского. Выстроена эта церковь на пожертвованные Екатеринбургским купцом 1-й гильдии Михаилом Федоровичем Рожновым 20 тысяч рублей. Освятил церковь 22 ноября 1896 г. сам преосвященный Петр, епископ Пермский и Соликамский [12]. Вот как описана церковь в клировых ведомостях за 1920 г.: «Здание церкви каменное, с таковою же в одной связи колокольню. Крепка, покрыта железом, помещается в пристрое с левой стороны по фасаду главного корпуса училища слепых детей. Адрес церкви: с левой стороны Сибирского тракта, против Исправительного Арестантского отделения, бывшей пересыльной тюрьмы». К приходу Княже-Михайловской церкви относились

дома, находившиеся на окраине Перми: в Старой Слободе, Новой Слободе и на Курочкиных местах. Всего 250 домов, 650 мужчин и 890 женщин. Настоятелем церкви при училище слепых с 15 января 1902 г. и до ее закрытия в 1920 г. был протоиерей Павел Петрович Серебренников. Помогал ему псаломщик Иван Константинович Ширкалин, выпускник училища, слепец [13]. На колокольне было пять колоколов: большой – 30 пуд. 20 фунтов, средний – 12 пуд., малые – 7 пуд. 1 фунт, 3 пуда 1 фунт и 4 S пуда 1 фунт [14].

Училище завоевало признательность и популярность у жителей Пермской губернии. Число воспитанников быстро увеличивалось. Встал вопрос о расширении здания училища. Была составлена смета на строительство, согласно которой на возведения «пристройки к зданию училища требовалось больше 70 тысяч рублей. Попечительский совет энергично взялся за дело. Почетные члены Пермского отделения попечительства о слепых коммерции советник Павел Степанович Жирнов и Дмитрий Степанович Жирнов пожертвовали на постройку нового и ремонт старого здания 20 тысяч рублей» [15]. Благодаря стараниям бывшего вице-губернатора Перми действительного статского советника Владимира Ивановича Европеуса, «нужные по смете средства были найдены. Начатое в 1912 г. расширение училища и церкви при нем, в 1913 г. было закончено. Таким образом, была дана возможность обучения в училище от 100 до 120 человек слепцов» [16].

Расширение училища произвело «инженерное товарищество господина Искорского» за 77 тысяч рублей. «С июня приступили к возведению здания, а к концу строительного сезона каменное здание было уже возведено и покрыто крышей. К 1 октября будущего (1913 г.) года здание должно быть окончательно готово» [15]. Реконструкция церкви также описывается в Клировых ведомостях Княже-Михайловской церкви: «В 1913 г. передняя часть храма вплоть до ограды была расширена. Колокольня вновь выстроена, а к ней паперть. Все это сделано на добровольные пожертвования и отчасти средства братьев Павла и Дмитрия Жирновых» [13].

С началом 1-ой мировой войны училище для слепых детей перевели в сельскую местность, а здание его с 1914 по 1918 гг. занимал госпиталь. В 1919 г. училище было официально закрыто [11].

В 1919 г. в помещении бывшего училища слепых был размещен детский дом № 18 для беспризорных детей. 20 ноября 1920 г. Пермский губернский отдел юстиции сообщением за № 3682 уведомил церковный причт о том, что «на основании Постановления губернского исполкома от 17 ноября 1920 г. церковь при бывшем училище слепых ликвидируется в трехдневный срок». Всю церковную утварь прихожане Крестным ходом перенесли в Вознесенскую церковь, где она была сложена в подвале [17].

В июне 1923 г. во время своего кратковременного пребывания в Перми детский дом № 18 посетил нарком просвещения А. В. Луначарский [18]. Позднее детский дом был реорганизован в школу-коммуна. Вначале в коммуне воспитывались 30 беспризорных детей. В справочнике «Вся Пермь» за 1925 г. по адресу улица Карла Маркса, 80, значится школа-коммуна № 18 имени III Интернационала, заведующий В. Е. Попов» [19]. В сборнике очерков «Город Пермь» 1926 года в разделе «детские дома для беспризорных детей» сообщается: «Крупным детским учреждением является Пермская школа-коммуна, помещающаяся в громадном здании бывшего училища слепых. При школе существует интернат на 120 воспитанников и 3 мастерские (хорошо оборудована столярная мастерская). Школа-коммуна ведёт учебную работу по программе школы-семилетки, к обучению в которой допускаются дети жителей этой окраины Перми (Слободка)» [20].

После школы-коммуны и школы-семилетки в здании располагались детский сад и строительный техникум.

С 1931 г. все здание заняла средняя школа № 22. К 1935 г. в школе было 44 класса, в которых обучались 1800 детей. В феврале 1937 г. школу посетил легендарный летчик Валерий Павлович Чкалов. Во время встречи Чкалова с пионерами в актовом зале школы, он был принят в почетные пионеры дружины. Алый галстук ему повязала пионерка (позже учительница начальных классов школы № 22) Валентина Петровна Волкова [21]. О посещении школы знаменитым летчиком напоминает мемориальная доска на фасаде здания, установленная 19 мая 1967 г. Право открытия ее было предоставлено лучшим учащимся: пионерке Гале Свирчевской и комсомольцу Юрию Грищенко [22].

Во время Великой Отечественной войны в здании школы с 1941 до 1943 г. размещался эвакогоспиталь № 1719. С 1 сентября 1960 г. «средняя школа № 22 Сталинского района была реорганизована в специальную школу с преподаванием ряда предметов на французском языке». Это была третья специальная школа в городе Перми [23].

К 1991 г. школа была значительно перегружена, количество учащихся в ней было вдвое больше нормы. По инициативе директора школы Ольги Васильевны Бушуевой в 1991 г. было начато строительство двухэтажного крыла, пристроенного к зданию школы с улицы П. Осипенко. Строительные работы выполнял трест № 12 [24], проектировал пристрой к школе архитектор Олег Валентинович Горюнов. Строительные работы были окончены в 1993 г. [25]. За этот объект в 1995 г. архитектору О. В. Горюнову была присуждена областная премия в сфере культуры и искусства. Сегодня в

новом крыле школы находятся прекрасно оснащенный спортивный зал, школьная столовая, светлые учебные кабинеты, залы аэробики, настольного тенниса, рукопашного боя, тренажерный зал и другие помещения.

1. *Серебренникова Е. П.* Несколько слов о призрении слепых в Западной Европе и России. – Пермь, 1889. – С. 35.
2. *Вологдин П. А.* Призрение слепых. – Пермь, 1889. – С. 2.
3. *Бабушкин В. С.* Врач Е. П. Серебренникова. – Пермь, 1957. – С. 41.
4. ГАПК. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 42. Л. 5, 10об.
5. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 58. Л. 51, 51об.
6. Там же. Л. 55.
7. Там же. Л. 56, 56об.
8. Отчет Пермского отделения, состоящего под Августейшим покровительством ее Императорского величества императрицы Марии Федоровны, попечительства о слепых за 1890 г. – Пермь, 1891. – С. 9-11.
9. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 58. Л. 59об.
10. Отчет Пермского отделения, состоящего под Августейшим покровительством ее Императорского величества императрицы Марии Федоровны, попечительства о слепых за 1890 г. – Пермь, 1891. – С. 9-11.
11. *Спешилова Е. А.* Старая Пермь. – Пермь, 1999. – С. 445-447.
12. ПЕВ. – 1896. – № 24, неофиц. – С. 512-524.
13. ГАПК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
14. ГАПК. Ф. 416. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
15. Отчет Пермского отделения, состоящего под Августейшим покровительством ее Императорского величества императрицы Марии Федоровны, попечительства о слепых за 1912 г. – Пермь, 1913. – С. 5.
16. ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1387. Л. 1.
17. ГАПК. Ф. 416. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 13.
18. Звезда. – 1923. – 14 июня. – С. 2.
19. Вся Пермь. – Пермь, 1925. С. 29.
20. Город Пермь: сб. очерков по истории, культуре и экономике города. – Пермь, 1926. – С. 289.
21. Звезда. – 1967. – 23 мая. – С. 4.
22. Справочник-путеводитель по памятным местам Свердловского района Перми. – Пермь, 1973. – С. 36.
23. Звезда. – 1960. – 17 сент. – С. 4.
24. Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993. – Т. 2. – С. 22.
25. *Семянников В. В.* Микрорайоны г. Перми. – Пермь, 2008. – С. 346.

ЗДАНИЕ СТАРОГО КОРПУСА ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА (ул. Петропавловская-Коммунистическая, 18)

1 сентября 1891 г. в Перми на углу улиц Петропавловской и Соликамской (М. Горького) в двухэтажном каменном здании было торжественно открыто Епархиальное женское училище¹. Первоначально купленный одноэтажный каменный дом Пенинской был надстроен вторым этажом, расширен по улице Соликамской и приспособлен для нужд училища по проекту архитектора А. Б. Турчевича-Глумова². В училище получали образование девушки из духовного сословия. Училище готовило учительниц для церковно-приходских школ. В 1894 г. в актовом зале училища была устроена домовая церковь во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии³. В 1896 г. на углу улиц Соликамской (М. Горького) и Покровской (Ленина) в специально построенном одноэтажном деревянном доме с мезонином была открыта образцовая церковно-приходская школа, где воспитанницы училища проходили педагогическую практику. В 1905 г. по проекту А. Б. Турчевича-Глумова было заложено новое двухэтажное каменное здание, увеличившее помещение Епархиального женского училища по Соликамской улице (ул. М. Горького, 15). Постройка этого здания закончилась лишь в 1913 г.⁴

В Епархиальном женском училище работал в 1905—1914 гг. педагог, краевед, летописец города Перми Владимир Степанович Верхоланцев (1879—1947)⁵.

В 1891—1916 гг. в Епархиальном женском училище работал врач-гигиенист, доктор медицины, один из основателей научно-промышленного музея в Перми, общественный деятель Павел Николаевич Серебрянников (1848—1917)⁶.

После Октябрьского переворота 1917 года Епархиальное женское училище было закрыто. С начала 1920-х гг. в здании размещались педагогический, фармацевтический, промышленно-экономический техникумы. В деревянном доме с мезонином, в котором до 1917 г. размещалась образцовая церковно-приходская школа, с начала 1920-х гг. размещался художественный техникум, здание которого сгорело в декабре 1931 г.⁷ С 1942 г. в здании училища размещался госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны. В 1946 г. здание было передано Пермскому хореографическому училищу – первому в областях России.

Здесь с 1946 по 1957 гг. работала артистка балета, педагог, основательница Пермского хореографического училища Екатерина Николаевна (Никодимовна) Гейденрейх (1897—1982)⁸.

Здание Пермского хореографического училища в 1960-х гг. было надстроено третьим этажом. В 1984 г. было завершено строительство трехэтажного здания из стекла и бетона (ул. Коммунистическая-Петропавловская, 18 а), где 19 ноября 1984 г. был открыт учебный театр Пермского хореографического училища⁹. 27 ноября 1997 г. в связи со столетием со дня рождения Е. Н. Гейденрейх на здании училища была установлена мемориальная доска с барельефным портретом балерины работы скульптора А. Кутергина¹⁰.

Новое здание Епархиального училища (ул. М. Горького, 15) было освящено 29 сентября 1913 г. В 1920-е годы здесь размещались курсы просветработников. В 1928 г. здесь побывали Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. В годы Великой Отечественной войны в здании размещался эвакогоспиталь, в настоящее время – госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны¹¹.

¹ *Верхоланцев В. С.* Летопись города Перми с 1890 по 1912 гг., с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г. – Пермь, 1913. – С. 14; *Трапезников В. Н.* Летопись города Перми. – Пермь, 1998. – С. 96.

² *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. – Пермь, 1999. – С. 449.

³ *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 98.

⁴ *Спешилова Е. А.* Указ. соч. С. 550-551.

⁵ *Быстрых Т. И.* В. С. Верхоланцев // Краеведы и краеведческие организации Перми: библиограф. справочник. – Пермь, 2000. – С. 94-96.

⁶ *Литвинова Е. Г.* П. Н. Серебрянников // Краеведы и краеведческие организации Перми: библиограф. справочник. – Пермь, 2000. – С. 240-241.

⁷ *Спешилова Е. А.* Указ. соч. С. 450-451.

⁸ *Стецура Ю. А.* Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх. – Пермь, 1997.

⁹ Звезда. – 1984. – 21 нояб.

¹⁰ *Субботин Е. П., Семянников В. В., М. И. Серов.* Мемориальные доски Перми: справочник. – Пермь, 2008. – С. 24.

¹¹ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь: Арабеск, 1993. – С. 8, 11.

**ДОМ БЕРГ-ИНСПЕКТОРА –
ПЕРМСКОЕ ГОРНОЕ ПРАВЛЕНИЕ – КАЗЕННАЯ ПАЛАТА
(ул. Ленина, 23)**

В 1807 г. согласно новому «Горному положению» 1806 г., упраздненному местные горные начальства, было создано Пермское горное правление, которое возглавил Пермский и Вятский генерал-губернатор К. Ф. Модерах (1747—1819)¹. Пермское горное правление состояло из двух департаментов. В первом департаменте, осуществлявшем надзор за управлением казенных заводов Урала, председательствовал К. Ф. Модерах, а во втором, ведавшем частными заводами, делами ведомственного судопроизводства и горной полицией, – берг-инспектор². В 1811 г. в связи с назначением К. Ф. Модераха сенатором и отъездом его в Петербург, управление уральскими заводами сосредоточилось в руках Берг-инспектора. В 1827 г. была восстановлена должность главного начальника горных заводов Уральского хребта с назначением на нее артиллерии генерал-майора А. А. Богуславского (1771—1831). В 1831 г. после смерти А. А. Богуславского было окончательно решено перевести горное правление в Екатеринбург³.

Первоначально Пермское горное правление размещалось в одном из корпусов, возведенных в 1781 г. для губернских присутственных мест на площади Петропавловского собора⁴. На углу улиц Покровской и Сибирской был возведен двухэтажный каменный дом с двумя флигелями для А. Т. Булгакова, который был берг-инспектором Пермского горного правления с 1815 по 1826 г.⁵, что и отражено на плане города Перми 1823 года. Очевидно, после его отъезда в 1826 г. здесь разместилось и горное правление⁶.

Утверждение некоторых краеведов, что здание построено по проекту архитектора И. И. Свиязева, не подтверждается. В 1819—1821 гг. И. И. Свиязев строил Петергофскую бумажную фабрику, а архитектором Пермского горного правления он был назначен в марте 1822 г.⁷

Здание считалось лучшим в городе, и было избрано под резиденцию императора Александра I во время его пребывания в Перми с 30 сентября по 3 октября 1824 г. по пути из Оренбурга. С балкона этого дома, выходящего на площадь Гостиного двора, он отвечал на приветствия горожан, а в зале принимал местных чиновников и купцов⁸.

В штат Пермского горного правления входили: механик, архитектор, врач, казначей, архивариус. При нем была чертежная и пробирная⁹.

Здесь работали:

В 1826—1831 гг. – доктор медицины и хирургии, инспектор губернской врачебной управы, врач горного правления Федор Христофорович Граль (1770—1835).

В 1826—1832 гг. – академик архитектуры, автор воспоминаний и стихов, архитектор горного правления Иван Иванович Свиязев (1707—1875).

В 1830—1832 гг. – горный инженер, металлург, один из основателей отечественной порошковой металлургии Василий Васильевич Любарский (1795—1852).

После перевода горного правления в Екатеринбург здание оставалось свободным. Во время пожара в Перми в 1842 г. здание пострадало, и было перестроено в 1840-х гг.¹⁰ в прежних объемах, но без балкона. Главный вход по Сибирской улице выделен металлическим навесом на чугунных столбах¹¹. В нем разместилась казенная палата – высший финансовый орган губернии, открытый в Перми в 1781 г. согласно «Учреждению для управления губерний» 1775 года. Первоначально казенная палата размещалась на Петропавловской площади. В 1817 г. каменный «двухэтажный дом с антресольным этажом» по Сибирской улице, принадлежащий бывшему вице-губернатору И. П. Розингу и заложенный откупщику вольскому купцу Злобину, в связи с банкротством последнего, перешел в казну. В нем с 1818 г. на первом этаже размещалась казенная палата до второй половины 1840-х гг.¹².

Здесь работали:

В 1847—1854 гг. – председателем казенной палаты поэт и переводчик Василий Евграфович Вердеревский (1802 или 1803 – 1872).

В 1861—1863 гг. – писцом казенной палаты писатель-демократ, сотрудник журнала «Современник», автор повести «Подлиповцы» Федор Михайлович Решетников (1841—1871).

В 1860-х – начале 1870-х гг. здание Пермской казенной палаты было перестроено по проекту архитектора Р. И. Карвовского¹³. На месте, где по плану 1823 года по Покровской улице были флигеля – возведено двухэтажное здание, объединенное со старым и увеличившее общий объем здания вдвое. Главный вход перенесен на Покровскую улицу и завершался аттиком. Окна первого этажа с сандриками, а второго – полуциркульные. В таком виде здание сохранялось до 1930 года.

Здесь работал в 1893—1906 гг. начальником 3-го отдела казенной палаты краевед, музейный деятель, действительный член УОЛЕ Иван Григорьевич Остроумов (1861—1939).

В 1909 г. в Перми было учреждено Общество любителей живописи, ваяния и зодчества, объединившее силы местных художников не только для пропаганды изобразительного искусства в Перми, но и для оказания помощи в развитии местных кустарных промыслов. С 1910 по 1914 гг. Общество любителей живописи, ваяния и зодчества организовывало в просторном зале Пермской казенной палаты выставки картин местных художников. В организации выставки 1910 года приняли участие живописцы не только Перми, но и Екатеринбург, Кунгура, Осы и даже Вятки¹⁴.

Среди членов Общества в выставках принимали участие художники:

Шанин Африкан Исидорович (1839—1911) – художник, педагог, организатор первой в Перми школы рисования, один из учредителей Общества любителей живописи, ваяния и зодчества.

Чирков Иван Петрович (1877—1920) – художник, педагог.

Мамаев Владимир Андреевич (1878—1911) – художник, педагог.

Зеленин Алексей Несторович (1870—1944) – художник, педагог, один из учредителей Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества.

В годы советской власти в здании казенной палаты с 1919 по 1923 гг. размещались губернский исполком и губком ВКП (б). В 1923 г. в связи с образованием Уральской области Пермь стала окружным центром. По плану города Перми 1926 года в здании размещались Окружной исполнительный комитет и Пермский горсовет. В 1930—1931 гг. здание было перестроено архитектором В. А. Саламатовым. Были надстроены еще два этажа и изменена внутренняя планировка, сильно изменившие облик здания. В 1938 г. Пермь стала областным центром, и в здании до 1975 г. размещался Пермский облисполком, а ныне – городская администрация¹⁵.

¹ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-2об.; ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 24. Л. 56, 76-77об.

² Иванов П. А. Краткая история управления горной частью на Урале. – Екатеринбург, 1900. – С. 15-17.

³ Там же. С. 17.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 696. Л. 15.

⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 60. Л. 187об.

⁵ Очерки истории Урала. – Вып. 1: Город Екатеринбург. – Екатеринбург, 1996. – С. 97.

⁶ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 год с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 181.

⁷ Стуккей В. Е. И. И. Связев: некролог // Зодчий. – 1875. – № 11-12. – С. 135.

⁸ Верхоланцев В. С. Летопись города Перми с 1890 до 1912 г. – Пермь, 1913. – С. 3.

⁹ Иванов П. А. Указ. соч. С. 15-16.

¹⁰ Дмитриев А. А. Указ. соч. С. 218.

¹¹ Терёхин А. С. Жизнь и творчество архитектора И. И. Связева. – Пермь, 1970. – С. 124.

¹² ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 89. Л. 8-9.

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1078. Л. 161; Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. – М., 1978. – С. 58.

¹⁴ Беляев А. Деятельность Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества // ПГВ. – 1900. – 25 марта (№67).

¹⁵ Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723—1917. – Пермь, 1999. – С. 202; Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. – М., 1978. – С. 57-58.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ (угол улиц Ленина и Сибирской, 23/15)

Здание в центральной части города Перми на пересечении магистральных улиц Ленина и Сибирской, 23/15 хорошо известно пермякам. Оно включено в «зеленый маршрут» исторических памятников Перми под названием здание «Казенной палаты и губернского казначейства – Пермского Горсовета». Однако история этого здания, построенного в начале XIX века, затем капитально перестроенного в начале XX в. и в 1930-е гг., мало известна широкому кругу пермяков, и даже краеведам. В частности, это касается имен архитекторов, связанных с историей здания: всем известна причастность к перестройке здания в середине XIX в. архитектора губернского правления Р. О. Карвовского, однако мало известно о причастности к капитальной перестройке здания в начале XX в. архитектора А. Б. Турчевича.

Первоначально здание было двухэтажное, кирпичное, построено в начале 1820-х гг., предполагалось – по проекту архитектора Пермского горного правления И. И. Свиязева¹. Известно, что в этом доме в 1824 г. останавливался Император Александр Павлович².

По сообщению А. А. Дмитриева: «дом этот сначала принадлежал частному лицу Булгакову, потом в 1827 г. ... перешел в казну, и в нем помещено управление и квартира Берг-инспектора; с 1831 г., вследствие перевода горного правления в Екатеринбург, дом оставался свободным, после пожара [1842 года] перестроен и занят казенной палатой»³.

Согласно сведениям, сообщенным в 1898 г. управляющим Казенной палатой С. М. Раевским: «Здание построено в начале 19 века ... во время посещения Пермской губернии Е.И.В. Александром Благословенным была отведена Его Величеству квартира и ночлег, а до того времени помещалось какое-то учреждение по заведыванию горными заводами ... Когда же помещалась в этом здании Казенная Палата и Губернское казначейство сказать трудно, так как архив Казенной палаты сгорел в 1842 г.»⁴.

В 1851—1854 гг. был произведен «капитальный ремонт ... обеих половин здания»⁵. Вероятно, здание было отремонтировано после пожара 1842 г., и приспособлено для размещения в нем казенной палаты и губернского казначейства по проекту архитектора Пермского губернского правления Р. О. Карвовского⁶.

В XIX в. здание, занимаемое пермской казенной палатой и губернским казначейством, находилось в ведении Министерства внутренних дел и Пермского губернского правления, при этом никакой арендной платы не взималось. Принадлежность здания МВД и использование его под учреждения Министерства финансов без арендной платы создавало крайне нежелательное явление. Ремонт его долгое время не производился и средства на этот счет отпускались крайне скудно: в 1869—1874 гг. по смете на капитальный ремонт здания было заявлено 7 тыс. рублей; Пермским губернским правлением ассигновано было не более 1 тыс. рублей⁷.

На рубеже XIX – XX вв. остро встал вопрос о ремонте и расширении здания, «не ремонтировавшегося со времени известного пожара в 1840-х гг., когда выгорела почти вся Пермь. Здание грозило провалом полов и потолков, в нем было тесно и не хватало воздуха и света для ежегодно увеличивающегося состава служащих, гигиенические условия здания настолько ухудшились в течение полустолетия, что многие из чиновников поплатились жизнью, особенно от чахотки, – десятки лет палата не могла получить кредит не только на расширение, но даже на ремонт»⁸. К концу XIX в. здание казенной палаты и губернского казначейства настолько «сильно обветшало, что стало угрожать провалом, ... потолки и полы дали значительные провисы, на капитальных стенах заметны трещины»⁹.

В 1895 г., вследствие особого ходатайства казенной палаты строительное отделение губернского правления произвело обследование здания и признало «здание опасным для дальнейшего жилья, составило техническую смету на приведение здания в порядок, исчислив на ремонт 7878 руб. 68 коп.». 16 июня 1898 г. начался ремонт половины здания¹⁰.

28 июня 1898 г., после осмотра здания чиновниками строительного отделения при участии губернского архитектора Зеляха было признано необходимым провести «полный ремонт всего здания» и указаны ранее непредусмотренные сметой работы: «на обе половины и архив исчислено 14391 руб. 89 коп.». При осмотре здания инженер Зелях и подрядчик военный инженер Фальковский нашли, что «вторая половина здания находится в таком же опасном состоянии». На опасность провала, по их мнению, указывали «выпадение частиц побелки и штукатурки с потолков». При повторении этих явлений они советовали «немедленно убежать из здания»¹¹.

16 декабря 1898 г. ремонт в первой половине здания был закончен, однако кредит на ремонт второй половины здания в 1899—1900 гг. так и не был отпущен¹².

11 июня 1900 г. пермскую казенную палату посетил товарищ министра финансов В. Н. Коковцов, нашедший, что здание, «занимаемое казенной палатой в очень плохом состоянии», и требует «громкого ремонта и расширения». Но в связи с тем, что здание находилось в ведении МВД, которое на ремонт здания отпускало кредит «в очень ограниченном размере», в первую очередь, рекомендовал возбудить ходатайство о переводе здания в ведение Министерства финансов¹³.

В 1900 г. проектно-сметная документация на расширение здания пермской казенной палаты была рассмотрена в строительном комитете МВД с выдачей разрешения на возведение каменных пристроек¹⁴.

5 апреля 1901 г. строительско-техническое бюро А. Б. Турчевича, обследовавшее здание палаты, известило управляющего казенной палатой С. М. Раевского, что часть здания, в которой не производился ремонт, находится в таком состоянии «ветхости и разрушения, что дальнейшее пребывание в ней становится опасным». В этой части безотлагательно необходимо было произвести следующие работы: «заменить сгнившие совершенно и давшие сильные провалы потолочные и половые балки с накатами; переделать все печи; вставить новые рамы и стекла, так как старых даже отворять нельзя в силу страшной ветхости рам и колод»¹⁵.

27 апреля 1901 г. управляющий казенной палатой сообщил в Департамент государственного казначейства Министерства финансов «разъяснения проекта перестройки здания палаты в техническом отношении»: к существующему зданию предполагалось сделать два пристроя в два этажа по Сибирской улице в три сажени длины и по Петропавловской улице 10 саженой длины. В новом здании предполагалось устроить двухсветный зал, площадью равный старому залу, предназначенному в новом проекте под 2-е отделение. Ввиду высокой цены на дрова, отопление всего здания предполагалось сделать паровое, что позволяло значительно сэкономить на топливе и обслуживании здания¹⁶. В пользу расширения старого здания казенной палаты был приведен следующий аргумент: «частных домов, где возможно было бы поместить на квартиру казенную палату и губернское казначейство, в Перми совсем не имеется, строить же новое здание обойдется очень дорого, а главное не найти такого центрального места, каким является теперешнее – в центре города, вблизи ко всем губернским учреждениям, банкам и почтовой конторе»¹⁷.

Были предложены варианты расширения здания, которое могло бы вместить чиновников казенной палаты – 102 человека, не считая чиновников губернского казначейства, присяжных, сторожей и публику: Надстроить третий этаж с прибавлением парадных каменных входов и

сделать с обеих сторон пристрой для лестниц, или расширить все здание в сторону архива при той же высоте, т. е. построить новое здание взамен ветхого архива, который предложено было разобрать до основания так как, «стены архива потрескались совершенно насквозь, кирпич представляет из себя не камень, а какую-то массу, в которую свободно входит конец какого-либо твердого предмета»¹⁸.

В записке были указаны следующие недостатки старого здания:

1) Во всем здании всего одна лестница, узкая, крутая, с выбоинами до двух вершков глубиной; вестибюль очень маленький, совершенно тесный.

2) Сортиры простейшего устройства, помещены вокруг выступа для лестницы в нижнем этаже, деревянные и холодные.

3) Кладовая помещается в подвале, причем выгребные верховые ямы прилегают к стене кладовой, из которой иногда является течь и заражает воздух.

4) Крыша и печи всего здания совершенно негодны.

5) Все комнаты очень малы, их недостаточно для помещения необходимого числа служащих. В заключение предлагалось увеличить количество помещений в здании для размещения не менее 150 человек, и совершенно перемонтировать часть здания, устроив хорошую кладовую; клозеты, вентиляцию и лестницы, архивы поместить в новом здании, разобрав существующее здание для архива, пришедшее в совершенную негодность¹⁹.

11 января 1902 г.²⁰ «высочайше подписано» ходатайство об ассигновании кредита на расширение здания пермской казенной палаты и учреждена строительная комиссия для распоряжения работами под председательством управляющего казенной палатой из членов общего присутствия палаты и пермского казначея, с приглашением в ее состав техника Турчевича²¹.

Работы по перестройке здания начаты 5 августа 1902 г. Вся кирпичная кладка левой части здания Казенной палаты (около 1 млн. шт. кирпича) закончена к ноябрю 1902 г., работы велись днем и ночью при электрическом освещении. Работы по перестройке правой части здания – губернского казначейства начались 20 июля 1903 г., здесь была сделана новая денежная кладовая, куда перенесены деньги; к тому времени закончена часть здания под архив, в которой временно поместилось казначейство. К сентябрю 1903 г. над денежной кладовой построено новое помещение для казначейства.

После перестройки здание пермской казенной палаты и губернского казначейства выглядело следующим образом: «Главный фасад на улицу Покровскую. Просторный вестибюль выходит в коридор: прямо лестница наверх, налево и направо коридор ведет в 1-е и 2-е

отделения палаты (каждое отделение из 3-4-х больших комнат и кабинета начальника). Кроме того, внизу около казначейства помещены кабинет доктора и буфетная. Широкая и удобная лестница (с громадным окном на нее) приводит в коридор 2-го этажа. Прямо с лестницы зал общего присутствия размерами: дл. 10 саж., шир. 4 саж., выс. 11 арш. Зал отделан в стиле ренессанс с лепными работами и производит прекрасное впечатление. Затем в части здания (к ул. Оханской) помещены кабинеты управляющего и его помощника, приемная, секретарь, канцелярия. Крыло, загнутое во двор, вмещает в себя архив, причем здесь остроумно сделано из 2-х этажей четыре высотой по 4 S арш. каждый. Тут же внизу квартира смотрителя. Остальная часть верхнего этажа (по Покровской и по Сибирской) занята 3-м и 4-м отделениями. В каждом этаже прекрасные и удобные уборные. Высота 1-го этажа 6 арш., 2-го – 7 S арш. Казначейство в 1-м этаже занимает части здания по Сибирской улице, с отдельным входом (внутри оно соединялось с нижним этажом палаты). Кладовая помещается под казначейством. В кладовой весь пол на 1 арш. был забучен бутовым камнем на цементе, затем положены двутавровые металлические балки, на расстоянии 3 вершков одна от другой, пространство между которыми было заполнено бетоном, а затем уже уложены собственно полы. Кладовая перекрыта сводами системы Монье с металлической сеткой, и свех свода опять сетка из полосового железа, покрытая бетоном. В кладовой устроено отопление и вентиляция, освещение естественное и электрическое». Вообще здание было охарактеризовано как прекрасное и по удобству, и по обилию света и воздуха, что являлось редкостью для присутственных мест не только в провинции, но и в столичных городах. Отопление в здании было паровое, во избежание сухости воздуха устроены особые увлажнители, регулирующие содержание влаги в воздухе. Несмотря на то, что кладка здания производилась и в зимнее время, сырости в здании не было. При площади полов до 900 кв.саж. расход дров на отопление здания не превышал сажени в сутки. Также остроумно была продумана система вентиляции здания, рассчитанная на 2 полных обмена воздуха в час ²².

21 ноября 1903 г. состоялось освящение нового здания казенной палаты и губернского казначейства, перестроенного по проекту архитектора А. Б. Турчевича. За труды по перестройке здания А. Б. Турчевич был «высочайше пожалован» золотой медалью ²³.

В 1907 г., при участии членов городской оценочной комиссии была определена стоимость здания, занимаемого казенной палатой и казначейством. Согласно собранным сведениям на перестройку и рас-

ширение здания было отпущено 137263 руб. 90 коп., при этом употреблено в дело старого материала на сумму 5554 руб. 10 коп.; стоимость старого кирпича и фундамента, оставшихся от старого здания определена в 40000 руб. На 1 января 1907 г. оценочная стоимость здания определена в 182 818 руб.; за вычетом погашения стоимости % за три предшествующих года – 177333 руб. 46 коп. ²⁴.

В 1911 г. домовладение № 80 (номер указан по окладным книгам городской управы) в 1-й части Перми, в 72 квартале, на углу улиц Покровской и Сибирской, № 23/13, принадлежало казенной палате и оценено городской управой в 1910 г. – в 4180 руб., в 1911 г. – в 3670 руб. ²⁵.

В 1912 г. городская управа определила здания, подключаемые к городской сети канализации 1-й очереди, в том числе по ул. Покровской: государственный банк, акцизное управление и казенную палату. Годовой расход воды для этих зданий определен в 80200 ведер; стоимость вывоза нечистот для государственного банка – 900 руб., акцизного управления – 350 руб. и для казенной палаты – 600 руб. ²⁶.

19 декабря 1916 г. управляющий пермской казенной палаты отношением № 97845 в Департамент государственного казначейства сообщил, что с самого начала войны в здании палаты открыт лазарет Пермского губернского земского комитета Всероссийского Союза на 105 коек, вследствие чего в размещении чинов палаты появились «заметная теснота и неудобство». По ходатайству управляющего, количество коек в октябре 1916 г. было уменьшено до 50-ти. В связи с освобождением помещений, временно занятых для размещения лазарета, церкви и столовой, и значительным их загрязнением, управляющий испрашивал у Департамента кредит на ремонт здания в размере 1 тыс. руб. ²⁷.

С января 1918 г., после установления в Пермской губернии советской власти, в здании располагались советские учреждения. После занятия Перми

С января по июль 1919 г., когда Пермь была занята армией Сибирского временного правительства России, в здании размещались: казенная палата, губернное казначейство и губернное присутствие по горнозаводским и фабричным делам ²⁸. В результате весеннего контрнаступления Красной армии и освобождения Перми, с июля 1919 г. и вплоть до конца 1923 г. здесь находились Губисполком и его отделы, а также Губком РКП (б).

3 ноября 1923 г. ЦИК принял постановление об образовании Уральской области. Пермь стала окружным центром, и вплоть до начала 1930 г. в здании размещались учреждения окрисполкома. В 1920-е гг. в здании на углу улиц К. Маркса и Ленина находился «высший орган правительственной власти в округе, руководящий центр местных правительственных учреждений – Окружной исполнительный комитет советов». В 1925 г. в состав Президиума окрисполкома входили 7 человек: председатель А. Л. Борчанинов; зам. председателя, он же председатель окружной плановой комиссии Н. А. Бояринов; отв. секретарь К. Яковлева и члены Президиума: А. В. Рожин, зав. окрфинотделом; Н. И. Марков, зав. отделом местного хозяйства; М. Г. Чернышев, председатель окрпрофбюро и А. А. Заневский, нач. окрземуправления²⁹.

В 1920-е гг. в этом же здании, в правом крыле Окрисполкома, располагался окружной финансовый отдел³⁰. Здесь работала окружная плановая комиссия (Окрплан), а при ней «Бюро консультантов», в состав которого входили специалисты по вопросам финансов, промышленности, торговли, энергетики и сельского хозяйства³¹; окружная инспекторская группа рабоче-крестьянской инспекции («Рабкрин») и бюро жалоб при ней³². В 1925 г. в помещении окрисполкома располагался Пермский окружной отдел внутренней торговли (Окрвнуторг)³³.

В 1920-е гг. в здании окрисполкома (комната № 4) находилось управление окружного инженера (окр. инженер. Б. Р. Вейерсберг)³⁴. Окружной инженер был подчинен Президиуму окрисполкома и входил с докладами в Президиум непосредственно с совещательным голосом³⁵. Круг обязанностей окружного инженера был обширным³⁶.

В здании окрисполкома находилось окружное статистическое бюро, которое являлось органом государственной статистики на местах³⁷.

В 1920-е гг. в этом же здании находился Президиум Пермского городского Совета. Самостоятельных исполнительных органов горсовет не образовывал, и пользовался в своей работе аппаратом окрисполкома³⁸.

В здании размещались также общественные организации: Пермское шефское общество и общество «Долой неграмотность», которые занимались вопросами ликвидации неграмотности среди населения – председатель т. Альбенский; «Фонд Ильича» – председатель И. П. Берестнев; Пермский окружной совет «Доброхим» при Пермском окрисполкоме, который занимался вопросами развития химической промышленности в округе, ликвидацией среди населения химической безграмотности, вопросами применения химии в обороне и сельском хозяйстве – председатель Обросов; Совет по выявлению убытков от интервенции – председатель проф. В. Ф. Глушков³⁹.

В 1930 г., в связи с ликвидацией округов и окружных учреждений Пермь становится одним из районных центров Уральской (с 1934 г. Свердловской области). В здании расположились Городской Совет его отделы: горфинотдел, горздравотдел, гороно, горвнуторг, горкомхоз, горплан, горлесничество, горлестоп, городно-хозяйственный учет, отдел благоустройства, ганбюро, гобес, столовая № 52; организации и управления районного и межрайонного характера: Камнефть, Межрайонный мельничный комбинат, управление движимым имуществом, управление недвижимым имуществом (УНИ), уполномоченный СНК по заготовкам и ряд других организаций⁴⁰.

Третья перестройка здания была осуществлена в 1931—1933 гг. Вероятно, по проекту архитектора В. А. Саламатова⁴¹ были надстроены два этажа, частично изменена внутренняя планировка. 20 мая 1931 г. на заседании Пермского горсовета (протокол № 15, § 16) принято решение об обследовании здания на предмет надстройки его двумя этажами. Была создана комиссия под председательством т. Лялина, зам. председателя Морогова Ф. Е. (архитектор)⁴², в составе членов: инженер Вейерсберг (горсовет), Линдерберг (Теплобетон), Наборщиков (Пермстрой) и Шрейдер (Увитло). Комиссии было предложено к 1 июня 1931 г. представить на рассмотрение Горсовета материалы о пригодности здания к надстройке⁴³.

Согласно договору от 11 июня 1931 г., надстройка здания Горсовета была поручена Уральскому отделению Ленинградского треста «Теплобетон»⁴⁴. 4 июля 1931 г. газета «Звезда» поместила фотографию здания с подписью «В Перми. Идет надстройка здания городского совета (угол Ленина и Маркса)»⁴⁵.

Параллельно с началом строительства шло согласование проекта. 5 июля 1931 г. главный инженер Уральского отделения треста «Теплобетон» Веретенников обратился с письмом к зам. председателя Горсовета Горшкову, в котором просил срочно решить вопрос о потолке бывшего зала общего присутствия⁴⁶. 12 июля 1931 г. он вторично обратился по вопросу о проектировании здания Горсовета⁴⁷. Заседание экспертного совета при Пермском городском отделе коммунального хозяйства согласовало проект⁴⁸, хотя переписка по некоторым пунктам технического задания продолжалась⁴⁹.

16 июля 1931 г. Президиум городского Совета принял решение о надстройке дома Горсовета⁵⁰. Работа по надстройке здания продолжалась в 1931—1934 гг. Сразу же после подписания акта о принятии здания с огромным количеством недочетов, строительные работы перешли в капитальный ремонт.

В 1944 г. проектной организацией «Молотовоблпроект» был разработан проект пристройки внутри существующего двора 4-х этажного здания обкома ВКП (б) – с устройством второго внутреннего проезда и сносом старых существующих зданий. Постройка диктовалась «необходимостью размещения в одном здании основных отделов облисполкома, размещенным по разным случайным, непригодным для этой цели зданиям, освобождением части помещений, занимаемых обкомом ВКП (б), после размещения секретарей областного комитета в новом здании, что позволит разместить также и часть отделов облисполкома в освобожденных помещениях».

В соответствии с программным заданием, пристрой здания Обкома решался в форме буквы «Г», что позволяло включить здания обкома и горкома ВКП (б) в один комплекс, связав их в одном из этажей по горизонтали. При этом существующие надворные постройки разбирались. В связи с переносом котельной из существующего здания обкома и облисполкома в новый пристрой, для запасов угля, хранившихся открыто на площадке двора при котельной, в здании пристроя был организован специальный зольник. Хозяйственный двор для здания обкома был организован с северной стороны за счет части участка Мединститута. Въезд на хозяйственный двор предполагался со стороны ул. Ленина, для чего все существующие строения на проезде (гараж, кладовые) подлежали сносу. Проезд во внутренний двор со стороны ул. К. Маркса был организован между зданиями Горкома ВКП (б) и Облисполкома, второй проезд – через новый пристрой.

Строительство здания предполагалось произвести в строительном сезоне 1944 г., с вводом в эксплуатацию к 1 июля 1944 г. Архитектурный надзор за строительством здания принял на себя автор проекта – Шварев Николай Александрович, технический надзор – инженер строитель Слаутин Николай Григорьевич⁵¹.

29 августа 1944 г. распоряжением СНК СССР № 17552-р Молотовскому облисполкому разрешалось израсходовать в 1944 г. на строительство здания Обкома ВКП (б) 1,0 млн. руб. «за счет сокращения на эту сумму капиталовложений по жилищному строительству в Молотовской области»⁵².

В 1944—1947 гг. было произведено строительство 4-х этажного пристроя Обкома ВКП (б) и Облисполкома. Строительство здания было начато в апреле 1944 г. строительномонтажным трестом № 29 Минтопстроя по проекту, разработанному Молотовоблпроект, арх. Н. А. Шварев, внутреннее оформление – арх. В. Г. Чернов, и закончено в мае 1947 г. 6 мая 1947 г. актом ведомственной комиссии 4-х

этажное здание пристроя ввиду большого перечня недоделок и дефектов в эксплуатацию не было принято⁵³. В течение строительного сезона 1947 г. произведено устранение ряда недоделок и дефектов, и в сентябре «фактически заселенное и эксплуатируемое здание», с условием выполнения работ по планировке и водоотводу участка, завершению работ по отоплению, вентиляции и электрооборудования, принято в эксплуатацию⁵⁴.

Итак, в советское время в здании располагались органы государственного управления губернского, окружного, городского и областного значения: Пермский губисполком и Пермский губком РКП (б) (1918—1923), Пермский окрисполком и горисполком (1924—1930), Пермский горисполком (1930—1938) и Пермский облисполком (1938—1975). Начиная с 1975 г., в здании находились горсовет и горисполком (администрация г. Перми). Здание принято на государственный учет 3 апреля 1980 г. решением Пермского облисполкома № 234-р как памятник истории областного значения: «Здание, где в губернской Казенной палате работал Ф. М. Решетников (1861—1863 гг.)»⁵⁵.

1. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энцикл. словарь. – Пермь, 2003. – С. 113-114.
2. *Смышляев Д. Д.* Сборник статей о Пермской губернии. – Пермь, 1891. – С. 136.
3. *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 218.
4. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1476. Л. 27-27об.
5. Там же. Л. 17об.-18.
6. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья... С. 69.
7. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1476. Л. 28-28об.
8. Освящение нового здания казенной палаты и губернского казначейства // ПГВ. – 1903. – 25 нояб. – С. 2.
9. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1476. Л. 14-15.
10. Там же. Л. 15-15об.
11. Там же. Л. 16.
12. Там же. Л. 17-17об.
13. Там же. Л. 13-13об.
14. РГИА. Ф. 1293. Оп. 92. Д. 247. 35 л.
15. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1476. Л. 53-53об.
16. Там же. Л. 54-56, 69-69об.
17. Там же. Л. 35.

18. Там же. Л. 35об-36.
19. Там же. Л. 37об.-38об.
20. Там же. Л. 113-113об.
21. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья... С. 130-131.
22. Новое здание казенной палаты и губернского казначейства // ПГВ. – 1903. – 26 нояб.
23. Освящение нового здания Казенной палаты и губернского казначейства // ПГВ. – 1903. – 25 нояб.
24. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1177. Л. 20, 17-18, 19, 21.
25. Ведомость о городских недвижимых имуществах г. Перми, подлежащих обложению в 1911 г. налогом и сборами по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думою. – Пермь, 1911. – С. 6.
26. Список домовладений, с которых канализационный сбор предполагается взимать в размере 2% с суммы городской оценки и находящихся в районе канализации 1-й очереди: К докл. гор. инж. А. Е. Ширяева от 15 февр. 1912 г. – Пермь, 1912. – С. 45.
27. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1177. Л. 15-16.
28. Сибирские стрелки. – 1919. – № 11. – С. 4.
29. *Чижов В. Е.* Пермь в экскурсиях: Справочник для руководителей приезжих экскурсий, экскурсантов и туристов. – Пермь, 1926. – С. 49; Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 24; Адресный указатель-справочник по г. Перми на 1926 год. – Пермь, 1926. – С. 1.
30. *Чижов В. Е.* Указ соч. – С. 49; Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 50.
31. Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 24-25, 26-27; Адресный указатель-справочник по г. Перми на 1926 год. – Пермь, 1926. – С. 6.
32. *Чижов В. Е.* Указ соч. – Пермь, 1926. – С. 49; Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 50; Адресный указатель-справочник по г. Перми на 1926 год. – Пермь, 1926. – С. 6, 7.
33. *Чижов В. Е.* Указ соч. – Пермь, 1926. – С. 49; Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 47-48.
34. Адресный указатель-справочник по г. Перми на 1926 год. – Пермь, 1926. – С. 10.
35. ГАПК. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-104.
36. Там же. Д. 3.
37. Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 42-43.
38. *Чижов В. Е.* Указ соч. – Пермь, 1926. – С. 50; Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 58.
39. Вся Пермь. 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 18, 23.
40. Список абонентов Пермской автоматической телефонной станции гг. Перми и Молотово на 1935 год. – Пермь, 1935. – С. 11-14, 17, 19-21.
41. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья... С. 112.
42. Там же. С. 89-90.
43. ГАПК. Ф. р-130. Оп. 1. Д. 122. Л. 135.
44. ГАПК. Ф. р-156. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.
45. В Перми. Идет надстройка здания городского совета (угол Ленина и Маркса) // Звезда. – 1931. – 4 июля. – С. 3.
46. ГАПК. Ф. р-156. Оп. 1. Д. 152. Л. 4.
47. Там же. Л. 6-6 об.
48. Там же. Л. 5.
49. Там же. Л. 9-9 об.
50. Там же. Л. 10.
51. ГАПК. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 893. Л. 100-101.
52. ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 514. Л. 45-69, 62-63, 64-65.
53. Там же. Л. 67, 68, 70-76.
54. Там же. Л. 8-15.
55. Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993.

ДОХОДНЫЙ ДОМ КАМЧАТОВА ИЛИ «ГОРОД В ГОРОДЕ» (угол улиц Куйбышева и Орджоникидзе, 7/59)

В истории целого ряда замечательных домов в Перми много неясных и спорных моментов. Вот и известный многим пермякам дом на углу улиц Куйбышева (бывшая Красноуфимская) и Орджоникидзе (бывшая Монастырская), вошедший в летопись города под именем «доходный дом Камчатова», неохотно и не сразу открывает свои тайны. Пока мы не располагаем точными сведениями о времени основания дома. В краеведческой литературе это событие относят к середине XIX в. ¹ Остается неясным и вопрос о том, кто построил дом – возможно, это глава одной из пермских купеческих династий Егор Иванович Еремеев или же его старший сын Федор Егорович. Последний уже в конце 1850-х – 1860-е гг. был состоятельным купцом, владельцем крупнейшего в Пермской губернии кожевенного завода (в 1867 г. на его предприятии трудилось более 80 рабочих, а стоимость продукции составляла 170 тыс. руб.) ².

Имея в своем распоряжении солидный капитал, Ф. Е. Еремеев часть полученных средств вкладывал в недвижимость. Об этом свидетельствует, например, поступившая в 1877 г. в Пермскую городскую думу заявка с приложением плана «на возведение двухэтажного каменного дома с лавками внизу на земле, принадлежащей пермскому купцу Федору Егоровичу Еремееву, с фасадом на Торговую площадь» (ныне сквер Уральских добровольцев). Составил план чертежник И. Колесников ³. На плане 1877 г. показана усадьба, принадлежащая Еремееву, находившаяся во 2-й части в 34 квартале Перми, по линии Торговой площади, между улицами Торговой (ныне Советской) и Монастырской; восточная граница его владения проходила по ул. Красноуфимской. Усадьба состояла из двух внутренних дворов, сада и огорода, и расположенных на усадьбе строений: большого каменного двухэтажного дома с лавками внизу на углу улиц Монастырской и Красноуфимской и каменного двухэтажного дома по ул. Красноуфимской. На плане значится еще третий каменный двухэтажный дом, выходящий фасадом на Торговую площадь, в котором предполагается надстройка по фасаду дома второго этажа для жилых помещений. К нему примыкают деревянный дом и каменные службы, относящиеся к дому с фасадом на Торговую площадь, в плане похожие на латинскую букву «F». Здания были построены в едином стиле и объединены в большое купеческое подворье. Есть предположение, что архитектором дома мог быть Р. О. Карвовский ⁴.

В 1886 г. домовладение на углу улиц Монастырской, Красноуфимской и Хлебного рынка, № 35/7, принадлежало Федору Егорьевичу Еремееву. Соседнее домовладение по ул. Монастырской, № 39, принадлежало его брату, Николаю Егорьевичу Еремееву ⁵.

Однако финансовое благополучие купца 1-й гильдии и потомственного почетного гражданина Ф. Е. Еремеева к концу 1880-х гг. стало рушиться. Подобная ситуация не была исключением для купеческих родов в XIX столетии ⁶.

В 1891 г. Пермский окружной суд признал Ф. Е. Еремеева несостоятельным должником. На положении дел прежде успешного предпринимателя сказалась неблагоприятная рыночная конъюнктура на кожевенную продукцию, вследствие чего он не смог вовремя погасить кредиты, взятые им на развитие производства. Сам Еремеев ссылался на злоупотребления со стороны лиц, имевших прежде прямое отношение к управлению его делами ⁷.

По решению Пермского окружного суда в том же 1891 г. было создано конкурсное управление по делам несостоятельного должника Ф. Е. Еремеева ⁸. В его обязанности входили управление имуществом должника; определение стоимости данного имущества, «близкое к истинной цене»; составление общего счета; предположения о порядке и количестве удовлетворения заимодавцев, т. е. кредиторов, и т. д. В 1892 г. в ряде номеров «Пермских губернских ведомостей» были помещены объявления о продаже собственности Еремеева, начиная с мебели, ваз, штор, и заканчивая недвижимостью. В частности, сообщалось:

«Конкурсное управление по делам несостоятельного должника потомственного почетного гражданина пермского 1-й гильдии купца Федора Егоровича Еремеева объявляет, что 20 мая 1892 г. с 10 ч. утра в доме Ф. Е. Еремеева, в бывшей квартире его на углу Торговой площади и Красноуфимской улицы будут произведены публичные торги на недвижимые имения Еремеева в Перми. 1) Каменные двухэтажные дома на углу Монастырской и Красноуфимской улиц и на Торговой площади, с каменным флигелем на Монастырской улице, деревянным домом и флигелем, выходящими на Торговую площадь, каменными и деревянными надворными строениями и усадебной землей под всеми этими строениями, которой мерою по Монастырской улице 43 саж., по Красноуфимской 37 саж. и по Торговой площади 50 саж., а всего около 1745 кв. саж. Все эти дома с флигелями, надворными строениями и землей, как тесно связанные между собой, будут продаваться как одно целое, с оценочной суммы в пятьдесят пять тыс. рублей. Но если желающие торговаться на означенное имение в полном составе не явятся к торгам, то оно может быть разделено на две части, так что каменные дома и деревянный дом, выходящие на

Торговую площадь и частью на Красноуфимскую улицу со всеми надворными строениями, прилегающими к ним (до брандмауэра) составили одно имение, а все дома, каменный флигель и надворные строения, лежащие по другую сторону брандмауэра и выходящие на Монастырскую улицу – другое. Первое имение оценено для торгов в 30 тыс. рублей, второе в 25 тыс. рублей. Кожевенный завод со всеми строениями, оборудованием и устройствами ... в полном составе будет продаваться с оценочной суммы в 25 тыс. рублей».⁹

Объявления о торгах имений, принадлежащих Еремееву, и в частности, усадьбы со строениями, публиковались на страницах губернской прессы вплоть до середины сентября 1892 г., а кожевенного завода – до конца февраля 1893 г. Вероятно, в эти сроки недвижимая собственность разорившегося купца была продана. Банкротство погубило Еремеева: он скончался 27 апреля 1893 г. в возрасте 71 года. Отпевание состоялось в Старокладбищенской Успенской церкви, похоронен Федор Егорович на старом Егошихинском кладбище¹⁰. Через три дня, 1 мая того же года, умерла его жена Мария Ивановна Еремеева¹¹.

Дальнейшая история этого обширного домовладения на рубеже XIX-XX вв. была связана с именем другого пермского купца Михаила Мануйловича Камчатова. Встречающиеся в краеведческой литературе упоминания о том, что Камчатов получил его по наследству от Еремеевых¹², таким образом опровергаются приведенными документами о разорении и банкротстве прежнего владельца, и продаже его собственности с молотка.

Камчатов Михаил Мануйлович (1864 г. – после 1917 г.) – личный почетный гражданин г. Перми, родом из крестьян Верхнемуллинской волости, деревни Данилихи. Он обучался в Алексеевском реальном училище, но полного курса не окончил. На рубеже XIX-XX вв. – купец 1-й гильдии, был преуспевающим предпринимателем и домовладельцем, или, как сейчас сказали бы, «успешным бизнесменом». Помимо занятия оптовой торговлей хлебом, М. М. Камчатов имел кирпичный, а также мыловаренный и свечной заводы. В начале 1890-х гг. на его мыловаренном заводе производилось до 6 тыс. пудов мыла и 1200 пудов свечей в год. Он был самым крупным предпринимателем в этой отрасли в Перми¹². По данным Н. П. Баяндиной, торговые обороты Камчатова по хлебной продаже и мыловарению достигали полумиллиона рублей¹³.

Камчатов был известен в губернском центре также своей многосторонней общественной и благотворительной деятельностью. С 1890-х гг. на протяжении многих лет он был членом ряда благотворительных и общественных организаций: почетным членом губернского попечительства детских приютов, пермского отделения Мариинс-

кого попечительства о слепых и т. д. В 1904 г. на его средства была перестроена церковь во имя Св. Симеона Верхотурского при городской богадельне¹⁴. С 1905 по 1908 г. он являлся гласным городской думы. В 1902, 1907 и 1908 гг. был членом Пермского городского раскладочного присутствия¹⁵.

Источником приращения капиталов М. М. Камчатова были не только торгово-промышленные дела. Значительный доход ему приносила сдача в аренду жилых и торговых помещений в его домовладении по Красноуфимской и Монастырской улицам. В 1898—1899 гг. домовладение во 2-й части г. Перми в 34 квартале на углу Красноуфимской улицы и Хлебного рынка, № 187 и 188 (номера указаны по окладным книгам Пермской городской управы), с полицейским номером Монастырская, 35, и Красноуфимская, 7, принадлежали Камчатову Михаилу Мануйловичу. В 1898 г. домовладение оценивалось в 38 тыс. руб.; в 1899 г. оно было переоценено в 35.339 рублей. С домовладения взимались сборы: городской сбор с недвижимых имуществ (1%) – 353 руб. 39 коп.; в пользу казны – 229 руб. 70 коп.; в пользу земств, уездного – 406 руб. 40 коп. и губернского – 162 руб. 56 коп.; всего – 1152 руб. 05 коп.¹⁶

Камчатов заботился о своем подворье, проявляя усердие и рачительность к его улучшению. 3 июня 1902 г. он подал прошение в городскую управу «с приложением плана в двух экземплярах на пристрой каменных лестниц к существующему дому и на переделку окон в верхнем этаже, на месте, находящемся во 2-й части г. Перми на Хлебном рынке». 7 июня 1902 г. городская управа вынесла резолюцию о разрешении ему «по прилагаемому плану пристроить каменный двухэтажный пристрой А к таковому же дому Б и расширить окна на улицу у дома Б; о чем и сообщить Пермскому полицейскому правлению»¹⁷.

На плане усадьбы Камчатова 1902 г. в количестве строений и расположений домов произошли существенные изменения. Второй каменный дом по ул. Красноуфимской пристроен к главному дому, выходящему на угол улиц Монастырской и Красноуфимской. Двор внутри главного здания закрыт со всех сторон каменными корпусами – оставлен один проезд на ул. Монастырскую. Ранее существовавший проезд внутри дворов застроен каменным корпусом. Вообще, ранее существовавшие каменные службы расширены. Между домами, выходящими на Торговую площадь, по проекту предполагался пристрой – двухэтажная каменная вставка. Ранее существовавшие сад и огород застраиваются деревянными служебными постройками; из ранее существовавших строений (флигель) на этом месте показаны полукаменный и деревянный флигели. Внутри усадьбы показан «Г-образ-

ный» в плане каменный корпус, примыкающий к деревянным строениям и корпусу каменных служб – за счет которого образуется закрытый внутренний двор, на месте ранее существовавших сада и огорода. По красной линии улицы Монастырской расположен второй «Г-образный» в плане корпус, создающий еще один внутренний двор – с двумя незакрытыми проездами на улицу Монастырскую.

Строительные работы на усадьбе Камчатова продолжались и в последующие годы¹⁸. Можно предполагать, что конечной целью Камчатова было объединение всех зданий в единый комплекс. В результате проведенных строительных работ существенно возросла оценка его недвижимого имущества. Если в 1898 г. принадлежащее ему домовладение оценивалось в 38 тыс. руб., то в 1908 г., «вследствие вновь возведенных построек и увеличившейся доходности», оно было оценено в 73 тыс. руб.¹⁹, а в 1911 г. – в 94,4 тыс. руб.²⁰ Последняя сумма фигурирует и при оценке его домовладения в 1917 г.²¹

Дом Камчатова по своей стоимости был самым дорогим в городе, а по устройству – одним из лучших. Для сравнения: дом вдовы пермского купца Елизаветы Ивановны Любимовой на углу улиц Сибирской и Екатерининской оценивался в 1917 г. в 49,9 тыс. руб., а дом «короля Урала», известного предпринимателя Н. В. Мешкова, по ул. Монастырской, 11 (ныне здание краевого музея) – всего в 19,4 тыс. руб.²². Впрочем, возможно, эта оценка отражает тенденцию смещения делового экономического центра города в начале XX века в район Черного рынка, где были сосредоточены конторы торгово-промышленных учреждений и предприятий Перми и филиалы известных российских и международных компаний. Так, например, 15 июля 1909 г. в ответ на запрос начальника Пермской почтово-телеграфной конторы относительно ценности земли в районе расположения конторы, городская управа сообщила: «В настоящее время замечается понижение цен в восточной части города, и наоборот, заметно повышение ценности в западной части, что находится в связи с постройкой Пермь-Екатеринбургской железной дороги, станция коей расположена в местности Заимки, причем центром является Красноуфимская улица...»²³.

Помещения в доме М. М. Камчатова сдавались в аренду, как государственным учреждениям, так и частным лицам, принося его владельцу неплохой доход. В его доме снимала помещение контрольная палата Пермского губернского правления²⁴. В 1903 г. в доме со стороны Торговой площади размещались магазины и лавки: А. П. Николаева – «вина и водки распивочно»; С. Д. Смирнова – гастрономические товары; С. П. Трубачева – кожевенные и кошомные товары; Поклевских-Козелл Н-ки – пиво; М. Ф. Шарапова – булочная и кондитерская; М. Я. Шипиловского – булочная и конди-

терская; Г. М. Угольникова – живописная мастерская; М. А. Афанасьевой – модная и портновская дамская мастерская; Е. В. Шешуковой – модная мастерская, и др. заведения²⁵.

В доме Камчатова снимал обширную квартиру губернский секретарь, управляющий пермской конторы Товарищества нефтяного производства братьев Нобель А. А. Плаксин²⁶. В 1911 г. в доме Камчатова по ул. Красноуфимской находилась пермская контора «Товарищества Мазут» (продажа нефти и керосина). Здесь же размещались булочная и пекарня М. Д. Скурихина, кожевенная лавка С. П. Трегубова, фруктово-бакалейная лавка Ф. Абдуллина, охотничий магазин Т. М. Завьяловой. В доме были расположены склады кожевенных товаров и пива. Среди торгово-промышленных заведений выделялся своими оборотами (40 тыс. руб. в год) ресторан 1-го разряда, который содержал нижегородский мещанин М. И. Крылов. Арендная плата за сдаваемые в наем помещения составляла в общей сложности 5570 руб.²⁷

В 1912-1917 гг. помещения в доме Камчатова арендовало Управление Пермского почтового-телеграфного округа для размещения отделов управления и под квартиры высших должностных лиц.

Летом 1916 г. в связи с усложнившейся военной и политической обстановкой встал вопрос о мерах по ограничению приема студентов в высшие учебные заведения Петрограда, Юрьева, Москвы и Киева. Кроме того, давно назрела необходимость открытия нового университета в восточной части страны, местом для которого была избрана Пермь – как географический и административный центр обширного района, имеющего разветвленную сеть средних и начальных учебных заведений.

С 1 октября 1916 г. помещения в доме Камчатова были арендованы городским обществом для размещения в нем канцелярии Пермского отделения Петроградского университета, кабинета ректора, и аудиторий юридического и историко-филологических факультетов²⁸. В отчетных документах отмечалось: эти помещения «не были вполне подходящи для университета, ... большинство этих зданий совершенно непригодны для намеченных целей, тем не менее, в них открыло свои действия Пермское отделение Петроградского университета». В доме Камчатова имелось «все по одной аудитории на каждый факультет». Хотя площади дома Камчатова передавались в аренду университету на срок менее года, историко-филологический и юридический факультеты продолжали оставаться в нем в течение еще двух лет²⁹.

В доме Камчатова также находилась часть библиотеки университета («более 200 ящиков еще не раскрыто и лежат грудями ... в доме Камчатова»)³⁰.

Историко-филологический факультет организовал в доме Камчатова Музей древностей. Основу фондов музея составили коллекции, полученные от Петроградской археологической комиссии, а также коллекция А. И. Эльтерман – «собрание греческих и египетских и других древностей в количестве 1800 штук, большой показательной ценности...»³¹ Заведовали Музеем древности профессора Б. Л. Богаевский (с 1916 по 1919 гг.) и А. В. Шмидт (после 1919 г.). В музее древности были организованы читальная комната («открыта по средам, пятницам и субботам от 5 до 8 вечера») и библиотека, воспользоваться которой могли слушатели историко-филологического факультета³². При музее был организован семинарий по истории искусства с показом «световых картин»³³.

В 1918 г. домовладение Камчатова в 34 квартале г. Перми, на углу улиц Трудовой и Красноуфимской, № 59/7, было муниципализировано на основании декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г.³⁴. В 1918 г. в бывшем доме Камчатова находились Торгово-промышленный комитет, пекарня общества потребителей Пермской железной дороги, частные квартиры³⁵.

В 1919 г., во время пребывания в Перми колчаковских войск, в доме Камчатова размещались основные отделы штаба Сибирской армии, кабинеты начальника штаба, генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника артиллерии и др. Здесь же находилась редакция газеты «Голос Сибирской армии»³⁶.

В 1920-е гг. комплекс зданий по ул. Красноуфимской, 7 и на углу улиц Красноуфимской и Трудовой, 5/59, были заняты управлением водопроводом и канализацией Пермского местного хозяйства (управляющий А. Е. Ширяев) и управлением Пермского местного хозяйства с подотделами: управление делами, финансовый, благоустройства, жилищный, пожарный и промышленный (заведующий Марков). В задачи управления местного хозяйства входили организация и объединение деятельности учреждений и предприятий коммунального и «местно-промышленного характера», а также руководство их работой. Сфера деятельности управления распространялась на город Пермь и Пермский округ³⁷.

В здании на углу улиц Красноуфимской и Трудовой помещалось Окружное земельное управление (с подотделами: общим, сельскохозяйственным, землеустроительным, ветеринарным и лесным), входившее в состав отделов окрисполкома и непосредственно подчиненное областному земельному управлению (начальник т. А. А. Заневский)³⁸.

Дом продолжали использовать под жилые помещения. В 1925 г. в квартире № 69 проживал т. И. П. Берестнев – заведующий общим отделом окрисполкома, руководивший народным образованием, здравоохранением и социальным обеспечением в Пермском округе³⁹.

Дальнейшие перемены в судьбе и облике дома Камчатова происходили в 1930-е гг. До середины 1930-х гг. здание оставалось двухэтажным. На почтовой карточке начала XX в. запечатлен внешний облик здания, построенного в стиле позднего классицизма, с главным фасадом на Монастырской улице. На фасаде парадные двери с большими металлическими навесом, опирающимся на чугунные столбы. По Красноуфимской улице видны балконы с ажурными ограждениями из ковального металла. Первый этаж с квадратными окнами и многочисленными дверями предназначался для лавок и магазинов; во втором этаже окна высокие, прямоугольные, с арочным завершением. Крышу венчал фигурный каменный парапет.

4 мая 1931 г., в связи с организацией в Перми военно-технической школы № 3 ВВС РККА, по распоряжению Президиума Пермского горсовета, был подписан акт передачи от Пермского музея авиашколе ряда зданий на усадьбе бывшей семинарии между улицами Набережной, Трудовой, Красным проспектом и Красноуфимской (кварталы под № 12, 2, 1, 34) и помещений торгового корпуса № 3 на Черном рынке⁴⁰.

В 1930-е гг. военно-строительные организации начали работы по надстройке зданий и новому строительству жилых объектов и учебных корпусов для военно-технической школы ВВС в Перми. В 1936 г., по сообщению государственного контролера по строительству горсовета Перми, на строительстве объектов, которое велось военно-строительной организацией № 281, имелись нарушения, в связи с которыми Пермский стройконтроль настаивал на необходимости отдать «распоряжения ... о соответствующем оформлении подконтрольности объектов жилищно-коммунального строительства УВСП 281 в черте города Перми»⁴¹. При проверке выяснилось, что строительство, осуществляемое в Перми по линии Наркомата обороны на кварталах, соседних с авиашколой, не было зарегистрировано местным командованием в органах Госстройконтроля. Указанные здания предполагалось передать в эксплуатацию без определения их готовности комиссией Горсовета⁴².

19 октября 1936 г. управление Главного государственного строительного контроля РСФСР в докладе Наркомату обороны в качестве примера отметило Пермь, где «военно-строительными организациями Уральского военного округа ведется строительство ... жилых домов для курсантов авиашколы без разрешения и регистрации строительства в Госстройконтроле»⁴³. Таким образом в 1930-е гг. двухэтажный дом Камчатова был надстроен еще двумя этажами (в конструктивистском стиле).

20 мая 1993 г. Малый совет Пермского облсовета принял решение № 683 о постановке на учет памятника истории и культуры «Доходный дом Камчатова» по адресу: г. Пермь, ул. Куйбышева, № 7, – четырехэтажное кирпичное здание высотой 17 метров, земельный участок – 0,64 га. В 1993 г. здание находилось на балансе ПБВКИУ и использовалось под жилье⁴⁴.

5 декабря 2000 г. распоряжением губернатора Пермской области № 713-р здание «Доходный дом Камчатова» (вторая половина XIX века, архитектор неизвестен) по адресу г. Пермь, ул. Куйбышева, 7/ ул. Орджоникидзе, 59, было внесено в Государственный список памятников градостроительства и архитектуры Пермской области местного (областного) значения⁴⁵.

¹ *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 72.

² Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России / сост. Д. А. Тимирязев. – Вып. 2. – СПб., 1870. – С. 61.

³ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 22а. Т. 2. Л. 322-323.

⁴ *Спешилова Е. А.* Указ. соч. – С. 72-74.

⁵ Полный адрес домовладельцев губернского города Перми / сост. Г. И. Минеев. – Пермь, 1886. – С. 18.

⁶ *Шилов А. В.* Банкротство: как это было (по материалам Торгового дома братьев Ушковых на Урале, конец XIX в.) // Предпринимательство и занятость населения в условиях перехода к рыночной экономике: тез. Всерос. науч.-практ. конф. – Секция 2: Российский путь предпринимательства. – Екатеринбург, 1997. – С. 10-12.

⁷ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1459. Л. 45об.

⁸ ПГВ. – 1891. – 25 дек. (№ 103).

⁹ ПГВ. – 1892. – 8 апр. (№ 29).

¹⁰ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайлович (по документам РГИА). – Вып. 1: Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / публ. Д. Н. Шилова. – СПб., 2003. – С. 36.

¹¹ Сведения были любезно предоставлены Е. П. Субботиным, за что ему большая благодарность.

¹² *Баяндина Н. П.* Пермь купеческая. – Пермь, 1997. – С. 82; *Спешилова Е. А.* Указ. соч. – С. 75.

¹³ Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный календарь Российской империи. – СПб., 1895. – Отд. II. – Стб. 964.

¹⁴ *Баяндина Н. П.* Указ. соч. – С. 82.

¹⁵ ПГВ. – 1905. – 19 янв. – № 14; *Субботин Е. П., Серов М. И.* Пермь: Жители и гости. 1723—1924: словник. – Кн. 1. – Пермь, 2006. – С. 235.

¹⁶ Список владельцев недвижимых имуществ в г. Перми (составлен по сведениям Городской управы на 1-е апреля 1898 г.). – Пермь, 1899. – С. 6; Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми (2-й части) на 1899 год. – Пермь, 1899. – С. 22-23.

¹⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 129а. Л. 34-34об.

¹⁸ Там же. Д. 105. Л. 121об.-122.

¹⁹ Сведения о недвижимых имуществях жителей г. Перми, оцененных в 1908 году. – Пермь, 1908. – С. 4.

²⁰ Ведомость о городских недвижимых имуществях гор. Перми, подлежащих обложению в 1911 г. налогом и сборами по Генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думою. – Пермь, 1911. – 2-я часть г. Перми. – С. 41.

²¹ Список лиц и учреждений, имеющих, на основании ст. 24. Городового положения, право участия в городском избирательном собрании для выборов гласных Пермской городской думы на четырехлетний срок с 1917 г. – Б.м., б. г. – С. 24.

²² Там же. – С. 33. 36.

²³ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 137. Л. 170-171об.

²⁴ Весь город Пермь на 1904 год: адрес-календарь. – Пермь, 1903. – С. 743.

²⁵ Там же. – С. 469, 471, 479, 499, 503, 504, 507, 508, 510.

²⁶ Там же. – Пермь, 1903. – С. 349.

²⁷ ГАПК. Ф. 111. Оп. 2. Д. 981. Л. 157об.-159.

²⁸ Там же. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 52-52об.

²⁹ Там же. Д. 219. Л. 41; Д. 226. Л. 28, 29.

³⁰ Там же. Д. 72. Л. 37об.

³¹ Там же. Д. 68. 105 л.

³² Там же. Д. 68. Л. 3.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ Список муниципализированных домов гор. Перми // Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 33.

³⁵ *Спешилова Е. А.* Указ. соч. – С. 75-76.

³⁶ Освобождение России. – 1919 – 6 июня.

³⁷ Вся Пермь. 1925 год: справочное издание: указ. правительственных, гос. учреждений, синдикатов, трестов, кооперативов и фабрично-заводских предприятий. – Пермь, 1925. – С. 25, 52-54, 100.

³⁸ Там же. – С. 25, 46-47.

³⁹ Там же. – С. 116, 25, 28.

⁴⁰ ГАПК. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 847. Л. 16.

⁴¹ Там же. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 798. Л. 10-10об.

⁴² Там же. Л. 11.

⁴³ Там же. Л. 13.

⁴⁴ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993. – С. 47.

⁴⁵ Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2000. – С. 139.

ДОМ ПРОМЫШЛЕННИКОВ ТУПИЦЫНЫХ. ОТ УСАДЬБЫ ДО ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ

Россия всегда славилась своими людьми из разных сословий. Одними из таких людей был наш пермский род – род Тупицыных. Более 40% потребляемого в стране фосфора производилось на этом заводе. Купцы Тупицыны вытеснили с российского рынка английский фосфор, а с 1885 года сами стали поставлять этот товар за рубеж.

Пермский фосфорный завод Тупицыных около 40 лет снабжал всю Россию фосфором. Основателем завода был Евграф Козмич Тупицын. Он родился в 1832 г., был крепостным. И благодаря своему уму, мышлению, решительности, стремлению вверх и трудолюбивой натуре добился таких высот! С детства он увлекался химией, учился у знаменитого русского химика Н. Н. Зинина. С юношеских лет Тупицын организовал небольшую аптечно-химическую торговлю. В преискуранте был английский фосфор, цены на который были очень высокими. И это побудило молодого коммерсанта заняться его изучением. За торговлю фосфором он получил достаточно много денег, чтобы поехать в Англию изучать производство фосфора. А вернувшись в Пермь, открыл в 1871 г. первый фосфорный завод на речке Данилихе. Так началась «фосфорная» эпоха в семье Тупицыных.

Со временем завод развивался, разрастался, появились новые технологии, всё больше и больше производилось фосфора, а сам Тупицын стал одним из значимых людей в России. После смерти Евграфа Козмича место директора занимает Владимир Евграфович, старший сын. А другой сын, Александр Евграфович, всю жизнь проработал в Марьинском банке. Вместе они создали сильную компанию «Бр. Тупицыны», которая занималась также пароходством и благотворительностью.

В 1888 г. для братьев Тупицыных по проекту архитектора А. Б. Глумова-Турчевича построено каменное двухэтажное здание с двумя башенками на углу улиц Петропавловской и Обвинской, 24/14. Этот дом братья сдавали в аренду статскому советнику Виктору Васильевичу Ковалевскому с семьей, а в 1912 г. его купил Крестьянский поземельный банк, который прекратил свое существование в 1917 году.

После освобождения Перми от Колчака в июле 1919 года, здание было передано Особому отделу штаба 3-ей армии.

В 1920—1938 гг. дом был известен как «Дом союзов». В 1938 г. он был передан управлению МВД. В настоящее время в нем располагается областное управление ФСБ. Это здание является памятником культуры и по сей день украшает наш город.

Хотя эта усадьба и принадлежала Тупицыным, но они в ней не жили, а жили в загородной усадьбе, расположенной по улице Екатерининской, 210, построенной в 1878 г. Усадьба находилась недалеко от фосфорного завода. Ее площадь вместе с надворными постройками занимала около 7 тыс. кв. м. Она была ориентирована фасадом на юг.

Усадьба представляет собой два кирпичных дома с цокольными этажами и кирпичными воротами между ними. Главный фасад по улице Екатерининской имеет акцентированный по центру аттик с накладным гипсовым или каменным гербом. Фасад имеет трехчастное деление. Центральная часть: четыре окна оформлены в виде аркады с филенчатыми лопатками. Боковые части в два окна каждая – по углам фланкированы филенчатыми лопатками. Одна из этих частей имеет сандрики. Под венчающим карнизом по всему периметру здания проходит пояс, отделяя первый и цокольный этажи. Все архитектурные детали выполнены из красного лекального кирпича под расшивку валиком. Остальные фасады имеют решение аналогичное частям главного фасада. Все окна имеют прямоугольную форму с прямыми клинчатыми перемычками. В процессе передачи здания утрачен парапет из деревянных блясин.

Это была характерная для начала XX века городская купеческая усадьба, имеющая в своем составе два главных дома, что является ее отличительной особенностью. В архитектурном отношении характерный представитель так называемого кирпичного стиля с элементами классицизма. Тупицыны одни из первых установили электрическое освещение в виде прожектора, направленного в сторону реки Данилихи.

На этой усадьбе братья Тупицыны, Александр и Владимир, со своими семьями, жили до 1919 года. Это была культурная и зажиточная семья. И неудивительно, что во время ссылки в Пермь Великий князь Михаил Александрович Романов, младший брат российского императора Николая II, неоднократно бывал у Тупицыных в гостях, о чем и говорят записи в его дневнике:

«Пермь. 25 апреля/8 мая. Среда.

Утром читал, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около 3 часов Наташа, Джонсон и я на двух извозчиках поехали к Тупицыным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 часов простились с ними².

Пермь. 11/24 мая. Пятница.

Утром до 3.30 читал. Затем Джонсон, Знамеровский и я пошли к Тупицыным, где пили чай и оставались до 7 часов. Джонсон играл на рояле. У них были Добротины и Николаевы».

Михаил Романов сдружился с Сергеем Тупицыным, сыном В. Е. Тупицына, что подтверждают показания в ЧК прислуги Тупицыных Мисюревой в июне 1918 года:

«...Михаил Романов посещал Тупицыных довольно часто и подолгу засиживался с Сергеем Тупицыным. Но каждый раз при моем появлении разговор прерывался. Очевидно, разговор велся такой, что его могли слышать только близкие Тупицыным люди. Тупицыны также приготовили для Романова квартиру, которую готовили месяца два. К Тупицыным приходили также один раз князь Путятин и жена Михаила Романова с какой-то дамой. Тупицыным М. Романов дарил, от него у них имеется много подарков. Знакомством с М. Романовым Тупицыны гордились. Кроме того, я замечала, что у них есть что-то тайное, что знают только знакомые Тупицыных, каковых у них много. Семейство Тупицыных часто высказывается вслух, что они ждут свержения Советской власти, чтобы потом быть в милости у Романовых, которому пророчили быть царем»¹.

12 июня 1918 г. Михаил Романов был похищен и убит большевиками.

Во время гражданской войны усадьба использовалась как белыми, так и красными. После взятия Перми (25 декабря 1918 г.) белыми войсками, в доме Тупицыных размещался штаб первого Сибирского штурмового батальона, который первым ворвался в город. В пермской газете «Освобождение России» от 28 января 1919 г. помещено следующее объявление:

«Желающих г.г. офицеров поступить в I Сибирский штурмовой батальон прошу записаться в штабе батальона, Екатерининская улица, № 210. После записи будет возбуждено ходатайство перед командиром I среднесибирского корпуса. Комштурмбат²».

Командовал этим батальоном полковник Евгений Урбановский, который стал кумиром пермской публики. Это его подчиненные по глубокому снегу при тридцатиградусном морозе совершили пятидесятиверстный переход из Сылвы в Пермь, а затем смяли и обратили в бегство части Красной Армии. Это к ним относятся восторженные слова местного поэта, опубликованные в газете «Освобождение России»:

*«В морозную вьюгу, по пояс в снегу,
В порыве безжалостной мести
К забывшему бога и совесть врагу,
Вы, рыцари долга и чести,
В бой ринулись...»*

Через полгода, 1 июля 1919 года войска Красной Армии освободили Пермь от белогвардейцев, а Тупицыны, по всей видимости, эмигрировали за границу, оставив всё свое имущество, которое затем было национализировано. Большая библиотека впоследствии была передана заводу им. Орджоникидзе, а само здание занято Особым отделом штата III армии.

В октябре 1920 г. усадьба была передана дошкольному детскому дому № 2, в котором жили дети от 3 до 7 лет. Во времена борьбы с беспризорностью усадьба вновь была в центре внимания общественности. 26 февраля 1921 г. здесь расположился детский дом № 5 для дошкольников, директором которого была Н. А. Зырянова. Об этом писала местная газета «Звезда» в заметке «Новый очаг коммунизма»:

«20 февраля в доме быв. Тупицына (где раньше помещался детский дом № 2) было открытие детского дошкольного дома № 5, слитого из дома ребенка № 6 и № 5. Высокие, светлые, уютные комнаты и радостные, оживленные лица детей невольно заставляют думать, что здесь «дети вольного народа, семья коммуны трудовой», как декламировали их свежие детские голоса. Все прошлое, пережитое отодвинулось далеко назад, и не повторится прежних ужасов дома № 2.

Надо отметить, что за последнее время II отдел органов детства просыпается, оживляется и начинает обращать внимание на создание детских домов, соответствующих своему назначению. В добрый час.

Делегатка 5 района Н. Г.³».

В октябре 1921 г. в усадьбе Тупицыных разместился туберкулезный детский дом № 4, директором которого был Г. М. Кадыров.

В 1930-е гг. это здание занимала школа ФЗС № 4. С 1939 г. и по сей день в здании находится Пермский краевой институт повышения квалификации работников образования.

На протяжении всего периода существования ПОИПКРО происходил количественный и качественный рост его коллектива. Число сотрудников со дня основания по настоящее время увеличилось с 7 до 220.

В истории института – имена талантливых педагогов, отдавших его становлению и развитию много сил и энергии. Со дня основания института и в течение 21 года его возглавлял старейший педагогический работник Прикамья Павел Афанасьевич Гусынин. Затем в различные периоды директорами института работали С. К. Михайлов, О. Х. Кузнецов, К. Т. Мякшина, А. Н. Буданов, В. Т. Курдин. Много лет проработали в институте заслуженный учитель школы РСФСР Валентина Петровна Батуева, Фаина Васильевна Пальцева, Нина Яковлевна Люшкова. Ветеранами института по праву считаются заведую-

щая кабинетом начальных классов Валентина Александровна Колесникова, награжденная знаками «Отличник народного просвещения» и «Отличник просвещения СССР», и заведующий кабинетом черчения и рисования Анатолий Федорович Плешков.

С годами складывалась и совершенствовалась курсовая система подготовки и переподготовки учителей края. В довоенный период за год на курсах обучалось не более 300-350 учителей, а в первые послевоенные годы обучалось по 800-900 человек в год. Курсы длились по 2-3 недели. С 1960-х гг. началась массовая переподготовка учителей по 5-6 тысяч человек в год, курсы стали месячными. Сейчас количество обучаемых возросло до 10 тысяч человек за год.

В настоящее время ПОИПКРО является крупным учебно-методическим учреждением Пермского края, располагает соответствующей социально-материальной базой. В институте около 10 кафедр и лабораторий.

Институт работает в тесной взаимосвязи с Педагогическим университетом и училищами, другими высшими и средними учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями, а также со средними образовательными учреждениями города.

Главные виды деятельности ПОИПКРО:

- 1) повышение квалификации работников образования Пермского края;
- 2) выполнение заказов Министерства образования;
- 3) проведение Олимпиад в школах и гимназиях края;
- 4) сопровождение ЕГЭ и ГИА.

С 2008 г. в усадьбе Тупицыных открыта Общественная приемная В. В. Путина. Ее основная функция – непосредственный прием граждан и работа с поступившими обращениями; аналитическая работа – анализ основных социально-экономических проблем регионов.

В помещении общественной приемной личный прием граждан ведут руководитель общественной приемной, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, депутаты краевого Законодательного Собрания и Пермской городской Думы по согласованному графику.

А во время рабочих визитов в Пермь Владимир Владимирович Путин сможет общаться с жителями Пермского края напрямую.

¹ Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. – Пермь: Пушка, 1996. – С. 93, 99, 116.

² Освобождение России. – 1919. – 28 янв.

³ Новый очаг коммунизма // Звезда. – 1921. – 26 февр.

ПЕРМСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДОМ № 1 (губернская тюрьма) в годы гражданской войны (ул. Клименко, 24)

Пермская губернская тюрьма в деревянном исполнении была построена по распоряжению генерал-губернатора Е. П. Кашкина в 1788 г. и первоначально именовалась «работным домом», позднее «тюремным замком». В конце 70-х гг. XIX в. по проекту архитектора В. В. Попатенко тюрьма была перестроена в камне.

После захвата власти большевиками губернская тюрьма сохранила прежнее название и значительную часть персонала. К сожалению, все материалы Карательного отдела, созданного советской властью в апреле 1918 г. для управления местами заключения и бывшей Тюремной инспекции за 1917 г. – первую половину 1919 г. были эвакуированы белыми при отступлении и их судьба неизвестна. Поэтому историю губернской тюрьмы за этот период восстановить пока не представляется возможным. Известно лишь, что в октябре 1918 г. начальником губернской тюрьмы был назначен Захаров В. Н., бывший до октября 1918 г. начальником Николаевской тюрьмы (бывшее исправительно-арестантское отделение) близ Нижне-Туринского завода, который эвакуировался в Пермь со всем тюремным имуществом. В. Н. Захаров вселился в квартиру при тюрьме, но вступить в должность не получилось, так как его избрали членом губисполкома, членом президиума и секретарем исполкома, а 23 декабря он эвакуировался из Перми с делами губисполкома¹.

При Колчаке губернская тюрьма продолжала исправно функционировать. После отступления колчаковцев тюрьма представляла печальное зрелище: выбитые стекла, вывороченные полы, оторванные двери и загрязненный до невероятия двор². Части Красной армии заняли Пермь 1 июля 1919 г., и уже 2 июля начал свою деятельность Карательный отдел. Принимаются меры по очищению губернской тюрьмы от грязи и мусора и приведению зданий в порядок. Начальником губернской тюрьмы был назначен Подкин, но через несколько дней его сменил И. А. Ижиков, направленный политотделом 30-й стрелковой дивизии для работы в Перми и прибывший в город 4 июля. И. А. Ижиков был членом РКП(б), до эвакуации города красными служил в управлении милиции, заведовал рабочей ротой³. Какого-либо систематического образования он не имел, занимался самообразованием.

18 июля губернская тюрьма приняла первую партию арестованных в количестве 7 человек. На конец июля в губернской тюрьме числилось уже 297 заключенных, а в начале августа – 386, в то время как количество штатных мест составляло 330. Уже в августе губернская тюрьма готова была ежедневно выделять на работы до 200 заключенных⁴.

В середине августа губернская тюрьма была переименована в Исправительный Рабочий Дом № 1 (ИРД).

При ИРД № 1 имелась двухэтажная больница на 103 кровати, один врач и три фельдшера. В качестве смотрителей при больнице использовались заключенные – шесть человек. В больнице были мужское и женское отделения, операционная и перевязочная комнаты, амбулатория, аптека, ванная комната и кухня, в которой прислуживали четыре заключенных⁵.

Во второй половине июля – начале августа для решения текущих хозяйственных и бытовых проблем при Исправдоме были открыты небольшие мастерские: слесарно-кузнечная (работало 4 человека), столярная (3 чел.), швальная (2 чел.) и сапожная (2 чел.). Первое время заключенные работали в мастерских за добавочный паек в 0,5 фунта хлеба, позднее была установлена плата. Была открыта и библиотека, где заключенным выдавали политическую литературу и выписанные самими заключенными газеты. Но из-за отсутствия помещения и библиотекаря всю литературу, кроме газет, вскоре выдавать перестали⁶.

Сведения о среднем количестве заключенных, прошедших через ИРД № 1 с июля по декабрь 1919 г.⁷

месяц	мужчин	женщин	Всего
июль	262	18	280
август	500	32	532
сентябрь	432	40	472
октябрь	413	53	466
ноябрь	207	46	253
декабрь	396	33	429

Как видно из приведенной таблицы, тюрьма была переполнена. Небольшие цифры за июль и ноябрь объясняются тем, тюрьма начала функционировать только с 17 июля, а в ноябре была объявлена амнистия в связи с годовщиной Октября. Основную массу заключенных, порой до 80%, составляли подсудимые. Очень большой была текучесть заключенных, поэтому средние цифры дают лишь приблизительную картину. За период с 17 июля по 31 декабря в Исправдом

было принято 2617 заключенных, в том числе 2336 мужчин и 281 женщина. Из того числа за отчетное время вышло 1929 мужчин и 248 женщин, всего 2177 человек и к новому 1920 году осталось 440 заключенных, в том числе 407 мужчин и 33 женщины⁸.

Переполненность тюрьмы создавала благоприятную почву для распространения эпидемических заболеваний. Вначале самой распространенной заразной болезнью (не считая венерических) была чесотка. Однако уже 11 сентября 1919 г. в ИРД № 1 зафиксирован первый случай заболевания сыпным тифом. В октябре в связи с частыми заболеваниями сыпным и возвратным тифом на Исправдом наложен карантин⁹.

Режим содержания заключенных был достаточно либеральным. Каждый вновь прибывающий заключенный регистрировался, тщательно обыскивался и помещался в камеру, причем срочные группировались в одних камерах, а подсудимые – в других, соответственно тому, за какими учреждениями они числились. Ежедневно утром и вечером производилась проверка состава заключенных. Внутренний распорядок дня в ИРД № 1 был установлен следующий: утром до 7 часов проверка, после которой камеры открывались и целый день оставались открытыми. Как отмечал в своем докладе начальник Исправдома И. А. Ижиков в сентябре 1919 г., «корректное отношение с заключенными и содержание камер днем открытыми изменило взгляд заключенных о Советской власти. Они видят в этом не старый Николаевский кровавый режим, а действительно власть рабоче-крестьянского правительства, которое всеми силами старается улучшить положение своих заключенных рабочих и крестьян»¹⁰. После проверки заключенным выдавался кипяток и ежедневная фунтовая порция хлеба. С 12 до 1 часу дня обед и снова кипяток. Вечером в 5 часов ужин и в третий раз кипяток. После вечерней проверки камеры закрывались. Время от времени производились обыски по камерам с целью борьбы с карточной игрой и др. «нежелательными пороками». Виновные в тех или иных проступках подвергались дисциплинарным взысканиям в виде заключения в одиночку и выговорам, но такие случаи были редки¹¹.

Первое время большевики испытывали значительные иллюзии в отношении мест заключения. Так, заведующий губернским карательным отделом Г. И. Немытых писал в середине 1921 г.: «... Рабочие дома являются уже не тюрьмами, а школами, в конечном счете, которые должны превратиться в Народные университеты. В рабочем доме каждый неграмотный заключенный должен научиться грамоте, не знавший ремесла – научиться ему, не привыкший к труду – должен научиться любить этот труд, политически неграмотный по выходе на свободу должен быть политически зрелым и приспособленным к полезному труду»¹².

Следует отметить, что в пенитенциарных учреждениях уделялось большое внимание идеологической и культурно-просветительной работе. «Рабочий дом для заключенных должен быть местом воспитания»¹³, отмечал в своем отчете за 1919 г. начальник Исправдома № 1. С этой целью администрация устраивала для заключенных митинги, которые имели вполне определенную идейную направленность. Так, первый митинг в августе 1919 г. прошел под лозунгом «День советской пропаганды». В летнее и осеннее время митинги проходили во дворе Рабочего дома, а зимой – в помещении театра. В августе карательный отдел обратился в городской отдел народного образования с просьбой выделить для двух школ двух преподавателей для работы в домах заключения, 50 комплектов учебников и письменных принадлежностей на каждую, две библиотеки с подбором книг соответствующих «умственному, нравственному и политическому уровню арестованных». В отдел Центропечати была направлена просьба: выделить для библиотек мест заключения литературу и портреты Ленина и Карла Маркса¹⁴.

7 октября 1919 г. при Исправительном рабочем доме № 1 на общем собрании заключенных был избран «коллектив заключенных» в составе пяти человек. Подобные «коллективы» были созданы во всех местах заключения губернии. Представляется, что это было чисто местное изобретение, попытка введения элементов самоуправления в местах заключения. Ничего подобного в документах Центрального карательного отдела не встречается. «Коллектив» являлся своего рода посредником между администрацией и основной массой заключенных, проводником политики администрации среди осужденных. Причем интересно, что губернская распределительная комиссия* только 16 ноября на своем заседании приняла постановление о необходимости организации коллектива выборных от заключенных, который бы следил за внутренним распорядком. Коллектив предлагалось избирать из шести человек, в состав его обязательно должны входить представители от женщин, а в помощь им от каждой камеры избирать старосту с правом совещательного голоса¹⁵. Любопытно, что первым секретарем коллектива был И. М. Латкин, бывший левый эсер, личность довольно известная в Перми. Он был арестован 28 сентября 1919 г., а уже 19 октября освобожден под подписку о невыезде.

* Распределительные комиссии при карательных отделах были созданы постановлением Совнаркома 18 июня 1919 г. «в целях распределения присужденных к лишению свободы лиц по соответствующим для их исправления и перевоспитания учреждениям...». (См.: Декреты Советской власти. – М., 1961. – С. 288).

На первом же собрании коллектива были определены направления работы:

1. Культурно-просветительная, которая должна ведать всей работой по просвещению, как то: постановка митингов, лекций, спектаклей, бесед и т. д.;
2. Хозяйственная часть, которая следит за тем, чтобы правильно заключенные снабжались пищей, одеждой, справедливо бы выполняли наряды на работы, а также принимает передачи и следит за правильным их учетом и т. д.;
3. Медико-санитарная часть следит за тем, чтобы своевременно оказывалась медицинская помощь заключенным, наблюдает за чистотой всех помещений и двора Исправительного дома и т. п.;
4. Президиум, который руководит ежедневно всей работой коллектива, производит ежедневно прием разного рода заявлений и дает разъяснения.

Уже в октябре культурно-просветительная часть провела собственными силами для заключенных несколько лекций и митингов на темы: «Что дала Советская власть», «Отделение церкви от государства», «Что нужно знать каждому рабочему-крестьянину в данный момент» и «Текущий момент»¹⁶.

Осенью при ИРД после выделения помещения вновь создается библиотека с читальней и проводится работа по открытию школы для заключенных. В библиотеке насчитывалось до 500 книг и ежедневно от Центропечати получали до 100 экземпляров газет. Но главным своим достижением и администрация, и коллектив заключенных считали устройство театра при Рабочем доме и формирование из среды заключенных группы артистов-любителей. Для устройства театра было избрано помещение бывшей тюремной церкви. Помещение было перестроено и отремонтировано. Первый спектакль состоялся 7 ноября в день второй годовщины Октябрьской революции. В дальнейшем каждый воскресный и праздничный день сопровождался постановкой спектаклей. Иногда этим спектаклям предшествовали речи ораторов на злобу дня. Кроме того, при Исправдоме был создан хор.

Осенью 1919 г. при Исправдоме функционировали переплетная, портняжная, сапожная и кузнечно-слесарная мастерские, исполняющие работы не только для внутренних потребностей, но и выполнявших посторонние заказы. Начиная с октября, ИРД ежедневно выделял около 100 заключенных для внешних работ, которые использовались, прежде всего, для распилки и заготовки дров для различных учреждений и самого Исправдома.

Культурно-просветительная комиссия ходатайствовала перед начальником Рабочего дома о реорганизации имеющихся мастерских в учебно-показательные, с целью «научить заключенных быть кузнецом, сапожником, портным, переплетчиком, столяром и т. д.»¹⁷

Хозяйственная секция взялась за упорядочение передач. Для городских заключенных передачи принимались в среду и воскресенье, а для иногородних ежедневно. Ежедневно составлялся список получающих передачи с указанием их веса. Эти сведения передавались в контору на предмет исключения с казенного хлебного пайка лиц, получивших передачу на то количество дней, на сколько её хватало, исходя из 1-фунтовой нормы в день. Для разности передач ежедневно назначалось несколько человек, которые получали номера и обязывались предъявлять их адресату для избежания возможных недоразумений. Хозяйственная секция установила контроль на кухне за расходом продуктов, за выдачей дополнительного пайка 1,5 фунта работающим заключенным¹⁸.

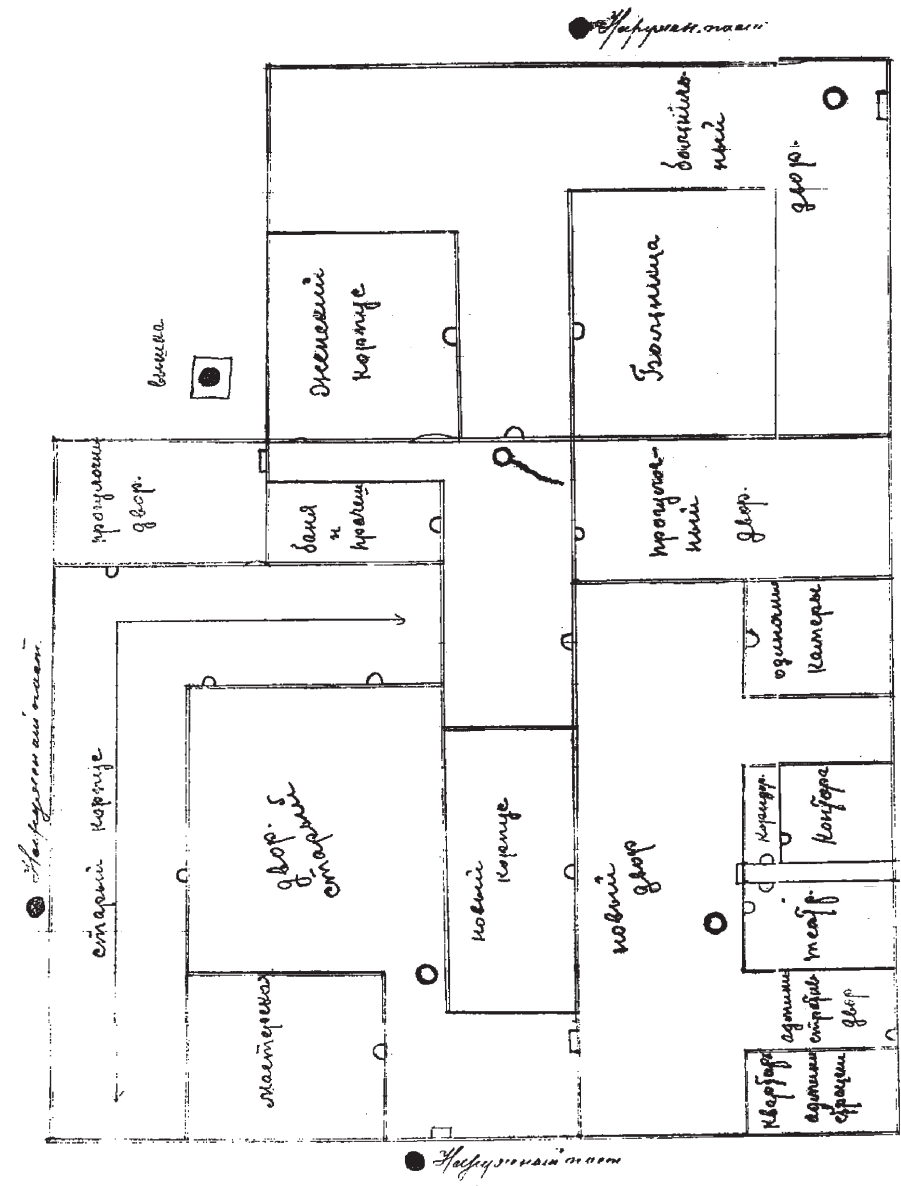
Медико-санитарная часть возбудила ходатайство об изготовлении бани; следила за тем, чтобы бачки, в которых подается пища, тщательно промывались. Кроме того, были приняты меры к выделению в особую камеру венерических больных.

Коллектив заключенных в первые месяцы после создания рабочего дома достаточно энергично. В заключение своего доклада в карательный отдел коллектив отметил, что «в большинстве заключенные при рабочем доме не являются сознательными противниками Советской власти и после каждого митинга-лекции высказывается желание слушать новые...»¹⁹. Однако, деятельность «коллективов заключенных» не оправдала надежд руководства губернского карательного отдела, не встретила поддержки у основной массы заключенных, оказалась недолговечной, и распоряжением от 4 июля 1921 г. «коллективы заключенных» были упразднены²⁰.

Свой отчет по итогам 1919 г. начальник Исправдома закончил следующими словами: «То, что сделано в отчетном году, все это является ни больше ни меньше как только фундаментом, на котором в будущем из Рабочего Дома должно возрасти здание Науки и Труда, имеющее [задачей] перевоспитывать тех, кто будет в него приходить»²¹.

Исправдом № 1 (губернская тюрьма) представлял собой целый комплекс построек, а не одно здание (см. схему). В декабре 1919 г. начальник губернской конвойной команды обследовал ИРД на предмет обеспечения охраны заключенных и предложил установить ряд дополнительных постов (см. схему):

План № 1. Направление главного рабочего дома



- посты, уже выставленные
- посты, которые необходимо выставить.

В пояснительной записке отмечалось, что в Рабочем доме № 1 имеется четыре двухэтажных корпуса и один одноэтажный: а/ старый корпус; б/ новый корпус; в/ корпус одиночек; г/ больница и д/ женский корпус. Старый корпус имеет четыре внутренних поста в коридорах, один пост в кухне и хлебопекарне и один пост в мастерских. Всего шесть постов. Новый корпус – четыре поста в коридорах и пост в комнате свиданий. Всего пять постов. В корпусе одиночек один пост, в корпусе больницы два поста, в женском корпусе один пост в привратной. Всего четыре поста – итого 16 внутренних постов, требующих вооружения револьверами²². Кроме того, имелось пять наружных постов (один на вышке), с которых просматривался весь периметр Исправдома. Предлагалось выставить ещё четыре дополнительных поста внутри ИРД: в старом, новом и больничном дворах и на переходе в женский корпус и больницу (см. схему).

В сентябре 1919 г. карательный отдел принял решение, по которому все арестованные, числящиеся за губчека должны содержаться в ИРД № 1²³. Однако это правило не всегда соблюдалось. К 1 января 1920 г. состав заключенных по категориям выглядел следующим образом.

Подследственные:

1. Числящихся за общеуголовными Следственными комиссиями 5 муж. и 1 несовершеннолетний, всего 6 чел.
2. За Народным Судом – Советом Народных Судей и Народными Судьями: 12 муж. и 6 жен. всего 18 чел.
3. За Следственной Комиссией Пермского Губернского Трибунала: 30 муж. и 3 жен., всего 33 чел.
4. За Пермским Губернским Рев. Трибуналом: 24 муж. и 4 жен., всего 28 чел.
5. За Чрезвычайной Комиссией: 167 муж. (в том числе 7 несовершеннолетних) и 5 жен., всего 172 чел.
6. За Губкомдезертир: 114 муж. , 2 несовершеннолетних и 1 жен., всего 117 чел.
7. Пересыльная – 2 чел., Всего подследственных 357 муж. и 19 жен., всего 376 заключенных.

Срочные, отбывающих наказание по приговорам:

1. Народных Судов: 14 муж. (в том числе 1 несовершеннолетний) и 7 жен., всего 21 чел. за кражу и др. преступления против собственности.
2. За преступления против личности: 2 муж.
3. За др. преступления: 2 муж. и 4 жен., итого 6 чел., а всего по приговорам Народ. Судов: 18 муж. и 11 жен., всего 29 чел.

По приговорам Ревтрибуналов:

За преступления против должности и за контрреволюцию 10 муж. и 1 жен, всего 11 чел.

По приговорам Чрезвычайной Комиссии:

1. За преступления против должности 1 муж.
2. За контрреволюцию: 3 муж.
3. За пр. преступления 2 муж. и 2 жен., итого 4 чел.
4. Заложников 4 чел., а всего по приговору ЧК 12 заключенных.

По приговорам полковых судов и проч. 12 заключенных, всего срочных: 50 муж. и 14 жен., итого 64 заключенных. Всего подследственных и срочных заключенных 440 человека²⁴. Почти половина подследственных числилась за губчека. Причем у многих из них была неизвестна причина ареста, с ними не проводилось никаких следственных действий, а содержались они в Исправдоме по несколько месяцев. Например, Серафима Головина, которой было 70 лет. Распределительная комиссия обратилась в губчека с просьбой освободить С. И. Головину «так как она по своим преклонным летам и состоянию здоровья не представляет никакой опасности как контрреволюционер»²⁵. Среди заложников, осужденных решением ВЧК до конца гражданской войны, числились: В. С. Ходаковский, гражданин Литвы, 34 лет, техник, арестован 24 мая 1918 г.; С. И. Степанов, 34 лет, конторщик, арестован в июне 1918 г.²⁶

Администрация Исправдома решила использовать В. С. Ходаковского как специалиста по налаживанию электрического освещения. По её просьбе заложнику 21 ноября 1919 г. было выдано удостоверение за подписью заведующих отделом юстиции и карательным отделом следующего содержания: «Предъявитель сего Владимир Стефанович Ходаковский командирован в учреждения г. Перми собрать сведения по добыче материалов, необходимых для оборудования электрического освещения в зданиях ИРД № 1, а также и отобрать нужное для освещения в срочном порядке, ибо охрана арестованных крайне затруднительна, а особенно в зимнее время, при полном отсутствии света в коридорах и камерах, а потому лиц учреждений, к коим будет обращаться предъявитель сего, прошу не отказывать в содействии»²⁷.

За 1920 г. через ИРД № 1 прошло 3095 следственных заключенных и 705 срочных (осужденных). На 1 января 1921 г. в Исправдоме числилось 633 человека, из них 444 следственных и 189 осужденных, 528 мужчин, 70 женщин и 35 малолетних заключенных²⁸. Как правило, более половины следственных заключенных числились за губчека, а некоторые за ВЧК. Так, в мае 1920 г в ИРД № 1

содержалось 14 следственных заключенных, числящихся за ВЧК. Среди них три левых эсера: Л. К. Мошин, П. В. Васильев и И. М. Шамов, которые, несмотря на их заявления о выходе из партии, в марте месяце из Бутырской тюрьмы были оправлены в Пермь. В Перми они вновь обратились с заявлением в комиссию по разгрузке мест заключения, в котором они указали, что ничего общего с партией левых эсеров не имеют²⁹.

В апреле месяце в ИРД № 1 находились 12 иноподданных заключенных: 2 австрийца, 1 немец, 5 поляков, 1 венгр, 1 эстонец, 1 латыш и 1 неизвестный³⁰.

В октябре 1920 г. на 209 человек, содержащихся в ИРД, не было постановления о заключении под стражу, а только сопроводительные документы. Большинство из них числилось за губчека. В их числе была и Отилия Циммерман, арестованная 20 сентября 1920 г. по обвинению в агитации против советской власти. 11 декабря О. В. Циммерман, бывшая начальница мужской гимназии в Перми, скончалась в Исправдоме от инфлюэнцы (гриппа)³¹.

Центральный карательный отдел даже направил письмо губернскому отделу юстиции, в котором указал на факт содержания большого количества следственных заключенных в ИРД № 1 без постановлений о заключении под стражу, которые остаются в тюрьме «в неопределенном положении по нескольку месяцев (от 1 до 7). ЦКО просит принять меры к скорейшему рассмотрению дел заключенных названной категории». Однако, несмотря на просьбу ЦКО, положение дел не изменилось. На 19 декабря 1920 г. в Исправдоме содержалось 635 заключенных, из них срочных – 173, следственных, которым предъявлено обвинение – 267, не предъявлено обвинение – 195³².

Помимо взрослых заключенных в ИРД содержались и несовершеннолетние. На август 1920 г. содержалось 12 несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17 лет, половина из них числилась за губчека. В чем они обвинялись? Один резал провода телефонной сети, другой – за кражу из дома 500 руб., третий подозревался в краже муки, и т. д. Были и обвиненные в контрреволюционных преступлениях: выдача коммунистов, нес караул при белых, за саботаж и др.³³

Были среди заключенных и коммунисты, которых администрация использовала в культурно-просветительной работе. В основном они сидели за преступления по должности, иногда за пьянство. Сроки заключения у них, как правило, были небольшие: от нескольких недель до нескольких месяцев. Но были и исключения. Так, 20 марта 1920 г. арестован Первунин И. В., старший контролер Оханского отдела Рабоче-крестьянской инспекции. В заявлении в комиссию при РКИ он перечисляет свои заслуги перед революцией: председатель продо-

вольственного комитета на Семиреченской железной дороге, затем председатель комитета союза рабочих и служащих, член Главного дорожного комитета, командирован в Москву и Петроград для ликвидации частных железных дорог и т.д. В заключении содержался больше месяца, но за это время ни разу не был допрошен, и обвинение не предъявлено. Случайно узнал, что его обвиняют во вредном влиянии на ячейку РКП(б), в превратном толковании декретов и в меньшевистской антисоветской политике. В апреле 1920 г. в Исправдоме содержалось 12 коммунистов, числящихся за губчека³⁴.

В марте 1920 г. ИРД посетила делегатка губернского управления милиции Докучаева. В своем докладе она обратила внимание на грязь и почти поголовную вшивость, – «а сидят в основном рабочие и крестьяне»³⁵.

В 1921 г., несмотря на переход к НЭПу, численность заключенных в Исправдоме не сократилась, а даже увеличилась. Средняя численность составляла 600 человек в месяц, а в ноябре достигла 718³⁶ (на 330 штатных мест). Но изменилось соотношение следственных и срочных заключенных: большинство стали составлять срочные, а не следственные.

Длительное содержание в переполненных камерах, грязь и вшивость, сверхскудное питание без предъявления обвинений вызывало акции протеста в виде голодовок. Заключенный Н. Чудинов, числящийся за губчека, объявил голодовку с 1 февраля, требуя предъявить ему обвинение. С 3 июня объявили голодовку три человека, требуя скорейшего рассмотрения своих дел, затем к ним присоединились ещё несколько человек³⁷.

В докладе начальника Исправдома в мае 1921 г. характеризовался состав заключенных по категориям. Все срочные заключенные были разбиты, согласно положению о местах заключения, на четыре категории: испытываемых, исправляющихся, образцовых и штрафных. В Исправдоме находилось испытываемых до 154 чел., исправляющихся – 43 чел., образцовых – 165 чел. и один штрафной. Начальник в очередной раз сетовал на плохое питание: заключенным выдавался только один фунт хлеба, и на обед варилась лапша на воде, без каких-либо приправ. Работающим заключенным выдавался дополнительный паек 0,5 фунта хлеба и три раза в день кипяток³⁸.

22 июня ИРД № 1 посетила комиссия в составе представителей от Наркомата юстиции Лисицына и ВЧК Скрамэ. По итогам проверки мест заключения губернии Комиссия представила доклад председателю ВЦИК М. И. Калинину. В докладе дана подробная характеристика состава и численности заключенных, в том числе и по ИРД № 1. На момент проверки в Исправдоме № 1 содержалось 630 чело-

век, из них 540 мужчин и 90 женщин. За губчека числилось 171 человек из срочных и 22 из следственных, за Трибуналами соответственно 41 и 133 человека, остальные за Народными судами, милицией, губкомдезертир и др. Работой заняты в среднем 118 человек или 20%. Комиссия рассмотрела заявления и ходатайства об освобождении на имя председателя ВЦИК 77 человек. Среди них были осужденные за укрывательство хлеба, за службу у белых, за участие в подпольной организации, за выступление против посевкома, за контрреволюционные сплетни и т.д. 25 июня председатель ВЦИК утвердил представленный доклад и рекомендации комиссии по освобождению или снижению сроков заключения³⁹.

Начальники пенитенциарных учреждений долго не задерживались на этой работе, оно и понятно: работа не простая и не самая престижная. В начале 1920 г. начальником ИРД № 1 стал А. И. Киселев, о котором не обнаружено каких-либо сведений. В 1921 г. Исправдом возглавил Д. П. Жужгов, 31 год, член РКП(б) с мая 1917 г. служил в Красной армии на командных должностях. 27 октября 1921 г. мобилизован губкомом РКП(б) на продовольственный фронт. После возвращения в феврале 1922 г. назначен начальником ИРД № 2. Но уже 20 июня, после месячного отпуска написал заявление об увольнении «ввиду болезни и слабого здоровья». Был уволен в распоряжение губсовнарсуда⁴⁰. Вместо уволенного Д. П. Жужгова начальником ИРД № 1 был назначен И. Ф. Колпашиков⁴¹, участник убийства Михаила Романова.

В 1923 г. ИРД № 1 стал именоваться Домом заключений (Домзакком), в котором стали содержаться следственные заключенные, а также те, кто получил небольшой срок заключения – до шести месяцев. С середины 1930-х гг. Домзак стал тюрьмой НКВД № 1, позднее – СИЗО № 1. Но это уже другая история, которая ещё ждет своего изучения.

¹² Обухов Л.А., Рубинов М.В. Место и роль труда заключенных в период складывания советской пенитенциарной системы 1918—1921 гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917—1980-е годы). – Нижний Тагил, 1997. – С. 77.

¹³ ГАПК. Ф. р-320. Оп. 2. Д. 2. Л. 233.

¹⁴ Там же. Л. 233, 130, 141.

¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 40б.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 160.

¹⁷ Там же. Л. 160, 233.

¹⁸ Там же. Л. 161.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 25.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 234.

²² Там же. Л. 213.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 231-232.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 5. Л. 40; Д. 7. Л. 105.

²⁷ Там же. Д. 2. Л. 189.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 4, 16.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 115; Ф. р-436. Оп. 1. Д. 44. Л. 84-85.

³⁰ Там же. Ф. р-320. Оп. 2. Д. 4. Л. 45-47.

³¹ Там же. Д. 11. Л. 206; Д. 4. Л. 193.

³² Там же. Д. 6. Л. 46; Д. 11. Л. 209.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 4-5.

³⁴ Там же. Ф. р-436. Оп. 1. Д. 44. Л. 14-62.

³⁵ Там же. Ф. р-56. Оп. 3. Д. 2. Л. 24.

³⁶ Там же. Ф. р-320. Оп. 2. Д. 8. Л. 4-569

³⁷ Там же. Д. 27. Л. 17; Оп. 1. Д. 51. Л. 56-57.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 55-58.

³⁹ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 306. Л. 1-21.

⁴¹ Там же. Ф. р-436. Оп. 1. Д. 67. Л. 125.

¹ ГАПК. Ф. р-320. Оп. 2. Д. 2. Л. 136.

² Там же. Л. 231.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 44, 51, 231; Оп. 1. Д. 2. Л. 106; Д. 12. Л. 7.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 120, 253-255.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁷ Там же. Ф. р-436. Оп. 1. Д. 32. Л. 68.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 231.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 19; Д. 12. Л. 62.

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 8.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 232.

КАЗАРМЫ 49-Й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ ЗА СИБИРСКОЙ ЗАСТАВОЙ (КРАСНЫЕ КАЗАРМЫ). История строительства

После поражения в Русско-японской войны военное ведомство Российской империи начало проводить крупномасштабную военную реформу. Одним из направлений реформы было увеличение численности войск и изменение их дислокации. Так в Казанском военном округе, в состав которого входила Пермская губерния, планировалось развернуть новый армейский корпус. Собственно в городе Перми, в котором до этого квартировал один резервный батальон, с 1910 г. должны были разместиться: вновь сформированные пехотный полк четырехбатальонного состава и артиллерийская бригада из двух дивизионов. Согласно «Устава о земских повинностях издания 1899 года» и «Положения о квартирном довольствии войск» все расходы по размещению войск должны были нести органы местного самоуправления.

Перспектива увеличения пермского гарнизона более чем в пять раз не вызвала восторга у Пермской городской управы, т. к. такого количества помещений, приспособленных для военных, в городе просто не было. Давно прошли те времена, когда части русской армии размещались по обывательским квартирам без всяких норм и правил. В начале XX века войска должны были размещаться только в казармах, причем существовали строгие санитарные нормы для солдатских помещений, и военное ведомство требовало от земств их неукоснительного выполнения, тем более что основной причиной солдатских выступлений во время революции 1905 года были плохие бытовые условия жизни нижних чинов. По «Положению для руководства при составлении проектов казарменных зданий на пехотный полк» полагалось в жилых помещениях иметь не менее 3,2 кубических метров воздуха и 1,88 квадратных метров пола на человека, высота помещений должна быть не ниже 3,6 метров, и т. д. ¹ Но кроме людей, нужно было размещать лошадей, вооружение, имущество... По новому мобилизационному расписанию части Казанского военного округа в случае войны не только должны были разворачиваться по военному составу, но и служить базой для формирования новых войск, а значит, в мирное время на их складах должны были храниться мобилизационные запасы.

Началась длительная переписка в которой Городская управа пыталась доказать, что не в состоянии обеспечить военных помещениями и всем необходимым, а Пермский губернатор и штаб Казанского военного округа настаивали на неукоснительном исполнении «монаршей воли». Дошло до того, что 19 марта 1910 г. в Пермь, специально для разрешения вопроса о размещении войск, прибыл военный министр генерал Сухомлинов. Второй раз он посетил Пермь по этому же вопросу в 1911 году ². В результате было решено построить казармы для артиллерийской бригады, а пока они строятся, министр разрешил разместить в городе только два батальона пехоты и дивизион артиллерии.

Артиллеристы начали прибывать в Пермь летом 1910 г. Новая 49-я артиллерийская бригада была развернута на базе 4-й резервной артиллерийской бригады, которая до этого квартировала в Курске ³. Командиром бригады был назначен генерал-майор Андрей Пантелеевич Котовский ⁴. Нужно сказать несколько слов об этой воинской части. Хотя 49 артиллерийская бригада и была сформирована в 1910 году и, казалось, не имела давних боевых традиций, но в годы Первой мировой войны, пополненная запасными из Пермской губернии, показала себя с самой лучшей стороны. Артиллеристы воевали в Галиции и Карпатах, участвовали в первом походе в Венгрию, сражались в Польше и Румынии. Тринадцать офицеров бригады были отмечены георгиевскими наградами. В 1917 году солдаты и офицеры бригады сохранили верность долгу, сохранялся порядок и дисциплина, бригада полным составом объявила себя «частью смерти» ⁵. В разное время в бригаде служили порт-артурский георгиевский кавалер полковник Пузанов, полковники Веденяев и Сенеоков, будущие генералы армии адмирала А. В. Колчака Кун и Прибылович, выпускник Висмарской инженерной академии прапорщик Гаккен ⁶.

Пока новые казармы для артбригады не были построены, 2-й дивизион бригады был отправлен в Ирбит. Первый дивизион разместили в Перми частью в городских казармах на улице Большой Ямской в 134 квартале. Кроме того, Городской управой были взяты для бригады в аренду частные дома: для управления бригады и нижних чинов при управлении – дом Ковиной на Кунгурской улице; для приемного покоя и нижних чинов – дом Ширкалиной на Монастырской улице; для нижних чинов бригады – дом Вылежанина с флигелем на Монастырской улице; для штабных помещений 1, 2 и 3 батарей – дом Антипина на Вознесенской улице; для нижних чинов этих батарей – дом Завадовской на Шадринской

улице ⁷. Предоставленные бригаде помещения не удовлетворяли требований военных. Так, караульное помещение 1-й батареи в городской усадьбе на Вознесенской улице не освещалось, в помещениях для нижних чинов не хватало пяти кухонь, помещения мастерской и столовой 2-й батареи не отапливались, в помещении для нижних чинов в доме Антипина из-за неисправности печей возник пожар ⁸. Военные засыпали Городскую управу жалобами и требованиями. Управа отвечала, что не может выполнить их требования из-за отсутствия средств. Постоянно возникали конфликты с домовладельцами. С одной стороны, хозяева домов не желали выполнять законные требования военных (так скандал с домовладелицей Ковиной, не желавшей поддерживать необходимую температуру в солдатских помещениях, дошел до губернатора), с другой стороны, – солдаты не очень бережно относились к имуществу пермяков ⁹. Но самой главной проблемой были слишком скученное размещение нижних чинов и отсутствие достаточного количества отхожих мест. В результате в августе 1912 г. в бригаде вспыхнула эпидемия брюшного тифа ¹⁰. Все это заставляло военных и Городскую управу ускорять процесс строительства новых казарм для 49-й артиллерийской бригады.

Вопрос о выделении земли для строительства казарм начал обсуждаться Городской думой еще в 1909 году. 22 марта 1910 г., после визита в Пермь военного министра было решено передать бесплатно военному ведомству 35 десятин земли общей стоимостью 109000 рублей, занятую сараями Синакевича за Сибирской заставой. Однако процесс передачи земли затянулся до декабря 1912 г., т. к. Городская управа требовала от военных выкупить все постройки и лес, находящиеся на территории участка, а военные – убрать находящуюся на том же участке свалку мусора ¹¹. Несмотря на противоречия между военным ведомством и местным самоуправлением, строительство казарм началось летом 1910 г. еще до оформления всех формальностей с передачей земли.

Казармы для войск в России в конце XIX – начале XX вв. строили тремя способами: сами воинские части «из своих сумм, без расходов от казны», инженерным ведомством и Казарменной комиссией, преобразованной генералом Сухомлиновым в Главный Казарменный комитет Военного министерства. Первый способ для только что сформированной артбригады не подходил просто потому, что свои средства у нее еще не накопились. От строительства казарм инженерным ведомством в начале века отказались, так как, по словам военного министра А. Ридигера, «инженеры строили дорого, медленно и плохо, тогда как Казарменная комиссия работала де-

шево, скоро и хорошо. Инженерное ведомство работало на рутине, через подрядчиков и мало сообразуясь с желаниями войск, тогда как Казарменная комиссия применяла хозяйственный способ и руководство хозяйственной стороной дела передавала представителям от войск и от Контроля. В деятельности инженерного ведомства было много тайных махинаций, тогда как Казарменная комиссия вела свое дело гласно, открыто и честно» ¹².

Механизм строительства Казарменным комитетом был следующим. Создавалась войсковая строительная комиссия из представителей войск и государственного контроля, которая разрабатывала проект и эскизы зданий, и составляла сметы. Проект и эскизы утверждались Казарменным комитетом, Военное министерство сообщало комиссии справочные цены на все виды работ и выделяла кредиты на год, после этого комиссия объявляла конкурс и выбирала подрядчика.

В первый состав Войсковой строительной комиссии по постройке казарм для 49 артиллерийской бригады вошли председатель комиссии подполковник Александр Александрович Воздвиженский, члены комиссии – капитан Кычин и штабс-капитан Анатолий Иванович Александров, техник комиссии гражданский инженер Станислав Иванович Воловский, представитель Контроля ревизор Пермской казенной палаты коллежский асессор К. Г. Штерн ¹³. Автором проекта казарм стал техник комиссии С. И. Воловский. Проект военного городка был грандиозным, помимо собственно казарм предполагалось построить дома для командира бригады и офицеров, офицерское собрание, массу хозяйственных построек и даже разбить сад. Проект и эскизы зданий были одобрены Казарменным комитетом уже 3 апреля 1910 г. ¹⁴ Такая быстрота составления проекта объясняется тем, что в основе его лежали типовые проекты казарм для артиллерии. Основным подрядчиком по конкурсу был выбран купец первой гильдии Леон Манасевич Беккер, в январе 1912 г. он передал подряд Санкт-Петербургскому купцу первой гильдии Сролю Файвелевичу Подлящук. Были и другие подрядчики, которые в основном занимались поставкой материала ¹⁵.

Планировалось, что первая очередь казарм должна быть законченной к осени 1910 года, но из-за проволочек с передачей земли военным, строительство затянулось до января 1912 г. ¹⁶ Но дальше дело пошло быстрее, и осенью 1913 г. все подразделения артбригады, находящиеся в Перми, и одна батарея из Ирбита были переведены в новые казармы. Строительство городка продолжалось до революции, и до конца так и не было закончено, хотя большую часть проекта все же удалось реализовать.

¹ Положение для руководства при составлении казарменных зданий на пехотный полк. – СПб., 1910. – С. 4.

² ГАПК. Ф. 402. Оп. 1 Д. 1. Л. 1; Ф. 35. Оп. 1. Д. 210. Л. 66.

³ <http://www.antologifo.narod.ru>

⁴ **Котовский Андрей Пантелеевич.** Родился 13 октября 1857 г. Окончил Михайловскую Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию по первому разряду. Генерал-майор со 2 августа 1910 г. Командир 49 артиллерийской бригады с 30 июля 1910 г. Участник Первой мировой войны. Кавалер Георгиевского оружия.

⁵ *Солнцева С. А.* «Обязуюсь повиноваться Временному правительству...» // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 2. – С. 21.

⁶ **Пузанов Михаил Николаевич.** Родился 1 августа 1861 г. Окончил Павловское военное училище. Командир 1-го дивизиона 49-й артиллерийской бригады с 5 августа 1910 г. по 24 января 1913 г. Участник Русско-японской войны. Кавалер Золотого оружия. В эмиграции в Югославии. Умер 30 сентября 1932 г. Похоронен в Белграде на Новом кладбище.

Веденяев Владимир Георгиевич. Родился 15 июля 1860 г. Из дворян Воронежской губ. Образование получил в Сибирской военной гимназии. Окончил 3-е военное Александровское училище и Офицерскую стрелковую школу «успешно». Участник русско-японской войны. Командир 1-го дивизиона 49-й артиллерийской бригады с марта 1913 г. Участник Первой мировой войны. Кавалер Георгиевского оружия. Тяжело ранен в голову 4 мая 1915 г. Умер от ран в г. Киеве. Погребен на Московском городском братском кладбище 15 ноября 1915 г. Посмертно произведен в генерал-майоры.

Кун Борис Михайлович. Родился в 1880 г. Окончил Сибирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. На 1 января 1911 г. штабс-капитан, заведующий хозяйством 1-й батареи 49-й артиллерийской бригады. В 1914 г. – капитан, старший офицер 6-й батареи 3-й артиллерийской бригады. Полковник 3-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта. На 15 августа 1918 г. начальник артиллерии 4-й Уфимской стрелковой дивизии Народной армии, летом 1919 г. командир Уфимского артиллерийского полка. В начале 1920 г. остался в Иркутске.

Прибылович Виктор Николаевич. Родился в 1878 г. Окончил Михайловское артиллерийское училище. На 1 января 1913 г. подпоручик, офицер 2-й батареи 49-й артиллерийской бригады. В марте 1919 г. – инспектор артиллерии 1-го Волжского армейского корпуса в войсках адмирала А. В. Колчака. «За отличие в делах против неприятеля» произведен из полковников в генерал-майоры 29 марта 1919 г., допущен к исполнению должности инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем, а в начале мая 1919 г. назначен помощником по артиллерийской части главного начальника снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем. 1 октября 1919 г. назначен на должность полевого инспектора артиллерии Восточного фронта.

Гаккен Георгий Оскарович. Родился в 1890 г. в селе Троицком Пермской губернии. Окончил Пермское Алексеевское реальное училище и Висмарскую инженерную академию в Мекленбурге. С 1913 г. отбывал воинскую повинность в 49-й артиллерийской бригаде на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. В Великую войну в составе бригады. Награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. Произведен в прапорщики за боевые отличия. Убит 14 ноября 1914 г. Похоронен в Перми на Братском кладбище 10 декабря 1914 г.

⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 229. Л. 91.

⁸ Там же. Л. 8, 39; Д. 210. Л. 5, 7, 14, 15, 38.

⁹ Там же. Д. 210. Л. 16, 17, 21, 22, 25, 50...

¹⁰ Там же. Л. 188.

¹¹ Там же. Д. 193.

¹² *Ридигер А.* История моей жизни: воспоминания военного министра. – Т. 2. – М., 1999. – С. 240.

¹³ ГАПК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4, 17, 88.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 4.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 3.

ВОКЗАЛ СТАНЦИИ БАХАРЕВКА

В журнале «Ретроспектива» меня заинтересовала статья Светланы Чижевой об архитекторе Феофане Вольсове (1). Он родился в городе Екатеринбурге в 1879 г. и прожил на Урале около 20 лет. В 1910 г. Вольсов переехал в Симбирск, где до 1934 г. работал в должности главного архитектора города. Позднее он преподавал в различных учебных заведениях Москвы. Умер Ф. Е. Вольсов в 1945 г.

После окончания в 1904 г. института гражданских инженеров Николая I в С.-Петербурге, Ф. Е. Вольсов был архитектором на строительстве железной дороги Пермь – Екатеринбург (1905—1909 гг.). Тогда по его проекту было построено 23 вокзала, жилые дома, водоемные и водоподъемные здания, депо и другие сооружения. В Перми был сооружен каменный вокзал 2-го класса на Заимке, каменный вокзал 3-го класса в Кунгуре и ряд деревянных вокзалов. Среди построенных деревянных вокзалов 5-го класса упоминается таковой на разъезде Ераничи.

О вокзале на разъезде Ераничи мало что известно. Так, в 1926 г. местонахождение деревни Бахаревка в сборнике очерков по истории, культуре и экономике города Перми описывалось так: «...в 7 км от Перми, в 5 км от Липовой горы и в 3,5 км от разъезда № 52 – Ераничи» (2).

И вот, наконец, сведения о существовании деревянного вокзала на разъезде Ераничи.

Где же находились разъезд и вокзал? И существуют ли они сейчас? Как связан деревянный вокзал на разъезде Ераничи с деревянным вокзалом на станции Бахаревка?

Когда я слышу название «Бахаревка», всегда хочется уточнить, о какой, собственно говоря, Бахаревке идет речь. Мы все знаем, что трамвай № 5 идет до Бахаревки, и автобус № 12 тоже – до Бахаревки, но идут они в разные районы города. Прежде, чтобы пермяки не путались, конечную остановку автобуса называли «Аэропорт», лишь ближе к 1970 году она стала именоваться «Бахаревкой». А затем это название получили аэропорт и микрорайон.

Первоначальная Бахаревка находится от современного микрорайона достаточно далеко, но вот теперь, с чьей-то легкой руки, мы чаще называем Бахаревкой микрорайон, который все разрастается. Возможно, когда-нибудь это будет действительно единая территория.

Деревня Бахаревка известна с 1766 года. «Бахарь» в пермских говорах – говорун, краснобай (3). В переписи населения 1869 года указывалось, что деревня Бахаревка, принадлежавшая семейству Бахаревых, «при речке Медведка, имеет 12 дворов, мужского пола – 26, женского пола – 32 человека» (4).

В 1909 г. было закончено строительство железной дороги «Пермь – Кунгур – Екатеринбург». Станция Бахаревка – одна из немногих – дошла до наших дней почти в первоначальном виде. Деревянные одноэтажные здания вокзала и служебного корпуса, а также каменная водонапорная башня включены в Государственный список памятников градостроительства и архитектуры областного значения. В старом Каталоге памятников истории, архитектуры и искусства сказано, что все эти объекты реставрировались в 1970—1973 гг. (5)

Точная дата постройки этих объектов неизвестна. В упомянутом Государственном списке памятников дата строительства – 1890-е годы, архитектор не известен (6).

Старший электромеханик В. Н. Титаренко, давно работающий на станции Бахаревка, дополнил эти данные. Оказывается, табличками о том, что строение – памятник архитектуры, снабжено, кроме вокзала с билетной кассой и служебного корпуса (товарная контора и дежурный по парку), еще и здание туалета!

Водонапорная башня все еще действует. Она забирает воду из скважины у детского санатория «Подснежник» и снабжает ею все станционные дома и бывший элеватор.

Улицы станции Бахаревки получили свои названия в 1958 году: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Бахаревские, Пристанционная.

Деревня «Ераничи» появилась на месте деревни Худякова, известной с 1792 г., в которой с семьей жил поселенец Герасим Епифанов сын Верхоланцев. В пермских говорах уменьшительная форма от имени Герасим – Ераня, отсюда и название микрорайона – Ераничи (7). А вот по утверждению священника Р. Попова: «Ераны – племя, которое когда-то обитало на склоне Уральских гор» (8). Возможно, что в этом тоже одна из разгадок названия «Ераничи».

Археологи, проводившие в этих местах раскопки, считают, что поселение Ераничи на левом берегу речки Данилихи существовало уже в XVIII веке (9).

Если посмотреть на границы микрорайонов Ераничи и Крохалева, куда приписывается и станция Бахаревка, то их общей границей является как раз железная дорога (10).

Известный летописец пермских железнодорожников Г. А. Литовченко подтвердил, что в дореволюционные годы станции Бахаревка еще не было, а вот разъезд Ераничи (все разъезды имели три пути) был, этот разъезд и стал потом станцией Бахаревка. Григорию Алексеевичу удалось установить первых начальников этой станции: П. С. Абрамов (1924—1931), А. И. Шевелев (1937), В. Г. Кутявин (1939) (11).

Таким же образом из бывшего разъезда выросла станция Пермь-Сортировочная: «При строительстве Пермь-Котласской железной дороги в 1897—1899 годы именно здесь был заложен разъезд № 37.

Открыт для эксплуатации он был позже, вероятно, с началом первой мировой войны, когда увеличились перевозки грузов на дороге. После революции и гражданской войны разъезд получил название «Пролетарский». ...Перед Великой Отечественной войной здесь были проложены вторые пути, и разъезд превратился в станцию четвертого класса под названием Пролетарская» (11).

Еще предстоит разобраться в номере разъезда, ставшего впоследствии станцией Бахаревка. В упомянутом сборнике очерков по истории, культуре и экономике города Перми 1926-го года указан разъезд № 52. А вот у Г. А. Литовченко он уже – № 51. Здесь, наверное, следует поверить известному железнодорожнику-летописцу. Его данные подтверждаются картами города Перми начала 1930-х годов. На них рядом с деревнями Бахаревка и Жарено (деревня Жарено была на месте микрорайона Крохалева, где теперь проходит улица Брестская) тоже указан разъезд № 51.

Возвращаясь к станции Бахаревка, подведем некоторые итоги. При издании нового справочника Государственных памятников истории следует указать, что деревянные одноэтажные здания вокзала и служебного корпуса и каменная водонапорная башня на станции Бахаревка (первоначально разъезда № 51 Ераничи) построены по проекту архитектора Феофана Евтихиевича Вольсова не позднее 1909 года.

1. *Чижева С.* Забытый архитектор Феофан Вольсов // Ретроспектива. – 2009. – № 5. – С. 23-26: ил.
2. Пермь: сб. очерков по истории, культуре и экономике города Перми. – Пермь, 1926.
3. *Шумилов Е.* Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки. – Пермь, 1991. – С. 16.
4. Список населенных мест по сведениям 1869 года. – СПб, 1875. – Т. 31: Пермская губерния.
5. Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993. – С. 56.
6. Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 136.
7. *Шумилов Е.* ... С. 38.
8. *Бординских Г.* Жили-были ераны... // Звезда. – 2001. – 8 дек.
9. Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 1: (Материалы к археологической карте Пермской области). – Пермь, 1996. – С. 16.
10. *Семянников В. В.* Микрорайоны города Перми. – Пермь, 2008. – С. 106, 321.
11. Дорога сквозь века: О пермских железнодорожниках: от события к событию. – Кн. 1. – Пермь, 2003. – С. 359.
12. *Литовченко Г. А.* Пермь-Сортировочной – 50 лет. – Верещагино, 2002.

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ «ПЕРМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ»: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Согласно декрету Совета Народных Комиссаров о закрытии духовных учебных заведений 1 сентября 1918 г. Пермская семинария была упразднена. В здании бывшей духовной семинарии разместился губернский военный комиссариат – центр формирования вооруженных сил Урала для борьбы с контрреволюцией и саботажем. При военном комиссариате действовал штаб интернациональных формирований под руководством Белы Куна и Ференца Мюниха. После ухода колчаковских войск из Перми в здании семинарии располагался эвакуационный отдел по работе с беженцами и военнопленными и клуб Пленбеж (пленных беженцев).

В 1923 г. в здание по ул. Трудовой, 12 (так называлась ул. Орджоникидзе) переехал Научно-промышленный музей и находился здесь до 1930 г. Часть помещений была занята арестантским отделом и оружейным складом. Некоторое время на территории квартала № 3 размещался зоопарк. На втором этаже был радиоузел, который находился здесь до марта 1930 г. 7 ноября 1927 г. отсюда впервые прозвучал в эфире голос Перми.

В советское время на территории кварталов № 3 и № 4 плана города Перми складывается фактически новый комплекс зданий Пермского военного училища. Это началось сразу после Октябрьской революции 1917 года.

23 августа 1930 г. Реввоенсовет СССР постановил сформировать 3-ю военно-техническую школу ВВС РККА в г. Перми. В этом же году по приказу командующего Приволжского военного округа началось формирование школы. А 1 июня 1931 г. в здании по ул. Орджоникидзе, 12 Военно-техническая школа Воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной Армии начала свой первый учебный день. Этот день принято считать днем рождения школы и училища. В 1933 г. Пермское училище окончил Александр Покрышкин, впоследствии – маршал авиации, трижды Герой Советского Союза.

В 1938 г. 3-я Пермская военная школа авиационных техников была передана в Наркомат ВМФ. В результате реорганизации школа получила такое название: Военно-морское авиационно-техническое училище (ВМАТУ).

Уже в 1930-м году начались работы по строительству новых зданий для военной школы. 6 ноября следующего 1931 г. курсанты переселились в новые помещения. В 1933 г. для развития войскового хозяйства построено и сдано в эксплуатацию овощехранилище.

В 1930-е гг. была проведена кардинальная реконструкция застройки квартала № 3. Здание бывшей духовной семинарии было надстроено двумя этажами, капитально перестроено правое крыло (см. со стороны ул. Орджоникидзе), а также и левое крыло¹. Внешняя отделка также существенно изменила облик: первый этаж облицован крупным рустом, а на пояс, разделяющий третий и четвертый этажи, опираются пилястры с капителями четвертого и пятого этажей. Эффект монументальности усиливается высоким парапетом на углу здания и над главным входом. Сам же главный вход оформлен четырехколонным портиком высотой в два этажа, поддерживающим карниз выступающего козырька. Здесь совершенно уместно применены квадратные колонны. В результате такой реконструкции здание относится по своим архитектурным выразительным средствам к совершенно другой эпохе – времени советского классицизма. Преобразованное здание стало именоваться главным корпусом военного училища.

Квартал по Комсомольскому проспекту (бывшая Кунгурская улица) получил сплошную ленточную застройку, причем с одной линией горизонтали карниза. Угловой блок (угол Комсомольского проспекта и ул. Окулова) выделен по высоте кровельным завершением. Это здание имеет шесть этажей, включая цокольный этаж. На верхних этажах учебно-бытового корпуса размещались учебные классы, а на нижних – спальные помещения. Внешний облик в значительной мере несет на себе черты конструктивизма, распространенного в Перми в 1930-е годы.

Парадный фасад комплекса зданий военного училища со стороны улицы Окулова определяет прекрасное здание казарм (спальный корпус). Здесь удивительно цельно сочетаются приемы конструктивизма (четкие ряды оконных проемов, вертикали лоджий) и утверждающего советского классицизма (портик над главным входом, карниз на декоративных консолях, вертикальные акценты пилястр).

Между учебно-бытовым и спальным корпусами находится неприглядное среди современной застройки двухэтажное кирпичное здание учебных лабораторий. Это единственное здание служебного назначения, сохранившееся от семинарского комплекса². По стилистическим признакам постройку можно отнести к 1870—1880-м гг.

Уже в 1930-е гг. комплекс новых зданий военного училища распространяется и на территорию квартала № 4, то есть следующий от улицы Куйбышева до улицы Осинской. Так по улице Окулова появ-

ляется четырехэтажный жилой Дом офицерского состава (ДОС). Отделка главного фасада в стилистическом отношении близка к спальному корпусу. И в этом смысле они составляют некоторый ансамбль. Мы уже встречались с такими, ставшими распространенными в советском классицизме приемами, как использование первого этажа в качестве цокольного, на который опираются пилястры верхних трех этажей. Выступающие боковые ризалиты усиливают пластику главного фасада. В отличие от протяженного, достаточно однообразного фасада спального корпуса, здесь объем здания разделен на три части. Объемы симметричных ризалитов фланкируют центральную часть, выделяющуюся также и по высоте.

Проезд по ул. Куйбышева стал носить служебное назначение, однако пространственно он был открыт до 1970-х гг., когда между спальным корпусом и ДОСом на опорах (для сохранения возможности проезда) было построено здание клуба. Застройка двух кварталов (№ 3 и № 4) обрела сплошной характер. Клубный корпус, выступающий за красную линию, принял на себя роль центрального объема трехчастной композиции всей фасадной линии двух кварталов по улице Окулова.

По улице Орджоникидзе уже в 1930-е гг. появился новый четырехэтажный административно-учебный корпус, пристроенный вплотную к реконструированному главному (административному) корпусу. Главный фасад нового корпуса продолжает линию крупного руста первого этажа, который воспринимается как основание трем верхним. Протяженные ряды больших квадратных оконных проемов усиливают ощущение тяжеловесности и прочности здания военного учебного заведения.

В 1947 г. в Пермском военном училище был произведен запуск реактивного двигателя РД-20, после чего началось освоение военной техники.

В 1956 г. Пермское военно-морское авиационно-техническое училище было передано в состав ВВС Уральского военного округа, а на следующий год переименовано в Пермское военное авиационно-техническое училище. С 1958 г. начинается подготовка специалистов по реактивной технике. В 1960 г. Пермское училище переведено из ВВС в ракетные войска, в результате чего стало именоваться: Пермское высшее командно-инженерное училище (ПВКИУ). В 1972 г. произошло еще одно переименование: из ПВКИУ в Пермское высшее военно-командное училище (ПВВКУ). С 1982 г. учебное заведение стало именоваться: Пермское высшее военное командно-инженерное Краснознаменное училище ракетных войск имени Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова.

В послевоенный период продолжалась застройка кварталов № 3 и № 4 зданиями для нужд училища. На внутриквартальной территории в 1960—1970-е гг. были построены жилой дом (ул. Куйбышева, 1), здание для мастерских и спортивный зал (пристроенный к левому крылу главного корпуса). Наиболее значительной постройкой всего комплекса военного училища в начале 1980-х гг. стал большой новый учебно-лабораторный корпус по улице Орджоникидзе. Здание пятиэтажное, с цокольным этажом, облицовано белой плиткой. В ритмике вертикальных и горизонтальных линий фасада существует некоторая преемственность с более старыми постройками сложившегося комплекса. Также в 1970-е гг. был построен небольшой учебный корпус с актовым залом, который замкнул сплошную линию застройки комплекса по ул. Орджоникидзе. Хотя сквозной служебный проезд по направлению ул. Куйбышева сохранился. Визуально этот корпус ограничил улицу Куйбышева, создав т-образный перекресток с улицей Орджоникидзе.

Итак, подводя итог краткому историческому обзору истории Пермского военного училища, можно констатировать следующее. На территории квартала № 3 размещается памятник истории местного (краевого) значения по адресу ул. Орджоникидзе, 12, на котором установлена мемориальная доска: «Здание, где в духовной семинарии учились И. М. Первушин, В. Я. Кокосов, П. Н. Серебренников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. С. Попов, Г. В. Хлюпин, П. П. Бажов».

В 1930-е гг. здание семинарии было надстроено двумя этажами с существенным изменением фасада. В результате реконструкции здание в полной мере стало соответствовать не только новому функциональному назначению, но и архитектурным выразительным средствам периода советского классицизма. Правое крыло по Комсомольскому проспекту в результате капитальной перестройки настолько изменилось, что не может быть соотнесено со старой семинарской постройкой. Левое крыло, предположительно, в значительной мере сохранилось. Однако пристроенный к нему спортивный зал относится к 1960-м гг.

В период с 1930-х по 1980-е годы сложился комплекс зданий Пермского военного училища, который занял не только квартал № 3 (где размещалась некогда семинария), но и квартал № 4. Разновременные постройки со стороны главных фасадов имеют достаточно цельный, единообразный облик.

Кроме основного, капитально перестроенного (главного) корпуса, от семинарии сохранилось небольшое двухэтажное кирпичное здание служебного назначения, используемое в бытность военного училища как корпус учебных лабораторий. Время постройки предположительно 1870—1880-е гг.

Исходя из вышесказанного, целесообразно зону исторического памятника (а не архитектурного или градостроительного) ограничить участком той части здания главного корпуса бывшего военного училища, которую возможно в плане идентифицировать со зданием духовной семинарии без прилегающей территории. Однако в этом случае необходимо иметь в виду, что здание духовной семинарии настолько перестроено, что принадлежит другой эпохе, и, будучи военным учебным заведением, имеет совершенно иное профильное назначение. Получается, что устанавливаются охранные требования к объекту, который фактически не имеет отношения к тем выдающимся выпускникам духовной семинарии, имена которых мы собираемся увековечить сохранением данного объекта.

В начале нынешнего столетия Пермское высшее военное командно-инженерное Краснознаменное училище ракетных войск им. Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова было закрыто и ликвидировано. Огромный комплекс зданий ПВВКУ распродан коммерческим структурам. Пермской епархии было передано лишь небольшое помещение в главном корпусе.

В память о славном учебном заведении есть все основания рассмотреть вопрос о постановке на учет как памятников истории и архитектуры зданий по улице Окулова. Прежде всего, это касается спального корпуса (здания казарм) – замечательного образца раннего советского классицизма.

¹ С. Р. Остапенко считает, что левое крыло было также перестроено до основания.

² Существуют устные сообщения о том, что здесь размещалась часовня, однако документальных подтверждений не найдено.

Использованные источники и литература

Архивные источники: фонды музея Пермского высшего военного Командно-инженерного училища ракетных войск, а также информация бывшего начальника редакционно-издательского отдела, председателя совета ветеранов ВКИУ (1991—2001 гг.) директора музея училища подполковника в отставке Сергея Романовича Остапенко.

Пермское Краснознаменное училище ракетных войск имени Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова. – Пермь: Кн. изд-во, 1991.

Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь: Курсив, 1999. – С. 64-70.

**В. М. ШУЛЕПОВ И ИСТОРИЯ «МУРАВЕЙНИКА»
(Комсомольский проспект, д. 42)**

Этот дом привлек мое внимание сразу же по началу моей работы в Государственном архиве Молотовской (тогда) области, который находился в приспособленном под архив цокольном этаже недостроенного Народного дома (Комсомольский пр., д. 43а). Дом был расположен на квартал ниже архива, как раз по дороге на главный колхозный рынок города, куда архивисты успевали наведываться во время обеденного перерыва. Своей основательностью, необычностью архитектуры, чем-то напомилавшей боярские терема средневековой России, он резко выделялся на общем фоне уличной застройки. На мой вопрос старожилы отвечали, что это – бывший «Муравейник», детский клуб, существовавший в начале 20-х гг. XX века, а сейчас (шел 1953 год) здесь Дворец пионеров города.

Вскоре мне довелось познакомиться и с непосредственным участником далеких событий 20-х лет: в архив обратилась Наталья Николаевна Седых, молоденькой девушкой работавшая в «Муравейнике». Вот тогда-то впервые я услышала о Василии Михеевиче Шулепове. Надо было видеть, с каким восторгом и благоговением говорила она о своем первом начальнике и духовном руководителе – основателе первого на территории края детского клуба. Небольшого роста, очень энергичная и деловая – она сама всей своей повадкой очень напоминала трудолюбивого муравья. Впоследствии, познакомившись с другими бывшими «муравьями», я убедилась, что все они – одного «замеса»: такие же энергичные и деятельные, привыкшие претворять намерения в дела.

Появившись в архиве, Наталья Николаевна стала настойчиво добиваться у руководства архива помощи в поиске документов для обоснования необходимости установления в память о В. М. Шулепове мемориальной доски на здании «Муравейника». Руководство архива считало затею представителя «муравьев» бесперспективным «мелкотемьем». Штат архива был тогда ничтожно мал, все сотрудники плотно заняты плановыми работами. Но сдержать напор этой маленькой женщины было невозможно. Руководство сдалось, и эта работа была поручена мне. Каждый день Наталья Николаевна прибегала в архив (именно – прибегала: она не умела спокойно ходить), чтобы быть в курсе поисков. Наконец, необходимые документы были найдены и довольно скоро на здании «Муравейника» появилась мемориальная доска, которая и по сей день украшает его. Однако на этом мое знакомство с Н. Н. Седых не

закончилось. Вскоре она появилась в архиве в сопровождении двух пожилых «муравьев» (как помнится, М. А. Симановского и С. И. Соколовского), один из которых уже давно жил в Москве и приехал в Пермь исключительно по «муравьиным» делам: они были исполнены решимости издать книгу о «Муравейнике» и уговаривали меня принять в ней участие. Дело не ограничилось визитами в архив: меня пригласили в гости к Наталье Николаевне, чтобы я могла ознакомиться с коллекцией документов, собранных Шулеповым и бережно сохранных Н. Н. Седых после смерти учителя. (Впоследствии эти материалы были переданы Н. Н. Седых на государственное хранение). Но при всем моем уважении и симпатии к этим замечательным людям, я не могла принять их предложение, т. к. в то время в архиве велась большая работа по подготовке документальных сборников, посвященных революционным событиям в Пермской губернии, в которой была задействована и я.

И все-таки «муравьиное сообщество» сумело добиться поставленной цели: в 1962 г. вышло первое, а в 1969 г. и второе издание сборника «Муравейник», в котором бывшие члены детского клуба с большой любовью и теплотой вспоминают о деятельности клуба и его вдохновителе и организаторе Василии Михеевиче Шулепове. Эта книга о замечательном русском педагоге-новаторе бесценна и сейчас.

Настало время узнать историю строительства здания, в котором процветал первый в нашем крае детский клуб, предвестник пионерской организации. А возведено оно было по индивидуальному проекту в 1912 г. как здание-памятник, в честь 100-летнего юбилея Пермского Кирилло-Мефодиевского мужского начального училища. И появлению его наш город обязан Шулепову и руководимому им Обществу содействия начальному образованию.

Предыстория строительства начинается с далекого 1809 г., когда в Перми открылось первое в городе начальное мужское приходское училище, которое в 1884 г. получило имя равноапостольных святых Кирилла и Мефодия. Специального здания для него тогда построено не было. Первоначально училище помещалось на Торговой улице, в доме пермского мещанина Пантелея Одинцова¹. Потом переместилось в дом на углу Покровской и Соликамской улиц, «рядом с уездным училищем»², принадлежавший земству, и мирно существовало в нем вплоть до начала XX века. В июле 1900 г. появилась переписка Пермской земской управы с Пермской городской управой в связи с «настоянием» директора народных училищ «об освобождении здания, занимаемого Кирилло-Мефодиевским училищем для помещения в нем параллельного отделения городского училища и педагогических классов». Одновременно директор народных училищ просил отвести участок под строительство специального здания для старейшего начального училища³. Училище было перемещено в непригодный ча-

стный дом на Кунгурской улице, принадлежавший некоему Зенкову⁴. Не вызывает сомнений, что вопрос об отведении участка для строительства здания Кирилло-Мефодиевского училища был инициирован молодым заведующим этого училища В. М. Шулеповым. Он же подкасал и место будущего строительства, которое находилось как раз напротив занимаемого училищем дома Зенкова. В ноябре 1900 г. городская дума просит уездную управу отвести под строительство заявленное дирекцией народных училищ место на углу Б. Ямской и Кунгурской улиц⁵. Решение вопроса затягивается. Тем не менее, в апреле 1906 г., не без участия Шулепова, получается разрешение губернатора «на открытие местной подписки для сбора добровольных пожертвований» на постройку училища⁶.

Василий Михеевич Шулепов (1874—1922) был первым из трех сыновей в семье пермских мещан Михея Васильевича и Ульяны Ивановны Шулеповых. Достаток не позволил им определить любознательного первенца в гимназию. Учеба в Кирилло-Мефодиевском училище, где ему, одному из лучших учеников, иногда доверялось заменять учителя в младшем классе, разбудила его педагогический талант. Уже тогда юный Шулепов твердо решил стать учителем, передавать свои знания детям. Окончив Кирилло-Мефодиевское училище, с 17 лет он учительствовал в заводских начальных училищах Пашии и Юго-Камска. Уже тогда он убедился в необходимости изменений в установившейся практике обучения, в необходимости развития внешкольной работы с детьми, расширяющей их кругозор и пробуждающей любознательность. Успешная работа молодого педагога была отмечена его переводом на должность помощника учителя в родное Кирилло-Мефодиевское училище, где в то время обучалась, преимущественно, городская беднота. С августа 1898 г. он становится заведующим училищем⁷.

Здесь, когда он стал воплощать в жизнь свои новаторские идеи, начались его проблемы в отношениях с начальством. Отмена телесных наказаний, бережное отношение к личности ребенка, стремление вместо бессмысленной зубрежки, пробудить в ученике живой интерес к изучаемому предмету – все это вызывало раздражение начальства. Внедряя в процесс обучения принцип наглядности, он устраивал для детей прогулки в лес для непосредственного знакомства с природой и отдельными видами растений родного края. Стремился выявлять и развивать творческие способности детей, вовлекая их в самостоятельную деятельность. Шулепов не боялся возражать начальству, твердо отстаивая свое мнение в вопросах организации внешкольной работы с детьми. Наряду с этим, как мы видели выше, он будировал вопрос о строительстве специального здания для «кочующего» Кирилло-Мефодиевского училища. Он неудобный, беспокойный человек, вечно докучающий начальству своими нововведениями и требованиями.

Но Шулепов идет дальше. Для неграмотных родителей своих учеников и всех желающих обучаться взрослых он организует воскресные чтения и бесплатные вечерние классы, где учителя-единомышленники работали безвозмездно⁸. Среди них попадались и народники, и социал-демократы. Борясь за распространение и развитие народного просвещения, сам он был далек от политики, но с интересом общался и привлекал к сотрудничеству революционно настроенную учительскую молодежь. В частности, в вечерних классах преподавали учителя социал-демократы П. А. Матвеев и А. Н. Ягодникова, состоявшие под неусыпным надзором полиции⁹. Мало того, в 1904 г. он организует бесплатную школу для взрослых корейцев, вывезенных из прифронтовой полосы в связи с русско-японской войной¹⁰. Фактически, он сам был революционером в деле развития просветительства и преобразования школы. И конечно же, в силу своего характера, он не мог не участвовать в разогнанном полицией съезде учителей в мае 1905 г. Это было последней каплей, позволившей начальству развязать себе руки и избавиться от «неблагонадежного» учителя. Шулепов был изгнан из Кирилло-Мефодиевского училища «без права преподавания в учреждениях Министерства народного просвещения»¹¹. Уже после изгнания из училища неутомимый сеятель «разумного, доброго, вечного» в 1908 г. инициирует создание сельской библиотеки в Усть-Качке¹². После увольнения В. М. Шулепов работает надзирателем и преподавателем гимнастики в Пермском техническом железно-дорожном училище¹³, но душа его остается в родном Кирилло-Мефодиевском училище, с его маленькими учениками.

Наступил 1909 год – год 100-летнего юбилея Кирилло-Мефодиевского училища. Идея строительства специального здания для училища, не покидавшая Шулепова все эти годы, вновь захватывает его. Он понимает, что в год празднования 100-летия училища решение вопроса о строительстве наиболее осуществимо. В январе 1909 г. Шулепов инициирует письмо бывших воспитанников Кирилло-Мефодиевского училища в редакцию «Пермских губернских ведомостей» в связи с предстоящим юбилеем, с призывом «к самому энергичному участию в организации торжества всех лиц – учивших и учившихся, способствующих процветанию школы..., дабы этот светлый день запечатлелся в самых широких слоях населения»¹⁴.

Письмо было опубликовано 29 января 1909 г. и как бы вывело город из будничной спячки.

Уже 1 февраля в помещении Уездной управы состоялось общее собрание учащихся и учителей, бывших воспитанников и родителей нынешних воспитанников Кирилло-Мефодиевского училища, посвященное предстоящему юбилею. На собрании была избрана Юбилейная комиссия, первой задачей которой, помимо организации торжеств, было решение вопроса о строительстве здания для училища.

7 февраля 1909 г. начались заседания Юбилейной комиссии. Председателем комиссии избирается В. М. Шулепов. Комиссия сразу приступает с активным действиям. 12 февраля Комиссия подает ходатайство в Пермскую городскую управу о бесплатном отводе земли под постройку здания Кирилло-Мефодиевского училища «на углу Б. Ямской и проспекта», т. е. Кунгурской улицы¹⁵. Управа отказала в выделении этого участка и предложила «отвести таковой на окраине города» в Старой слободке, около кладбища¹⁶.

Тогда Юбилейная комиссия «экстренно» подает заявление в Городскую управу с обоснованием необходимости нахождения здания Кирилло-Мефодиевского училища в центре города: «В дополнение к ходатайству 12 февраля с/г, – писалось в заявлении, – имеем честь довести до сведения г. г. гласных, что на просимом участке земли (угол Б. Ямской и Проспекта) для пермского Кирилло-Мефодиевского училища предполагается выстроить здание на 200 учащихся. Оно будет иметь четыре классных поместительных комнаты, большой зал для народных чтений, детских праздников, актов и игр учащихся, двести комнат для музея и библиотеки...»¹⁷ Таким образом, по замыслу комиссии и ее председателя, здание должно было обеспечивать не только учебные, но и общеобразовательные функции училища.

Одновременно Шулеповым была организована поддержка со стороны Мещанского общества, директора и инспектора народных училищ, Учительского общества и Общества вспомоществования беднейшим учащимся в виде прошений в Пермскую городскую думу. 18 февраля 1909 г. Дума положительно решила вопрос о выделении для строительства просимого участка¹⁸. Это была важная победа Шулепова и его «команды».

В феврале же, по инициативе своего председателя, Юбилейная комиссия постановила «выработать устав общества с более широкою программой и неограниченным контингентом членов общества»¹⁹. Шулепов понимал, что деятельность комиссии ограничена как количеством работающих в ней членов, так и датой проведения юбилея. Пройдет юбилей, и дело со строительством здания для училища, а значит и все широкие планы комиссии, выходящие за рамки чисто школьной программы, может застопориться, как это уже было со строительством Народного дома.

В течение лета 1909 г. комиссия работала над программой юбилейных мероприятий, разрабатывала план будущего здания училища и распространяла «подписные листы», выпущенные Пермской уездной земской управой для сбора пожертвований на постройку здания. К ним прилагались «соответствующие воззвания», знакомящие жертвователей с кругом задач, которые должно будет обслуживать это здание, помимо школьных²⁰. Параллельно комиссией ведется работа над уставом будущего общества.

В конце сентября 1909 г. комиссия в лице ее председателя В. М. Шулепова и А. И. Кожевникова обращается в Пермскую уездную земскую управу с ходатайством о строительстве здания для Кирилло-Мефодиевского училища на выделенном участке. К ходатайству прилагается черновой план будущего строительства. Однако представленный план был признан «неподходящим»²¹.

Между тем 1 октября 1909 г. состоялось торжественное чествование 100-летнего юбилея, на котором присутствовали представители городского начальства, Дирекции народных училищ и учебных заведений города. Чествование проходило на площадке будущего строительства здания для училища. Отмечая особую роль Шулепова в организации юбилейных торжеств, «Пермские губернские ведомости» писали: «... Можно смело сказать, что юбилей Кирилло-Мефодиевского училища и личность Василия Михеевича Шулепова слились нераздельно в сердцах и умах губернских и городских жителей»²². Миссия Юбилейной комиссии закончилась.

Дальнейшие хлопоты о строительстве здания-памятника плавно переходили к Обществу содействия начальному образованию при Кирилло-Мефодиевском приходском мужском начальном училище (таково было официальное название общества), действия которого считались открытыми с 1 октября 1909 г.²³

Не приняв представленный Юбилейной комиссией план строительства, земская управа решила передать это дело в руки профессионалов высокой квалификации. 5 октября 1909 г. 40-е уездное земское собрание постановило: «Чтобы создать здание вполне соответствующее своему назначению и могущее служить украшением города, объявить конкурс на составление проекта здания через С.-Петербургское общество архитекторов-художников, назначив на выдачу премий 1000 руб., с поручением управе выработать условия конкурса при участии сведущих лиц»²⁴. «Сведущими лицами» были представители Общества содействия начальному образованию во главе с Шулеповым.

Совместными усилиями управы и Общества были выработаны предварительные задания, которым должны были следовать столичные архитекторы. В соответствии с заданиями, «фасад и парадный вход должны быть с Кунгурской улицы. Здание каменное, двухэтажное, частью с подвалом». В здании должны быть вестибюль с раздевальней на 300 мест и уборной для учителей, 5 классов на 40 учащихся каждый, светлый коридор, канцелярия, учительская, музей для наглядных школьных пособий, зал для гимнастики, игр и концертов на 300 человек, уборная с умывальниками для учащихся, квартира семейного сторожа. Оговаривались параметры всех этих помещений. Выразалось пожелание, чтобы отопление в здании было

«центральное, с котлами и нагревательными камерами, расположенными в подвальном этаже». Однако, «стены здания должны быть расположены так, чтобы представилась возможность отапливать здание и печами, устроенными в самих помещениях»²⁵.

На переговоры с обществом столичных архитекторов был уполномочен земский гласный Н. А. Вармунд. 800 экземпляров условий (заданий) конкурса были распространены между заинтересованными лицами. Кроме того, о конкурсе были сделаны публикации в пяти газетах.

На конкурс поступило 28 проектов.

Результат конкурса был объявлен 14 апреля 1910 г.

Решением комиссии судей, утвержденным общим собранием членов Общества архитекторов-художников первую премию (400 руб.) получил проект под девизом «Три золотых круга» (автор Владислав Антонович Кедржинский). Давая отзывы о премированных проектах, комиссия судей отмечала проект «Три золотых круга» как один из лучших по композиции, экономный и компактный. «Во всех своих частях проект отвечает заданию программы»²⁶.

По условиям конкурса, после выдачи премий все премированные проекты поступили в собственность Пермской уездной земской управы и были рассмотрены правлением и членами Общества содействия начальному образованию. Общество высказалось за желательность постройки училища по проекту «Три золотых круга». Проекты были доложены уездному земскому собранию, которое в заседании 20 июня 1910 г. приняло этот проект и поручило уездной управе разработать детальную смету на постройку²⁷.

Смета на постройку выразилась в сумме 63711 руб., была рассмотрена технической комиссией и утверждена уездным собранием. К этому времени уездная земская управа имела на строительство только 20000 руб. Поэтому 11 ноября 1910 г. она обращается с ходатайством в Министерство народного просвещения за безвозвратной ссудой в 30000 руб. На это ходатайство был получен отрицательный ответ²⁸. 18 декабря управа повторяет ходатайство, но теперь уже она испрашивает только 7000 руб. в качестве пособия, а 23000 руб. – в качестве ссуды, и 17 августа 1911 г. получает положительное решение Министерства²⁹. Впоследствии управа доассигнует 13330 руб, что с пожертвованными 380 руб. и составит искомую сумму³⁰.

Однако заготовка материалов для строительства затянулась до весны 1911 г., когда поставка всех потребных материалов была запряжена. Одновременно, с одобрения технической комиссии, был сдан подряд заводу братьев Кертинг на устройство в здании пароводяного отопления³¹.

7 июля 1911 г. в 2 часа дня состоялась торжественная закладка здания Кирилло-Мефодиевского училища, на которой присутствовало все городское и училищное начальство. После молебствия «...в сопровождении священнослужителей с крестом, по углам воздвигаемого здания положили крестообразную, по несколько кирпичей, кладку заступающий место председателя земской управы С. В. Иванов, член управы С. М. Жебелев, городской голова П. А. Рябинин и др. лица. Исполняющий обязанности секретаря земской управы В. Н. Демидов громогласно прочитал выгравированную на металлической доске надпись, в которой перечисляются участники торжества и время закладки здания училища, а также, что здание строится в память исполнившегося столетия существования училища. После этого доска была зарыта и замурована в пол сооружаемого здания...», – сообщали «Пермские губернские ведомости» 10 июля 1911 г.³² Непременными участниками закладки были представители Общества содействия начальному образованию во главе с Шулеповым.

После этого строительство пошло, можно сказать, «ударными» темпами и к концу 1912. было завершено. По постановлению 43-го очередного земского собрания «...предоставляется Обществу/содействию начальному образованию/ во вновь выстроенном здании-памятнике Кирилло-Мефодиевского училища три комнаты... для помещения в них бесплатной детской библиотеки, читального зала и музея...» Сообщая об этом событии, 5 декабря 1912 г. «Пермские губернские ведомости» писали, что «библиотека оборудуется новой соответствующей мебелью... Обстановка для книгохранилища, детского читального зала и музея выполняется юговскими кустарями и столярной мастерской пермского дома трудолюбия; комнаты будут оборудованы электрической установкой...»³³. Конечно, об этом позаботился председатель Общества. Окончился период бездомности Общества. Остались позади три года работы, когда все учреждения Общества «были разбросаны в разных пунктах города, в зданиях, совершенно не приспособленных для целей Общества»³⁴. Радовались учителя и маленькие ученики училища, которым предстояло теперь учиться и учить в прекрасном собственном здании.

Между тем, за прошедшие годы Обществом содействия начальному образованию была проделана большая работа.

Бурная деятельность Общества началась сразу по прошествии юбилейных торжеств 1909 г. Еще при рождении основными задачами Общества, прописанными в уставе, были забота о развитии народных чтений, устройство центральной детской библиотеки и музея наглядных пособий, организация воскресных и вечерних курсов для взрослых³⁵. Общество приступает к решению этих задач. В губернской газете публикуется объявление, приглашающее учителей для веде-

ния занятий на вечерних курсах для взрослых. Одновременно ставится вопрос о совместной работе по устройству этих курсов с открывающимся обществом «Народный дом». Через губернскую газету Общество обращается к редакторам детских журналов с просьбой о содействии в комплектовании детской библиотеки. Начинается работа по сбору экспонатов для музея наглядных пособий. В апреле – мае 1910 г., впервые за время существования образовательных учреждений города для учащихся всех школ Перми организуются экскурсии детей на Сылвенский стеклянный завод, на выставку Общества птицеводства, в типографию губернского правления, в Научный музей, на Мотовилихинский завод. В экскурсиях принимают участие дети 17-ти учебных заведений. 23 мая 1910 г. под девизом «Кончил дело – гуляй смело» проводится первый в городе детский весенний праздник, в котором приняли участие 500 детей³⁶. Все эти мероприятия тщательно продумываются и организуются.

За период с марта 1910 г. по март 1913 г. Обществом было организовано 22 общеобразовательных экскурсии для учащихся начальных школ г. Перми, в которых приняло участие 1063 ребенка; ежегодно проводились детские весенние праздники, посвященные окончанию учебного года (участвовало 1600 детей); в 23 января 1911 г. открыты смешанные бесплатные вечерние классы для взрослых; в сентябре 1911 г. в помещении Насоновского училища открыта первая бесплатная детская библиотека, на пополнение которой 500 рублей пожертвовал Н. В. Мешков; в конце года устроена педагогическая выставка учебных и наглядных пособий; ежегодно оказывалась материальная помощь беднейшим ученикам; во время летних каникул открывались бесплатные квартиры для учащихся начальных школ, приезжающих на экскурсии из уездов губернии. В новом здании сразу был организован кабинет-музей наглядных пособий, а 20 января 1913 г. открыт первый в губернии (а может быть – и в России) детский читальный зал³⁷.

Удивительное дело, но Дирекция народных училищ, заручившись поддержкой пермского губернатора и попечителя Оренбургского учебного округа, уже в январе 1913 г. попыталось изгнать учреждения Общества из здания Кирилло-Мефодиевского училища и отобрать собранную им детскую библиотеку. Были закрыты классы для взрослых, запрещено проведение экскурсий, прогулок, детских праздников, закрыт детский читальный зал. Видно, «бревном в глазу» стала деятельность Общества для чиновников Министерства народного просвещения. Особенно раздражало то, что во главе его стоял этот неуемный, неуправляемый и «неблагонадежный» Шулепов, изгнанный с государственной службы. Но на защиту Общества встали земство и пресса. Скандал вышел за рамки Пермской губернии. Помимо «Пермских губернских ведомостей» противостояние учеб-

ного начальства и Пермского земства освещают газеты «Русские ведомости», «Речь», «Школа и жизнь», «Уральская жизнь», «Вятская речь»³⁸. Вопрос обсуждался на чрезвычайной сессии Пермского уездного земского собрания, которое постановило принести жалобы в Правительствующий сенат на действия учебной администрации³⁹. Противостояние длилось больше года и окончилось к апрелю 1914 г. победой земства. Попечитель Оренбургского учебного округа вынужден был 30 марта 1914 г. уведомить Общество, «что со стороны учебной администрации не встречается препятствий в предоставлении помещений Обществу для детской библиотеки, читального зала при ней и музея в здании Кирилло-Мефодиевского училища»⁴⁰. Губернская администрация разрешила проведение экскурсий. Обстановка более или менее нормализовалась. Общество продолжало деятельно работать. В октябре 1916 г. оно даже планирует устройство в Перми кинематографа⁴¹.

Но в это же время открывается Пермский университет и значительная часть здания Кирилло-Мефодиевского училища отдается во временное пользование университету. Здесь помещаются кафедры зоологии, ботаники, анатомии человека и гистологии⁴². (Спешилова Е. Старая Пермь... С. 398).

Революция 1917 г. и гражданская война поставили жирную точку на первом периоде жизни здания-памятника: остались в прошлом Кирилло-Мефодиевское училище и Общество содействия начальному образованию при нем.

Однако был жив и полон желаний по-прежнему продолжать работу с детьми Василий Михеевич Шулепов. Советскую власть он принял без колебаний, и одним из первых стал в ряды советского учительства. После освобождения Перми от Колчака, в августе 1919 г. губернский отдел народного образования вынес решение об организации детских библиотек. Заведующим Центральной городской детской библиотеки бы назначен В. М. Шулепов. Библиотека находилась в здании Кирилло-Мефодиевского училища и основу ее составляло собрание книг Общества содействия начального образования. Не трудно представить себе, какие чувства испытал Шулепов, вновь обретая родные стены, с каким жаром приступил он к работе, какие радужные перспективы внешкольной работы с детьми видел он в новом своем назначении. Вскоре по инициативе Шулепова на базе библиотеки начал активно действовать детский клуб «Муравейник», о котором говорилось в начале нашего повествования. Название придумали сами ребята, а слоган «Мы – муравьи – трудиться любим, иди работать к нам скорей!» стал девизом клуба. В вечернее время, с ноября 1919 г. до 1923 г., здание принимало и учащихся Рабфака, организованного при Пермском университете⁴³.

Открытый для всех детей города, нацеленный на воспитание нового поколения в духе идей коммунизма, «Муравейник» был очень популярен. Под руководством Шулепова и команды его молодых помощников дети приучались к труду, самостоятельности, самодисциплине и ответственности за порученное дело. Поощрялась и развивалась детская инициатива. Под руководством взрослых работало более десятка кружков, издавалась самодеятельная газета «Муравей-чудодей». «Муравьи» вели большую политико-просветительскую работу: выступали с докладами, своими спектаклями и концертами в деревнях, в детских домах и школах, помогали крестьянам ближайших деревень в полевых работах. Ребята старались все делать своими. Летом 1920 г., когда Шулепову удалось получить в Нижней Курье дачу для «муравьев», они, помимо оказания помощи местному населению, научились сами и научили окрестных ребят плести корзины и лапти, что для многих решало проблему обуви. В 1921 г. проводили сбор средств в помощь голодающим Поволжья. «Муравейник» был предвестником будущего пионерского движения и дворцов пионеров. Посетившая в 1920 г. «Муравейник» делегация Коминтерна дала высокую оценку деятельности клуба. С осени 1920 г. в здании «Муравейника» под заведованием неутомимого Шулепова начала работать школа имени III Интернационала, пополнившая его коллектив. В 1923 г., познакомившись с работой «Муравейника», народный комиссар просвещения А. В. Луначарский отметил, что он представляет собой «редкий у нас опыт постановки школы с резко выраженным общественно-политическим уклоном...»⁴⁴.

Но уже в 1921 г. начались проблемы, теперь уже с советскими чиновниками. Сектор социального воспитания (соцвос) губернского отдела народного образования требовал превратить «Муравейник» в закрытое детское учреждение, которое предназначалось только для воспитанников детских домов. Помимо этого, в школах начало внедряться «комплексное» обучение, против которого активно выступал Шулепов. Опять началась борьба, окончившаяся отстранением Шулепова от руководства «Муравейником» и школой. Это окончательно подорвало его здоровье и повлекло его безвременную кончину в апреле 1922 г.⁴⁵

В сентябре 1922 г. при «Муравейнике» возник первый на Урале пионерский отряд⁴⁶. «Муравейник» пережил своего создателя только на один год, растворившись в пионерском движении. Многие «муравьи» возглавили пионерские отряды.

Но здание «Муравейника» продолжало и продолжает служить детям.

В 1923 г. оно перешло в полное владение школы № 9 им. III Интернационала, которой в 1937 г. тождественно присваивается имя А. С. Пушкина. В 1933 г. в здание подселается Областная станция юных техников. Обе организации дружно проживут здесь до начала 50-х годов, когда школа переедет в построенное для нее новое здание, а станция – в выделенное ей здание на шоссе Космонавтов.

В 1952 г. в здании поселяется Дом пионеров, первым директором которого был бывший «муравей» З. К. Дудин. В этом же году Дом пионеров переименовывается во Дворец пионеров и школьников. К 1963 г. здесь работали 71 кружок, 8 школ пионерского актива, клубы юных туристов, красных следопытов, интернационала, дружбы и любителей музыки. Здесь он работает до переезда в построенное специально для него здание на ул. К. Маркса. В мае 1986 г. здание «Муравейника» вновь занимает Областная станция юных техников. В 1991 г. станция объединяется с Областным домом техники учреждений начального профессионального образования. Объединение именуется Областным центром научно-технического творчества учащейся молодежи, который в августе 1998 г. реорганизуется в Областной центр творчества молодежи (ОЦТМ). Тогда же совет трудового коллектива центра выступил с идеей о присвоении ОЦТМ названия «Муравейник». Инициатива была поддержана директором центра Ларисой Ивановной Сорвановой (в прошлом воспитанницей Дворца пионеров) и в августе 1998 г. это название возвращается на фасад здания. Возвращение старого названия вдохновило коллектив центра на дальнейшее всестороннее развитие. Уже в марте 1999 г. начинают свою работу такие важные и нужные для современного юношества кружки, как авиамодельный, информатики, электроники и автоматики, основ журналистики. Помимо этого, начинают работать разновозрастные отряды «Лидер», «Муравей», «Психовой» – каждый со своей большой программой работы. В настоящее время на счету нового «Муравейника» много успешно проводимых в жизнь массовых мероприятий⁴⁷. Дело, начатое В. М. Шулеповым, живет и развивается.

С февраля 2007 г. учреждение носит название «Краевой центр развития творчества детей и юношества «Муравейник». Это название и красуется сейчас на здании-памятнике Кирилло-Мефодиевского училища, которому в декабре 2012 г. исполнится 100 лет. Достойная дань памяти В. М. Шулепову и первым «муравьям».

¹ ГАПК. Ф. р-1210. Д. 5. Л. 1об.

² Там же. Л. 2.

³ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.

- ⁴ Журнал Пермского уездного земского собрания за 1911 г. – С. 25.
⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 117. Л. 6.
⁶ Там же. Л. 9.
⁷ ГАПК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 32, 62.
⁸ «Муравейник»: статьи, воспоминания, документы. – Пермь, 1969. – С. 89.
⁹ Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 388, 739.
¹⁰ ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.
¹¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 553. Л. 11.
¹² «Муравейник»... Указ. соч. С. 89.
¹³ Адрес-календарь Пермской губернии на 1909 г. – Пермь, 1908. – С. 68.
¹⁴ ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 2.
¹⁶ Там же. Л. 3.
¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 4.
¹⁸ Журнал Пермской городской думы за 1910 г. – Пермь, 1911. – С. 38.
¹⁹ ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
²⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 553. Л. 2об, 5.
²¹ Там же. Л. 2об.
²² ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 5. Л. 6об.
²³ Там же. Д. 8. Л. 29.
²⁴ Журнал Пермского уездного земского собрания за 1910 г. – С. 49.
²⁵ Там же. С. 50-51.
²⁶ Там же. С. 51.
²⁷ Журнал Пермского уездного земского собрания за 1912 г. – С. 20.
²⁸ ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 451. Л. 2об-3.
²⁹ Там же. Д. 486. Л. 4.
³⁰ Журнал Пермского уездного земского собрания за 1912 г. – С. 21.
³¹ Там же.
³² ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
³³ Там же. Д. 5. Л. 29.
³⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 553. Л. 4.
³⁵ ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.
³⁶ Там же. Л. 11-14.
³⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 552. Л. 3-4.
³⁸ ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-13.
³⁹ Журнал Пермского уездного земского собрания за 1913 г. – С. 8-13.
⁴⁰ ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.
⁴¹ Там же. Л. 19.
⁴² *Спешилова Е. А.* Старая Пермь. – Пермь, 1999. – С. 398.
⁴³ «Муравейник»... Указ. соч. С. 35.
⁴⁴ Там же. С. 143.
⁴⁵ Там же. С. 99.
⁴⁶ Там же. С. 145.
⁴⁷ *Сорванова Л. И.* История «Муравейника». Справка. Рукопись.

ИСТОРИЯ БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ. (Судьба старинного особняка на Малой Ямской, 9)

Есть в центре Перми, на маленькой тихой улочке с названием Малая Ямская, старинный особняк. Это бывший жилой дом действительного статского советника, первого заместителя начальника Пермской железной дороги А. Н. Серикова, принимавшего активное участие в строительстве Пермской железной дороги.

Участок по Малой Ямской был приобретен А. Н. Сериковым в 1871 г. В этом же году здесь был построен жилой дом, предположительно, по проекту Р. О. Карвовского. Постепенно дом становился тесным, и в 1901 г. жена А. Н. Серикова заказала проект достройки его Е. Саламатову. В этом же 1901 году проект был утвержден городской управой, и в 1902 г. строительство началось.

К старой, правой части особняка был пристроен новый жилой дом, соединенный со старым путем устройства перехода с комнатами. Центральная часть перехода сложена из кирпича, жилые дома соединены через нее бревенчатыми стенами. В период строительства здание получило новую разработку фасада, трехслойную конструкцию стен, характерную при строительстве деревянных домов начала XX века.

В результате достройки бывшего особняка Серикова здание получило два главных фасада. В старой части главным являлся фасад, обращенный к улице Горького, где раньше располагался парадный вход. Пристройка в 1902 г. новой, левой, части привела к появлению четко выделенной центральной части пристроя. При строительстве в 1871 г. старой части углы здания были выделены пилястрами с завершением капителями ионического ордера. Оконные проемы имели наличники с сандриками. Сверху шел профилированный карниз. Кровля представляла собой усеченный шатер, перекрытый обычной четырехскатной крышей со шпильями.

При достройке и расширении особняка архитектор Е. Саламатов использовал элементы декора старой части здания. Центральная и боковые части так же были выделены пилястрами с завершением ионическим ордером. При оформлении оконных проемов использованы наличники с сандриками (но оконные проемы больше, наличники несколько иной формы).

Внутренняя отделка здания также различна. В старой части она более простая, в основном представлена профилированными тягами на стенах и потолках и розетками круглой формы. В новой части здания и переходе внутренняя отделка гораздо богаче, очень

большое количество всевозможных лепных украшений по карнизам и потолкам (особенно в большом зале с колоннами), лепные розетки, великолепный чугунный камин. В таком виде здание оставалось до 1923 года.

После революции хозяева дома эмигрировали (сам А. Н. Сериков умер в 1916), и здание оказалось бесхозным. В 1923 г. здесь разместился один из первых рабочих клубов Перми.

Клубы как совершенно новая форма организации рабочих впервые появились после февральской революции 1917 года. Главной задачей их являлось воспитание и просвещение рабочего класса, «подготовка его к грядущей социалистической революции». После Октябрьской революции клубы стали центрами культурного строительства в России. В Прикамье первый рабочий клуб был организован рабочими лесозавода (завод «Красный Октябрь») и шпалопиточного завода в 1918 г. К началу 1923 г. число клубов на Урале достигло 273, а в Перми к 1925 г. их было более 80. Однако большое количество клубов не всегда занималось культурно-просветительской работой, ограничиваясь проведением танцев и вечеринок. Пермский горком ВКП(б) на специальном заседании рассмотрел вопрос о постановке клубной работы в городе и принял решение о сокращении в 1925 г. числа клубов в городе Перми до 12. При этом право работать было предоставлено клубам, которые хорошо зарекомендовали себя в деле культурно-просветительской работы среди рабочих, служащих и студентов города. Одним из них стал клуб железнодорожников им. Н. Г. Толмачева.

Клуб был организован рабочими железнодорожного узла станции Пермь I и паровозоремонтных мастерских и открыт для посетителей 19 октября 1923 г. в бывшем особняке А. Н. Серикова. А 19 ноября этого же года клубу было присвоено имя Н. Г. Толмачева, уроженца Урала, одного из руководителей партийной организации в Перми в 1917 году, активного участника создания новой Красной Армии (он погиб в 1919 году в боях за Петроград).

По итогам смотра-конкурса культурно-просветительской работы клуб им. Толмачева в 1924 г. занял второе место в городе. К этому времени это был один из наиболее многочисленных клубов в городе. (Численность его увеличилась со 141 человека в октябре 1923 года до 374 в апреле 1924). Основной состав – простые рабочие и служащие Пермского железнодорожного узла. Несмотря на всевозможные трудности, особенно материальные (его годовой бюджет составлял только 1757 рублей), клуб действовал, увеличивая количество кружков, улучшая качество их работы. При клубе были открыты политические (1), научные (2), профессиональные (1) круж-

ки, а также кружки искусств (5) и физической культуры (1). Кроме лекций, экскурсий, студийных занятий, в клубе проводились спектакли и концерты, вечера вопросов и ответов, выставки, лекции и беседы для населения микрорайона. Выходила сатирическая газета «Колючка», были открыты постоянные уголки (профдвижения, безбожника, воздухофлота, красноармейца и т. п.). Клуб принимал активное участие в деле обучения грамоте взрослого населения. При нем были организованы специальные курсы, где работали ликвидаторы неграмотности, а также курсы по подготовке молодых рабочих для поступления на рабфаки.

В 1925 г. здание на Малой Ямской частично перестраивается. Главный вход был устроен на южном фасаде на месте бывшего окна. Со стороны северного фасада появился деревянный бревенчатый пристрой для размещения кружковых комнат. В бывшем большом зале особняка – зал со сценой, для чего со стороны западного фасада был сделан еще один деревянный пристрой.

После ремонта в 1925 г. и расширения зала здесь активизируется работа «Синей блузы», «Живой театрализованной газеты» проводятся встречи с различными государственными и общественными деятелями. В помещении клуба им. Толмачева на Малой Ямской выступали: профессора А. Г. Генкель, П. С. Богословский, А. А. Хребтов. Здесь в 1930 г. состоялась встреча с летчиком Ф. Е. Болотовым, участником перелета Москва – Нью-Йорк в 1926 году, уроженцем Оханского уезда Пермской губернии. В 1932 г. в клубе выступал известный французский писатель и общественный деятель Луи Арагон.

Не раз проходили встречи со старыми большевиками, например, с участниками трех революций П. Г. Смидовичем и Р. С. Землячкой. (Эти факты, кстати, явились поводом для обсуждения в прессе судьбы здания на Малой Ямской и чуть не послужили причиной его сноса в конце 1980-х годов).

В конце 1932 г. железнодорожный клуб им. Толмачева переехал в другое помещение, а здание бывшего особняка Серикова было передано Всероссийскому обществу слепых. С тридцатых годов здесь располагался интернат для слабовидящих детей. В это время был сделан пристрой к переходу со стороны северного фасада, проведена разводка системы отопления.

А 31 декабря 1977 г. у здания началась новая жизнь – сюда переехала областная станция юных туристов (впоследствии – Пермский областной детский центр «Восхождение»).

История создания в Прикамье этого своеобразного детского учреждения очень интересна.

1 июня 1925 г. в Перми была открыта окружная экскурсионная станция, которая занималась практической организацией экскурсий по городу и округу с детьми и взрослыми. Она стала одним из первых не только у нас, но и в России, внешкольным учреждением такого типа, прообразом современного центра. Станция разрабатывала маршруты экскурсий по Уралу, обращая внимание на почти не исследованные места, такие как верховья Камы, реки Чусовая, Сылва, Вишера; провела Первую городскую конференцию туристов. Первый директор станции, выпускник историко-географического отдела Петроградского историко-филологического института В. Е. Чижов считал, что среди всех «методов культурной работы экскурсионный метод является наиболее понятным, а потому при хорошей организации и методически правильной постановке работы дающим наибольшие образовательные результаты».

За 80 лет существования Центра память сохранила немало имен людей, преданных делу туризма и краеведения, отдавших много лет, а иногда и всю жизнь, этой работе. И прежде всего это, конечно же, имя Сергея Афанасьевича Торопова, директора Центра в 1980-е годы, краеведа-исследователя, организатора многих школьных музеев в области, автора уникальных, ставших сейчас библиографической редкостью книг-путеводителей по родному краю: «Рюкзак за плечи и в поход», «По голубым дорогам Прикамья», «Сто дорог, сто путей», «Пермь» – путеводитель по городу. В память о С. А. Торопове на здании по улице Малой Ямской, 9, помещена мемориальная доска. В 2000 г. здесь же прошли первые Тороповские педагогические чтения.

В 2003 г. Пермский областной центр детского и юношеского туризма и краеведения был реорганизован в Пермский областной детский центр «Восхождение». Увеличилось количество направлений дополнительного образования, но основная идея духовно-нравственного и физического воспитания подрастающего поколения средствами туризма и краеведения осталась прежней. Воспитание патриотов через любовь к родному краю – вот что объединяет все направления центра.

Судьба здания, с истории которого мы начали рассказ, почти тридцать лет была тесно переплетена с историей Центра. В 1980-х годах именно Сергей Афанасьевич Торопов спас его от уничтожения. Распоряжением исполкома Пермского областного совета народных депутатов от 31.01.84 № 58-р здание было признано памятником истории и поставлено на учет (Историческая справка Пермской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, 1983 год).

Окруженный со всех сторон высотными зданиями, уютный розовый (особый цвет стен дома сохраняется уже не одно десятилетие) особняк стоит, как островок прошлого, и не только исторического, но и культурного, выделяясь оригинальной планировкой и своеобразным архитектурным оформлением фасада. Вошедших в здание поражает множество лепных украшений по карнизам и потолкам, красивые лепные розетки, великолепный чугунный камин. При всех проводимых ремонтах за время существования в здании станции юных туристов сохранялся его неповторимый исторический колорит.

Отсюда, с этого здания, начинались многие экскурсии по исторической части Перми, от этих дверей уходили в путешествия по родному краю юные туристы города и области, здесь приобретали первые навыки краеведческой работы юные исследователи прошлого. Изучая именно это здание, познавали они связь истории и культуры, впервые знакомились с проблемами сохранения исторической памяти.

Сюда очень любили приезжать краеведы и туристы из области (говорили: «как в родной дом»). Особый дух творчества, любви, интеллигентности всегда витал в этих стенах.

К сожалению, старинный особняк на Малой Ямской, памятник истории, в 2006 году был продан в частные руки: за 12 миллионов рублей его приобрело некое «ООО Проект 1».

Что ждет «розовый особняк» на Малой Ямской в будущем – неизвестно. Остается надеяться, что судьба будет благосклонна к нему.

Гладышев В. Ф. Оставьте хоть островок // Звезда. – 2005. – 9 июня.

Помогите «Восхождению» // Звезда. – 2006. – 11 апр.

Гладышев В. Ф. Замок на Малой Ямской // Пермские новости. – 2006. – 17 марта.

Уникальный особняк не должен исчезнуть // Местное время. – 2007. – 21 февр.

Наследие продали за бесценок // Аргументы и факты (Прикамье) – 2007. – № 5.

**ТАК БУДЬ ЖЕ МНЕ ЗВЕЗДОЮ ПУТЕВОДНОЙ...
ГИМНАЗИЯ №4 ИМЕНИ БРАТЬЕВ КАМЕНСКИХ
(ул. Плеханова, 41)**

Наша школа была возведена на месте деревянной церкви во Имя Святых Жен Мироносиц, входившей в состав Пермского Успенского женского монастыря, возведенного пермскими предпринимателями и паромщиками Ф. К. и Г. К. Каменскими. В 1920 г. монастырь был закрыт, и все его постройки переданы пермскому Горкомхозу, который распределил их между различными организациями города. С 1943 г. вся территория монастыря находилась в ведении воинской части, освободившей ее после войны. В первые послевоенные годы весь район застраивался новыми домами, появилось много детей, и город выделил средства на постройку школы.

У истоков школы стояли два фронтовика: Праведников и И. М. Хлебов. Об открытии новой школы написала газета «Звезда»: «Еще одно новое здание, большое, красивое, построено в г. Молотове. Оно воздвигнуто на улице Плеханова. На днях здание сдано в эксплуатацию. В нем начала работать средняя школа № 92. В благоустроенном школьном здании имеется тридцать классных комнат. Школа выстроена трестом «Сельмашстрой».

По воспоминаниям учителей, в строительстве школы принимали участие пленные немцы. Здание типовое, четырехэтажное, имеет прямоугольную форму; крыша – двускатная. Позже была произведена надстройка (похожая на деревенский дом с двускатной крышей), которая завершает здание и гармонично сливается с ним. Стены достигают 60 см в толщину. Здание школы несколько раз перекрашивалось. Оно было светло-зеленого цвета, кремового, светло-сиреневого, а теперь имеет розовый цвет. Последний ремонт крыши и фасада произведен в 2007 – 2008 гг. Внутри здание тоже перестраивалось.

Гимназия находится на пригорке, одна дорога от здания ведет к реке Данилихе, а другая выводит на улицу Ленина. Таким образом, территория школы охватывает довольно большое пространство, заключенное между улицами: Большевикской, Кирова, Плеханова и зданием Гражданской обороны.

При входе в гимназию установлен мемориал братьям Федору и Григорию Каменским, автором которого является скульптор Р. Исмагилов. В 1962 г. при гимназии была высажена березовая аллея

в честь полета Юрия Гагарина в космос. Когда начались ремонтные работы дороги по улице Плеханова, для более удобного проезда решено было высоту дороги уменьшить, срезать. Опасались повреждения старой решетки вокруг школы, и решено было сменить ее на новую. Работы вел городской комитет по благоустройству. К созданию эскиза были привлечены учителя А. К. Купкель и Е. И. Коновалова. На решетке, изготовленной в Кунгуре, изобразили герб семьи Каменских.

Учительский коллектив школы был создан летом 1951 г. Среди учителей был известный пермский художник Виктор Федорович Кузин. Он пришел преподавать в школу после фронта и проработал в ней учителем рисования и черчения с 1952 по 1957 г.

Первого сентября 1951 г. первый урок начался в разных помещениях, так как школа была еще не готова. Но уже в феврале 1952 г. занимались в новых кабинетах. В строительство школы внесли большой вклад: директор И. М. Хлебов, завучи К. Ф. Строфилова и М. С. Мингалёва, учителя географии П. Н. Чепкасов и Белозерова. Школу сразу же начали облагораживать: создали школьный сад, посадили фруктовые деревья и кустарники; на грядках росли овощи.

В 1953—1956 гг. Павлом Николаевичем Чепкасовым был обустроен кабинет географии. За разные подвиги при защите Отечества Павел Николаевич награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и др. Многие помнят Чепкасова как прекрасного человека, обладавшего огромной эрудицией, верного друга, талантливого педагога с энциклопедическими знаниями, художника, коллекционера, начинающего поэта.

Первым выпуском школы (1954 г.) можно гордиться. Среди выпускников – Н. Е. Фомина, Заслуженный деятель культуры, Заслуженный художник России. Она создавала костюмы для таких фильмов, как «Солярис», «Сталкер», «О бедном гусаре замолвите слово». Дружила с М. Плисецкой, Э. Рязановым, А. Тарковским.

Еще одна выпускница, которой может гордиться школа – это Вера Югова (Кузнецова). В 1953 г. Вера Югова завоевала звание чемпионки Советского Союза среди школьников. Поступив в 1955 г. в Пермский педагогический институт, она вскоре выполнила норматив мастера спорта СССР и стала одним из ведущих спринтеров страны. В составе сборной команды СССР выступала на XVI Олимпийских играх в Мельбурне, тогда ей было 19 лет.

В 1972 г. прошел первый туристический слет, и шесть лет школа была первой в районе. С 1977 г. в школе существовала агитбрига-

да «ОЛИМП». Школа № 92 всегда была зачинателем различных новшеств. Так в 1977 г. здесь был создан первый шахматный класс в России. Наставником шахматистов стал Леонид Николаевич Кычкин. В 1981 г. на Всесоюзных соревнованиях пионерских дружин на приз клуба «Белая ладья» школьная команда стала победительницей первенства СССР.

В 1982 г. в школе № 92 появляется новый предмет: Мировая художественная культура, педагог – Анна Константиновна Купкель. В 1983 г. начались турниры по МХК областного уровня.

В 1987 г. состоялось деление на общеобразовательные и гимназические классы.

С 1990 г. в школе появилась традиция участвовать в летних археологических раскопках. В настоящее время гимназистами создана коллекция находок, привезенных из Пскова, Бородино, Мокино, Орла; интересная коллекция керамики, привезенной с Черного моря. В течение 1996—1997 гг. учащиеся гимназии принимали участие в архитектурных раскопках на территории Херсонеса (пригород Севастополя).

В 1992 г. была проведена первая научно-практическая конференция, теперь в ней принимают участие ребята с 7-го по 11-й классы. С 1997 г. совершаются поездки в г. Обнинск на российские конференции. С 1998 г. в школе проходят краеведческие конференции городского уровня, в которых принимают участие ученики и учителя из разных школ города и края, а также пермские краеведы. В том же 1998 г. начал выходить первый школьный вестник «VIVAT» под руководством В. Ф. Гладышева (известного пермского журналиста); был создан новый орган самоуправления «Спутник».

В 1998 г. школа выиграла грант по проекту «Гармония», который был объявлен Фондом «Открытое общество» Джорджа Сороса, и получила компьютерную технику и устройства для выхода в Интернет. С этого момента началась активная работа учащихся и учителей гимназии в сетевых инициативах: телекоммуникационных проектах, дистанционных викторинах и турнирах, сетевых эвристических олимпиадах.

В 1999 г. был создан первый школьный музей, материал для которого собирался в течение восьми лет (зарегистрирован 15 мая 1999 г. за номером 7560). В этом же году была создана военно-патриотическая организация «Поиск-4». В 2000 г. в школе была создана картинная галерея за счет пожертвований учащихся.

В 2001 г. школа получила статус гимназии и имя Братьев Каменских. С этого же года в экзаменационную систему был введен Единый Государственный Экзамен.

Гимназия поддерживает традиции народных гуляний. Ежегодно все гимназисты принимают участие в литературных балах, в праздновании Широкой Масленицы.

3 июня 2005 г. состоялось открытие музея истории семьи Каменских, где присутствовали представители этой династии, которые сейчас живут в Москве. Экскурсии по музею проводят учащиеся. В экскурсию входит описание быта дома Каменских, их генеалогическое древо, сведения о деятельности Каменских. В музее есть макет Пермского Успенского женского монастыря, на территории которого находилась церковь во имя Жен Мироносиц, а также представлен один из пароходов Каменских «Иван». Экспонаты музея были привезены из разных экспедиций, переданы бывшими учениками школы, а также членами семьи Каменских. Музей много раз выигрывал конкурсы городского и российского уровней.

За все время существования гимназии в ней работали пять директоров. Первым директором нашей гимназии был Иван Михайлович Хлебов (с 1951 по 1958 г.). За подвиги на войне он получил орден Красной Звезды, медали «За Победу над Германией», «За оборону Москвы» и др. Иван Михайлович был удостоен чести участвовать в параде Победы на Красной площади. Во время одной из краеведческих конференций «Город Пермь: прошлое и настоящее» Валентиной Георгиевной Шевелёвой (ветеран педагогического труда, учитель истории) было предложено открыть мемориальную доску памяти И. М. Хлебова. Деньги на изготовление доски – около 12000 рублей – были взяты из фондов школы. Открытие состоялось в 2005 г.

Основными направлениями деятельности школы являются краеведение, археология. Школа хранит свои традиции. Ребята часто ездят в экспедиции по Пермскому краю, в том числе в Чердынь и Пянтег. Продолжается поисковая деятельность и работа с «Фондом Мира», Обществом охраны памятников истории и культуры, краеведческим музеем. Сохраняется связь с Суксуном, где когда-то находился дом одного из династии Каменских – Ивана Григорьевича. В 2006 г. был установлен памятник Ивану Григорьевичу Каменскому на предполагаемом месте его захоронения. Ежегодно учащиеся гимназии принимают участие в «Романовских чтениях», в «Народном Соборе памяти Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия».

Школа также занимается благотворительностью: 5 мая 2010 г. в г. Кизеле был открыт памятник Алеше Щукину, юному участнику Великой Отечественной войны, на установку которого большую часть средств (16000 рублей) внесли ученики и учителя гимназии.

В сентябре 2010 г. гимназия была выбрана как лучшее учебное заведение города для посещения полпредом президента России Г. Рапотой, проводившим встречу с учителями края, чьи ученики стали лауреатами президентской премии.

Выпускница гимназии 2008 года Катя Черемных вспоминает: «Когда мне было шесть лет, я, выходя из дома (он находится на берегу речки Данилихи), всегда видела на горе самое красивое здание в моей жизни. Это здание моей гимназии № 4 имени Братьев Каменских. Особенность этого здания такова, что куда бы ты ни пошел, с какой бы стороны к нему ни возвращался, оно приковывает твой взгляд».

Список использованных источников.

1. Кисарев И. Новая школа в г. Молотове // Звезда. – 1951. – 28 окт.
2. Книга учета личного состава гимназии № 4 им. Братьев Каменских Дзержинского района г. Перми. 1951—1996 гг.
3. Письмо выпускницы М. Билик от 12 декабря 2003 г. (Архив гимназии).
4. Воспоминания о школе Г. И. Медведевой (Архив гимназии).
5. Кононова К. История шахматного класса школы № 92. – Пермь, 2003.
6. Мильменко Е. Заслуженный художник России Нэлли Фомина. – Пермь, 2009.
7. Остахов В. Возвращаясь к истокам: Солдат, ученый, художник. – Пермь, 2001.

АРХИВНЫЙ ДОМ НА СОЛИКАМСКОЙ (ул. М. Горького, 14б)

В старой части центра нашей Перми по адресу: ул. Максима Горького, 14-б, стоит старинное, постройки конца XIX века, двухэтажное кирпичное здание, в настоящее время – пустующее. С 1994 по 2009 г. в нем размещалось муниципальное учреждение «Архив города Перми», до 2004 г. действовавшего в статусе архивного отдела администрации города – центра хранения документов по личному составу.

Обживая этот дом, архивисты, конечно же, интересовались его историей. В справочниках «Вся Пермь» на 1910 и 1911 гг. имеются сведения о том, что дом № 14 по ул. Соликамской (название улицы М. Горького до 22.04.1936 г.) принадлежал вдове Матвеевой, владелице магазинов. В ходе архивного поиска сведения уточнены (архивный поиск проведен О. А. Мельчаковой). Выяснилось, что нумерация домов менялась. В плане города Перми на 1911 г. второй дом от пересечения с улицей Петропавловской – усадебное место 50 – числится под номером 10. В алфавите владельцев к плану инвентарной ведомости земельных имуществ города, составленной городским землемером И. И. Ткалем в 1916 г., владельцем дома № 10 значится Егор Никитич Солодников. Это подтверждают и уже упомянутые справочники «Вся Пермь» за 1910 и 1911 гг.

Также удалось установить, что здание было жилым домом до начала 1960-х гг. Примерно в 1996-м или 1997-м гг. к нам в архив пришла бывшая жительница дома, которая рассказала о его планировке, о квартирах и жильцах. Сама она уехала из Перми в Казахстан в 1959 г., окончив педагогический институт и выйдя замуж за выпускника военного училища. Потому свидетелем расселения дома не была, но твердо уверена, что случилось это в начале 1960-х гг.

После расселения жильцов в доме разместилось городское бюро по обмену жилой площади. Многие пермяки, которым довелось пользоваться услугами бюро, наверняка помнят кирпичную стену, сплошь оклеенную множеством листочков объявлений. Кстати, кусок этой кирпичной стены сохранился по сей день. Затем, в конце восьмидесятых годов, бюро переехало в новый дом № 27, немного выше по этой же улице Горького, освободив помещение дома № 14-б для архитектурно-планировочного бюро горисполкома.

Первый осмотр здания архивисты провели вместе с сотрудником хозяйственного управления администрации города в октябре 1993 г.

Там еще работали сотрудники архитектурно-планировочного бюро, стояло много копировальных аппаратов и другой специфической техники больших и малых размеров. Директор бюро С. В. Пермяков показал нам помещение. Обошли вокруг здания, осмотрели полуразрушенный сарай, притулившийся рядом. Впечатление от всего увиденного было просто удручающим: из-за состояния помещений, которые не видели ремонта много лет, но главное – из-за малых размеров. Мы прекрасно понимали, что для размещения городского архива площади в 224,2 кв.м. явно недостаточно. Других же, более приемлемых вариантов, никто не предлагал. Л. А. Мейтарджева, управляющая делами аппарата администрации города, убеждала соглашаться на это здание, а в дальнейшем решать вопрос о расширении. Она так и сказала: «сейчас вы бездомные, а с получением здания – у архива появится адрес; улучшать же что-то имеющееся гораздо легче, чем просить что-то вновь».

Забегая вперед, скажу, что ставить вопросы о расширении площадей архивистам пришлось уже в конце 1995 года. Если в 1993 году, еще не имея хранилища, архивисты приняли на хранение документы двух организаций (они находились в том же кабинете на втором этаже здания городской администрации, где почти год размещался архивный отдел), то при наличии хранилища в 1994 году таких поступлений было уже 37, а в 1995 – 41. И резервы здания были исчерпаны.

В феврале 1996 г. у архива появилось первое из дополнительных помещений, которых в последующие годы насчитывалось от трех до пяти, причем расположены они были в разных зданиях города.

За годы, проведенные в здании на ул. Горького, архивисты дважды пытались ставить вопрос о возможности возведения рядом пристроя – современной «коробки» для архивохранилища, с тем, чтобы в старом здании оставить кабинеты сотрудников и другие служебные помещения. В 1997 г. идея не нашла поддержки по причине большого количества коммуникаций, проходящих в непосредственной близости от здания (именно так было написано в ответе, полученном из архитектурно-строительного комитета), а в 2007 г. – причиной отказа стала слишком маленькая площадь земельного участка. К этому времени вся земля вокруг была приватизирована, к муниципальной собственности относился участок всего в 326,9 кв.м., которых для нового строительства было недостаточно.

Возвращаясь к 1993 году. Учитывая принудительно-приказной характер убеждений руководства, архивисты вынуждены были согласиться на это здание, в надежде на объективное заключение предстоящей технической экспертизы здания специалистами института «Пермжилкоммунпроект». Почему-то надеялись, что состо-

яние основных конструкций и, главное, наличие деревянных перекрытий станет причиной невозможности размещения архива в здании, которому больше ста лет.

Но не тут-то было. Зданию хоть и сто лет, но предки наши строили на века. Полученное заключение предлагало «при ремонте здания для использования его под архивохранилище» лишь выполнить ряд работ: укрепить фундамент; провести ремонт и частичную замену полов; ремонт лестницы, входного крыльца и дощатого тамбура с креплением к кирпичным стенам; восстановить отмостку с уклоном от здания; сделать ремонт покрытия с частичной заменой кровельного материала; провести ремонт асфальтового покрытия территории, и т. п.

Поскольку твердого запрета на использование помещения в качестве архивного учреждения в заключении не прозвучало, то было принято решение сделать необходимый ремонт. В условиях того времени это означало – насколько позволят средства. Например, изначально было понятно, что ни на укрепление фундамента, ни на замену перекрытий второго этажа с деревянных на бетонные, средств нет.

Отступить стало некуда – и архивисты с энтузиазмом взялись за работу. На первых порах непростым делом оказалось даже стать полными хозяевами здания. Архитектурно-планировочному бюро администрации выделила помещение по адресу ул. 25 Октября, 27, но они не торопились туда выезжать. Над ними, как говорится, не капало. Пришлось архивистам взять под свой контроль и эту проблему.

Из дневника по ведению ремонтных работ, который вела С. П. Королева, (а временами и я, когда замещала начальника отдела):

22.12.1993 – выходили на Горького 14-б по просьбе Лианы Александровны. Осмотрели помещение. Переговорили с Пермяковым С. В. по технике – она нам не нужна...

12.01.94 – переговорила с Вороновым И. В. о том, что ничего не сделано по помещению на 25 Октября. В четверг позвонить.

14.01.94 – переговорила с Пермяковым С. В. Он подписал акт о приемке помещения на 25 Октября.

17.01.94 – вышла на Горького, 14. Переговорила с инженером Вл. Ан. Шалыгиным. Завтра вскроют полы и чердачные перекрытия. В среду – комиссия.

18.01.94 – переговорила с Пермяковым по освобождению помещения.

19.01.94 – была на Горького с комиссией по техобследованию.

24.01.94 – перевезли в комнату на 1-м этаже типографские бланки.

25.01.94 – перевезли коробки (520 шт.). Встретились комиссионно с отделом аренды. До 02.02. будет освобожден 1 этаж.

29.01.94. – переговорила с Пермяковым и Игошиным, обещали через неделю убрать технику.

31.01.94 – перевезли мебель (два стола и стулья). Встретились с Козловым Анатолием Николаевичем, инспектором Госпожнадзора. Обошли здание, переговорили.

02.02.94 – субботник. Убрали мусор на первом этаже.

03 -04.02.94 – начала готовить план реконструкции здания.

07.02.94 – отдала план реконструкции Батову и Шалыгину. Переговорила с Игошиным Г. М. До среды решат вопрос о технике. Отдала напечатать письма об аренде и сносе сарая.

09.02.94 – вышли на Горького со строителями. Определились по ремонту.

22.02.94 – совещание у Л. А. Мейтарджевой – Батов, Шалыгин, Пермьяков, Смородина. Пермьяков сказал, что через неделю полностью освободят помещение, технику уже списали, уберут сами. Л. А. дала ему две недели, но чтобы к этому разговору больше не возвращаться.

10.03.94 – первая встреча со строителями и мастером на объекте. Готовы приступить к работе, но еще не полностью освобождено здание. Состоялась комиссия по сносу сарая. Осмотрели стену, вывод: конечно же, сарай надо сносить.

14.03.94 – с утра приемка здания: здание освобождено, отдали ключи.

17.03.94 – в «Комфорт-сервисе» получили договор на аренду здания.

21.03.94 – с утра была на Горького, смотрела, что сделано за неделю. Стены 2-го этажа (в хранилище) сломаны, выстроен кабинет заведующей.

24.03.94 – с утра была на Горького, 14 – уже побелили рабочую комнату и кабинет.

29.03.94 – подготовила и отправила в ГТС письмо насчет установки телефона.

30.03.94 – переговорила с Л. А. о финансировании; с Батовым Г. В. – о мебели.

05.04.94 – Финансировали. Куратор Богородский А. Г. (по просьбе архивистов для контроля ремонтных работ был назначен специалист отхозуправления). Строители представили договор на работы и счет. Срок – 10 дней, чтобы был готов этаж.

На этом дневник заканчивается. Период завершения ремонта, подготовки к переезду к апрелю входил в свою завершающуюся стадию. Полностью второй этаж был готов к концу мая, и в течение трех дней (30, 31 мая и 1 июня) архивисты осуществили переезд.

На первом этаже ремонтные работы продолжались в июне и июле. Из нескольких маленьких комнат получились два хранилища и одно подсобное помещение для хранения бланков, коробок. Полностью,

с заменой лагов, был отремонтирован деревянный пол. Кстати, выяснилось, что в доме нет подвала, что также для нас стало огорчением, поскольку его наличие могло существенно увеличить площадь здания. Где, как не в подвале, можно было бы разместить подсобные и бытовые помещения. На мысли о возможном его наличии натолкнуло слишком низко расположенное окно с внутренней стороны здания. То ли окно, то ли дверца... Строители тщательно изучили земляной пол в этом месте и заверили, что нет ни одного признака наличия заложенного входа в подвал.

Также в летний период была отремонтирована крыша здания (металлическую кровлю заменили шиферной), взамен деревянного тамбура построили кирпичный. В противопожарных целях сделали запасный выход на втором этаже. Должны были заказать металлическую лестницу с перилами к этой двери, но не хватило денег. В последующие годы от устройства лестницы отказались вообще. Так до сих пор в здании со стороны двора имеется дверь, ведущая никуда.

Запомнилась и эпопея с установкой стеллажного оборудования. На стационарные металлические стеллажи заводского производства денег в бюджете города не было. Это ж был 1993 год, период почти повального безденежья, как в стране, так и в Перми. На выделенные средства сумели установить лишь два стеллажа в хранилище второго этажа. Помощь пришла с неожиданной стороны: на складе ТОО «Никс», от которого архив принимал документы ликвидированного Дзержинского райпищеторга, остались металлические контейнеры (новенькие, в упаковках) с почти копеечной остаточной стоимостью. Вот из этих-то контейнеров в ноябре 1994 г. и были собраны стеллажи для хранилища первого этажа, кстати, прослужившие много лет.

На площади в 224 кв.м. были оборудованы два архивохранилища и три служебных кабинета: кабинет начальника, кабинет сотрудников, приемная для граждан, а также бытовая комната.

Предполагалось, что в архив поступят документы от ликвидированных организаций и предприятий нескольких отраслей городского хозяйства, прежде всего, торговли, общественного питания, бытового обслуживания. По предварительным расчетам, выделенных площадей должно было хватить на 7-10 лет. Но перестройка набирала обороты. В процесс экономических преобразований включались все новые отрасли хозяйства, предприятия и организации. Через два года активного комплектования хранилище оказалось заполненным на 100 процентов, и много лет городской архив работал в условиях острого дефицита площадей для приема новых поступлений. Использовали каждый квадратный метр имеющейся площади, установив сначала деревянные, а затем металлические стеллажи во все уголки и закоулки.

И какие бы ни приходилось решать задачи, работал коллектив архива дружно и интересно. В 1996 году, когда в архиве появился первый компьютер, пришлось для работы на нем освободить крошечный, но все-таки отдельный кабинет, перенеся прием граждан в коридор, рядом с входной дверью на второй этаж. Дожидаться приема граждане были вынуждены и вовсе на лестничной площадке. Но зато, когда в 1999 году компьютеров стало уже пять, начался новый период в работе архива – внедрения автоматических информационных технологий.

В 2004 году, в связи с изменением архивного законодательства, архивный отдел администрации города был преобразован в муниципальный архив со значительным расширением штата сотрудников, рабочие места большинства из которых размещались именно в здании на ул. Горького. В хранилище к тому времени находились более 40 тысяч архивных дел. Новое учреждение стало заниматься вопросами сохранности и использования не только документов по личному составу ликвидированных организаций, но в первую очередь документов, имеющих историческое, научное, краеведческое значение для города Перми и его жителей.

В список источников комплектования архива вошли более 40 организаций, учреждений и предприятий города. Возглавили список Пермская городская Дума, администрация города и ее территориальные и функциональные подразделения – администрации всех семи районов города, департаменты, комитеты, управления.

К 2005 году перекрытия второго этажа уже не выдерживали нагрузки. Пришлось в срочном порядке убрать стеллажи с документами со второго этажа, а помещение переоборудовать под рабочий кабинет для сотрудников.

Но прошли еще долгие четыре года, когда, наконец, в марте 2009 г. состоялся переезд городского архива из здания на ул. Горького в помещение по адресу: проезд Якуба Коласа, 5, которое, к сожалению, не решило главную проблему архива – резерв площадей для новых поступлений так и не появился.

Вспоминая предшествующие годы, архивисты с благодарностью отзываются о старинном особнячке на ул. Горького, 14-б, своем архивном доме в течение шестнадцати лет. С каждым годом в центре Перми остается все меньше старинных зданий, вид которых дает наглядное представление о прошлом города. Пусть же повезет зданию на бывшей Соликамской улице, и появится у него настоящий хозяин, который сохранит его на следующие лет сто.

СТРАШНЫЙ СЛЕД «ХРОМОЙ ЛОШАДИ» (ул. Куйбышева, 9)

Сколько жить буду, не забуду того, что в качестве спецкора газеты «Звезда» через считанные часы после трагедии увидел я на месте развеселого ночного клуба «Хромая лошадь». Месиво обломков, застывшие потёки пластика, ребра потолочной арматуры, свисающие с них кишки кабелей, закоптелые стены. Словно внутренности огромного трупа (1). Довелось мне присутствовать и при начальных этапах дознания, читать следственные и судебные материалы, беседовать со спасателями, сотрудниками правоохранительных органов, родными и близкими погибших. Все это позволяет составить представление о происшедшем в ночь на 5 декабря 2009 г. в помещении на улице Куйбышева, 9.

Возвращаясь к истокам, процитирую официальный документ: «Девятиэтажный жилой дом на 158 квартир был построен силами подразделений военно-строительного комплекса Минобороны СССР для обеспечения жильем военнослужащих Пермского высшего командно-инженерного училища РВСН. Проектно-сметная документация (по типовому проекту 3314-00-1) данного жилого дома разработана в/частью 77103 (г. Свердловск) и утверждена Госэкспертизой, Министром обороны СССР в 1973 г. Согласно объемно планировочному решению проектно-сметной документации, в цокольном этаже размещены встроенно-пристроенные помещения почты с телеграфом и сберкассой, магазина радиотоваров и кафе на 50 посадочных мест. Входы для обслуживающего персонала и посетителей запроектированы отдельно от входов в жилые квартиры. Витрины в пристраиваемых помещениях металлические, двойные, с остеклением. Строительство произведено на основании решения Исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 28.11.1971 г. № 605 об отводе земельного участка площадью до 1,0 га за счет незастроенных городских земель Пермскому ВКИУ для строительства жилого дома и разрешения Госстроя РСФСР от 07.08.1970 г. № 256 в период с 02 апреля 1974 г. по 31 декабря 1976 г. Дом введен в эксплуатацию 31 декабря 1976 г. Строительно-монтажные работы выполнены в соответствии с проектом, строительными нормами и правилами, и отвечают требованиям приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов, дом принят в эксплуатацию с общей оценкой «удовлетворительно».

В 1980-е гг. цоколь пополнился магазином «Товары для молодежи», позже переименованным в «Антей». Он помнится мне большим и светлым, расположенным на двух ярусах. Вот только полки, сначала полные, скудели и скудели, а цены росли и росли.

Все изменилось с наступлением эпохи «бюрократического капитализма». Формально здание находилось в ведении «Росимущества», затем – Министерства обороны РФ. Между тем, государство перестало выделять деньги на его содержание. Мэр А. Каменев встретился с облвоенкомом Александром Генераловым. Решался вопрос о передаче здания и еще 639 объектов в муниципальную собственность (2). Город согласился принять их при условии, что вместе с убыточным жилым фондом ему будет передан потенциально прибыльный нежилой (3).

Когда большинство жильцов приватизировало квартиры, в федеральной собственности остались остальцы, в основном, домовая инфраструктура, цоколь и часть подвала общей площадью 1544,6 кв. м, которые, минуя тендер (и вероятно не без «откатов»), пермской гарнизонной квартирно-эксплуатационной частью (КЭЧ) сдавались в аренду. Я хорошо знал ее начальника – подполковника А. Целищева, но он погиб в ту трагическую ночь, а мертвые, как известно, «сраму не имут». 1 июня 2001 г. в качестве субарендатора здесь весьма сомнительно с точки зрения законности появляется предприниматель А. Титлянов (за спиной которого стояли А. Зак и К. Мрыхин, в «авторитетных» кругах известный под кличкой «Костыль») (4). Последний договор – уже аренды – был заключен с ним в 2004 г. на двухгодичный срок. Даже явно заниженные платежи вносились несвоевременно. От подписания нового соглашения – по рыночной ставке – владельцы клуба отказались наотрез. Состоялся суд, а «патовая» ситуация сохранилась. Получается, «Хромая лошадь» «везла» прибыли на птичьих правах да за счет коррупции.

То же самое – относительно самовольной перепланировки.

Не буду перечислять длиннейшие перечни допущенных при этом нарушений технических норм и правил пожарной безопасности, зафиксированных сотрудниками 9-й ОГПН (5). Беда в том, что огнеборцы либо закрывали глаза на неисполнение предписаний, либо назначали символические штрафы. Так, на бумаге получалось: «В обеденном зале сохранены витражи с открывающимися створками для эвакуационного выхода, для отделки стен и потолков использованы негорючие материалы». Посадочных мест числилось всё так же 50. На деле – площадь раздвинули (при этом внаглую захватив порядочный кусок придомовой территории); количество мест умножили до 315; окна зашили деревянными, покрытыми морилкой щитами; под самым потолком соорудили нечто вроде узких глубоких бойниц. Выходов осталось всего два: парадный – на улицу и из пищеблока – во двор. Оба извилистые, загроможденные. Акт экспертизы пестрит выражениями вроде «группа горючести Г4 – сильногорючие» (деревянные каркасы, прутья, кожа, а главное – пенополистирол и другой пластик); «группа дымообразующей способности ДЗ – высокая»; «возможность образования горячего расплава – да»...

Пускалась в ход и заведомая «липа». Федеральная служба судебных приставов распространила сообщение, опровергающее утверждения о том, что «Хромую лошадь» незадолго до пожара дважды проверяли и выдавали предписания об устранении выявленных нарушений. «С января 2008 г. в отношении данного юридического лица постановление о наложении административного штрафа и другие исполнительные документы для принудительного исполнения не поступали», – говорится в релизе пресс-службы УФССП России по Пермскому краю.

Полная путаница с техническими документами. Например, в БТИ под инвентарным номером, присвоенным клубу, числятся встроено-пристроенные помещения жилого дома в Лысьве. Обнаружен второй поддельный техпаспорт, по которому клуб «прописан» в недостроенном жилом доме 29а по улице Пригородная в Перми.

«Хромая лошадь» позиционировалась как ночной клуб. «Музыка, песни, пьяные крики звучали в нем до утра, беспокоя жильцов, – свидетельствует одна из них, Л. Каргопольцева. – Попыталась было я урезонить Титлянова, а он на меня только высокомерно посмотрел и заявил: «Да знаете ли вы, кто наши клиенты?!»

Жаловаться, мол, бесполезно, «всё схвачено». Вопреки исключаящему двусмысленное толкование правовому акту, гласящему: «Размещение предприятий общественного питания и досуга с музыкальным сопровождением и режимом функционирования после 23 часов во встроено-пристроенных в жилые дома помещениях не допускается!»

Недовольство вызывалось и выбросом «лошадиных» отходов во дворовой контейнер, ведь это привлекало многочисленных «бомжей».

Жильцов – кого запугивали, кого задабривали, кого просто игнорировали.

Что же представляли собой «седоки» «Хромой лошади»? Одно из самых дорогих и модных заведений города посещала в основном местная деловая элита, политики, люди шоу-бизнеса, дамы полусвета. Плюс высокопоставленные чиновники города и региона, руководители местных правоохранительных структур. Реклама зазывала: «Ночной клуб «Хромая лошадь» – это сочетание уютной и в то же время буржуазной атмосферы, хорошей музыки, приветливого персонала и, конечно же, великолепной кухни»; «В «Хромой лошади» кормят вкусно и с размахом. Обновленное меню дает простор воображению и возможность совершать кулинарные путешествия, не выходя из зала клуба-ресторана. Итальянскую еду подают на «средиземноморской террасе», зулусская деревня тоже никуда не делась, как и армянская кухня, у которой в нашем городе много почитателей. В восточном зале заказывайте десерты (в новом меню их очень много) и кальян; на японской веранде – долгожданный суши-бар»; «Вас ожидают незабываемые вечеринки – яркая, живая дискотека и энергетика драйва под современную танцевальную музыку, шоу».

Незадолго до происшедшего на рекламном сайте «Хромой лошади» появилась запись о программе на 11-12 декабря: «Кризис закончился!!! Провожаем его в последний пеший эротический путь на историческую Родину!.. Каждый может забить гвоздь в крышку». Забили! На всё и вся. Классика того, что Президент охарактеризовал «ни мозгов, ни совести»! Характеристику можно смело распространить на значительную часть ресторанно-увеселительных объектов Перми, да и страны в целом.

«Хромота» видна невооруженным взглядом: недостаточное количество дверей (к тому же малодоступных и узких), запредельная экономия на отделке и пожарно-спасательном оборудовании. «Лошадь» была не просто хромой, заезженной клячей. Зачем де на такую тратиться? Подобно жуликоватым барышникам, владельцы маскировали изъяны за счет пышного антуража. Итог известен: 156 смертей, десятки искалеченных, невосполнимые утраты родных и близких. Взять хотя бы Н. Безе (Велеву), с которой я учился в ПГУ. Она потеряла старшую дочь, младшую длительно и затратно лечит. По электронной почте получаю от нее письма. Среди них такое: «Больно и мерзко становится на душе, когда понимаешь всю несправедливость и попытку виновных уйти от ответственности! Меня душит боль и бессилие в такие минуты, когда власть ищет оправдание этим ублюдкам, когда адвокаты Зака заявляют, что его «вина ничтожна». Мне терять нечего, я уже все потеряла, я не смирюсь, очевидно, власти и закон толкают нас к тому, чтобы взять в руки оружие и мстить. Я уже готова к этому».

Закономерен вопрос о дальнейшей судьбе помещения. Я задал его тогдашнему владыке Иринарху и начальнику ГУ МЧС по Пермскому краю генерал-майору О. Попову. Первый из них не посчитал возможным использования места трагедии церковью. Второй же высказался вполне определенно: «А почему бы не создать музей памяти жертв катастроф и несчастных случаев? Музей-предостережение. Причем на внеконфессиональной основе» (6). Да! Он же – музей разоблачение и обвинение всех нынешних «скоробогачей», ради прибылей готовых шагать по трупам!

1. Звезда. – 2009. – 8 дек.

2. Во исполнение президентского указа от 1 января 2005 г.

3. К тому времени narosли миллионные долги за коммунальные услуги.

4. А. Титлянов умер в московской больнице 9 декабря 2009 г.

5. Я имел возможность ознакомиться с ними в ГУ МЧС по Пермскому краю.

6. Звезда. – 2010. – 19 февр.

ПЕРМСКИЙ «ДОМ ХУДОЖНИКА»: ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

Дом художника – известный творческий центр Перми и всего Пермского края. Здание было построено по типовому проекту и сдано в эксплуатацию 31 декабря 1959 г. Стилистика «сталинского ампира» отразилась в пропорциях и размерах, в элементах лепного декора, в большой высоте и светлоте помещений. В 1970-е гг. к отдельно стоящему зданию добавили пристройку, так как из-за возведения нового жилого дома фундамент был поврежден, поперек здания образовалась огромная сквозная трещина...

Изначально здание предназначалось Пермскому отделению Союза художников СССР (ныне – России), которое было образовано в 1939 г. Художники принимали активное участие в строительстве дома и благоустройстве территории, регулярно выходили на коллективные «субботники». Долгое время здесь располагались мастерские художников, работало отделение Художественного фонда РСФСР, проводились собрания, худсоветы, юбилейные встречи. Здесь создавались произведения, составлявшие славу изобразительного искусства Перми.

Пермское отделение Союза художников – удивительно живой и действенный организм. Сначала в нем было всего шестнадцать членов и восемнадцать кандидатов. Первым председателем правления Союза стал Н. Н. Серебренников, директор художественной галереи, знаменитый собиратель пермской деревянной скульптуры. В том же 1939 г. была организована первая выставка. История Пермского Союза во все последующие годы была бурной, творческой, интересной. Сейчас в организации около 140 человек (председатель правления Равиль Барилевич Исмагилов). Среди них – народные и заслуженные художники старшего поколения, талантливые мастера «среднего» возраста, много молодых и многообещающих авторов.

Во время экономических кризисов и социальных потрясений, напряженных философских и культурологических поисков, постепенно, но неуклонно сложения свободного художественного рынка такой рост традиционного творческого союза поистине удивителен. Видимо, еще не порваны те прочные нити, которые связывают каждого художника с ПОСХ. И дело здесь не столько в экономической или социальной поддержке, которую все же продолжает оказывать своим членам Союз, а, скорее, в той творческой атмосфере, которая не дает иссякнуть творческим силам пермских художников. Появились новые «выходы» на публику в виде выставок-ярмарок, выставок-продаж, арт-салонов, однократных и периодически повторяющихся творческих

акций. Расширились и укрепились международные контакты Союза: пермское искусство «распространилось» не только на Запад, с которым уже раньше были налажены тесные творческие контакты, но и на Восток: в Монголию, Южную Корею, Японию.

Такое оживление художественной жизни далеко не случайно – на рубеже тысячелетий каждый художник, осознанно или неосознанно, имеет внутреннюю потребность высказывания о себе, о мире, о человеке и человечестве в целом. В условиях постмодернизма художник все чаще становится личностью, определяющей саму себя через отношение к миру и его катаклизмам. Многие мастера озабочены поисками «экологического равновесия» природы с культурой. Тема выживания человечества волнует представителей всех видов и жанров изобразительного искусства, в каких бы манерах и стилях они ни работали – от традиционного «лирического» реализма до «крутых» ультрасовременных абстракций, к которым особенно не равнодушны молодые художники.

Творческая, художественно-выставочная деятельность Дома художника разнообразна и многопланова. Сейчас, усилиями директора Асмат Багратовны Вазагашвили, Дом художника значительно обновился. Здесь открылся художественный салон, дизайнерский центр, изостудия и магазин художественных принадлежностей. Здесь оборудованы просторные и светлые выставочные залы. Вот уже десять лет Дом художника ведет непрерывную выставочную деятельность, в которой принимают участие не только 140 членов Союза, но и представители творческой молодежи, в основном, студенты и выпускники художественных вузов и отделений Перми – Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, мастерской Евгения Широкова в Пермском государственном институте искусств и культуры, отделения дизайна на гуманитарном факультете Пермского политехнического университета. Ежегодно Дом художника проводит около 10 новых выставок, каждая из которых представляет собой яркое и многогранное зрелище. Зрители могут увидеть здесь портреты современников, пейзажи Пермского края, великолепные натюрморты, цветную и черно-белую графику, керамическую скульптуру, разнообразные произведения декоративно-прикладного искусства.

Дом художника проводит тематические, групповые, персональные выставки. Развивает многолетние выставочные проекты, среди которых – ежегодный показ работ, выполненных на пленэре, «осенний вернисаж», выставка городского пейзажа. В этих проектах участвует обычно несколько десятков человек – это художники разного возраста и разных стилистических направлений. В последнее время практикуются выездные обменные выставки. Такова, например, выездная выставка пермских художников, подготовленная для показа в городах Приволжского округа.

Лидирующее ныне поколение – это поколение 1970-х гг., чье творчество отмечено и кризисными, и новаторскими чертами. В станковой живописи пермских «семидесятников» соседствуют абстракционизм Ю. Лапшина и экспрессионизм А. Можарского, метафорический реализм М. Павлюкевича и концептуальное искусство Вячеслава Смирнова. Модификации современного реализма носят сугубо индивидуальный характер – и в живописи, и в других видах изобразительного искусства. Индивидуально и выразительно творчество Валентина Жданова, Равиля Исмагилова, Альберта Турбина, Ирины Лавровой, Леонида Лемехова, Аркадия Амирханова, Анатолия Можарского, Юрия Новинькова, Александра Новодворского, Игоря Одинцова, Виктора Остапенко, Валерия Подкуйко, Михаила Курбатова и многих других мастеров Пермского края.

Одна из главных тем художников всех возрастов – жизнь Пермского края. Это пейзажи Прикамья, его история и мифы, его геологические богатства, чудесные реки и, конечно же, люди, населяющие этот суровый край, составляющие главное его достоинство и богатство. Важную роль играет городской и архитектурный пейзаж. Ежегодные выставки убеждают, что именно в городском пейзаже выстраивается богатейший ряд художественных решений. Это панорамы новостроек, камерные изображения уютных дворишек и разрушающихся деревянных домов. Безусловно, в городских пейзажах доминируют архитектурные формы, но они воплощены совершенно по-разному – в лирической, драматической, романтической интонации. На этих выставках поражает разнообразие колорита, пластики, фактурных решений.

Есть и новые тенденции в создании образа города – все чаще появляются в пейзаже человеческие фигуры, создаются «смешанные» жанры, где человек показан в своем естественном окружении, интерьере или пейзажном. На новой выставке явно акцентируется «среда» – среда обитания, творчества, духовного озарения. Новые городские пейзажи Перми, в какой бы технике они ни сотворены, – новая страница истории. Но город Пермь – это для каждого из нас не только понятие, потому что каждый мастер выражает в образе Перми свое переживание и осмысление бытия, свои сокровенные чувства...

Раздел графики на любых выставках заметен и представлен – ведь графика и сегодня является одним из ведущих видов изобразительного искусства, в котором можно работать с большой свободой, эмоциональностью, остротой. Значительную часть экспозиции и сегодня составляет «мокрая» акварель (сделанная по размоченному листу), включающая работы и старшего, и младшего поколения. Пермская акварельная школа известна далеко за пределами края. Акварель, как ни одна другая техника изобразительного искусства, легка

и подвижна, красива и поэтична. Но пермская «картинная» акварель еще и необыкновенно масштабна. Ныне она прославилась далеко за пределами Пермского края – зрителей ошеломляет разнообразие мотивов и форм, нежность колорита, прозрачное сияние красок... Круг пермских акварелистов довольно широк. Сегодня на выставках участвуют В. Кузин, К. Собакин, В. Анিকেев, В. Коротаев, Л. Лемехов, Ю. Новиньков, М. Павлюкевич, Влад. Смирнов, Г. Хоменко. Но здесь радуется не только акварель, но и оригинальная станковая графика, в основном, карандашные или угольные и рисунки, обладающие мягкой, мерцающей фактурой и плотным, бархатистым штрихом. Появляется уподобленная оригинальной печатная графика (В. Дегтев).

Скульптура развивается в Перми очень активно. Масштабные проекты разрабатывают Ольга и Николай Хромовы, Рудольф Веденеев, Алексей Залазаев, Рустам Исмагилов, Иван Сторожев, Елена Симанова, Алексей Матвеев, В. Ракишева, ряд других мастеров. Интересны скульптурно-пространственные композиции, посвященные катастрофам и кризисам XX века. Таково, например, монументальная композиция «Голгофа» Н. Хромова, обладающая пластической мощью и высоким эмоциональным накалом. На всех вернисажах, безусловно, выделяются инсталляции из металлолома Рустама Исмагилова. Их отличают смелая фантазия, неожиданные решения, выразительная фактура. Причем «скульптура из металлолома», как ее называют в народе, поднимает иногда самые серьезные вопросы современного бытия. Даже само превращение «отработанного» материала в сложные пространственно организованные конструкции может восприниматься как символ творческой энергии человека.

Декоративно-прикладное искусство Перми сегодня развивается стремительно; в этой сфере получили известность многие мастера, работающие в разных материалах – в керамике и эмали, в стекле и металле. Особенно характерен для Прикамья, конечно же, камень. На выставке представлено творчество прославленных камнерезов из Кунгура и Красного Ясыла: А. В. Овчинникова, А. М. Овчинникова, Степана Кривошекова, Татьяны Нелюбиной и других. Но и в других материалах создано много блестящих произведений. Необычайно выразительны керамические произведения Н. Корчемкиной, И. Роговой, Н. Кацпаржак, текстильные панно М. Павлюкевича и О. Субботиной, монументальные гобелены Елены Кудрявцевой, эмали Л. Кравченко и Е. Игнатъевой. Причем в каждой декоративной композиции проявляется индивидуальное восприятие мира, своя манера исполнения.

Так, керамические композиции Н. Корчемкиной и И. Роговой созданы в «фантазийной», острохарактерной манере, с большей или меньшей долей фантазии и гротеска, и все же в узнаваемых, реалистичес-

ких формах. Художникам удается создать оригинальные метафорические образы из архаических времен природного мира, воплотить образы детства, театра, фольклорных миров Востока и Запада.

Активно развивается театральное-декорационное искусство Перми. Б. Стенинг, Г. Аверкин, В. Аверкина, Ю. Лапшин, А. Казначеев, Ю. Жарков, С. Баричев, Е. Соловьева – художники разного возраста, разного темперамента, разных индивидуальных манер. Но всех объединяет огромная любовь к театру, тонкое понимание сценографии, смелое творческое мышление.

Одно из важнейших достоинств выставочной деятельности Дома художника – привлечение на выставки художников, живущих за пределами Перми, в других городах и поселках. Так, в экспозициях часто появляются работы В. Анিকেева (Березники), А. Гнетова (Чусовой), К. Собакина (Суксун), А. Мосянина (Соликамск), Л. Фомина (Добрянка), В. Щеглова (Чернушка), В. Якимова (Губаха) и многих других.

Выставки Дома художника не перестают удивлять обилием молодых и ярких талантов. Среди нового поколения авторов – М. Каеткин, Т. Нечухина, М. Нурулин, А. Мургин, Е. Загарских, С. Беляев, Д. Козлов, Л. Малышева, Ю. Лушникова, В. Нестерова, И. Турбин, К. Николаев, С. Подрез, Е. Постнова, В. Соловьева, Е. Черткова, М. Юсупова, Л. Поежаева, М. Васева, Е. Субботин, Е. Игнатъева, С. Рыбина, Э. Нерлова, Рустам Исмагилов и многие-многие другие. Это художники уже другого поколения, которым более свойственна «космичность» мышления. Эстетика глобализма сказывается в тяготении молодых мастеров к вневременным сюжетам и ценностям. Они воплощают в своем творчестве вечные темы родины, любви, творчества, материнства. Произведения молодых отличаются артистичностью и продуманностью приемов, что само по себе говорит о большой профессиональной культуре и своеобразном развитии авторов.

В центре пермского изобразительного искусства всегда стоит человек, связанный с миром через сложное, гибкое, бесконечно изменяющееся пространство – пространство света и тени, становления или исчезновения пластических форм. В этом пространстве трудно найти свою точку опоры. Но художник дает современнику такую надежду, утверждая непрерывность и неразрывность духовного бытия...

Экспозиции Дома художника демонстрирует разнообразие авторских манер и естественную связь поколений, богатство пластических решений и высокий уровень профессионального мастерства. Выставки Дома художника убедительно доказывают, что пермские мастера стремятся к большому художественному обобщению, к яркому образу, к пластичной, выразительной форме. А сам Дом художника стал родным домом для всех членов Союза художников, для всех его многочисленных посетителей.

МУЛЬТЦЕХ НА ТЕХНИЧЕСКОЙ – МАСТЕРСКАЯ ПЕРМСКОГО АНИМАЦИОННОГО КИНО

Более 30 лет в Перми существовало производство анимационного кино. С 1965 по 1997 г. ТПО «Пермьтелефильм» (студией Пермского областного телевидения) было выпущено 40 мультфильмов. Все они получили известность не только в СССР – показывались в странах Европы, Африки и Латинской Америки. До сих пор пермские мультфильмы не утратили своего очарования, сегодня их можно увидеть на каналах «Россия К», «2x2» и «Теленяня».

В истории пермской мультипликации можно выделить три периода. Первый – этап рисованной анимации – период становления. Он был связан с именем художницы Светланы Петровны Можяевой и продлился с 1965 по 1972 г. Второй – этап кукольной мультипликации – период расцвета пермского мультпроизводства. Все крупные награды получили именно кукольные мультфильмы, бессменным режиссером которых был Леонид Маркович Кощеников. Третий и последний период продолжался с 1993 по 1997 г. Это был этап пластилиновой анимации, за нее взялась художница Ирина Тимофеева.

Колыбелью всех пермских анимационных персонажей был мультипликационный цех: здесь, благодаря талантливым художникам, они находили свой облик, оживали на киноплёнке под взглядом камеры С. Ольшевского и попадали в забавные ситуации, продиктованные режиссером.

Казалось бы, мультцех – одно из рабочих помещений телестудии и его функциональное назначение ничем от остальных отличаться не может. Однако на практике вышло иначе. Мультцех превратился в микромир, объединивший и активизировавший пермскую творческую среду.

Помещение мультцеха трижды меняло свое расположение. Изначально анимационное производство находилось в деревянном здании напротив студии телевидения. В 1969 г. оно переехало на первый этаж жилого пятиэтажного дома по соседству с телерадиокомитетом (ул. Техническая, 5). Здесь в одной из комнат двухкомнатной квартиры находился кабинет руководителя кинопроизводства Пермской телестудии Г. А. Мещерякова, а в другой выделили место «под мультики». И лишь с середины 1970-х мультипликационное производство территориально находится по адресу телестудии – на ул. Технической, 7.

Здесь, на втором этаже кинокомплекса, небольшая комната превратилась из формального рабочего помещения в центр культурной и творчески насыщенной жизни. «Вот тогда действительно хотелось на работу идти. Как говорят, это счастье большое, когда утра ждешь, чтобы скорее на работу отправиться»¹, – смеясь, рассказывает художник-постановщик Людмила Ольшевская. Плакат над входом с шуточной надписью: «При покадровой съемке – кадры решают все», большое зеркало на стене, рисунки и пенопластовые декорации, куклы и обрезки ткани, большой вращающийся круглый стол – все это создавало неповторимую атмосферу мультцеха, где талантливые мастера работали с полной отдачей и огромной любовью к своему делу.

Почти все, что находилось в мультцехе, было создано руками сотрудников. Руководство телестудии никогда не торопилось помогать аниматорам, все проблемы им приходилось решать самостоятельно.

В пору становления пермской мультипликации художницы часами сидели в мультцехе, пытаясь подобрать краски, которые бы держались на целлулоиде. «Гуашью нельзя было раскрашивать – она отскакивала, темпера тоже не всякая шла, допустим, залили одной краской – на другой день приходишь, она вся потрескалась, приходится снимать и заново все делать»², – вспоминает Л. Ольшевская. Эту проблему помогли решить мастера с лакокрасочного завода. Впоследствии еще не раз за время существования анимационного производства помощь в мультцех придет из-за пределов кинокомплекса.

Позднее, когда на смену рисованным мультфильмам придут кукольные, наступит «золотой период» пермской мультипликации. Но вместе с множеством наград возникнут новые сложности.

В мультцехе не было людей со специальным образованием, и хотя любовь к анимации и увлеченность профессией полностью это компенсировали, из-за отсутствия необходимых знаний приходилось постоянно «изобретать велосипед».

Например, когда в середине 1970-х стали самостоятельно делать кукол для мультфильмов, все постигали экспериментальным путем: подбирали «скелет», специальную мастику для тела. Как смастерить латунную основу, придумал С. Ольшевский. «Каркасы сами делали. Тем более что по образованию техническому я – слесарь-лекальщик, учился в ПТУ, – вспоминает он. – Кукла повторяла полностью скелет человека, животное – значит животного»³. А при съемке, чтобы куклы выглядели максимально реалистичными в кадре, в мультцехе повесили большое зеркало: прежде чем совершить движение куклы, оператор С. Ольшевский проверял его на себе в отражении.

Мультстанок тоже осваивали самостоятельно. Когда его в 1970 г. поставили на первом этаже телестудии на ул. Технической, 7, у С. Ольшевского почти половина кадров выходила с браком. Они вместе со Светланой Можяевой долго пытались понять, почему это происходило – вроде бы снимали все, как требовалось, а результат нельзя было предугадать. Лишь через несколько недель догадались, что причиной всему – автобусный маршрут № 16. Каждый раз, когда мимо телецентра проезжал автобус, мультстанок вибрировал и кадры получались смазанными. Вскоре движение автобуса перенесли на улицу Тургенева, и брак прекратился.

Однажды в мультцех к С. Можяевой привели группу юных кинолюбителей, принявшихся было за изготовление авангардного силуэтного мультфильма. Одним из этих экспериментаторов был будущий писатель Анатолий Королев: «Мы пытались снять стоп-кадрами мультипликационный фильм, но сняли только несколько секунд, это оказалось очень тяжело. По сюжету монстрики пожирали рекламные объявления, превращая текст в смешные объедки. /.../ Мы сняли, может быть, полминуты, потом, измучившись, вышли на пермское телевидение. /.../ Хотели выпросить мультстанок для работы. Наша юная наглость не знала преград. /.../ Навероятно, но станок нам обещали, и Свету Можяеву в придачу для работы по вечерам. Но потребовали сценарий, и дело застопорилось...»⁴.

Одной из особенностей нашей анимации является ее внимание к произведениям пермских писателей. Заметим, что экранизации вообще занимают особое место в ряду других мультфильмов «Пермь-телефильма». В разные годы мультипликаторы обращались к сказкам Г. Х. Андерсена («Домовой и каша», 1993; «Домовой и книга», 1994); С. Я. Маршака («Верь-не-верь», 1987), В. Воронина («В старом сундуке», 1990; «Факел и балерина», 1990), а также к лучшим образцам пермской детской литературы.

Первую экранизацию сделала Светлана Можяева в 1966 г.: мультфильм «Как лежебока Неохоткин работягой стал» был сделан по мотивам одноименной сказки В. И. Воробьева. Следующая ее работа «Как кот Васька в третий класс перешел» – также экранизация сказки этого автора. Позже С. Можяева уже как художник-иллюстратор детской литературы работала с произведениями пермских писателей: оформляла книги «Капризка – вождь ничевоков» В. Воробьева, «Жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника» и «Лёлишна из третьего подъезда» Л. Давыдычева и др.

В 1983 г. по повести В. Воробьева «Капризка – вождь ничевоков» режиссером Л. Кощениковым был снят мультфильм «Капризка», который до сих пор не потерял своей актуальности и художественной ценности.

В 1970 г. состоялось первое обращение к творчеству другого пермского прозаика – Льва Ивановича Кузьмина. По его сценарию была сделана работа «Сказка про доброго слона», а в 1971 г. – «Май-мастеровой, необыкновенная машина и король вояка». По мотивам книги Л. Кузьмина «Шагал один чужак» в 1986 г. Л. Кощеников сделал мультфильм «В стране веселой детства».

А в 1979—1980 годах по известной книге Льва Ивановича Давыдычева «Лёлишна из третьего подъезда» были сняты фильмы «Приключения Чипа» (1979) и «Петькины трюки» (1980).

Нередко для работы над фильмами приглашали пермских поэтов, писателей и журналистов. Тексты песен к «Капризке» (1983) написала Анна Бердичевская, а к мультфильмам «Приключения Чипа» (1979) и «Петькины трюки» (1980) – Алексей Домнин. Сценарии же написала Ирина Христоробова. На «Пермьтелефильме» 18 картин было снято по ее сценариям, из них – четыре мультфильма: «Босоножка и ее друзья» (1975), «Потя и Потиха» (1982) и др.

Редактор Пермского книжного издательства Надежда Николаевна Гашева также сотрудничала со студией телевидения. Мультфильмы «Сказ о Пере-богатыре» (1989), «В стране веселой детства» (1986) были сняты по ее сценариям.

Вдобавок мультцех тесно сотрудничал с культурной элитой Ленинграда: оригинальные мелодии для пермских мультфильмов – «мюзиклов» – писали ленинградские композиторы И. Цветков, В. Дмитриев, С. Пожлаков, И. Рогалев и др. А почти все персонажи были озвучены прекрасными ленинградскими актерами – В. Киселевой, Г. Богдановой-Чесноковой и др.

Любопытно, что Г. Богданова-Чеснокова мультфильмы не озвучивала вообще, но согласилась дважды поработать для Пермского телевидения. Из письма автору настоящей статьи от киноведа С. Капкина: «Видимо, ей очень нравилось. Кстати, её внук утверждает, что во втором фильме даже куклу сделали, слегка похожую на актрису. Богданова-Чеснокова очень полюбила её и просила прислать ей в подарок. Почему-то не случилось. Да и прожила она потом недолго».

Мультцех, изначально задуманный как рабочее помещение для аниматоров, стал сначала местом реализации их творческого потенциала, а затем и одной из площадок живой культурной среды нашего города.

В 1997 г. телекинопроизводство в Перми было ликвидировано. Приказом № 44 Пермской Государственной Телекомпании «Т7» от 11 марта 1997 г. было объявлено «о высвобождении работников из ПГТКРК «Т7» в связи с прекращением деятельности подразделе-

ния ТПО «Пермьтелефильм». Тогда же, в июне, был разобран и распродан новый, купленный в 1995 г., мультстанок, выброшены на свалку все съемочные реквизиты ручной работы. «Когда наш съемочный стол выкидывали, со мной там микроинфаркт случился», – вспоминает художница и режиссер Ирина Тимофеева. Все сотрудники кинокомплекса были уволены, и сегодня имена мастеров-мультипликаторов стали, к сожалению, почти неразличимы в пермской культурной памяти.

¹ Интервью с Л. Ольшевской и С. Ольшевским от 19.03.2010 записала Ю. Баяндина. Архив Лаборатории городской культуры и СМИ ПГУ.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Сидякина А.* Маргиналы. Уральский андеграунд: Живые лица погибшей литературы. – Челябинск, 2004. – С. 161-162.

«ДОМ СМЫШЛЯЕВА» В ГОД 65-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Для Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина не было сомнений в приоритетных направлениях публичной деятельности. Таким образом, возникла идея акции **«Так мы жили»**, которая была поддержана комитетом по культуре администрации г. Перми.

Акция предполагала сбор воспоминаний жителей Молотова 1941 – 1945 годов; семейных историй военного периода, записанных со слов родителей, дедушек и бабушек. Целью акции стало сохранение памяти о жизни нашего города в годы войны для современников и будущих поколений, создание уникального архива воспоминаний. Участники – жители Перми, для которых тыл стал их личным фронтом, и молодые пермяки, записавшие воспоминания членов своей семьи, а также друзей и соседей. Итог – издание книги воспоминаний.

В конце апреля сборник **«Так мы жили»** увидел свет. Благодаря десяткам собранных воспоминаний великая эпоха вновь приблизилась к нам вплотную, обрела реальное лицо, вернула из небытия город Молотов 1941 – 1945 годов. В книге представлены подлинные документы военного времени: фотографии, письма, рисунки. 65 авторов, самому младшему из которых – 7 лет, а самому старшему – 89. Судьба более 100 человек, о которых рассказывается в искренних, без художественной обработки очерках. Множество уникальных воспоминаний с деталями быта, труда, учёбы и отдыха жителей города, работающего в ритме великой войны, сделали близким и достоверным этот период нашей истории.

Премьера сборника стала настоящим праздником для всех участников акции. Большой читальный зал Пушкинки встретил цветами авторов и главных героев книги. На презентацию книги собрались ветераны труда и труженики тыла; молодые пермяки, их родственники и знакомые; представители администрации, городской думы, общественности города; историки, краеведы, писатели, библиотекари, журналисты. Порадовало, что в зале было много молодых и совсем юных лиц: внуки ветеранов, представители кадетского корпуса, всероссийской общественной организации «Молодая гвардия».

Истории, собранные в книге – это лишь крохотные эпизоды в масштабах грандиозной народной войны. Но семейные легенды будут бережно переданы из поколения в поколение. Без них летопись Великой Отечественной была бы неполной.

Праздник продолжила великолепная концертная программа с участием солистов театра оперы и балета им. П. И. Чайковского Ларисы Келль и Эдуарда Морозова.

После концерта гостей пригласили в малый зал библиотеки на выставку картин художника, писателя, журналиста и фронтовика Анатолия Тумбасова. Люди делились своими воспоминаниями, впечатлениями.

Кто-то пожелал пройти с экскурсией по Дому Смышляева. Библиотека и ее постаревшие читатели вспоминали военные годы. Запомнились полные залы – несмотря на суровое время, люди продолжали читать, учиться. В те годы за читательскими столами можно было увидеть Галину Уланову и Арама Хачатуряна, Вениамина Каверина и Игоря Ильинского... Здесь выступали бывшие в эвакуации писатели, музыканты, артисты. В книгохранилищах находились бесценные издания из библиотеки им. В. И. Ленина, архивы Гоголя, Лермонтова, Чехова.

Несомненно, акция «Так мы жили», посвященная 65-летию Великой Победы, имела мощный общественный резонанс и достойно представила организатора – Центральную городскую библиотеку им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева).

В майские дни Пушкинка пригласила жителей города на программу Елены Дедовой «Феномен эвакуации в культурной жизни города» – своеобразную культурологическую экскурсию в военные годы, когда читателями и гостями библиотеки были самые знаменитые люди страны.

Презентация книги Лидии Мишлановой **«Детство. Военное, обыкновенное»** вновь собрала в библиотеке полный зал. Это автобиографическое повествование известного пермского журналиста, писателя и краеведа от лица маленькой девочки, ставшей свидетелем и участником событий военного и послевоенного времени.

В августе состоялась премьера еще одной книги – **«Как мы жили и служили при Сталине и Хрущеве»** – о детях Прикамья, переживших военные и послевоенные годы. Книгу представил автор – наш земляк, ветеран тыла Федор Соловьев.

Среди событий «победного» историко-краеведческого марафона нельзя не упомянуть об интерактивной книжной выставке **«Маленькие подробности большой войны»**. Выставка раскрывает тему Великой Отечественной войны с неожиданного ракурса. Автор ее, Татьяна Шевченко, представила разнообразный военный фольклор: песни, анекдоты, соленые шутки, байки, пословицы, частушки. Все то неподцензурное творчество, что поднимало боевой дух, помогало выжить в нечеловеческих условиях, не давало

унывать. Недаром любимый народом литературный персонаж поэмы Александра Твардовского Василий Тёркин – не только смельчак, герой, но и весельчак-балагур. Фронтной фольклор озвучивали участники презентации – студенты авиационного техникума. Ребятам было предложено задание: один участник читал начало поговорки, другому нужно было отыскать соответствующее продолжение. Ребята сами вызвались зачитывать песни-переделки, и даже пытались пропеть частушки. Рассматривали карикатуры Кукрыниксов, обсуждали их, смеялись. Книжную выставку сопровождали иллюстрации О. Верейского к поэме «Василий Тёркин», плакаты и карикатуры легендарных Кукрыниксов.

Тема Великой Отечественной войны всегда будет значимой и волнующей для нас. Библиотекарям было важно сделать всенародный праздник личностным, запоминающимся, прежде всего для тех, у кого этот победный юбилей, возможно, станет последним. 70-летие Победы, возможно, будут отмечать уже только их дети и внуки. Мы подружились с авторами сборника, очень разными по возрасту, вместе выстрадали страницы нелегких воспоминаний. В то же время военная тема, обращенная к конкретному человеку, к его частной жизни, была глубоко прочувствована молодыми участниками наших программ. Так библиотека стала площадкой для встреч и общения нескольких поколений.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Е. Н. Полякова

ДОМ ВОДНИКОВ (ул. Коммунистическая, 14)

Этот дом на улице, которой недавно вернули ее старое имя – Петропавловская, расположен между улицами имени Горького и Островского. В период, о котором пойдет речь (1938—1950 гг.), она называлась Коммунистической; само время и жизнь тогда определяли это название, поэтому оно и вынесено в заголовок статьи.

Пятиэтажный новый дом в четыре подъезда и 40 квартир заселили в 1936 году как дом специалистов речного транспорта. Таких высоких домов с паровым отоплением в центре Перми было всего несколько, и они имели не просто адреса с номером, но каждый – свое просторечное название: «Семиэтажка», «Дом Горсовета», «Дом чекистов». Наш в просторечии называли «Домом водников», так как построен он был для работников Камского пароходства, бассейнового управления речных путей и порта «Пермь».

Моя семья приехала в Пермь в 1938 году, и папе – тогда инженеру-гидротехнику Верхнекамского технического участка пути – предоставили комнату в 24 кв. м в трехкомнатной квартире № 2 (отдельные квартиры в то время давали редко, обычно начальникам производства, имевшим большие семьи). Квартиры в доме были трех- и четырехкомнатными, в доме проживало около 120 семей, было много детей. Кроме водников, здесь жили и несколько семей, не связанных с речным транспортом. В нашей квартире было три семьи (12 человек, среди них 5 детей).

Дом выглядел величественно рядом с одно- и двухэтажными соседями. Со стороны улицы между подъездами были газоны, огороженные невысокими (60-70 см) зелеными заборчиками. На них обычно играли дети в «колдунчики» (салки), «цепи кованые» или круговую лапу.

И не один злополучный мяч влетал в окна первого этажа, за чем следовало родительское расследование и наказание виновного.

У дома был заасфальтированный тротуар, который в сторону ул. Островского переходил в узкий деревянный тротуар. Летом асфальт всегда был расчерчен классами, в которых прыгали девочки. Мостовая была булыжной и неширокой. За улицей Островского (между Коммунистической и Советской) находились казармы, и можно было видеть, как по нашей улице проходил отряд красноармейцев, за которым по булыжнику вышагивали гордые (хотя иногда и босоногие) мальчишки. Сейчас дом выглядит совсем иначе среди новеньких возведенных рядом строений, которые гораздо выше и ухоженнее него: за три четверти века вырос культурный слой и дом ушел в землю. Нет газонов: видимо, несколько расширили мостовую и сдвинули тротуар к дверям подъездов.

В доме был свой мир, несколько отличный от всего пермского мира. Его жизнь была тесно связана с Камой, которая тогда была живой и многофункциональной. По ней постоянно что-то двигалось: пароходы, самоходные баржи, буксиры, тянувшие (или толкавшие) баржи или бесконечные плоты, катера разного назначения, лодки. Бакенщики на лодках выезжали зажигать или гасить керосиновые лампы в бакенах. Не было плотин и гидростанций, не было автодорожных и пешеходных мостов через Каму, существовал только железнодорожный мост, но действовала переправа. Кама была красивой рекой, дававшей жизнь всему бассейну, но она и ее притоки мелели с середины лета, и у речников-путейцев было много забот, чтобы весь флот проходил по ней беспрепятственно.

И в жизни дома были разные периоды, связанные с жизнью реки. Мы слышали: «Кама пошла у Чистополя», «Кама пошла у Оханска»... Это значило, что на юге начинался ледоход, и скоро река «пойдет» у Перми, и горожане выйдут на высокий берег, смотреть, как взламывается и движется лед. Этот ритуал соблюдался на протяжении столетий. Так было всегда до постройки КамГЭС. Но мы детьми предпочитали по Сибирской улице спуститься к самому урезу воды (тогда не была еще построена набережная) и под обрывом Козьего загона (ныне сад Решетников), где в летнее время женщины полоскали белье, смотрели на ледоход. За спиной стена высокого обрыва, из нее труба, по которой вытекает, кажется, река Медведка, а перед тобой по реке удивительно красиво движутся льдины, налекая друг на друга и ломая друг друга.

В это время у дома начиналась особая жизнь: уход речников на линию (т.е. на транспорт), командировки, почти круглосуточная работа на берегу, связь по селектору и т. д. Конечно, к этой работе

готовились заранее, но неработающие жители дома ощущали наступление навигации именно после ледохода. И так продолжалось до ледостава. Новость о каком-либо ЧП на реке быстро облетала весь дом, и переживали ее во многих квартирах сразу.

Меня привезли в Пермь в шестилетнем возрасте, а переехали мы из него в другой дом водников (Комсомольский проспект, д. 14) вместе со многими другими семьями под Новый, 1951-й год, когда я училась на первом курсе университета. Поэтому мое восприятие дома на Коммунистической связано с детством и юностью.

Квартал дома выглядел иначе, чем сейчас. Во дворе напротив первого подъезда находился частный одноэтажный дом, к которому нам было строго-настрого запрещено подходить. Далее шли деревянные дома речников: один из них, двухэтажный, смотрел торцом на наш дом, затем располагалось деревянное здание детского сада, и уже по окончании дома шло длинное строение – сарай для хранения дров (кухонные печи топили дровами), а за ними внутри квартала был еще один деревянный дом. Далее шел пустырь, выходивший на ул. Островского. На нем во время войны сажали картошку, а позднее он стал местом, на котором днем старшие дети играли в волейбол, а вечером туда приходили взрослые, натягивали сетку, и игра шла уже всерьез.

Итак, двор был большой, и жили в нем люди, профессионально связанные. Дети ходили в один детский сад, а затем в одну двухэтажную школу № 26 на углу улиц Коммунистической и Горького, соединенную закрытым переходом с педучилищем на улице Горького. В 1941 году в школе разместили госпиталь (после войны ее надстроили третьим этажом и поселили хореографическое училище). В 1941 году учеников 26-ой школы переводили то в одно, то в другое место и остановились на здании на углу улиц Кирова и Газеты «Звезда». Такая совместная жизнь в детском саду, в школе, в Доме пионеров, куда уходили в кружки многие дети, в летнем детском лагере и общие заботы дома воспитывали коллективизм, коммуникабельность и толерантность, к которой так часто призывают сейчас. Водники в Перми были со всей Камы, люди разных национальностей, к тому же в войну в доме разместили много эвакуированных, но вопрос о национальностях просто не стоял (как и вопрос о конфессиях, сейчас, к сожалению, разделяющий многих).

Жили в коммунальных квартирах, в большой тесноте, но обычно мирно, нередко помогая друг другу: присматривали за соседними детьми, делали заодно со своими покупки для соседей на рынке или в магазине, занимали для соседей очередь. Ближайшими продовольственными магазинами были гастроном № 1 и магазин, рас-

положенный в соседнем с домом деревянном одноэтажном строении, где во время войны «отovarивали» продовольственные карточки, и приходилось выстаивать большие очереди, в чем очень помогали дети. Дети тогда вообще принимали большое участие в хозяйственной жизни семьи.

Ближайший рынок был на Разгуляе: два ряда столов под навесом от дождя. Там покупали молочные продукты, овощи, грибы и ягоды – все продукты пермские. Молоко зимой продавали мороженым, формой для замораживания были миски; сливочное масло было в марле в виде колобков. На большой рынок (на месте современного «Политеха») ходили редко, считалось, что далеко; барахолка – вещевой рынок (на месте современного центрального рынка) – казалась вообще вне города. Это и понятно: общественным транспортом был только трамвай из Мотовилихи до Перми II, он к этим рынкам не подходил, а пешком идти долго.

В подвижных играх дети участвовали все вместе, но были и свои «гендерные» игры. У девочек – игра «в клетку», т. е. в «кукольный дом». Я не понимала, почему этот дом называли клеткой, когда и клетки-то никакой не было. И только будучи уже лингвистом и изучая этимологию слов, поняла, что клетка – это маленькая клеть, т. е. холодная часть избы, где хранили вещи и иногда в непогоду играли дети; клетка – это маленький дом (крестьянское слово долго сохранялось в городской речи). Мы учились друг у друга вести кукольное хозяйство, шить куклам одежду, вязать крючком – готовились стать хозяйками. К нашему двору выходила стена двухэтажного дома (вход в него был с улицы Горького), в котором находилось какое-то швейное производство, а швеями были – говорили, что женщины-заключенные. Они любили со своего второго этажа смотреть на нас, разговаривать с нами (наверное, вспоминали своих детей) и иногда бросали в окна обрезки ткани для наших кукол. Обрезки были очень узенькими и многослойными, видимо, их кроили сразу каким-то механическим резаком.

У мальчиков игры были моторными (казаки-разбойники и др.), они носились по всему двору, по двухэтажным сараям, сметая все на своем пути, в том числе и наши «клетки». Думаю, помимо обычной мальчишеской активности, во всем этом отражались и некие независимость и вольница, характерные на протяжении столетий именно для водников – людей, постоянно работающих на большой реке.

Самые сильные воспоминания о доме оставила война. Мы были так далеко от фронта, что все затемнения (когда плотно завешивали окна, чтобы ни один лучик не проскочил), все репетиции вражеских налетов и т. д. казались какой-то игрой. Но были явления напрямую касавшиеся нас.

Призвали в армию многих жителей дома, и самым желанным гостем в нем стал почтальон – весьма пожилая женщина Александра Михайловна Лебедева. Она обходила все четыре подъезда (почтовых ящиков на лестничных площадках не было, письма приносили в каждую квартиру), с тяжелой сумкой поднималась везде до пятого этажа, донося и радостные, и трагические вести. С трепетом ждали письма не только с фронта, но и из прифронтовых районов. Оформляли пропуска для приезда в Пермь родственникам из мест, которые могли быть оккупированы. Мои родители оформляли пропуска для бабушки и дедушки из Саратова, потому что, если бы не Сталинградская победа, следующим был бы Саратов. Ожидание почты было постоянным, и весь дом за кого-то радовался, а кому-то сочувствовал.

Шла эвакуация, в Пермь прибывали эвакуированные, и переполненный город принимал их. Их поселяли и организованно, и неорганизованно. Помню, что жительница квартиры № 10, проходя мимо сельхозинститута, увидела сидящую на чемодане молодую женщину с двумя совсем маленькими сыновьями. Выяснилось, что их эвакуировали из Ленинграда с научным институтом, в котором работал муж. Институт поместили в сельхозинституте, а их никуда не смогли определить. Она привела их к себе, вся ее большая семья перешла в одну комнату, а во второй поселились приехавшие до конца блокады и возвращения в Ленинград.

Привезли на лечение детей из блокадного Ленинграда, их поместили в доме на углу Коммунистической и Газеты «Звезда» (сейчас на его месте стоит другой дом). И хотя нам запрещали ходить к ним, но мы бегали смотреть на этих детей. Выглядели они ужасно: скелет, обтянутый кожей. Для нас это было потрясение, хотелось что-то сделать для них, что-то отдать им. Но, во-первых, у нас нечего было отдавать, и, во-вторых, к ним не подпускали никакого, чтобы они не получили инфекции. И все-таки мы знали, что их спасают и спасут.

В навигацию речники работали круглосуточно, по Каме должны были проходить пароходы с людьми и вооружением на Волгу. Иногда появлялись страшные известия, которые передавали шепотом и не всем (могли посадить за паникерство), например, о гибели парохода «Александр Невский», сгоревшего под Сталинградом. Много лет спустя, в одном из рассказов Олега Селянкина я прочитала о том, что он видел тогда у Сталинграда этот догорающий пароход, плывущий уже без людей и без управления.

Память о сопровождающих войну голоде и холоде, наверное, не исчезнет никогда. В нашем доме в подвале была своя кочегарка, и она работала. К сожалению, топить могли лишь так, чтобы сохраня-

лись не замороженными трубы, и в квартирах было очень холодно, тем более что зимы военных лет были долгими и морозными. В каждой квартире в кухне была русская печь с подтопком, но чтобы протопить ее нужно было много дров, а это был большой дефицит. Готовили еду на примусах, и чтобы согреть комнаты, их приносили туда. Но это было что-то вроде психотерапии: глядишь на синий огонек примуса, и кажется, что становится теплее. За керосином приходилось выстаивать большие очереди у какого-то сарайчика на углу улиц Островского и Коммунистической.

Холодно было и на работе у мамы (куда я иногда уходила готовить уроки) – в иностранном отделе библиотеки имени Горького. Вход в него был с улицы Сибирской, на второй этаж. В большой комнате, где выдавали книги читателям, напротив входа было две двери: одна в большую комнату – хранилище для книг, другая – в маленькую комнатку, где читали ценные книги, не выдаваемые на дом, а также проводили консультации по иностранным языкам. Днем она обычно пустовала. Мне давали рассматривать очень красивые книги на немецком языке в темно-красном переплете с золотым тиснением, напечатанные готическим шрифтом, в них было много интереснейших гравюр.

Читателей было много, приходили из «Семиэтажки», где в эвакуации жили писатели и люди из театра им. Кирова – Мариинки, эвакуированной в Пермь. Читательский корпус был очень подвижным, люди приезжали и уезжали, и чтобы не пропадали книги, ввели систему залогов. Записываясь в отдел, читатель платил 50 руб. и мог читать сколько угодно. Уезжая из Перми и выписываясь из библиотеки, он получал свой залог обратно.

Холодно было и в школе. Из школы № 26 меня, как и некоторых других детей нашего дома, на два года перевели в железнодорожную начальную школу № 6, помещавшуюся близко – на улице Горького, в доме, где когда-то учился писатель Решетников, о чем сейчас свидетельствует мемориальная доска: дом охраняется как памятник истории и культуры. Иногда приходилось заниматься не только во всей зимней одежде, но и в варежках. И тем не менее, мы старались хорошо учиться и сохранили хороший почерк. Во втором классе было 10 девочек и 32 мальчика, разделенных на четыре отделения для уроков по военному делу: мы учились маршировать и, лежа на полу, наводить винтовку на какую-то цель.

Одно из самых замечательных воспоминаний всех переживших войну о школе военных лет – завтраки в середине учебного дня, их давали всем: маленький кусочек черного хлеба, а иногда и такая роскошь, как чайная ложечка сахарного песка. Каково было учите-

лю делить поровну на 40 человек этот хлеб и сахар! Железнодорожные школы давали завтраки и в дни каникул, и иногда побольше, чем в городских школах, поэтому мы ходили туда и в каникулы, да еще брали с собой своих маленьких братьев и сестер.

В военные годы обострились мрачные стороны быта: шла постоянная борьба со вшами, о которых до войны мы и не знали; непримиримая борьба с крысами (их называли хомьями, они были крупными и пестрыми – серыми, рыжими, с белыми пятнами, и никого не боялись: кошек презирали, наводили страх на детей). Особенно доставалось жителям первого этажа: крыс травили, ежедневно замазывали проточенные ими дыры в плитусах какой-то смесью с толченым стеклом.

Часто отключали свет, поэтому всегда наготове были керосиновые лампы: трехлинейные или семилинейные; более мощные десятилинейные были редкостью. У ламп лопались стекла, и надо было их где-то доставать. Впрочем, водникам в этом отношении было немного легче, чем другим пермякам, так как лампы имелись в запасе: их закупали для бакенов. Если не было электричества, и выходила из строя керосиновая лампа, пользовались мигалками: в какой-то жир помещался фитилек, горевший очень слабо.

Когда отключали воду, то пользовались колонкой напротив дома. А некоторые любители ключевой воды шли по Коммунистической до Егошихинского лога, и по очень крутому спуску, где были вырублены ступени, спускались вниз до середины спуска, где вытекал ключик. Много лет спустя, я повела туда маленького внука, чтобы показать, где начиналась Пермь. Но не было уже ни спуска вниз, ни ключика. Все было перегорожено гаражами, а обрыв к Егошихе, видимо, осыпался.

Были во время войны и очень яркие, радостные события. Оперный театр: «Бахчисарайский фонтан» с Галиной Улановой, «Пиковая дама» с Георгием Нелеппом – потрясение и память на всю жизнь. Билеты были недорогими, и театр всегда был полон; детей пускали только на дневные спектакли. Уже после войны в театре начали проводить симфонические концерты.

Водники устраивали для детей летние лагеря на пароходе. Обитателями таких детских лагерей были в основном ребята дома на Коммунистической. В 1945 году старый пароход «Надежда Крупская» с лагерем был пришвартован к берегу недалеко от деревни Шемети. В августе нас всех собрали на поляне на большой сбор, на котором объявили, что началась война с Японией. Но как-то в наши 13 лет не хотелось верить, что снова война. К счастью, она быстро завершилась. А в 1949 году лагерь со старшими школьниками на

пароходе «Сергей Киров» путешествовал до Астрахани. И мы увидели Сталинград, в котором уже работали крупные предприятия, но еще не было жилых домов, только развалины.

Самый светлый и радостный день жители дома, как и всей страны, пережили 9 мая 1945 года. Было такое всеобщее счастье, такое единение, какое вряд ли когда-нибудь придется еще пережить. Дети нашего дома провели почти весь этот день у театра: играла музыка, продавали мороженое, о котором мы совсем забыли, а родившиеся перед войной вообще о нем не знали.

Шло время. Дети из нашего дома выросли, оканчивали семилетку – девочки в женской школе № 26 (она была семилетней), мальчики – в мужской, № 21. Нам было по 15 лет, и начиналась новая жизнь, надо было выбирать дальнейший путь. Многие поступали учиться в техникумы и речное училище (по наследству), в которых платили стипендию и давали не только среднее образование, но и специальность. Средняя школа с 8-го класса была платной, поэтому в ней оставались только те, кто потом собирался идти в вуз и за кого могли вносить плату (хотя она была относительно небольшой). Из дома на Коммунистической в моей параллели только три девочки ушли учиться в восьмой класс, в школу № 17.

Постепенно расходились пути тех, кто вырос в доме, пережил в нем нелегкие годы войны. Менялось и население дома: одни получали новое жилье, другие уезжали на иные места работы; появлялись новые жильцы, производились обмены квартир, завязывались другие связи и отношения. Дом менялся. Он утрачивал свое первоначальное значение как Дом водников, и вряд ли кто-то, кроме его старых жителей, помнит сейчас это старое просторечное именование.

Но не будем забывать, что такие дома на определенном этапе вносили свою лепту в историю и культуру нашего города и формировали молодое поколение.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

По-видимому, с 1920-х годов и вплоть до середины 1970-х дом для большинства семей означал и некоторую общность людей, живущих в нём. Это было связано не только с коллективизмом, насаждаемым сверху особенно в первые десятилетия Советской власти (вспомним, как распространены были тогда коллективные походы в кино и театры, придомовые субботники, дворовые спортивные соревнования) но и с тем, что зачастую жители одного дома были объединены общим для всех местом работы. У многих жильё тогда было ведомственным. Были дома водников, грузчиков, заводские дома, железнодорожные дома. В военные и послевоенные годы вырос целый посёлок около завода им. Сталина. Несомненно, истоки этого ещё в том времени, когда рабочие селились около завода, когда одновременно с заводом появлялся посёлок. А вот название Дома Горсовета отражало тот факт, что жилплощадь в них получали работники разных предприятий.

Уже позже, когда началось массовое строительство пятиэтажек, когда люди стали мобильнее, переезжали, меняли квартиры, положение изменилось. Ведомственного жилья стало меньше. Жильцы дома уже не были объединены работой на одном предприятии, соседи часто менялись. Теперь зачастую не только жители одного дома, но соседи по подъезду, даже по одной лестничной площадке не знают друг друга, хорошо, если раскланиваются при встрече.

Но к моменту начала войны жители больших домов ещё были сильно объединены. Отдельных квартир было мало, большинство коммуналок. Дети играли во дворе, в ограде, как тогда говорили. Дворы были у всех домов. Вечерами во дворах взрослые играли в волейбол, в домино, крутились на турнике, который стоял тогда почти в каждом дворе. В маленьких деревянных домах, которых тогда в Перми оставалось ещё очень много, редко жила одна семья, чаще несколько. Так что тоже складывались маленькие коллективы. Поэтому вполне правомерно говорить о жизни именно дома, а не только отдельной семьи.

Буквально в первые дни войны наша семья переехала из первого общежития, населённого сотрудниками и студентами университета, в большой многоквартирный дом на углу улиц Ленина и Плеханова. Первое общежитие освобождали для эвакуированных. В Пермь из Харькова был эвакуирован наркомат угля – Наркомуголь. Его служебные помещения разместились в части университетских корпусов, а жильё сотрудникам дали в первом общежитии. Так что первые, самые тяжёлые годы войны, у меня связаны именно с домом на ул. Плеханова.

Жизнь изменилась сразу, резко, беспощадно. Мне было только шесть лет, но я ощутила эти перемены, именно ощутила, а не осознала.

В трёхкомнатной квартире, которую прежде целиком занимала семья университетского математика Цыганкова, нас оказалось три семьи. В одной комнате разместились прежние хозяева квартиры, их было четверо. Вторую заняли мы. Сначала нас было трое, но вскоре из Москвы к нам приехала бабушка с моим маленьким двоюродным братом Игорем. В третью комнату поселили эвакуированную из Москвы молодую пару, у них скоро родился малыш. По тем временам квартира не казалась перенаселённой.

С первых дней ввели затемнение. Всей квартирой делали шторы из плотной бумаги с планочками из фанеры по краям. Всей квартирой таскали в кухню из дровяника дрова для плиты. Все вместе по утрам собирались у тарелки громкоговорителя, одного на всю квартиру. Отлично помню, как молча, подавленно, слушали очередное сообщение о сдаче «после долгих, упорных боёв» очередного нашего города. Скорбный вздох ужаса вызвало сообщение о падении Киева. Помню, как мама тихо сказала: «Господи, а если Гитлер догадается распустить колхозы?!»

Одна из первых тягот войны – холод. Его, хоть и в разной степени, испытывали жители всех домов. Тогда не было центрального отопления, в домах были кочегарки. По-видимому, запасов топлива в них было недостаточно, а, может быть, был приказ экономить. Во всяком случае, мы, как и многие, страшно мёрзли, особенно в первую военную зиму, отличившуюся суровыми морозами. Запасов дров для дровяных плит тоже было мало. Поэтому уже в первые осенние месяцы у многих появились знакомые с гражданской войны буржуйки. Это маленькие металлические печки, труба у которых выводилась прямо в окно. Кто их делал? Где продавали? Не знаю. У нас была такая. Её растапливали с утра. В комнате становилось чуть теплее, но на её поверхности можно было что-то согреть, погреть руки. Обычная температура в комнате в ту зиму была около 5 градусов, порой опускалась почти до нуля. Температура в доме была обычной темой разговоров на работе. Сразу появились аристократы – те, кому повезло жить в домах, принадлежащих оборонным заводам, железной дороге. Там топили получше. Были те, кому хотелось выдать себя за аристократов. «У нас ниже 10 градусов не опускается!» – гордо говорил один сотрудник университета. Ему не верили, над ним посмеивались. Это стало университетским анекдотом.

В Пермь из Ленинграда приехала замечательный учёный, замечательный человек Татьяна Ивановна Темникова с двумя дочками. Татьяна Ивановна родом из Перми, училась и работала в нашем университете. Её отец и брат были инженерами на Мотовилихе. После ареста

мужа она переехала в Ленинград, а во время войны снова стала работать в нашем университете. Поселили её с девочками в первом общежитии. Оттуда выселили пермских работников университета, но новым, эвакуированным иногда давали там жильё. Татьяна Ивановна получила полкомнаты. Почти все большие комнаты разделили дощатыми перегородками и поселили в них по две семьи. В первом общежитии было довольно тепло. По-видимому, сказывалось то, что основное население его тогда составляли работники наркомата угля. Услышав как-то от моего отца, что у нас дома около нуля, что я очень мёрзну, Татьяна Ивановна решительно потребовала, чтобы меня на день приводили к ним. Противиться ей было невозможно. В ней сочетались ум, решительность, доброта и благородство. А ещё оптимизм и тонкое чувство юмора. Не даром она окончила Смольный, она всегда «держала спину». Несколько самых холодных дней я провела у них с её милыми дочерьми Ксенией и Мариной. Уходя, я получала от родителей немножко чего-нибудь съестного и строжайший наказ ни в коем случае не брать никакой еды у моих хозяев, а наоборот, поделиться с ними своей. Но такой же наказ получали девочки от Татьяны Ивановны! Мы долго перепирались, а потом съедали всё вместе.

В самые жестокие морозы мы всей семьёй перебрались на несколько дней к отцу на кафедру. Ночевали в аудитории на столах. В университете было 13 градусов! По тем временам, немыслимый комфорт.

Одновременно с холодом в дома пришла темнота. Не только в жилых домах, но и в университете лампочки горели редко, а если и горели, то накал был очень слаб. В ход пошли свечи, керосиновые лампы. Но свечей было мало, керосин достать тоже непросто. А ещё у ламп часто лопались стёкла. На рынке их продавали за безумные деньги. Тут мы были в преимущественном положении. Мой отец, химик, для работы ещё в молодости научился стеклодувному мастерству. Стёкла у нас были. Недостаток свечей и керосина вынуждал людей изобретать другие источники света. И изобретали! В какую-нибудь посудину, жестянку собирали парафин со свечек, ещё какой-нибудь жир, опускали туда самодельный фитиль и поджигали. Называлось это, кажется, каганок.

Уже в первую зиму к испытанию холодом добавился голод, Карточки ввели буквально в первые дни. Старшее поколение ещё и отвыкнуть от них не успело, их отменили несколько лет назад. Для нас, детей это было новое слово, которое прочно и надолго вошло в жизнь. Отлично помню, что сначала на мою карточку иждивенца полагалось 400 граммов хлеба. Мне казалось, что число с двумя нулями, это очень много. «Скоро поймёшь, много ли это», – грустно сказала мама. Я поняла. Верно, вскоре и нормы убавили. Я всё время хотела есть!

А ведь мне, единственному ребёнку, родители старались дать как можно больше. Каково же было им, взрослым, много работающим! А ещё были субботники, были долгие изнурительные очереди. Редко и плохо ходил городской транспорт. Опоздание на военный завод грозило трибуналом. Поэтому на работу выходили заранее. Многие, даже не пытаясь взять с бою трамвай, шли пешком по тёмным заснеженным улицам. А после работы бежали отоваривать карточки в свои распределители. Вот тоже слово, пришедшее с войной. Все были прикреплены к определённым магазинам, это зависело от места работы. Были продуктовые распределители, позже появились промтоварные. Только хлеб, кажется, можно было купить не обязательно в своём магазине. Карточки, пайки, литеры, лимитные книжки, спецснабжение – со всеми этими понятиями быстро разобрались не только взрослые, но и дети. Жизнь пермского дома теперь переместилась и в распределители. Особенно удачно было, если жители одного дома получали продукты в одном и том же магазине. Тогда занимали очередь на соседей, отпускали друг друга погреться, если близко, то и домой. Приводили детей, они вместе играли, за ними сообща следили.

Осенью 1941-го года и мы, и наши соседи Цыганковы какое-то время получали ещё по талонам обеда в столовой. Порции были настолько микроскопические, что договорились ходить через день и брать обед на двоих. Двойная порция знаменитой баланды, двойная порция каши, если повезёт, двойная порция леденцов, это хоть отдалённо напоминало обед.

Иногда сотрудники могли поесть по талонам в университетской столовой. Любимая шутка – вставая из-за стола, говорили: «Ну вот, теперь хорошо бы пообедать». А какие блюда! Чибрики с начинкой из киселя или из гороха. И капуста, летом и осенью свежая, зимой квашеная. Образованный университетский народ сразу вспомнил шукрут, распространенное в Эльзасе блюдо из квашеной капусты. Но расшифровывали это слово по-своему: широкое употребление капусты работниками умственного труда.

С начала весны и до поздней осени у пермских семей появлялся ещё один дом – огороды. На них выезжали не только семьями, целыми рабочими коллективами, тем более, что участки давало предприятие. Большая часть огромного поля в Балатово была отдана университету. Там после работы, в редкие выходные, сажали, окучивали, убирали. Обмениваясь опытом, ходили с одного участка на другой. Учились друг у друга, как глубоко сажать не картофелину, а срезки. Из-за скудости запасов картофель с зимы проращивали. Из одной штуки получали несколько срезков с глазками. В дни уборки урожая университет старался послать на поле, если не машину, то хотя бы

лошадь с подводой. Дружно работали все. Помогали тем, кто не успевал. Мужчины непременно шли туда, где работали только женщины и дети. Насыпали им мешки, грузили на подводы, сгружали у домов. Дети обычно тоже были на поле. И оставлять одних не хотелось, да и помогать учились.

Ставшая тяжёлой жизнь вынуждала держаться сообща. Домом, двором. Это был уже даже и не только коллектив, скорее, община.

Постоянный голод, а зимой ещё и холод, тяжёлая работа делали жизнь очень трудной. Трудными стали обычные вещи – уборка дома, стирка, покупка продуктов. Ещё труднее было в этих условиях не забывать об элементарных приличиях, навыках воспитания. Внимательно относиться не только к родным и близким, но и просто к окружающим. Понимать, что и им нелегко. В основном, люди держались достойно. Старались не только сочувствием, но и делом помочь другим. Тех, кто вёл себя иначе, не осуждали, их просто сторонились. В университетском доме на Заимке, куда переселили и некоторых наших прежних соседей по первому общежитию, появилась одна дама, эвакуированная из Ленинграда. Муж её занимал какой-то высокий пост, всю блокаду провёл в Ленинграде и ухитрялся каждую неделю из голодающего города посылать ей посылку – ящичек с плитками шоколада. Дама продавала шоколад на соседнем рынке или выменивала за несколько долек шоколада обручальные кольца, серебряные ложки, крестики. Чтобы дать своим голодным детям шоколада, матери готовы были отдать, что угодно. Даму не осуждали, о ней и её муже не злословили. Просто с ней почти никто не разговаривал.

Кажется, летом 1943 г. мы вернулись в первое общежитие. Получили уже не две комнаты в отсеке, как до войны, а одну в общем коридоре. Общежитие разительно изменилось. Пропали дорожки на лестницах, стало грязнее в коридорах. Никто не ухаживал за клумбами. Многие большие комнаты были поделены перегородками пополам, и в них жили по две семьи. Население стало больше и разнороднее. Теперь в доме жили не только студенты университета и его сотрудники, среди которых было довольно много эвакуированных, но и работники наркомата угля и ещё какие-то люди. Помню, например, одну очаровательную женщину-циркачку. Я играла с её дочерью. Жизнь стала более шумной, менее строгой, чем раньше. Но какой-то особый дух, особый стиль, присущий первому общежитию, сохранялся.

Общие коридоры, площадки, умывальники, туалеты создавали одновременно и большую общность, чем в обычной коммунальной квартире, и большую обособленность. Можно вместе с соседями обсудить последние новости с фронта на площадке, а можно и одним в комнате пережить радостную, или, увы, чаще, горестную новость.

Семьи, где отцы были на фронте, пользовались неизменным деликатным вниманием, незаметной заботой остальных. Никогда не беспокоилась, с кем останется её маленький сын Вова Муза Николаевна Журавлёва, муж которой воевал с первых дней. Он был или у нас (мой отец, вернувшись с работы, занимался им не меньше, чем мной), или за ним присматривала соседка Неонила Тихоновна Викберг.

В соседней с нами комнате жила семья эвакуированного из Москвы историка Таркова. Его прелестная жена работала в детском саду воспитательницей. Вечерами она собирала детей у себя. Мы играли вместе с её дочерью Кирой, сыном Андреем. Все вместе разучивали под её руководством тарантеллу, причём у неё был настоящий бубен.

Война объединила людей общими бедой, заботой, надеждами, радостями. Это была доминирующая тема всей повседневной жизни. А личные дела, заботы шли вторым планом. Конечно, за четыре года войны было много ярких солнечных дней и зимой, и летом, и лютый мороз стоял не всю зиму. Я помню отдельные летние жаркие дни, помню весеннее солнце, зимние оттепели. Но общее впечатление, когда я вспоминаю войну – это серое пасмурное небо и холод. Яркое солнце, синее небо я помню только 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года. Герой повести Александра Крона «Дом и корабль» признаётся: хотя и знал, что ранним утром в декабре всегда темно, но ему казалось, что так темно стало лишь сейчас, во время войны, а после Победы снова будет светлее.

Но и в то время люди радовались, наслаждались яркими впечатлениями. Несмотря на занятость, стали больше читать. Читали классику, в первую очередь, «Войну и мир», и вообще добрые старые книжки. Папа приносил из библиотеки Диккенса. Была строгая договорённость, что никто из нас по одиночке «Домби и сына» не читает. Вечером папа читал вслух. Создавалась мирная, уютная обстановка. Я так любила это чтение, что хвасталась перед ребятами. Один мальчик от зависти даже дал мне тумака.

В университетском клубе часто показывали кино. Это было удобно, туда шли сразу после работы. Были и иностранные, и наши картины, старые и совсем новые. Помню, в американском фильме «Песнь о России», снятом в период горячей симпатии США к СССР, героиня, простая колхозница, вернувшись с работы, задумчиво шла по анфиладе комнат. Потом, присев к роялю, играла при лунном свете Шопена.

Объявления о сеансе вывешивались на двери соседнего с клубом кабинета заведующего кафедрой почвоведения Антона Ивановича Оборина. Представляете, сколько было изумления и веселья, когда на двери появилось крупное объявление «Антон Иванович сердится»! А это было название новой кинокомедии.

По радио звучала классическая музыка, сентиментальные вальсы начала века «На сопках Манчжурии», «Дунайские волны». Часто передавали записи театральных спектаклей, прекрасные артисты читали Лермонтова, Пушкина, Толстого. Это была осознанная государственная политика, часто выбор самого Сталина. У него было звериное чутьё. Он понимал, что только на советском патриотизме, на лозунгах народ не поднять, не сплотить. Уже в сентябре 1941 г. он говорил послу США в СССР Гарриману: «Народ не пойдёт сражаться за Советскую родину, он пойдёт умирать за Россию». Нужно было вернуться к великой русской культуре, призвать на помощь старые традиции, старые обычаи. Это происходило во всех областях жизни. Уже в армии вместо командиров были офицеры, вернулись старые чины и звания, возвращались погоны. Именами великих русских полководцев, адмиралов назывались ордена. Открывались церкви, в которых молились за победу и за великого Сталина. В школах ввели раздельное обучение, как до революции, форму, как в гимназии. В школьной программе появились логика и психология, их изучали по старым учебникам. В основном, всё насаждаемое сверху удачно совпало с желаниями народа.

«Какая музыка была, какая музыка играла, когда и души и тела война проклятая попала!» Эти слова Межирова для пермяков содержали особый смысл. К нам ведь был эвакуирован Ленинградский театр им. Кирова, бывшая, а теперь и нынешняя Мариинка. Пермь – город с давними славными театральными традициями. Театр приняли восторженно. Его присутствие изменило жизнь города. На спектаклях побывало множество пермяков. Работали до глубокого вечера, страшно уставали, всё время страдали от голода, но в театр шли! Брели по тёмным улицам в мороз, никто не рассчитывал на городской транспорт. Но в театре забывали всё.

Старшее поколение помнит, а младшее знает по книгам, что труппа тогда в Мариинке была отличная. Великолепные голоса, прославленные имена, отличный оркестр. А балет!!! Достаточно сказать, что я тогда повидала и Дудинскую, и Уланову. О театре уместно говорить, именно вспоминая жизнь пермского дома в войну. Предвкушение спектакля, счастье от спектакля, потом воспоминания о нём стали неотъемлемой частью жизни большинства жителей. «Какая музыка во всём, всем и для всех – не по ранжиру. Осилим... Выстоим... Спасём... Ах не до жиру – быть бы живу...»

Спасибо самоотверженным ленинградским артистам! Немало тогда было рассказов о том, как падали во время спектакля истощённые танцовщики кордебалета. Но они вставали со счастливой улыбкой. Принцы и принцессы, феи, волшебники, лебеди несли людям радость, забывая о своих бедах. В эти дни они все имели право называться великими за своё служение Добру, Красоте, Искусству. И зрители чувствовали это, были благодарны, восхищены.

Но и артисты ощущали любовь зрителей. Много лет спустя, в восьмидесятые годы я была в Ленинграде на спектакле «Лознгрин» в Мариинке. После спектакля оказалась в вагоне метро рядом с солистом оркестра. Разговорились. Он спросил, откуда я. И просиял, услышав, что из Перми! «Те, кто был у вас во время войны Перми, навсегда благодарны».

И вот последние месяцы войны. Ожидание скорой победы наполняет всех, ощущается во всём. Это и материальное улучшение жизни: возросшие нормы по карточкам, американские консервы, финики, прочие, до того неведомые продукты. По талонам продают или выдают материал, платья, обувь – тоже из помощи союзников. Помню добротные, хотя и довольно неуклюжие ботинки, которые получили многие, в том числе и мой отец. Вероятно, они были английскими, так как сразу получили название «черчилли».

И настроение стало лучше. Люди стали больше шутить, больше смеяться. Изменился даже характер длинных неизменных очередей. Так, в распределителе для научных работников, который помещался на углу улиц Большевицкой и 25 Октября и являл собой нечто вроде клуба жён учёных, разительно изменились темы разговоров. Теперь больше говорили о книгах, театре, о детях, много шутили.

И, наконец, День Победы! Его наш дом тоже встретил сообща. С утра, услышав радио, все высыпали в коридор поздравлять друг друга. А потом взрослые, не сговариваясь, пошли в университет: в такой день хотелось быть вместе. Вернулись поздно. Не знаю, что было в университете. Но вечером пошли в театр, который в этот день распахнул двери для всех. В «Звезде» за тот день указано, что пойдёт «Травиата». Но я помню со слов родителей, что была «Спящая красавица». Наверное, заменили спектакль на более радостный. А мы, дети, оставшись на весь день одни, ликовали по-своему. Помню, залезли на чердак и бросали из окна листовки «Да здравствует Победа!», которые написали сами. Носились по улице, смешивались со смеющейся, поющей и плачущей толпой. Нас тискали, брали на руки, чем-то угощали... Кончилась война! В наш дом пришла Победа!

Я принадлежу к уходящему поколению, которое помнит военное время. Пусть мы были детьми, но повзрослели рано. Не нужно излишней идеализации тех лет: вот тогда все жили тяжело, но дружно, делились последним. Всякое бывало, но, в основном, действительно, жили достойно. И преуменьшать трудности жизни нашего глубоко тылового города тоже не нужно – было очень тяжело. «И через всю страну струна натянутая трепетала, когда проклятая война и души и тела топтала...»

ВЕРНЫЙ ТАРАСЫЧ

КОВЧЕГ В ЯБЛОНЕВОМ САДУ.

Есть в Перми отдельные здания и целые жилые комплексы, которым народная молва присвоила точные названия, четко обозначив их статус: «дом ученых», «дом грузчиков», «обкомовские дома», «дома чекистов»... В пятидесятые годы минувшего столетия обширный двор «домов чекистов» был образцовым по красоте и ухоженности, с большим тенистым садом, с зелеными аллеями меж домов, с многочисленными клумбами и газонами, с детскими площадками.

Великолепие флоры каждое летнее утро выходил поливать дворник в хрестоматийном холщовом фартуке. В качестве великой милости и в награду за хорошее поведение он изредка доверял нам, мальчишкам, поддержать шланг с холодным наконечником, дрожащим от напора воды. Его сопло тут же зажималось ловким мальчишеским пальцем так, что звонкая, сверкающая струя, минуя клумбу, как раз врезалась в цветастые сарафанчики под яблоневыми деревьями, и дружный девичий визг заглушал крепкие русские слова, вылетавшие из открытого рта обманутого дворника.

Три «чекистских» дома возле Горьковского сада собрали на своих этажах, словно в Ноевом ковчеге, великое множество разного люда: от патрульных милиционеров и секретных стенографисток до генералов и полковников, партийных работников, известных врачей и артистов. Послевоенная Пермь и вообще-то являла собой некий интернационал, прихотливо перемешав в эвакуационно-госпитальном котле разные судьбы. А здесь – в этом городке – аборигенов почти не было, здесь волею обстоятельств поселились москвичи, питерцы, сибиряки, выходцы из средней полосы и Кавказа, русские, татары, белорусы, украинцы, немцы, евреи...

Укоренились же здесь их пермские дети, которых образовалось вдруг – словно муравьев в муравейнике. Оно и понятно: еще недавно огромная страна жила одной заботой – войной. А теперь напряжение спало, и привычными становились радужные надежды. Глянешь в окно – там белоснежная яблоневая кипень будоражит кровь. И какая же крепкая мужская рука не потянется к нежному, округлому, чуть подернутому первым загаром обольстительному плечу? И какая же головка не закружится от прикосновения этой руки? Вот и орут детишки, играя в «пятнашки», в «сыщики-разбойники», в «двенадцать записок», в «штандор», в лапту и прятки, а кто постарше – в волейбол или в городки. Во дворе места хватало для всех забав.

После 1956-го случались здесь и страшноватые забавы: то в одной начальственной квартире, то в другой стучали пистолетные выстрелы, и вдруг овдовевшие жены находили своих мужей в самоубийственной тишине. В разных городах страны провожали таким салютом целую эпоху, которую назовут сталинской и которую одни проклянут, а другие будут вспоминать как героическое прошлое и лучшее время жизни.

Вот сюда, в образцовый Ноев ковчег, в августе 1953-го прибыл из столицы капитан сталинской охраны Алексей Попов с московской красавицей-женой Валентиной и двумя детьми.

СТАЛИН И КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС.

Наши семьи прожили в «чекистских» вместе десять лет – в одной коммуналке. По малолетству нам – полудиким цветам жизни – было абсолютно все равно, кем работали взрослые. Бывший москвич Алексей Тарасович – дядя Леша – интересовал нас тогда только как умелый сапожник, державший в кладовке железную «лапу» и с ее помощью охотно чинивший в свободное время разбитые ребячьи башмаки. Много позже, став постарше, мы пытались выудить из него какие-то сведения о былой работе, но он об этом никогда не распространялся, держал все в секрете, о чем я еще скажу несколько слов. И только недавно его вдова Валентина Кондратьевна согласилась после долгих уговоров ответить на мои вопросы и пролила свет на некоторые детали работы и быта офицера сталинской охраны.

– Расскажите, Валентина Кондратьевна, как ваш муж попал в охрану вождя огромного могущественного государства?

– Это случилось в 45-м году, сразу после войны. Он пришел домой в офицерских погонах и сказал, что из полка специального назначения (ныне кремлевский полк. – В. Б.) переведен в сталинскую охрану.

– А до того?

– Всю войну служил «пэсээновцем», у них на погонах были три буквы – ПСН. Их после 43-го года, когда стали отпускать в увольнения, по выходным много было на гуляньях в Сокольниках, мы бегали с кремлевскими ребятами в кинотеатры «Интернационал» или «Шторм», сидели, слушая музыку, на скамейках. Кстати сказать, в кремлевском полку москвичей не было, брали туда призывников из провинции. Алексей, например, попал в Москву из Верещагино, оттуда же – его сослуживец Степан, муж моей подруги Лизы, наш сосед по квартире – тоже из охраны Сталина – призывался из Добрянки.

– А как вы познакомились с кремлевским воином?

– Это все Лиза Савушкина: давай да давай познакомлю с парнем. Я не охотница была до свиданий, без этого спокойнее живешь. Но поддавалась на уговоры.

Надо сказать, я в ту пору была направлена комсомолом с нашей фабрики в контору автомобильных сообщений попутного транспорта. Машин не хватало, все отдавали фронту, и я – инспектор по загрузке порожняка – вместе с вооруженным милиционером останавливала пустые грузовики, отправляла их за попутным грузом на товарные станции и на номерные заводы, на фабрики «Дукат», «Ява», на Балашихинскую чулочно-носочную фабрику.

Мне тогда было 18 лет, хотелось выглядеть привлекательней, а приходилось надевать на работу старое мамино зимнее пальто до пят, закутываться в большой платок, обуваться в разношенные валенки, чтобы не застыть на улице: красавица была хоть куда, пройдешь – не заметишь! В таком виде и познакомилась (Лиза не дала времени переодеться) с бравым молодым сержантом в вестибюле метро на станции «Площадь Революции». Было это в 44-м году.

– Вас, конечно же, проверяли?

– И меня, и маму с папой, и бабушку с дедушкой. Но так, что никто ни о чем и не догадывался. И пока мы были просто знакомыми, Алексей, уходя на свидание, должен был сообщать в комендатуру в Никольской башне, куда и к кому отправился. И если бы он не вернулся в положенное время, то меня тут же схватили бы «за хвост». И после нашей свадьбы он обязан был сообщать, к кому он отправился в гости или на дружескую встречу, независимо от того, один он пошел или с семьей.

– В чем состояла работа офицера сталинской охраны?

– Для меня это покрыто мраком.

– Алексей Тарасович часто видел Сталина?

– А как же. Его пост находился как раз перед кабинетом вождя в Кремле.

– И доводилось разговаривать с вождем?

– Во всяком случае, результатом одного из разговоров стало наше переселение с Арбата на Смоленскую площадь.

– Интересно.

– Стоял как-то Тарасыч на посту, и мимо проходит Сталин (как в сказке). Остановился. Спрашивает: как, мол, служится? Алексей не оробел и говорит: «Служится хорошо, товарищ Сталин! Только вот живем в одной комнате мы с женой и ребенком, три ее брата и мать – тесновато». Вскоре к нам пришла комиссия с проверкой жилищных условий. А затем мы переселились в новый кремлевский дом на Смоленской площади.

– А каков был режим работы в сталинской охране?

– В последнее время службы такой: сутки дежурили, трое отдыхали. А до того, бывало, по несколько суток дома не видали. Жили они в Кремле, а по ночам спали, не снимая сапог. Извини за подробности, я с трудом отстирывала его портянки, кипятила по несколько раз.

– Зимой в теплые сапоги переобувался?

– Нет, ребята ходили в обычных сапожках. В очень сильные морозы надевали шерстяные носки.

– А что Алексей Тарасович рассказывал о поездках в Абхазию, на сталинскую дачу на озере Рица?

– Ничего. Обычно они уезжали на Кавказ со Сталиным в сентябре-октябре. В первой поездке на Кавказ он выменял у абхаза на старую гимнастерку целый чемодан мандаринов. Я ахнула, когда Алексей открыл этот чемодан дома. Тогда даже в Москве мандарины были диковинкой. Помню, я наварила мандаринового варенья – единственный раз в жизни.

– Вы стали лучше жить, когда Алексей Тарасыч перешел в охрану?

– Конечно. Зарплату ему платили хорошую. Я уже не работала, сидела с двумя детьми – Юрой и Любашей. Питались сытно и вкусно. Всегда были в доме сыр, сливочное масло, колбаса – в послевоенные годы настоящая, очень вкусная. Брала в магазине черную икру. Красную я не очень жаловала, она мне казалась слишком соленой. Часто покупали рыбу.

– Одевались красиво?

– Да, одевалась я хорошо, по московским меркам – модно.

– Отдыхали на юге?

– Нет. Тогда этой моды не было. Летом в Подмоскowie снимали на два-три месяца дачу. Лучше отдыха не придумаешь.

– Служба в охране вождя великой страны – это особая ответственность. А как сталинская охрана релаксировалась, «спускала пары»?

– Никаких разгулов не допускалось и быть не могло. Молодость, наверное, спасала. В гостях Тарасыч разрешал себе рюмочку-другую пропустить, но не больше. Ведь в любой момент мог прибыть нарочный и вызвать в Кремль.

КАК ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ СПАИВАЛА ОФИЦЕРОВ.

Удалось мне выяснить и другие достаточно любопытные факты о жизни человека-секрета.

Тарасыч часто бывал на знаменитых сталинских приемах в Кремле. Охрана выступала порой в роли официантов. Однажды с молодым офицером случился конфуз: попросили открыть шампанское, он не справился с пробкой, вылетела пена, пришлось служивому

уткнуть горло бутылки себе в живот, чтобы никого не облить вином. Якобы с этого случая охрану начали обучать правилам обхождения, умению обслуживать высоких гостей.

– Кого из значительных лиц Алексей Тарасович видел на приемах? – спрашиваю Валентину Кондратьевну.

– Многих. И общаться с ними приходилось. Офицеров иногда рассаживали между гостями за столом. Только пить не разрешали ничего кроме «минералки». Однажды его посадили рядом с Долорес Ибаррури (генеральный секретарь Испанской Коммунистической партии, с 1939 года находившаяся в московской эмиграции. – В. Б.). Она заметила, что Алексей пьет воду, и строго сказала ему: «Воду пьют только за дураков. За Сталина нельзя пить воду, за Сталина надо пить водку!» Пришлось Алексею нарушить запрет и пригубить «Столичную».

– А вообще-то Алексей Тарасович рассказывал хотя бы о том, как их обучали хорошим манерам, как их знакомили с гастрономией, с винами?

– Догадывалась, что все это было, но нам он даже этих секретов не раскрывал

Скрывай не скрывай, а и тайная жизнь вылезает наружу. Однажды привезли молодого офицера домой на машине в стельку пьяного. Потом, годы спустя, он все-таки поведал, что случилось. Во время визита китайского руководителя Мао Цзедунa в Москву китайских охранников принимали наши охранники. Устроили соревнования, кто лучше стреляет, кто сильнее и так далее. Дошли до гусарских соревнований – кто кого перепьет. Нашим было приказано не поддаваться. Не поддались. Наши упали под стол последними. Среди них был и капитан Попов, которого с почетом доставили отдыхать на Смоленскую площадь.

«ТЫ СХЕМУ ЗНАЕШЬ?»

Рассматриваем с Валентиной Кондратьевной полувекковой давности фотоснимки, которые наблюдательному человеку многое могут рассказать.

Вот группа офицеров в абхазских горах, вот на морском пляже. Среднего роста, худощавые, мускулистые. Лица улыбающиеся, приветливые. Но взгляд – как рентген. Не надо спрашивать, кто это такие: на лице написано, что опасны и без оружия, что боевые искусства для них – не пустой звук. А с оружием они – неприступная крепость.

А вот утренняя зарядка. Снимок вызывает улыбку: все-таки обычная гимнастическая «ласточка» покоряется не всем мастерам стрельбы по-македонски.

– Это они в Кремле, в Тайницком саду, – комментирует Валентина Кондратьевна. – Там у них, видишь, целая спортплощадка: вот в волейбол играют, вот баскетбольный матч, вот отдыхают после игры.

Забавно сегодня смотреть на офицеров таинственной службы, занимающихся спортом в семейных сатиновых трусах, кто – босиком, а кто – в кожаных тапочках. На некоторых фотографиях наискупейшая подпись – «Кремль, 1946 год». И только в Абхазии Алексей Тарасович дал волю чувствам, оставив на обороте снимка аж несколько строк: «Моим Вальке и сыну Юрке от «абханака» Лешки. Абхазия. Попов А. Т. и мой друг Воробьев А. М. 2 октября 1948 г.»

– А вот они в гражданском...

– Да, они не всегда ходили в форме. Например, на те же приемы им выдавали костюмы темно-синего цвета, добротные туфли. В белых рубашках с галстуком они выглядели шикарно, – вспоминает московскую жизнь моя собеседница.

Недоумение вызывают два любительских снимка: маршал Василевский на коне принимает парад 7 ноября 1949 года и эта же Красная площадь, снятая из-за Мавзолея, с затылками руководителей страны и высоких гостей, с огромным транспарантом «Да здравствует 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» Очень все-таки странный и смелый ракурс съемок – из-за спины «небожителей», как бы лишенных в этот момент защиты. Кто это снимал? Кто разрешил щелкать любительской камерой из-за голов верховных правителей? Или в охране любили похулиганить, рискуя головой?

Никто теперь не расскажет. Когда мы повзрослели и иногда даже выпивали вместе с Тарасычем, и испытывали на прочность характер чекиста, расспрашивая его о былом, он, как бы ни был хмелен, отвечал всегда одинаково: «Вы схему знаете?»

– Нет, дядя Леша, не знаем! Откуда нам знать! – хором восклицали мы.

– Вот и не надо вам знать, – хитро прищурившись, закруглял он беседу и затягивал любимую арию из «Риголетто» или «Фауста».

А эта присказка – «Ты схему знаешь?» – в нашей молодой компании надолго стала коронной фразой.

ПРОЩАЙ, ШИНЕЛЬ...

И все-таки фигура сверхсекретного Тарасыча была бы чуть ли не обычным персонажем того времени, несмотря на все его тайны, умения и жизнь рядом с вершителями мировых судеб, если бы не одно обстоятельство.

Умер Сталин. Его охрана была распущена, а капитану госбезопасности Попову было предложено перейти на службу в Кремлевский полк.

Он отказался, посчитал, что это будет вроде клятвopеступления, вроде измены присяге – служить в Москве, в сердце Родины новому времени и новым властителям. Тогда ему предложили на выбор службу в органах МГБ в Краснодаре или в Перми – он выбрал уральские края, где решил вдали от суеты тихо дотянуть лямку до пенсии.

Этот поступок, думаю, будет непонятен новому поколению, воспитанному на идеалах индивидуального успеха. А уж тем более он будет непонятен бесчисленным политическим фарисеям – рабам лицемерия, корыстолюбия и гордости, готовым ради собственной выгоды сменить и политическую ориентацию, и убеждения, и хозяев. Ведь в основе «странного поступка» Тарасыча – забытое понятие, которое называется – верность. Неважно, по отношению к кому она проявилась: к идолищу или идеалу – уж кому как нравится расшифровывать образ властителя. Верность – качество редкое, привлекательное и самодостаточное, не требующее похвалы или награды, как, скажем, глубокие знания или порядочность.

Я не могу представить наших «успешных людей», без конца бесстыдно мелькающих на экранах телевизоров, в газетах и журналах или на цветных просторах баннеров, в добровольном изгнании. Они погибли бы без всеобщего внимания журналистов и «продвинутой» части общества, как балерина без аплодисментов или нынешние футболисты без поцелуев на поле.

А Тарасыч без особых эмоций, преодолевая понятное недовольство семьи и столичных родственников, сменил московские огни на ныробские леса и снега – именно там, среди суровой блатной публики, капитану с характером пришлось дослуживать срок. Ныроб, как тяжелая болезнь, не проходит бесследно: от зеленой тоски бывший «кавалер», ухаживавший на сталинском банкете за Долорес Ибаррури, стал попивать в одиночку. Но не сдавался. Не чурался никакой работы и многое умел: слесарил, столярничал, тачал семейные обутки. Когда вышел на пенсию, жили скудно. Валентина Кондратьевна брала подработку на дом, и Тарасыч помогал ей, строчил простыни и наволочки на швейной машинке с ножным приводом, к которой позже приделал электромотор. А гладить белье лучше него никто не умел в нашей коммунальной квартире.

Но иногда по вечерам он надевал шинель со споротыми погонами, белое офицерское кашне и уходил из дому. Возвращался, как говорится, никакой, и из его комнаты доносился сильный баритон со

знаменитыми мефистофельскими интонациями: «На земле весь род людской...» Это был единственный вызов времени (напиться и распевать любимые арии), который он позволял себе.

Шинель еще долго после смерти Тарасыча висела в прихожей, словно наблюдала за простой, приветливой и очень русской жизнью в этой квартире, где более чем скромное существование было возвышено достоинством философского отношения к жизни и сердечным гостеприимством.

Эта шинель словно напоминала, что не только русское писательство вышло из гоголевской «Шинели». Нет, все мы – дети XX века – вышли из шинели, опаленной и простреленной в войнах и революциях, сотрясавших век минувший. Кто из белогвардейской, кто из красновардейской, кто из энкавэдэшной, кто из шинели Великой Отечественной...

Шли годы. Разъезжались из нашего двора старожилы в хрущевские пятиэтажки. Без присмотра порушился некогда образцовый двор, пропал цветущий по весне сад.

А потом исчезла и шинель из прихожей.

НЕСКОЛЬКО СТРОЧЕК О ДАЛЕКОМ ДЕТСТВЕ

Я начала осознавать себя с трех лет. Мы жили тогда в Перми на улице Горького в квартале между улицами Матвеева (теперь Швецова) и Тимирязева в двухэтажном деревянном доме. Я его не помню, хотя и была сфотографирована на память во дворе. Потом папу перевели в райвоенкомат Закамска. Мы с мамой оставались пока на старой квартире и лишь иногда ездили к отцу. Было лето, и речной трамвайчик за два часа доставлял нас в гости. Мы выходили на закамской пристани и долго шли пешком по улице Кировоградской. С левой стороны мы проходили стадион, потом деревянный магазин № 1 (сейчас на его месте районная администрация). Я его хорошо помню, но не столько сам магазин, сколько его веранду, по которой я бегала, хватаясь, чтоб не упасть, за деревянные колонны. Потом помнятся двухэтажные каменные дома. Они стоят и по сей день. По правую сторону улицы, где мы шли, был сосновый лес, а в нем одноэтажные и двухэтажные жилые постройки, как их в народе называли «дачи». Хотя сейчас я знаю, что далеко не все из них были дачами. Были и двухэтажные деревянные дома, построенные для рабочих комбината «К» (порохового завода).

Мы долго шли по дорожке, посыпанной шлаком, она мне казалась нескончаемой, и я все время просилась на руки. Мама подбадривала меня, говорила: «Вот дойдем до того пенька – отдохнем». Так мы сидели почти на каждом попадающемся на нашем пути пеньке. Почему-то помнится, что я была в хорошеньком шелковом желтом платице с вышитыми на груди маленькими розочками. Эту ткань, как я потом узнала от мамы, привез папа из Болгарии. Странно: помнится эта деталь, а вот как нас встречал папа, не помню.

Военкомат в 1950-х годах располагался в том одноэтажном деревянном здании, где позднее находилась станция неотложной помощи. Здание снесено в 2010 г. По левую руку от военкомата был магазин, чем-то напоминающий сказочный теремок. Его уже давно нет. Мне все казалось, что в нем живут какие-то сказочные человечки. По правую руку от военкомата был жилой деревянный одноэтажный дом на две квартиры, не сохранившийся до наших дней. В одной из них жил полковник Иван Афанасьевич Колодин с женой, другую дали нам. Наша квартира представляла собой кухню и большую-пребольшую комнату. Может быть, на самом деле она и не была большой, в детстве иные измерения и представления. Окна

комнаты выходили на Каму, и зимой, по словам мамы, мы мерзли. Зато помню, что в углу комнаты стоял большой фикус, и я его страшно боялась. Проснусь ночью, поднимусь из-за мамы (спала с мамой часто, так как папа был в вечных командировках) и вижу темное чудовище в углу. Я покрепче зажмуриваюсь, словно это меня может спасти, бросаюсь в постель, прячусь за мамину спину и долго дрожу от страха, пока сон не пересилит меня.

Еще помню из той береговой жизни, что в военкомате были лошади. Машин в Закамске было мало, и поэтому даже на заводах использовалась лошадиная сила. Конюхом военкомата работал мужчина, у которого вместо ноги был деревянный протез. Он ходил, поскрипывая им и переваливаясь с живой ноги на деревянную, поэтому у шутников получил прозвище «руп-пять». Он был, видимо, малограмотным и очень смешно звонил по телефону с обязательной присказочкой: «Так что дайте такой-то завод...». Раз в неделю мы ездили на его лошадке в районную баню. Дойти до нее с ребенком было нелегко. Особенно помнятся зимние поездки. Меня укутывали так, что виднелись одни глаза, сажали в кошевку, закрывали полостью, рядом садилась мама, папу не помню, а конюх – впереди на козлы. И начиналось путешествие по заснеженным улочкам: сначала шесть кварталов по улице Капитальной, сейчас Оборонщиков, (в те годы она доходила до железной дороги), а потом сворачивали на Автозаводскую. И еще четыре квартала. Почему-то помнится только путь туда, а обратный – нет, видимо, разморенная жарой, я засыпала под тулупом на руках у мамы.

В 1952 г. мы купили дом в поселке Сосновка в двадцати минутах ходьбы от военкомата, в котором папа служил в чине капитана до 1956 г. Все ребята Сосновки, с которыми я дружила, знали, что мой папа был капитаном, поэтому звали меня Ниной Капитановой. Они думали, что это моя фамилия. И немало удивлялись, узнав, что я – Костылева.

Новый наш адрес был такой – улица Демьяна Бедного, дом 32. Дом был нестарый, как и все дома Сосновки. Много лет позже я узнала, что Сосновку начали строить перед войной на месте великолепного соснового бора. Отсюда и название поселка. Срубленные деревья тут же использовали для строительства частных домов. Сосновка в те годы представляла собой 12 крепких веселых улочек. Они были чистыми и ухоженными. У каждого дома вечером обязательно включалась лампочка, за этим строго следила милиция и квартальный комитет. Зимой хозяева должны были чистить снег на тротуаре у своего дома. Не помню, кто и с помощью чего очищал проезжую часть улицы.

Меня всегда занимало происхождение географических названий городов, деревень, рек и даже улиц. Кто был изобретателем имен улиц Сосновки? Уж очень они разные. Почему в нашем поселке, не имеющем отношения к морю, сухопутным и морским баталиям, прописались Александр Невский и Нахимов? Это было бы уместно в поселке Водники. Понятно, почему возникло название улицы Автозаводская, так как на ней находился автозавод. Ясно, почему улица названа Магистральной. Заводская железнодорожная ветка действительно была настоящей магистралью, особенно в довоенные, военные и послевоенные годы. По ней возили не только грузы, но и людей на заводы. Другого-то транспорта не было. Вот и шел «веселый поезд» от станции Курья мимо поселков Куйбышева и Судозавода, останавливаясь в Водниках и на Январском поселке, до станции Химград, то есть до комбината «К» Веселыми в те годы почему-то называли все медленно идущие поезда. Они ходили и по главным веткам железной дороги.

Названия улиц Керченская и Астраханская тоже понятны. В годы войны в районе появилось много переселенцев из Крыма. Видимо, их тоска по родине выразилась в южных названиях улиц, таковых было много в разных микрорайонах Закамска. К улицам Керченской и Астраханской можно еще добавить Ялтинскую и Нахичеванскую (сейчас Липатова).

А вот откуда возникло название улицы Зенитная? Эта тайна, наверно, никого кроме меня уже не волнует, потому что и самой улицы не стало в конце 60-х годов.

Среди людей, дававших названия улицам, были, видимо, любители поэзии и живописи, иначе откуда бы взяться в глухой Сосновке улицам Демьяна Бедного и Шишкина?

Улица Демьяна Бедного – улица моего детства. Она родилась в 40-х, а перестала существовать в конце 60-х годов. Хотя несколько отдельных домиков на ней еще оставались, но это уже была не улица. В 2001 г. и эти дома ушли под снос. Сейчас на этом месте строят два высотных дома за магазином «Астраханский».

Я помню свою старую улицу, почти каждый дом. Они были такие непохожие, как и их хозяева. Отличались резными наличниками, петушками на крышах, солярными знаками на воротах, палисадами. Дома в моем детстве были совсем молодыми, поэтому выглядели добротно, крепко, и казалось, что они будут стоять лет сто. Только один дом не походил на других своим настроением. Темный, с мезонином, заросший с головы до ног вьющимися растениями и какой-то благородный. Мне казалось, что там живет какая-то тайна. Каждый раз, проходя мимо этого дома, я осторожно

заглядывала в палисад, окна, но так ничего особенного не увидела. Папа говорил, что этот дом принадлежал какому-то старичку-садоводу. Но я не помню ни его лица, ни фамилии, кажется, Невцветаев. А не помню потому, что он жил в другом квартале. Своих-то соседей я до сих пор помню наперечет, хотя прошло более сорока лет с того страшного дня, когда пришел бульдозер и сравнял с землей роскошные яблоневые и вишневые сады моей Сосновки вместе с домами.

Еще из детского далека помнится старичок-сосед, с которым мы сходились только концами своих садов. Его дом выходил на улицу Маршала Рыбалко, такую же деревянную, цветущую, но только широкую. Он с супругой занимал половину дома, а вторую половину занимала семья из двух женщин, матери и дочери. Дочь работала пионервожатой в школе № 65. Старичок был часовщиком, и все стены его жилища были завешаны часами. Когда приходило время отбивать точный час, все эти часы начинали напевать различные мелодии или отстукивать час-другой. В каких-то часах отворялась дверца и выскакивала кукушка, чтоб прокуковать положенное. Именно в этом доме я впервые услышала звучание старинной фисгармонии. Сейчас, когда я вспоминаю этот дом, он чем-то напоминает мне уютные домики старинных русских городков, затерянных в глубине России типа Осташкова или Старицы, и описанных у Паустовского. Вот почему я могу читать и перечитывать его произведения. От них веет запахом детства.

На Сосновке был один деревянный магазин. Может быть, я ошибаюсь, что он был один. Он располагался в обычном одноэтажном деревянном доме на углу улиц Демьяна Бедного и Капитальной. В магазине были разные продуктовые товары. Но почему-то запомнился душистый горчичный хлеб. Такого я больше не едала. А может быть, он вспоминается таким вкусным, потому что это хлеб детства? Еще я помню большие плитки молочного шоколада с орехами, которые мне покупала мама. Мы жили сытно, но скромно. В магазине молока тогда, видимо, не продавали, поэтому мама покупала его у соседей Вотиновых, живших в другом квартале. На Сосновке все держали какую-то живность – кур, свиней, коз, коров. Я каждый день ходила вместе с мамой с алюминиевым бидончиком к молочнице – какое-никакое, а развлечение. Однажды мы пришли к ней и увидели, что вся ее большая семья в слезах. Умер Сталин. Я не помню, плакала ли мама. Я, несмотря на свои пять лет, не особенно осознавала, кто он такой, так как была семейным ребенком и портреты дедушки Сталина могла только видеть на демонстрациях или в служебных кабинетах, но я до школы не бывала ни

там, ни тут. В нашей семье его портрета не было, хотя я знаю, что тогда было принято весить даже в квартирах портреты вождей и поднимать праздничные бокалы за Сталина.

В далеких 1950-х годах в Закамске было в два раза меньше школ, чем сейчас, и размещались они в небольших деревянных зданиях. Хотя уже существовали каменные школы № 87, 69, 70. В годы войны было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Этот порядок соблюдался и после войны. Мальчики из Сосновки учились в семидесятой школе. А девочки нашего поселка ходили в женскую школу, которая была на Январском в двухэтажном деревянном здании. (После войны девочки учились в школе № 69, во время войны в этом здании был госпиталь). Его снесли в связи со строительством новой каменной школы. Теперь это школа № 14. Деревянная школа стояла почти на этом же месте. Сейчас до нее можно доехать за пять минут на автобусе. А раньше нужно было идти через лес, который начинался от улицы Шишкина и шел до Январского. Мама очень боялась наступления школьной поры. Но за год до моего прихода в школу почти рядом с нашим домом построили новое четырехэтажное здание школы № 27. Девчонки и мальчишки, жившие на Сосновке, переступили новый школьный порог в 1954 году. С этого года обучение вновь стало совместным. Я очень завидовала первоклассникам. Накануне первого сентября я прибежала к маме и стала ее уговаривать отдать меня в школу. «Но тебе же нет семи лет», – говорила она мне. «Ну а ты скажи, что мне уже семь», – упорствовала я, наивно полагая, что слов мамы будет достаточно. Конечно, мои мольбы не увенчались успехом, и я пошла в школу в свой срок, то есть только в 1955 году, когда мне уже было семь лет и семь месяцев.

ОТЦОВСКИЙ ДОМ НА ЛУНАЧАРСКОГО И ЛИПОГОРЬЕ (Воспоминания об отце, П. А. Хоринко)

Хоринко Петр Аркадьевич – кандидат биологических наук, доцент, заслуженный агроном Российской Федерации (РСФСР). Ректор Пермского сельскохозяйственного института с 1960 по 1974 г. В это время происходило активное строительство студенческого городка на Липовой горе.

Большая часть жизни отца прошла в Перми. Он рано уехал из дома в Москву, не смог поступить в Тимирязевскую сельхозакадемию (не добрал баллов), и гонцы из Пермского сельхозинститута сагитировали его в свой институт. С тех пор вся его жизнь была связана не просто с Пермью, но конкретно с нашим институтом, за исключением нескольких лет после его окончания.

Почти все школьные годы мои, до 8-го класса включительно, мы жили по ул. Луначарского, рядом с тюрьмой и липовым садом. По этой улице большая территория была занята несколькими домами, домиками, бараками, в которых жили сотрудники с/х института. Все эти строения располагались в общем большом дворе.

Отцу выделили в небольшом деревянном доме квартиру с отдельным входом. Одним из соседей был В. К. Бирих с семьей. Его вспоминаю часто, т. к. на занятиях по гистологии со студентами – будущими ветеринарами – мы пользуемся некоторыми гистологическими препаратами, сделанными им: хорошие препараты. Также я встречаю время от времени сына Бириха – доктора ф.-м. наук – в педагогическом университете. Квартира наша в этом доме была небольшой, помещения сырые, без всяких удобств: печи топили дровами. Родители пилили и кололи, и меня научили, и эти навыки я до сих пор не потерял. Воду приносили с колонки, мусоропровод – во дворе, холодный туалет – в сенях. Около дома – несколько небольших грядок с овощами. Вспоминаются детские игры в огромном дворе, которые кардинально отличаются от современных.

На большой площадке перед входом в двухэтажный преподавательский дом летом общими усилиями сотрудников разбивали цветник. По вечерам, после работы, старательно делали клумбы. Между ними – аккуратные дорожки. Работали вместе, весело. Организатором этого дела была жена Юдкина – Евдокия Ивановна. Дети активно участвовали. Мои родители – вместе со всеми, хотя отец реже, т. к. приходил поздно с работы. Работы было много: преподавал, готовил

кандидатскую диссертацию; помню, как готовился и сдавал кандидатский минимум. Это было труднее, чем в наше время – надо было два иностранных языка сдавать, а они ему давались туго. Он много занимался общественной работой, партийной.

В дополнение к описанию быта того времени: напротив нашего домика на некотором расстоянии стоял ряд сараев для дров, т. к. отопление в большинстве строений было печное. Центральное отопление радовало только жильцов двухэтажного дома и студенческого общежития. Обслуживала их кочегарка, стоявшая в одном из углов двора. Дымила страшно. И в целом по городу дымящихся труб было огромное количество; и мне кажется, снег в ту пору в городе был значительно чернее, чем сейчас. Рядом с кочегаркой лежали горы каменного угля и дров. Было такое раздолье для детских игр!

Очень приятны воспоминания, связанные с работой родителей в институте летом. Летнюю практику студенты института проходили в учебном хозяйстве на «Липовой горе», и большую часть лета наша семья жила в выделенной нам комнате в двухэтажном так называемом «белом доме». Когда-то в этом доме была психбольница, а сейчас он переделан в четырехэтажный жилой дом. В первое лето, проведенное на «Липовой горе», у отца была закладка опытов для кандидатской диссертации, а у мамы – много практических занятий со студентами, и очевидно поэтому нас с сестрой отдали на летние месяцы в детский сад на «Липовой горе». Здания, где он был, давно нет, на этом месте многоэтажные дома города. А на следующий год меня отдали в летний пионерский лагерь (хотя пионером я ещё не был), который открыли на первом этаже «Белого дома». Думаю, что это тоже было связано с дефицитом времени у родителей. В последующие годы летнее времяпрепровождение родителей было связано, в той или иной степени, с «Липовой горой», скорее даже, с расположенным там учебным хозяйством института, где проводились и опыты кафедры физиологии растений и микробиологии, в которых отец всегда принимал участие. В последние десятилетия жизни родителей – с мичуринским участком, расположенным на территории учебного хозяйства.

С послевоенных лет к настоящему времени «Липовая гора» очень изменилась: на месте бывших опытных полей выросли высотные дома, магазины, склады. Изменилась и территория, оставшаяся за учебным хозяйством: исчезла ферма, хотя улица, на которой стоит «Белый дом», называется Ферма 1; усилиями отца появилось много новых корпусов института, общежития, жилые дома. А какой восхитительный цветник с деревянными беседками был с левой стороны по дороге к «Белому дому»! Этот цветник был разбит под руковод-

ством Юдкина, который был тогда управляющим учебным хозяйством. Иногда отец с матерью водили нас, меня и сестру Валю, в этот цветник, эти прогулки запомнились на всю жизнь. Сейчас у сельхозакадемии на создание таких уголков отдыха нет средств, а возможно, и желания. Кстати, не всегда нужны и большие средства – цветник на Луначарского был организован Юджиной на общественных началах. В те времена и около «Белого дома» была зона отдыха с кустарниками, клумбами и скамейками. У отца, когда он был ректором, было желание восстановить сквер, но реализовать его он так и не смог, другие заботы оказывались более важными.

Позже, когда я уже был старшеклассником и далее студентом медицинского института, родители также постоянно тянули нас, детей (меня и двух моих младших сестер), на «Липовую гору», но уже в мичуринский участок, который приобрел отец. Очевидно, сказывалось крестьянское происхождение. Мама противилась этому приобретению. Но отец сагитировал меня, и мы вдвоем, можно сказать, тайно, без участия остальных членов семьи, заложили сад на 10 соток. На целине вспахали землю, внесли навоз, удобрения и посадили яблони, вишни, смородину, малину и много рядов садовой земляники-виктории. Мама, даже когда узнала об этом участке, поначалу отказывалась туда ездить. Она знала, каких трудов стоит в хорошем состоянии поддерживать сад и огород, т. к. выросла в частном доме с приусадебным участком; правда, в войну этот участок спасал от голодной смерти. Позже она смирилась с этим приобретением, взяла бразды правления участком в свои руки, также как и большую часть тягот по уходу за землей. Отец этим занимался в свое удовольствие только по выходным дням. Таким образом, приохотили к этому делу и нас – детей.

В период жизни на ул. Луначарского мы вели разговоры на любые свободные темы еженедельно по дороге в баню и обратно домой, это приблизительно 30 минут туда и 30 – обратно. Помню, что мы вели беседы на философские темы – он доводил до моего ума некоторые положения диалектического материализма, т. к. сдавал кандидатский экзамен по философии, хотя я к таким темам был еще не готов. Иногда я пытался выяснить всякие сведения о руководителях нашего государства. Особенно меня интересовала личность Сталина, т. к. среди сверстников он часто бывал темой обсуждений, кстати, не помню, чтобы о нем тогда рассказывали анекдоты. В связи с этим интересом отец пару раз брал меня на торжественные вечера, посвященные дню рождения Сталина: может быть, они назывались и по-другому. В актовом зале (там же, где и сейчас актовый зал академии), полном сотрудников, читались доклады, сотрудники

ДОМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРМСКИХ ХУДОЖНИКОВ

рассказывали о своих встречах со Сталиным; кажется, заканчивалось мероприятие концертом. Именно после этих бесед у меня появились ростки критичности к действительности и, особенно, к некоторым научным достижениям. Например, отец рассказывал о посещении института О. Лепешинской, бывшей воспитанницей Мариинской женской гимназии, ошибочности ее научной теории.

Работал отец, как я уже показал, много, пожалуй, это он любил больше всего, а нам, детям, больше всего нравился отдых с ним. Когда мы были школьниками, самое любимое для нас было – это поход за грибами. Получалось это не больше двух-трех раз в году. Причем, ходили за грибами даже на Липовой горе, и грибы были разные. У отца появлялся азарт, у нас тоже. У меня этот азарт и любовь к грибной охоте сохранились до сих пор и даже передались сыну.

Когда стали постарше, нравилось отмечать вместе праздники и дни рождения. У отца на таких мероприятиях больше всего было разговоров о работе и её результатах. Очень он гордился урожаями зерновых в учхозах, часто рассказывал на домашних застольях, как этого достигли. Прекрасно помню, что однажды отец получил большой начёт (или штраф) за то, что сумел в осеннюю непогоду организовать уборку и сохранил огромный урожай зерновых. Он на свою ответственность назначил дополнительную оплату зерном за ударный труд на уборочной. В результате весь урожай убрали почти без потерь, отец выплатил значительную сумму за «разбазаривание» зерна, а во многих хозяйствах области урожай пропал на полях, но руководители не пострадали (имеется в виду – материально).

В 60 лет административная карьера отца резко прервалась. Однажды он срочно уехал в Москву (в главк?) Через несколько дней вернулся расстроенным, хотя делал вид, что всё нормально, сообщил: всё, ректором больше не работаю, выхожу на пенсию. О причине, по которой его, очевидно, освободили от руководящей должности (или сам ушел), он нам не сказал, а как объяснял это в институте, мне неизвестно. В дальнейшем мама неоднократно пыталась выяснить у него причины, по которым прекратилась его ректорская деятельность, но он так до самой смерти их не раскрыл.

Но к институту он прикипел крепко. Без него не мыслил своего существования.

Мифологема Дома характеризуется глобальностью, универсальностью и имеет широкое распространение в различных культурах народов мира¹. Дом – это хранилище мудрости, защищенность, тепло и комфорт, а также традиция, связь с предыдущими поколениями. «Дом стал точкой кристаллизации в создании различных достижений цивилизации, символом самого человека, нашедшего свое прочное место во Вселенной»².

Проблема окружающего человека пространства, размышления о Доме важны в любой художественной системе. Образ Дома – одна из основных семантических составляющих национальной картины мира. Уже в мифологических представлениях древних славян чрезвычайно важное место отводилось Дому, который оберегал человека от невзгод, внешнего мира, создавал атмосферу защищенности и уюта. По мнению Ю. М. Лотмана, «дом с его атрибутами, постелью, печью и теплом – вообще закрытое и жилое пространство – воспринимается как «женский мир». Ему противостоит «поле», как пространство «мужское». Лотман отмечает, что для русских былин характерен сюжет ухода богатыря из закрытого пространства «на волю» – в степь и «пустыню»³.

Тема Дома (имения, дворянской усадьбы) на протяжении всего XIX века была одной из доминант русской литературы (в поэзии и прозе А. С. Пушкина, в произведениях Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова)⁴. Особенно актуальной становится тема Дома в переходные эпохи, на рубеже XIX–XX века, когда Дом особенно подвержен разрушению, в этот период «рассказ о доме в русской литературе, – это почти всегда окрашенный грустью рассказ о доме, которого уже нет»⁵.

Русская литература XX века также изобилует произведениями, в которых центральным является образ Дома (в прозе М. А. Булгакова, Ю. В. Трифонова, Ф. А. Абрамова, в поэзии С. А. Есенина, А. Т. Твардовского, А. А. Ахматовой, В. С. Высоцкого).

Мифологема Дома занимает заметное место и в изобразительном искусстве. В западноевропейском искусстве, например, тема Дома (часто взаимосвязанная с темой пути, дороги) развивается в творчестве нидерландских мастеров XVI в. И. Босха, П. Брейгеля. Другие знаменитые художники также в своем творчестве обращаются к образу Дома (христианской церкви), например, в работах, посвященных известной библейской притче о блудном сыне (А. Дюрер, Рембрандт). В русском изобразительном искусстве образ Дома (как об-

раз родной природы) развивается в творчестве русских пейзажистов-передвижников, прежде всего, в произведениях А. К. Саврасова, В. Д. Поленова, И. И. Левитана.

Рассмотрим, какую роль играл Дом в жизни и творчестве пермских художников. Для художника нет четкого разделения между повседневной и творческой жизнью. Очень часто у художников просто нет возможности иметь отдельное помещение для работы, поэтому Дом воспринимается художником не только как кров, но и как пространство для творчества. Художник всегда наполняет окружающую его повседневность особым смыслом. Например, совсем по-особенному воспринимает пространство своего жилого дома современный пермский художник К. М. Собакин, живущий в Суксуне (Пермский край). Он сам спроектировал и построил Дом. Это – жилой дом (в его обычном понимании), но это и мастерская художника, это и музей, в котором хранятся его работы, это и выставочные залы, где экспонируются его произведения (картины, скульптуры, прикладное искусство). Его Дом – это особенный, рукотворный мир – духовный и материальный. Множество бытовых вещей создано руками художника. Восприятие Дома К. М. Собакиным близко народному пониманию жилого пространства. Художник преклоняется перед искусством народных мастеров, чтит традиции, является проводником традиций народного творчества в наш современный технологичный мир.

Рассмотрим, как в XIX в. пермские художники организовывали пространство для творческой работы. Мастерской провинциального пермского художника была, как правило, одна из комнат съемной квартиры. Если художник жил в собственном доме, то под мастерскую отводилась просторная комната. В квартире художника могла располагаться даже художественная школа. Например, пермский художник А. И. Шанин стал знаменит в Перми тем, что, заработав дополнительные средства выполнением различных заказов, в 1888 г. впервые на Урале открыл частную рисовальную школу. Школа располагалась в одной из самых больших комнат квартиры, которую Шанин до 1906 г. снимал в доме известного предпринимателя А. Г. Каменского⁶. Из «Пермских губернских ведомостей» мы узнаем, что художник оборудовал класс в соответствии с академическими требованиями. Под класс был отведен просторный, светлый зал, «снабженный надлежащею обстановкою и пособиями...». В классе были «расположенные на экранах рельефы геометрических тел для первоначальных уроков по рисованию, целые гипсовые статуи и части их... пособий в школе Шанина более чем необходимо для элементарного класса». Кроме того, в классе были сделаны «специальные приспособления для освещения гипсовых моделей, так как занятия предполагались только в вечернее время»⁷.

Сохранились сведения и о мастерской известного художника А. Н. Зеленина, который в 1890-е гг. снимал квартиру во флигеле каменного дома купцов Алиных, на улице Сибирской. Там же в одной из комнат располагалась мастерская. На доме Алиных была сделана рекламная вывеска, перечисляющая различные виды работ, которые выполнял художник⁸. В 1907 г. Зеленин переехал в свой дом на Петропавловскую улицу. Дом, построенный по проекту самого художника, не уцелел, но сохранилось описание его интерьера, сделанное корреспондентом газеты «Звезда» в 1958 г. (в это время была еще жива жена художника – О. М. Зеленина). Корреспондент вспоминает, что «под мастерскую была отведена одна из самых больших и светлых комнат. Стены украшали картины, написанные художником еще во время учебы в Париже. Кроме этих работ в мастерской и в других комнатах можно было увидеть пейзажи, посвященные уральской природе, а также этюды, написанные художником во время его поездок во Францию, в Крым и на Кавказ»⁹. Стены гостиной и ширма были расписаны в стиле модерн на тему подводного царства. Известно, что эта тема была одной из любимых у художника. Одна из несохранившихся картин Зеленина – «На дне моря» – особенно была отмечена критиками и зрителями¹⁰. В мастерской художника был камин со специальным духовым шкафом для обжига стекла и фарфора. В доме сохранились детские игрушки из фарфора, глины, папье-маше, дерева, стекла. В тяжелые годы гражданской войны художник со своими учениками сделал большое количество детских игрушек на продажу (на вырученные деньги была открыта столовая для студентов). Кроме игрушек Зеленин расписывал фаянсовую и фарфоровую посуду. Он любил собирать и уникальные старинные вещи. В коллекции Зеленина была мебель в стиле ампир, сервиз из зеленого хрусталя, уникальная вышивка бисером конца XIX века.

В конце XIX – начале XX в. образ Дома играет, несомненно, большую роль и в произведениях пермских художников. Пейзажи Д. Ф. Николаева, А. Н. Зеленина, И. И. Туранского, П. И. Субботина-Пермяка посвящены уральской природе, Перми и ее окрестностям. Именно в городском пейзаже тема Дома раскрывается наиболее отчетливо. Художники запечатлевают различные уголки родного города. В небольшой по формату картине «Зимний этюд» (1910-е гг.) И. И. Туранский изобразил пермский дворик зимой, заснеженные крыши домов.

П. И. Субботин-Пермяк в начале XX в. также нередко обращается к пейзажному жанру. Одна из удачных его работ – «Дом в зелени» (1910-е гг.)¹¹. Картина Субботина-Пермяка импрессионистична. Деревья и дом тщательно не прописываются, создается ощущение, что зритель все воспринимает в быстром движении. Свет вечернего солнца, освещающего сад и скрывающийся за деревьями дом, по-осен-

нему приглушен. Бревенчатый, крепкий Дом с большими окнами в данной работе воспринимается как некий оплот, основа всего бытия. Здесь нет грусти, все овеяно настроением светлой, ликующей радости. В 1920 г. Субботин создает городские пейзажи: «Депо» и «Город»¹². В пейзаже «Город» Пермь показана при быстром движении сверху, может быть, с высоты полета аэроплана, эксперименты с которым проводил в это время в Перми В. В. Каменский. Мостовых не видно – только стены домов, наслаиваясь друг на друга, образуют подвижную городскую среду, напоенную золотом солнца и синевой прохладных теней. Дома распадаются на фрагменты, приобретают странные футуристические формы. Это образ Дома из веселого, искрящегося будущего, в которое Субботин-Пермяк искренне верил.

Традиции городского пейзажа развиваются пермскими художниками и в XX – XXI вв. К теме Дома обращаются художники-живописцы В. Н. Абусов, И. С. Борисов, С. П. Гирко, Р. Б. Исмагилов, В. Ф. Кузин, В. С. Печерский, В. И. Подкуйко, А. И. Репин. Они создают различные образы городского Дома в зависимости от погоды, настроения, освещения, личных ощущений. В работах художников есть и тревожно-романтические и спокойно-реалистические образы. Это могут быть образы старых, деревянных, часто покосившихся домиков, домов «сталинской эпохи», однотипных «хрущевок» или современных высотных зданий. Иногда художники видят своеобразную красоту в совсем «не парадных» мотивах, найденных в городском организме. Все вместе эти здания создают наш город, отражают разные эпохи. Такие пейзажи вызывают к «исторической памяти», заставляют по-новому оценить и воспринять наше далекое прошлое. Одна из острых тем современного города – тема современного урбанизма, причем урбанистический пейзаж становится объектом для размышления, для выражения критической позиции того или иного художника. Многие работы привлекают внимание нетрадиционным взглядом авторов на прошлое и настоящее нашего города. В станковой графике эту тему развивают И. В. Лаврова, М. С. Новожилов, И. П. Одинцов.

В XX – XXI вв. внимание пермских художников привлекает тема деревни. Деревенский Дом рассматривается ими как особенный мир, микрокосмос, который хотелось бы сохранить и уберечь от разрушения. «В народном сознании космос обживается как дом с родственным чувством к природе, ко всему человеческому. И реальный дом мыслится как часть космоса, создается по его подобию», – пишет известный исследователь народного искусства М. А. Некрасова¹³.

Эта тема волнует художников-живописцев М. В. Каеткина, Л. Малышеву, А. Н. Можарского, В. П. Новикова. Из молодых живописцев наиболее последовательно развивает «деревенскую» тему Елена Загарских. Особенно интересен ее пейзаж «Уральское утро»(2008) с

изображением деревни, домов, скал, женской фигуры, бредущей по размокшей, теряющейся в тумане дороге. Или пейзаж «Дом опустел» (2007), где показан полуразвалившийся, но когда-то крепкий деревенский дом. Художница размышляет о его печальной судьбе. Она создала своеобразные картины-впечатления, наполненные лирической грустью. Строгое, четкое построение, создавая впечатление монументальности, не мешает живому выражению чувств, ощущению непосредственности и свежести. Язык работ художницы пластичен, по-настоящему живописен и выразителен. Главное в нем – своеобразие колорита, плотного и насыщенного.

Таким образом, тема Дома по-разному представлена в творчестве пермских художников конца XIX – XXI вв. и особенно рельефно и отчетливо она проявилась в жанре городского и «деревенского» пейзажей. Пермские художники не только по-разному трактовали и изображали Дом в своих произведениях, но и всегда по-особенному относились к жилому пространству, их окружающему, которое они также наделяли особым смыслом, особой эстетикой.

¹ Мифологема (от др.-греч. - сказание, предание и др.-греч. - мысль, причина) - термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира // Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

² Бидерман Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – С. 73.

³ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996. – С. 265.

⁴ См.: Габдуллина В. И. Мифологема Дома в произведениях Достоевского // Славянский мир: прошлое и современность: сб. науч. тр. – СПб.; Самара; Барнаул: БГПУ, 2001. – С. 167-171.

⁵ Лассан Э. О соотношении концепта «дом» с другими концептами в текстах русской культуры // Узоры ковра: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». – СПб.; Ставрополь, 1999. – С. 104.

⁶ Шешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. – Пермь. 1999. – С. 368.

⁷ ПГВ. – 1888. – 29 окт.

⁸ Шешилова Е. А. Указ. соч. – С. 187.

⁹ Майданов Г. В доме уральского художника А. Н. Зеленина // Звезда. – 1958. – 31 авг.

¹⁰ ГАПК. Ф. р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹¹ Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей. ВРП -3234.

¹² Пермская государственная художественная галерея. ВРП-2434.

¹³ Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры: Теория и практика. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – С. 31.

НЕВЕДОМЫЙ ШЕДЕВР

12 июня 2009 г. в Перми, в сквере возле Оперного театра был открыт первый в России памятник Пастернаку – бюст работы московского скульптора Елены Мунц, архитектор пьедестала – Пётр Попов-Серебряков.

Это – Борис Пастернак того времени, когда во Всеволодо-Вильве был написан «Марбург», первое стихотворение, которое понравилось отцу:

*В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал на зубок,
Шатался по городу и репетировал.*

Через год выйдет сборник «Сестра моя – жизнь» с подзаголовком «Лето 1917 года» – это летняя книга. В ней – революция и любовь. Елена смеется в этой книге, даже капли дождя смеются, целуясь, «и не разлучатся», как влюбленные в последнем стихотворении Пастернака:

*И дольше века длится день,
И не кончается объятье.*

На нём кашне, свитер с высоким воротом. Есть фотографии – Борис в этом глухом свитере с вершины смотрит вдаль. Имя горы – Дресва.

Летом семнадцатого года Борис полон иллюзий. «Подумайте.... Море крови и грязи начинает выделять свет». Лето в этой книге – не просто лето, одно из лет, а именно лето семнадцатого года. Осень ушла в другую книгу – «Темы и вариации». «Озверели все...» Вглядимся в скульптурный портрет Бориса Пастернака. Во взгляде его, повороте головы – и лето, и осень.

В глубинах сквера – бюст кронштадского матроса, карателя Павла Хохрякова. Королёвские номера, откуда увели на расстрел Михаила Александровича Романова, – вот они, на расстоянии выстрела из «товарища маузера». И до балкона Пушкинской библиотеки, Дома Смышляева, куда вышли Лара и Юрий Живаго, достанет выстрел. Может быть, это не матрос Хохряков, а муж Лары, Антипов, взявший себе другую фамилию – Стрельников?

Осенью Борис простудился и слёг. Из окна комнаты в Лебяжьем переулке виден Кремль. В декабрьских метелях он казался то бредущим путником, то кораблем...

Вот Борис несет лопату алых углей из голландской печи в другую печь. Сидит перед огнем в глухом, под горло, уральском свитере, мешая уголья.

В книге «Сестра моя – жизнь» есть строчки, которыми Пастернак корили всю жизнь, как человека далёкого от жизни:

*В кашне, ладонью заслоняясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?*

Видите ли, он шарф натянул, чтобы форточку отворить! Так вот, это кашне развеивается за плечами Бориса, делая его летящим:

*Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?*

Есть и такая версия: «в кашне» – в каше, кашне, в суете сует; «жизни мышья беготня»...

Так много дум наводит памятник в глубинах Театрального сквера. Можно поздравить жителей нашего города с шедевром Елены Мунц. «Шедевр» по-французски – «хорошая работа».

Но появился в нашей Перми и другой памятник – неведомый шедевр...

В 1839 г. император Николай повелел нулевым километром считать Адмиралтейство в Санкт-Петербурге, Кремлёвский дворец в Москве и почтамты во всех прочих городах. Через полтора века знак начала всех дорог России был вмонтирован в брусчатку Красной площади возле Иверских ворот. И началось копирование этого знака – Архангельск, Барнаул...

И в Перми появился нулевой километр у Главпочтамта. Но наш, пермский знак, сделанный по проекту фотохудожника Германа Соколова – особенный. Не круг, не помпезная стела – просто полосатый столб.

*Только вёрсты полосаты
Попадаются одне...*

«Нулевой километр. До Москвы 1300 вёрст». Именно вёрст! Выше – небольшая мраморная плита – её словно «вынули из нового уральского футляра», а над плитой что-то вроде зонтика.

Знак был открыт в феврале 2002 года, ровно через 225 лет после того, как отставного поручика Егора Германа назначили почтмейстером, привели к присяге, вручили две кожаные сумки, печать и штемпель. Это было грандиозное событие – первый пермский почтальон, солдат (тоже бывший) пермской губернской роты Пётр Горбунов положил в кожаную сумку первое письмо и отправился к первому его получателю! «Жду ответа, как соловей лета!»

**«СТРОГАНОВСКИЙ КРЕМЛЬ» В РОМАНАХ
МИХАИЛА СТРОГАНОВА «КАМНИ ГОСПОДНИ»
И ПАВЛА СЕВЕРНОГО «СКАЗАНИЕ О СТАРОМ УРАЛЕ»**

В ненастный осенний день брел я от дома Смышляева, угол Сибирской и Петропавловской, к дому Грибушина на Покровской, раздумывал над тайными смыслами пьесы, которую второе столетие ставят лучшие режиссеры мира, пьесы, где люди едят, пьют чай, говорят о том, что будет через двести лет и где ни с того, ни с сего в овраге за оперным театром убивают человека немецкой национальности.

Прохожу мимо рекламного щита: «Элитный кирпич всех марок: керамический, полнотелый, пустотелый. Телефон... Доставка до Перми». Почта. Поднимаю глаза, вглядываюсь в свилеватую текстуру мраморной плиты. Что это? Не сразу, как водяной знак, проступает рисунок – морось ли, снег ли, будто на ветру женская фигурка в белом плащике, ветровке ли: «Маша! Машенька!»

Почему же Маша? Вспомним «пермскую» пьесу Чехова «Три сестры»:

Ирина. Уехать в Москву. Продать дом, покончить всё здесь, и в Москву...

Ольга. Да! Скорее в Москву...

Ирина. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве... В Москву! В Москву! В Москву!...

Ирина. Поедем в Москву! Умоляю тебя, поедем! Лучше Москвы ничего нет на свете! Поедем, Оля! Поедем!

Впрочем, ехать не на что – дом заложен, Андрюша проиграл его в карты. Ольга никуда не уедет. Ирина после смерти Тузенбаха одна отправится из города, где в мае идет снег, еще дальше от Москвы, – на кирпичный завод. А Маше хорошо там, где Вершинин. Его бригаду переводят из глубины России в одну из горячих точек того времени, кажется, в Польшу...

Нулевая верста – это лаконичный и точный памятник великой пьесе! Отсюда идёт отсчёт пути, из глубины России. Этот знак живет по законам сцены – во всех временах года. Зимой рисунок занесло снегом, но я дождался весеннего действия и увидел крадущегося Сережу Копышко, похожего на Гекльберри Финна и одновременно на чеховского Федотика с фотоаппаратом (тогда это была новинка почище планшетного компьютера).

– Глянь, Серёга!

Он глянул и стал похож на сеттера в стойке. Через десять минут вскричал «Милостивая государыня!» и, не отрывая взгляда от плиты, расчихнул мощный объектив верного Никуна.

Уральские писатели, обращаясь в своих романах к историческому прошлому пермской земли, как правило, подробно описывают быт купеческих усадеб. Не являются исключением романы Михаила Строганова «Камни господни» (СПб.: Крылов, 2006) и Павла Северного «Сказание о Старом Урале» (М.: Вече, 2009).

1569 год. Родоначальник купеческого рода Аника Строганов при смерти. Уже принят иноческий постриг и построен монастырь с родовой усыпальницей, но не может Аника отойти от мирских дел: неспокойно отцовское сердце за сыновей, строящих городки возле Уральских гор. Такова канва романа «Камни господни». В то же время и в том же месте происходит и действие первой части романа «Сказание о Старом Урале» – «Рукавицы Строганова». Рассмотрим, какое место здесь занимает семантическое поле «Дом», из каких понятий оно складывается.

На первых же страницах романа М. Строганова появляется обобщенное понятие «строгановский кремль»: «За снежной пеленой двор, прозванный в народе строгановским кремлем, показался нескончаемо большим и пустынным, быть может, даже не существующим, призрачным наваждением пурги, дурачащим и уводящим взгляд в бесконечную мерцающую рябь» («Камни господни»).

Одним из основных при описании строгановского кремля и в том, и в другом романе является понятие «крепость». Именно крепостные стены служат границей владений, спасая Дом от врагов: «Вдалеке показались срубные крепостные стены с двумя восьмигранными башнями у ворот...» («Камни господни»). «За крепостной стеной по земляному валу, утыканному кольями, пробился из земли молодой кустарник и свежая еловая поросль... Крепостные стены сложены из бревен «тарасами», то есть готовыми срубами. Проемы между двумя рядами бревен засыпаны землей и заложены бутовым камнем. Высота вала и стен – семь сажен, а сторожевые башни со всполошными, набатными колоколами – того выше» («Сказание о Старом Урале»).

Важным понятием в описываемом семантическом поле является понятие «храм», и связано это не только с ведущей ролью христианства в купеческой жизни, но и с авторской картиной мира, в которой концепт «вера», по нашим наблюдениям, является одним из основ-

ных. М. Строганов описывает Благовещенский собор, Спасо-Преображенский Пыскорский монастырь, внутреннее убранство и священную силу храмов: «Храм еще не был построен, но службы в нем шли регулярно: Аника Федорович вкладывал в собор оставшуюся надежду и нежность, словно исполняющий волю Божью патриарх. Рядом с собором Аника заложил и родовую усыпальницу, чтобы по воскресению из мертвых род не потерялся, а в единении вошел в жизнь вечную»; «Спасо-Преображенский Пыскорский монастырь стоял не на возвышенности, как принято на Руси, а словно просел, сполз с высокого холма, или, подобно большой ладье, причалил в устье небольшой речки Нижней Пыскорки»; «В храме было темно и тихо: только голос священника, дыхание присутствующих, да доносящееся с улицы беспокойное переступание лошадей» («Камни господни»); «На Пыскорском склоне, за такими же высокими стенами, у самой маковки горы, раскинулся основанный Аникой Строгановым Преображенский монастырь с храмом, покоем игумена – Питирима и келиями братии. С его стен видны болотистая пойма речки Пыскорки и синеющие дали уральских лесов» («Сказание о Старом Урале»).

Еще одно понятие, на которое обращают внимание оба автора, – «трапезничанье». Павел Северный так описывает трапезную воеводы: «В трапезной воеводских хором стол накрыт парчовой скатертью. Свечи в медных свешниках уже оплыли, закапали подставки в виде огромных лап... На столе глиняные миски с остывшей стерляжьей ухой, подносы с пирогами, ломтями хлеба, оладьями, плоские тазы с засолами и холодным мясом, пареная осетрина с инбирной подливой» («Сказание о Старом Урале»). Михаил Строганов с таким же вниманием к деталям описывает строгановский погреб: «Григорий деловито осматривал каждый сосуд, приносивался, не появился ли у рассола дурной запах, приподнимал дощечки, с удовольствием пробуя хрустящие огурчики на вкус» («Камни господни»).

Роман «Сказание о Старом Урале» также отличает внимание к бытовым деталям. На многозначности одной из них построено название первой части романа – «Рукавицы Строганова»: «Строгановы, брат, мужики умные, а потому в рукавицах орудут. Двойные они. Ближе к телу – беличий мех на сукне, но это лишь нутро. Поверх надета рукавица кожаная, красная цветом, чтобы на ней свежая кровь не была заметна, а как подсохнет, то, как грязь, сама осыпается» («Сказание о Старом Урале»).

Подробно описывает Павел Северный строгановскую избу: «Изба Иоаникия Федоровича Строганова в Конкоре стояла от всех других в окружении двенадцати кедров, потому и любил хозяин называть свою хоромину апостольской. Сруб этой низкой избы наполовину

врыт в землю. Чтобы открыть тяжелую дверь, окованную железом, надо опуститься по шести ступенькам крыльца. Гость попадал в темные сени, а из них уже вторая дверь, украшенная узорами из меди, вела в огромную хозяйскую горницу. Пол в ней сплошь покрыт коврами и медвежьими шкурами, нога нигде не ступит на голую половицу. Стены в избе чисто тесаны под скобу, оставлены круглыми, а цветом они иссиня-седые, оттого что сосновые бревна с истоков Вишеры. Заставлена изба дубовыми сундуками, окованными железом. Стоят они горками один на другом. Широкая русская печь изукрашена ценной хитростью – цветными изразцами ростовской либо ярославской выделки» («Сказание о Старом Урале»).

При описании внутреннего убранства строгановского дома актуальным для обоих авторов оказывается понятие «свет»: «В светелке было покойно. От большой, покрытой расписными изразцами печи шло утробное густое тепло. В серебряных подсвечниках оплавлялись восковые свечи...» («Камни господни»); «Красный угол опочивальни увешен образами-складнями; на них шевелятся желтые пятна от огоньков четырех лампад. Вдоль стен под накинутыми ковриками – сундуки с добром» («Сказание о Старом Урале»).

Как мы видим, семантическое поле «Дом» в рассматриваемых романах базируется на одних и тех же понятиях. Однако есть и отличительные черты. Так, Михаил Строганов большое внимание уделяет такой периферийной зоне данного семантического поля, как «традиционная обрядность». Дом, кремль, купеческие хоромы оживают благодаря праздничной суете. Автор рисует яркие картины следующих традиционных праздников.

Масленица. К ней Строгановы готовятся загодя, продумывая все до деталей: «Сначала слово держали приказчики: сколько отпустили мешков муки да горшков с маслом, сколько приготовили на закуску бочек с солеными огурчиками на хреновом, да на смородиновом листу, сколько кадок капусты с брусникой да клюквою, сколько ведер хлебного вина да браги будет разлито по ковшам и чаркам от строгановских щедрот. Потом докладывали Григорию Аникиевичу старосты, сколько построено в Орле горок да качелей, сколько и от каких дворов будет подано саней для катания, кто из кулачных бойцов выйдет для народной потехи, а кто будет биться насмерть, за честь и уважения пойдя с рогатиной на медведя, и кто пожелал скорморощничать и быть битым за деньги» («Камни господни»).

Пасха. Глазами одного из героев писатель рисует картины народного гулянья: «Карий радовался, что не послушался увещаний и отправился на улицу, смотреть Пасху... Неподалеку от церкви молодые девки на выданье вели хоровод и, по стародавнему

МОТОВИЛИХИНСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД – РАЙСКИЙ САД – ТЕАТРАЛЬНЫЙ САД – САД ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА

Уголки старой Перми у жителей города вызывают воспоминания о его прошлом, а гостям помогают почувствовать Пермь, увидеть ее красоту, ощутить уют и гостеприимство. Один из таких живописных уголков чудом сохранился в Мотовилихе.

XVIII век – время бурного развития металлургической промышленности в России. Благодаря неутомимой деятельности Василия Никитича Татищева на Урале появляется ряд новых казенных заводов [1]. Так, в 1735 г. В. Н. Татищев подписал два определения о возведении нового медеплавильного завода, и в 1736 г. состоялась его закладка. Свое название завод получил от речек Большая и Малая Мотовилиха, которые кружились, петляли и сливались в одну небольшую реку. Петлистая река напоминала мотовило – приспособление для наматывания пряжи. Летом 1738 г. Мотовилихинский медеплавильный завод был пущен в действие. На нем выплавлялась медь, которая продавалась за границу, шла на отливку пушек и колоколов, чеканку монет [2].

Все механизмы на заводе приводились в движение водой из заводского пруда. Мотовилихинцы до сих пор любят рассказывать легенду о том, что появление завода и пруда было неслучайно. Старинное предание гласит:

«Жил-был в этих краях пригожий молодец, потомственный кузнец. Присмотрел себе в соседях девицу, свадьбу веселую справил. Год проходит, другой, третий – а детей у них нет. И надумал он обратиться к знахарю за советом. Тот взял свечу, растопил воск, вылил его в чашу с водой, а потом и говорит: «Сердится на тебя старшая из речек – Большая Мотовилиха. Ведь ты железо раскаленное в воду опускаешь, с огнём её соришь. Ступай к ней на поклон».

Вот и поплыл кузнец на другой день по Каме в лодке к Большой Мотовилихе. Явилась она вся в серебряных струях. Поведал ей кузнец свою печаль. А она отвечает: «Помогу тебе, так и быть, сниму с тебя моё проклятье. Только обещай мне, коли у тебя ро-

поверью, под нескончаемые слезные песни загадывали на жениха... К ним подходили старики, кланялись и взамен христосования задорно кричали: «Дай вам Бог жениха хорошего, не на корове, а на лошади!» («Камни господни»).

Ночь на Ивана Купалу. Праздник не христианский, а языческий, но не менее важный для жителей строгановских вотчин: «Купальская ночь истаяла быстро, как брошенная на раскаленные камни восковая свеча, осыпаясь поутру теплыми целебными росами. Немошные, на деревянных подпорках, изжившие свой век старики и старухи с наброшенными на иссохшие тела самоткаными саваннами, увечные, с обмотанными тряпицами костылями – все потянулись в предрассветный лес, искать у Купалы избавления от недугов, либо легкой и скорой смерти. Забывая о сраме, люди скидывали с себя одежды и покрывала, принимая земное благословение томимую мукою, исстрадавшейся наготой» («Камни господни»).

В романе Павла Северного актуализируется другая периферийная семантическая зона поля «Дом» – «Традиционные занятия и ремесла». Он описывает:

Бортничество: «Речка выше плотины вольготно разлилась, превратила овраги в омуты. В бору папоротник, муравьиные кучи. На версты в нем вокруг – природные борты, а возле запруды повешаны на деревьях колоды ульев. Не сразу углядишь в бору пчельник – приземистую избу, омшаники и медуши» («Сказание о Старом Урале»).

Скотоводство: «Из ворот торгового посада пастухи выгоняли мычащее и блеющее стадо на луга, прямо чуть не под стены крепости» («Сказание о Старом Урале»).

Солеварение: «С береговых причалов, где шла погрузка соли на плоты и баркасы, доносило окрики грузчиков» («Сказание о Старом Урале»).

Таким образом, ядро семантического поля «Дом» в романах Михаила Стrogанова и Павла Северного образуется из нескольких ключевых понятий: «Крепость», «Храм», «Трапезничанье» и т. д. Однако периферийную зону данного поля каждый из авторов выстраивает по-своему. М. Стrogанов – обращаясь к понятиям семантической зоны «Традиционная обрядность», П. Северный – актуализируя понятия семантической зоны «Традиционные занятия и ремесла». Для каждой из них авторы романов находят свои образные средства, погружая читателя в жизненный уклад строгановских вотчин.

дится сын, ты у нас с сестрой погостишь три дня и три ночи и скуешь нам по серебряному ожерелью». Дал клятву кузнец так и сделать. А на следующий год, весной, к радости кузнеца родился у него сын. И отправился он, как и обещал, в гости к речкам-сёстрам. За три дня и три ночи выковал им по серебряному ожерелью на загляденье. А когда вышел из их хором на белый свет, то увидел внизу, у горы Вышки, старуху, а с нею рядом – пригожего молодца и маленького мальчика. Увидев его, старуха запричитала: «Гляди внучок, гляди, сын мой, вот здесь живут коварные разлучницы, речки-сестры, много лет назад заманившие к себе моего мужа, а вашего отца и дедушку».

Оказалось, что не три дня и три ночи пробыл кузнец в гостях у речек, а тридцать лет и три года. За это время и сам стал стариком. В народе говорят, что силы небесные наказали сестёр-речек за его полуманную жизнь. Стали люди в этих местах медеплавильный завод строить и заковали сестриц-речек в общие берега, превратились они в заводской пруд. Только старшая из сестёр до сих пор не смирилась – плачет день и ночь, вырваться на свободу хочет. Так появился из её слёз водопад у заводского пруда. Говорят, по ночам душа её в виде красавицы-девицы выходит из воды. Чешет она свои прекрасные волосы, а поутру длинные изумрудно-зелёные пряди её волос появляются в водопаде из её слёз» [3].

В 1823—1858 гг. на территории Мотовилихинского медеплавильного завода находились: заводская контора, командная, плавильная, припасная и провиантская части, управление рудниками, чертёжная и лаборатория. В 1825 г. по проекту известного архитектора И. И. Свиязева было построено в стиле позднего классицизма здание новой медеплавильной фабрики.

Производство заводов включало в себя: один действующий пруд, восемь медеплавильных печей, два горна, шлейзофен, действующий газами, три водоналивных колеса, шесть медных рудников в Мотовилихинской даче. Вспомогательное производство составляли: кузнечный, столярный и слесарный цеха, толчея для шихтного мусора, три сарая для производства кирпичей, мукомольная мельница [4].

Интересное описание завода оставил писатель П. И. Мельников-Печерский в своих «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь»: «Он находится в четырех верстах от города на речках Большой и Малой Мотовилихах и Иве, и расположен между двух гор, из которых одна отделяет его от города, а другая находится выше по течению Камы. Мотовилихинский завод основан в 1736 г. по указу Государственного Бергъ-Директориума на

землях баронов Строгановых, и пошёл в ход в 1738 г. По управлению он зависит от казённого Юговского завода, находящегося также в Пермском уезде. Медную руду, впрочем, очень бедную, достают в шахтах, находящихся около Перми. В заводе восемь доменных печей, раздуваемых восемью мехами, которые приводятся в движение водой. Печи не очень велики: в них засыпается враз на угли пятьдесят пудов руды и пятнадцать песка в каждую; медь выпускается в четыре часа пополуночи» [5].

2 октября 1824 г. Мотовилихинский завод посетил император Александр I. Осмотрев завод, он повелел «раздать мастеровым по рублю, а отставным – по два...» [6].

Более 120 лет Мотовилихинский завод производил первоклассную медь, чем заслужил широкую известность в России и за её пределами, но в связи с истощением медных рудников в начале 1860-х гг. был закрыт. Почти все его постройки снесены, а рабочие, использовав заводской пруд и водопад, превратили территорию в сад, назвав его Райским.

К началу 1870-х гг. относятся первые упоминания о спектаклях заводского театра, который разместился в уцелевшем каменном здании упразднённого медеплавильного завода. Театр состоял из вестибюля с кассой в виде изящной резной будочки, гардероба, буфета, сцены и зрительного зала, орнаментированных в русском стиле [7]. Здесь играли пьесы Островского, Гнедича, Салова, Рутковского, князя Сумбатова, исполнялись водевили Григорьева и Чехова, устраивались музыкально-литературные вечера с благотворительными целями. Первоначально и участники спектаклей, и зрители (за редким исключением) принадлежали к определённому кругу местного образованного общества. Постепенно количество лиц, посещавших заводской театр, увеличивалось. Публика становилась более разнообразной по социальному составу [8]. Так Райский сад на месте медеплавильного завода превратился в театральный сад. В нём была воздвигнута часовня в память об освобождении мастеровых и просуществовавшая до 1917 г. [9].

Общество трезвости, открывшееся в Мотовилихе в декабре 1894 г., стало ежегодно в летнее время устраивать в Театральном саду народные гулянья с иллюминацией, музыкой, состязаниями на призы. По временам на этих гуляньях в саду на открытой сцене ставились любительские спектакли, а на цирковой арене давались цирковые представления. Гулянья привлекали массу народа. Так, в 1899 г. на 18 гуляньях в саду побывало более 12 тысяч посетителей [10]. В «Пермских губернских ведомостях» так описывается первое в сезоне народное гулянье в саду, устроенное Обществом борьбы с пьянством

16 мая 1899 г.: «Играл оркестр военной музыки под управлением г-на Крючковича. Платных входных билетов было выдано более пятисот, почему сад, сравнительно маленький, был полон гуляющей публики. Хорошо торговали буфеты – чайный и с прохладительными напитками. Были устроены бега на призы в мешках и масках» [11].

В этом же, 1899 году, в Театральном саду проходило чествование А. С. Пушкина (отмечалось 100 лет со дня его рождения). Праздник был устроен местным комитетом Общества борьбы с пьянством. В «Пермских губернских ведомостях» есть подробное его описание.

Почти с половины дня 27 мая около сада при заводском театре было заметно большое оживление, и масса народа охотно раскупала входные билеты в сад и в театр. Учредители праздника предполагали исполнить все номера программы на открытой сцене в саду, но неблагоприятная погода помешала этому. После исполнения на открытой сцене хором певчих, с участием любителей, «Боже, Царя храни, славному долгие дни», дальнейшая программа происходила в театре. Из номеров, поставленных в первом отделении, были отмечены стихотворения А. С. Пушкина «Утопленник» и «Гусар». Дружно было пропето хором «Над Невою резво вьются», повторенное по желанию публики. Во втором отделении публике понравились живые картины из поэмы «Полтава»: «Кочубей пишет донос», «Кочубей в темнице» и «Мазепа и безумная Мария». В третьем отделении были очень хорошо поставлены сцены из «Бориса Годунова» «В келье Чудова монастыря» и «В корчме на Литовской границе». «Исполнителям шумно хлопали, и если бы не апофеоз, совсем неудавшийся, публика, вероятно, оставила бы театр и сад с лучшими воспоминаниями о таком редком празднике».

Все празднество было закончено к часу ночи. Произошло это, главным образом, потому, что делались непомерно длинные антракты между отделениями и перерывы между отдельными номерами программы. В заключение отмечался тот отрадный факт, что здешние рабочие шли на пушкинский праздник с большой охотой. Все входные билеты в сад были разобраны, разошлись также и билеты в театре, за особую плату. От души приходилось пожалеть, что не представилось возможным исполнить программу праздника на открытой сцене [12].

14 мая 1900 г. Общество трезвости устроило в Театральном саду необычную игру для подростков – «Англо-бурская война» [13].

Здание заводского театра не сохранилось. Летом 1911 г. завершилось строительство Народного дома на территории, ранее занимаемой Мотовилихинским медеплавильным заводом. Общество трезвости устраивало в нем спектакли, танцевальные и костюмиро-

ванные вечера, лекции, бесплатные уроки певческой грамотности для взрослых. В дни юбилейных торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых на сцене Народного дома с успехом прошла опера «Жизнь за царя», поставленная А. Д. Городцовым [14]. До нас Народный дом дошел в перестроенном виде.

Помимо Народного дома сохранилось здание бывшей конторы завода, сейчас в нем располагается хлебозавод. Здание имеет два крыла, из которых к XVIII веку специалисты относят южное. Архитектурные украшения отсутствуют, что было традиционно для уральских строений этого времени. Поскольку здание строилось на неровной площадке, в его левой части пришлось сделать искусственную подсыпку фундамента. Она укреплена каменной кладкой и сохранилась до наших дней. В советское время к зданию был пристроен третий этаж [15].

Незадолго до революции в тополевой аллее сада располагалась кавалерийская часть жандармерии.

В 1930-е гг. сад был переименован в сквер им. Я. М. Свердлова. По воспоминаниям старожилов, в 1930—1940 гг. сюда приходили отдыхать все жители города, а не только Мотовилихинского района. Причем ходили семьями, потому что каждый мог найти себе развлечение: полюбоваться на каскад водопадов со старинной плотины бывшего медеплавильного завода, искупаться в пруду, или послушать выступление самодеятельных и профессиональных артистов с летней эстрады в виде раковины. В саду были также летние залы для любителей бильярда и шахмат, библиотека. На спортплощадке играли в волейбол, метали ядра, имелись снаряды для силовых упражнений. У молодежи одним из любимых мест в саду была танцевальная площадка.

В советское время в саду часто проводились праздничные мероприятия. Особой популярностью пользовались детские праздники и «ситцевые балы» (1950-е годы), на которых среди девушек устраивался конкурс на лучшее ситцевое платье. Победительница в качестве приза получала отрез ситца.

И вот на наших глазах сквер им. Свердлова вновь стал превращаться в райский уголок Мотовилихи. В 2008 г. во время очистки территории (уборки поросли) обнаружили статую ангела из натурального камня. Он органично вписался в атмосферу сада. Появилось поверье: если прикоснуться к скульптуре и загадать желание, то оно обязательно сбудется.

Кроме ангела, в этом саду можно увидеть интересную статую: на постаменте – собака-водолаз. Памятник называется «скорбящий ньюфаундленд». Он был создан в 1995 г. в память о кинологе – Яни-

се Альбертовиче Маркодсе. Рижанин, последние десять лет своей жизни он жил в Перми, в Мотовилихе. Впервые организовал дрессировку собак-спасателей, создал клуб любителей ньюфаундлендов «Сириус», участвовал в создании клуба «Котофей», провел первую выставку кошек в городе. Однажды, когда он гулял с собакой-водолазом по кличке Раймонда на берегу пруда, его настиг сердечный приступ. Вызвали скорую помощь, но спасти кинолога не удалось. Поэтому и называется памятник «скорбящий ньюфаундленд».

Одним из украшений сада является восьмиколонная ротонда, отчасти напоминающая ротонду в Горьковском саду в Перми.

Особую изысканность и уют саду придают фонари (установлено 67 светильников серии «Петергоф»), ажурные решетки, арки и изящные мостики, украшающие канал. Можно с удовольствием в жаркий день пройтись по дорожкам, вымощенным натуральным камнем, полюбоваться тенистыми аллеями, ухоженными клумбами, послушать приглушенный рокот водопада в жаркий день.

1. *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 6-7.

2. *Екатеринбургская монета: производство и коллекционирование: путеводитель по выставке.* – Екатеринбург, 2007. – С. 15.

3. *Дневники историка бытовой экспедиции музея-Диорамы: 2002 г.; Русские легенды и предания: ил. энциклопедия.* – М., 2006. – С. 31.

4. ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 426. Л. 178-190; Оп. 2. Д. 4. Л. 2.

5. *Дмитриев А. А.* Указ. соч. – С. 187-188.

6. *Мельников-Печерский П. И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Мельников П. И. (А. Печерский). Полн. собр. соч. – СПб., 1898. – Т. 12. – С. 221-222.

7. ПГВ. – 1874. – № 5. – С. 2.

8. ПГВ. – 1894. – № 117. – С. 2; Пермский край. – 1902. – № 533. – С. 2; № 542. – С. 2.

9. ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 36.

10. ПГВ. – 1900. – № 12.

11. ПГВ. – 1899. – № 104. – С. 2.

12. ПГВ. – 1899. – № 114. – С. 3.

13. ПГВ. – 1900. – № 105. – С. 3.

14. *Народно-певческое дело в Пермской губернии: отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1913 г.* – Пермь, 1915. – С. 18.

15. *Кириллов Б. П.* Рассказы о Мотовилихе. – Пермь, 1998. – С. 25.

ВДОЛЬ ПО УЛОЧКЕ ОХАНСКОЙ

Императорская ротонда. Как и другие древние города Прикамья – Чердынь, Соликамск, Усолье – Пермь делилась на три части: «старую деревню», «собственно город» и «новую деревню». Вплоть до 1917 г. к «старой деревне» относились улицы, идущие от Егошихи до четной стороны Оханской улицы (ныне улица Газеты «Звезда»). От нечетной стороны до улицы Далматовской (ныне Попова) располагались кварталы «собственно города». То есть улица Оханская издревле представляла исконное лицо Перми. А потому путешествие по ней представляется особо интересным и познавательным. Итак, в путь!

С высокого берега Камы потекла в центральные кварталы Перми Оханская улочка, всего-то лет десять назад одна из самых тихих и уютных в городе, появление автомобиля на которой было скорее исключением, чем правилом.

Патриархально тихая (летом утопавшая в зелени садов, а зимой выстраивавшая вдоль тротуаров крепости высоких сугробов), улица эта имеет особую ауру, пропитанную ароматом истории.

Не обходили ее стороной ни праздники, ни страшные беды. 14 сентября 1842 г. произошла катастрофа – пожар истребил лучшую часть города, выгорела почти вся старая Пермь, в огне погибло 300 домов. Свидетели сообщали, что зарево пожара было видно за многие десятки километров, например, в Оханске. Впрочем, на Оханской улице Перми бедствие как раз и разрослось в катастрофу. Вот как об этом писал в «Пермских губернских ведомостях» выдающийся общественный деятель края Дмитрий Смышляев: «При сильном ветре огонь... с дома губернского землемера Киттары направился к Каме по правой стороне Оханского проулка...»

А двумя десятилетиями ранее – в 1824 году – губернатору К. Я. Тюфяеву и городскому голове Д. Е. Смышляеву предстояло подготовить город к высочайшему визиту, к посещению Перми императором Александром I. К приезду государя была благоустроена самая зеленая улица города – Оханская. На высоком берегу Камы, где мы сейчас с вами и находимся мысленно, на задах Архиерейского сада была построена белоснежная ротонда в створе с другим таким же сооружением Загородного бульвара (ныне парк имени Горького).

– Александр I, как утверждали свидетели, любил во время пермского визита сживать в этой ротонде на камском берегу, украшенной ажурной деревянной резьбой, – рассказала мне старей-

ший и авторитетный краевед Елена Александровна Спешилова, автор замечательной книги «Старая Пермь». – С высокого обрыва в начале Оханской улицы открывался замечательный вид закамских далей: бесконечная густая зеленая тайга, полноводная река, уже в ту пору жившая трудовой жизнью и дававшая пропитание многим и многим пермякам. Кстати сказать, каменный фундамент ротонды сохранялся вплоть до тридцатых годов прошлого века. Я – тогда маленькая девочка – вместе с подружками играла здесь, а любимым занятием было прыгать через скакалку как раз на ровном каменном основании ротонды.

Мы, конечно, уже никогда не узнаем, о чем думал в тени белоснежной беседки за год до своей неожиданной кончины в Таганроге император Александр Павлович. Не об уходе ли в частную жизнь, в благословенную тишину монастырских келий? Ведь эти мысли были вполне созвучны настроениям государя той поры.

Впрочем, здесь, на высоком камском берегу, где начинается улица Оханская – Газеты «Звезда», в разные годы любовались величием камских просторов многие люди, чьи имена занесены на исторические скрижали страны. У фундамента сгоревшей в пожаре ротонды, за восстановление которой активно ратуют истинные патриоты Перми, среди которых и члены общества «Пермский краевед», стояли и думали о сокровенном Герцен, Короленко, Чехов, Пастернак, Паустовский, Каверин и другие известные люди, побывавшие в Перми.

Святой квартал. Дом № 1. Это двухэтажное здание давно уже стало объектом истории и источает ту же ауру загадочности, полную легенд и действительных фактов минувшего времени, что и весь небольшой «пятачок» над камским обрывистым берегом, ставшим устьем улочки Оханской.

Пытливый взгляд легко заметит характерную особенность в этом строении, выдающую древность первого дома на этой улице. Вместо швеллера над входной дверью – рельс, несущий на себе кирпичную кладку стены. На рельсе можно различить надпись: Демидов, 1876 год. То есть дом этот построен через три десятка лет после кошмарного пожара в 1842 году, спалившего весь деревянный центр Перми. Эта постройка – типичная для XIX-го века: два этажа с мезонином, низ – кирпичный, верх – деревянный, живой, дышащий воздухом.

Еще в сороковые и пятидесятые годы прошлого столетия дом принадлежал частным владельцам, а затем был передан Пермскому зоопарку.

Сегодня на втором этаже здания – царство птиц. В инкубаторах вылупляются птенцы самых разных пернатых. Здесь же питомник молодняка и место зимовки певчих птиц.

Господи, какое изобилие красок и голосов! Словно орнитологический отсек Ноева ковчега открывается глазам служителей Дома птиц.

– В этом историческом здании содержатся нежные постояльцы: птенцы перепелов и страуса эму, журавлята, молоденькие курочки павлина и фазана, некоторые виды попугайчиков, – рассказывает знаток жизни обитателей зоопарка и его истории заведующая рекламным отделом многострадального культпросветучреждения Ирина Зырянова. – Спасаются здесь от капризов непогоды канарейки, амадины.

Я сказал – многострадального учреждения, и многие пермяки меня поняли.

– Несколько десятков лет идут разговоры о переносе зоопарка, – вздыхает директор Людмила Кардашова. – Но когда это случится, так до сих пор неизвестно. А ведь в связи с необходимостью и обязательностью переезда не решаются насущные для зоопарка проблемы. Например, в аварийное состояние пришел Дом птиц, о котором идет речь. Нужен капитальный ремонт, но кто же будет тратить средства, если считается, что зоопарк отсюда уедет.

Но душу директора и его подчиненных не менее чем сохранность материальной части учреждения, беспокоит нравственная сторона проблемы. Напомним читателям, что зоопарк стоит буквально на костях наших предков.

Квартал между улицами Оханской и Кунгурской (улицами Газеты «Звезда» и Комсомольским проспектом) принадлежал духовному ведомству, которое и устроило здесь Архиерейский сад. На высоком берегу Камы, в тиши и благоухании липового сада хоронили сначала знаменитых духовных лиц, а затем и наиболее выдающихся горожан, сделавших немало добрых дел для всего пермского общества. В 1835 г. здесь упокоился «святой доктор» Федор Христофорович Граль. Герои Отечественной войны 1812 года Алексей Артамонович Глушков и Николай Иванович Трухин покоятся на кладбище Архиерейского сада. В 1883 г. здесь же нашел последний приют дед «великого импресарио» и большой меценат Павел Дмитриевич Дягилев. Уже в 1925 г. в бывшем Архиерейском саду был захоронен ученый с мировым именем, декан медицинского факультета университета физиолог Бронислав Фортунатович Вериге, а двумя годами позже – один из основателей Пермского университета, доктор естественных наук Александр Германович Генкель. Зоосад существует на месте некрополя с 1933 г. Много лет по всей его территории стояли надгробия (порой прямо внутри клеток) как немой укор неблагодарной памяти потомков.

Кто в тереме живет? Дом № 2 по улице Газеты «Звезда» заставляет внимательного прохожего задуматься, по крайней мере, о двух вещах: до чего красиво и добротнo строили наши предки без привлечения югославов, турок или узбеков (рука русского крестьянина была мастеровитой, а голова – светлой, смекалистой) и почему так безжалостно снесены целые кварталы исторической Перми, уступив место безликой застройке, позорящей гордое слово «архитектура».

А вот этот дом – двухэтажное благородное строение, окруженное красивой металлической решеткой на каменном фундаменте – сохранился по сей день в начале тихой в этом квартале улочки как привет из XIX-го века. Образец губернского классицизма, особняк, построенный в 1843 г., поначалу был предназначен для размещения духовной консистории – органа по управлению епархией.

В 1919–1922 гг. здесь была военная поликлиника для проливающих кровь в братоубийственной гражданской войне, после чего вплоть до 1934 г. в здании трудилось окружное архивное бюро.

Особая страница в жизни дома № 2 по улице Газеты «Звезда» – это период с 1934 по 1941 г. Роскошный дворец, прятавшийся в зелени своего палисада, с красивой парадной лестницей, с лепниной в интерьерах и обилием помещений был передан в распоряжение студентов Пермского художественного техникума, воспитавшего несколько десятков мастеров кисти и резца.

Здесь учился замечательный пейзажист и виртуоз жанра, отличный рисовальщик Петр Артемьевич Оборин, встретивший в стенах техникума свою красавицу-жену Галину Федоровну, ставшую впоследствии тоже известной пермской художницей. Не так давно в Перми демонстрировалась их совместная мемориальная выставка – замечательные работы, которые со временем приобрели еще большее очарование.

Кстати сказать, Петр Артемьевич знаменит еще и тем, что в 1950-е гг. один из номеров «Огонька» с его миллионными тиражами вышел с помещенной на обложке репродукцией известной картины Оборина «Первый успех»: юная артистка кланяется у закрытого занавеса.

По тем временам такое событие рассматривалось как безусловное признание художника во всесоюзном масштабе.

В техникуме учился не менее замечательный пермский художник Олег Дмитриевич Коровин – великолепный книжный иллюстратор, мастер психологического портрета.

В 1941 г. техникум выпустил последних дипломированных художников и вскоре превратился в госпиталь – на долгие военные годы.

В 60–70-е гг. прошлого столетия Пермь, как и другие крупные города страны, стала бурно расти вверх и вширь, попирая новостройками и архитектурное наследие прошлого. Но поскольку в послевоенное время до 1977 г. здание заняло спецотделение областной больницы № 3, его трогать не стали. Ведь в спецотделении лечились и «лежали на сохранении» (как метко окрестили в народе процесс ежегодного профилактического месячного медосмотра начальников) партийные бонзы, советские работники областного уровня, крупные торговые функционеры и другие «лучшие люди общества», оценившие уют и красоту старинного здания. За чугунной решеткой на скамейках в тени лип отдыхали «ответственные пижамы», важно переговариваясь о своих недугах.

Сегодня здесь совсем другие пациенты. Ибо дом № 2 занял областной врачебно-физкультурный диспансер.

– Наше учреждение является центром реабилитации высококвалифицированных спортсменов, таких как двукратная чемпионка мира по легкой атлетике Татьяна Томашова или чемпионка мира – самбистка Ирина Родина, – рассказывает главный специалист Пермского края по спортивной медицине и лечебной физкультуре Г. М. Щепина. – Трудно переоценить важность восстановительных мероприятий, предлагаемых нашим диспансером...

Врачи (среди них кандидаты наук, специалисты высшей и первой категории) работают с пермскими олимпийцами и параолимпийцами, они осуществляли медицинское обеспечение чемпионата Европы по боксу, чемпионатов России по дзюдо, самбо, каратэ, греко-римской борьбе, биатлону и другим дисциплинам.

Эсмеральда, пасущая коз. Что такое улица без людей? Пустыня. Мы же хотим разглядеть Оханскую улочку в объемной полноте подробностей. Поможет нам в этом пермский старожил, дочь художника П. А. Оборина Елена Петровна, родившаяся в 1939 г. в доме № 4 по улице Газеты «Звезда».

– Сейчас нашего двора, в котором стояли несколько домов под одним номером, уже нет – на их месте «пятиэтажка» зеленого цвета постройки 60-х годов, – говорит моя собеседница, с которой мы рассматриваем толстенные альбомы с семейным фотоархивом.

– Вот наш дом: два этажа, покосившиеся от времени окна и двери, «парадный вход», через который мы с ведрами и коромыслом бегали за водой на колонку по улице Орджоникидзе вниз – там сейчас офис Сбербанка, – продолжает рассказ Елена Петровна. – А вот это окно выходило прямоком на художественный техникум, в котором учились папа и мама. Именно из этого окна Петр Артемьевич делал эскизы и наброски, включая в канву художественного пространства красивое здание своей «академии».

Это старинное здание – на постели «Городской пейзаж», на чудной жанровой работе «Летом», хранящихся в Пермской художественной галерее. Это – эхо 50-х годов XX-го столетия. Угол улиц Газеты «Звезда» и Орджоникидзе, пространство вокруг этой точки художник запечатлел осенью, зимой, летом. Вот видна булыжная мостовая. Вот топает лошадка, запряженная в телегу...

Некогда дом № 4 по Оханской принадлежал купцу. Художник Оборин оставил массу рисунков дома, его богатых интерьеров с лепными плафонами вокруг люстр, с высоченными потолками, с красивыми филленчатыми дверями, с коваными деталями дверных ручек и запоров.

На рисунке – комната с кушеткой, отороченной бахромой, гнутые венские стулья, на стене – черная тарелка радио, рядом висит географическая карта, сквозь окно видна просторная веранда. А вот другая комната – с высоким зеркалом, с фикусом в кадке. Карандаш художника зафиксировал строгий уют кабинета: столик с резными ножками, плетеное кресло, высокое окно. Смотришь на эти рисунки – и кажется, что тепло наполнявших комнаты людей еще не выветрилось временем, что еще хлопают двери вслед убегающей босоногой девчонке, а на веранде раздаются голоса и смех частых в этом доме гостей.

– Наш двор был типичным на улице Газеты «Звезда», а дом и семья наша пережили общую для страны судьбу, – вспоминает Елена Петровна. – Деда-бухгалтера в 37-м сослали в Сургут. Бабушка-швея, моя мама и два ее брата стали семьей «врага народа». Один из братьев пропал без вести под Сталинградом, другой воевал на Дальнем Востоке.

– Елена Петровна, расскажите, пожалуйста, о жизни вашего двора, о жизни улицы. Какой она была в давние годы?

– Запомнилось, что было много детей в нашем дворе. Да и в соседних тоже. Летом по мураве бегали, естественно, босиком. Много раз просмотренный «Тарзан» в «Художке» на нас – девчонок – действовал в не меньшей, чем на мальчишек, степени. Сколько платьев было изодрано, когда лазили по-тарзаньи по деревьям. Кстати, две липы – уже старенькие – до сих пор стоят на месте нашего двора. Все, что от него осталось. Здесь мы играли в «чижа», в лапту, в «двенадцать записок», в «сыщики-разбойники», в прятки... Прыгали с сараев в сугробы. По заснеженному тротуару на «снегурках» гоняли до одури. Сейчас мало уже кто помнит эти популярные коньки, которые с помощью двух веревочных петель и палочки прикручивались к валенкам. А студенты художественного техникума все просили меня познакомить их с моей молодой теткой.

За красоту ее прозвали Эсмеральдой. Она часто пасла коз в начале улицы на высоком берегу Камы, где раньше бил ключ. Вот тут-то студенты и поджидали свою гордую и неразговорчивую Эсмеральду. Наши мальчишки завидовали «вматушникам» – курсантам Военно-морского авиационно-технического училища (выросшего впоследствии в институт Ракетных войск), когда они строем, в морской форме шли мимо нашего дома.

– Во дворе жили разные люди. Вы ощущали социальное расслоение: кто-то беднее, кто-то богаче?

– Никогда. Мои подруги Рита и Тамара Виноградовы были обладателями пианино и считались богатыми, но в жизни это никак не проявлялось. Богатой считалась семья преподавателя университета Смолина, жившая в соседнем доме, потому что у них была пятикомнатная квартира. Но вы бы видели, какие были крохотные комнатки. Потом в эту квартиру въехал работник обкома Сергеев.

– А что это за толпа у ворот на фотографии?

– Ноябрьские и майские демонстрации заканчивались около наших домов. «Творческая колонна» – художники, артисты, писатели – по традиции вливалась в наш двор, и праздник продолжался здесь. Папа с мамой отлично играли на гитаре и хорошо пели, и над улицей Газеты «Звезда» разносились любимые родителями неаполитанские песни.

Первый брак Гайдара. На бывшей улице Оханской многое в Перми совершалось впервые: в беседке на берегу Камы сживал император Александр Павлович, открылся первый на Урале зоосад, работало первое художественное учебное заведение – изотехникум, давала свет первая городская электростанция... В доме № 8 по этой улице разместился отдел ЗАГС Ленинского района – наследник первого подобного учреждения в Перми.

Архивы ЗАГСов – это бесценный кладезь таких сведений, о которых, пожалуй, нигде ничего не узнаешь, кроме как здесь. Начальник отдела ЗАГС Эльвира Батова сразу предупредила, что далеко не все сведения, собранные временем и обработанные усилиями работников учреждения, могут быть предназначены для публикации.

Мы просматриваем самые первые записи, относящиеся к 1920-му году. Бросается в глаза исключительная неграмотность тогдашних работников, делавших массу грамматических ошибок, описок, поправок.

– До сих пор к нам обращаются жители Перми с просьбой сделать исправления в их именах, – поясняет Эльвира Федоровна. – Ошибки тянутся с тридцатых-сороковых годов, когда могли написать «Геннадий» с одной буквой «н», а, скажем, «Римма» – с одной «м».

В архивной папке за ноябрь 1925 г. находим интереснейшую запись о первом браке будущего известного писателя Аркадия Гайдара (в ту пору – журналиста газеты «Звезда») и Рахили Соломянской (плодом этого союза стал сын Тимур, который, в свою очередь, через десятилетия станет отцом Егора Гайдара, совершившего катастрофические для России либеральные эксперименты). Вот ведь как вплелась Оханская улочка, по которой хаживал с будущей женой Аркадий Голиков-Гайдар, в ткань бурных разрушительных событий в России конца прошлого столетия.

Интересно, что появился в Перми Аркадий Гайдар в последних числах октября 1925 года, приехав из Москвы. А уже в ноябре – женился! Кто же так околдовал бывшего комполка и начинающего писателя и журналиста? Почему-то о матери Тимура Гайдара долгое время хранилось упорное молчание, и по сей день о ней, о ее жизни и браке с Гайдаром знают немногие.

Семнадцатилетняя Раля (Рахиль) Соломянская в пору встречи с Гайдаром была активной комсомолкой, одним из зачинателей пионерского движения в Перми. Вот как вспоминает о ней пермский журналист Борис Назаровский: «Аркадий переименовал ее из Рали в Лялю, потом в Лилю и наконец в Лию. Она была одним из организаторов газеты «Муравей-чудодей» – первой печатной пионерской газеты в Перми. Работая на кожзаводе, редактировала стенгазету, была деятельным членом редколлегии комсомольской газеты «На смену»... Молодая, подвижная, как ртуть, брызжащая весельем и задором, девушка пришлось Аркадию как нельзя более по душе... Их семейная жизнь не текла ровно. Не только счастье, но и испытания выпали на долю Рали, ведь Аркадий был больным, издерганным человеком. Но было и счастье, большое счастье, и многие годы они провели вместе, в общих заботах и делах, в частности, в заботах о появившемся позже, уже в Архангельске, сыне Тимуре».

Однако вернемся к беседе с начальником отдела ЗАГС Ленинского района Эльвирой Батовой, которая подготовила уже новые любопытные истории:

– Вот запись о рождении будущего замечательного актера Георгия Ивановича Буркова, это 1933 год, – говорит Эльвира Федоровна. – Его папа был заводским слесарем, мама – домохозяйка. А вот еще интересная запись, сделанная в 1956 г.: актер драмтеатра города Молотов Марк Анатольевич Захаров сочетался браком со студенткой московского театрального вуза ГИТИС Ниной Тихоновной Лапшиной.

Но – стоп. Хватит, пожалуй, истории. Я прошу мою собеседницу рассказать о сегодняшнем дне района.

– Ленинский район – административный, по площади – самый маленький, но самый престижный. Именно здесь сосредоточились административные учреждения, театры, вузы, офисы. Население – 47 тысяч человек. Сегодня по количеству записей наш отдел – не в числе лидеров, зато у нас самый большой архив. Ленинский район – единственный в городе, где уровень рождаемости выше уровня смертности.

– Эльвира Федоровна, когда начинается сезон свадеб?

– В августе-сентябре. Это 100-150 свадеб в месяц. Несколько лет назад праздновали необычную – «бриллиантовую» – свадьбу орденноносца, ветерана Великой Отечественной войны, боевой летчик, чекист, спортсмен Виктор Войцехович Коркодинов и его жена Анна Николаевна, прожившие вместе 60 лет.

– А вступают ли в брак люди пожилого возраста?

– Да. Зарегистрирован брак 83-летнего мужчины и 60-летней женщины. Одинокие люди решили соединить свои судьбы и на склоне жизни насладиться теплом семейного очага.

«Проводник» дряхлеет. Улица Газеты «Звезда», 12. Необычное здание на перекрестке этой улицы и Советской не заметит разве что слепой, настолько оно выделяется среди окружающей его архитектурной попсы.

Если мы копнем в глубь пермской истории, то узнаем, что двухэтажный каменный дом с огромными окнами-витринами на первом этаже, с художественным орнаментом и куполом, венчающим здание, построен в духе живописного модерна по проекту архитектора Гаврилова в 1912 г. Это великолепие принадлежало купчихе Варваре Козьмовне Пермяковой, а арендатором являлось «товарищество рижско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производств «Проводник».

Здесь можно было купить хирургические изделия и линолеум; искусственную кожу и шины для экипажей и велосипедов; прорезиненную материю и непромокаемую одежду; брезент, брезентовую одежду и даже резиновые предохранители каблуков – всего не перечислить. Как гласила реклама, «за прочность и доброкачественность всех изделий принимается полная гарантия. На Международной выставке в Бордо в 1907 г. наивысшая награда».

– Ребятишками мы бегали любоваться красотой этого дома, – вспоминает краевед Елена Спешилова. – К сожалению, с приходом советской власти в облике «Проводника» многое изменилось: был убран торговый знак, напоминавший еврейскую звезду, с купола исчезли два ангела, а позже был снесен и сам купол.

Надо сказать, что купцам Пермяковым принадлежал весь квартал по улочке Оханской между нынешними Советской и Петропавловской. На месте здания, в котором сегодня размещается стомато-

логическая поликлиника Ленинского района, стоял г-образный жилой дом Пермяковых с единоверческой церковью во дворе, с подвалами-складами товаров. Большевики быстро приспособили эти подвалы под свои цели. Здесь чекисты пытали стойкого в своей вере, не признавшего антихристову власть знаменитого архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника. В этих подвалах он провел свои последние мученические дни, отсюда в ночь с 19 на 20 июня 1918 г. архиепископ Андроник был вывезен на казнь: в лесу он сам вырыл себе могилу и был заживо погребен орлами Железного Феликса. На всякий случай (чтобы не вылез из могилы, что ли?) в закопанного заживо священника несколько раз выстрелили. Попали изуверы в православного пастыря или Андроник задохнулся в родной русской земле, захваченной комиссарами-интернационалистами «в пыльных шлемах»? Бог весть...

Вообще-то весь «пятачок» возле бывшего «Проводника» – это живая история, бьющая ключом воспоминаний. Рядом с «Проводником» на Торговой-Советской в 1917 г. жила семья одного из основателей Пермского университета, всемирно известного биолога профессора Александра Германовича Генкеля. Уж калоши-то Генкели точно в «Проводнике» покупали. В таких же калошах, вероятно, щеголяли, прогуливаясь по Торговой да Оханской, жившие по соседству с «Проводником» родители Ария Моисеевича Пазовского – вундеркинда-скрипача, студента Петербургской консерватории, дирижера пермской оперы в 1906 году и художественного руководителя Большого театра СССР с 1943 по 1948 г. Нередко хаживал по этому «пятачку» один из основателей советской художественной школы конструктивизма Александр Михайлович Родченко, ибо в годы Великой Отечественной войны приютила его Пермь в доме № 32 по улице Советской, а редакции газет «Звезда» и «Железнодорожник» приняли его в штат фотокорреспондентом.

Много с тех пор воды утекло. Неоднократно менялся профиль бывшего «Проводника» – здесь размещались художественные мастерские, резинотрест, магазин наглядных пособий. Автор этих строк в детстве и сам бегал к высоченным окнам-витринам, в немом восхищении любясь глобусом-великаном и огромными, как ковер на полу, картами мира, выставленными на обозрение.

Сейчас здесь около двух десятков учреждений, тренажерный зал. Недавно работал ресторан «Заправка» в бывшем демонстрационном зале. Над некогда шикарным входом была укреплена модель не то багги, не то «Антилопы гну» – это «украшение», к счастью, сняли». Бармен ресторана, с которым я попытался завести беседу и выяснить, знают ли нынешние обитатели дома о его значительной истории в жизни Перми, неодобрительно отреагировал на мою за-

тею. Вероятно, не понравилось ему, что сидевшая за стойкой парочка курящих барышень «брякнула»: здание якобы принадлежит нынче известному пермскому политику – у него, мол, и спрашивайте, что тут переделано, а что осталось, как прежде.

Председатель правления областной организации ВООПИК Лев Перескоков заметил:

– Прекрасный образец модерна, памятник градостроительства и архитектуры ветшает, обсыпается лепнина, изменен внешний облик здания. Неуважение к старине чувствуется здесь во всем.

Да уж, отлетели ангелы от «Проводника».

Где ты, Полицейский пруд? Уютно дремала улочка Оханская в своем тихом очаровании. Тем не менее ее место было весьма заметным в жизни Перми – и не только потому, что испокон бежала она по городскому центру. Существенные обстоятельства придавали Оханской (с 1928 г. – улице Газеты «Звезда») особое значение: на ее пересечении с Торговой началась в Перми на заре прошлого века новая эра – эра электричества, повернувшая старинный уральский город к свету европейской цивилизации.

Дом № 5. В советские годы его занимало Пермское конструкторское и технологическое бюро «Химмаш». На заднем дворе неплохо сохранились фрагменты здания городской электрической станции, закладка которой произошла 29 июля 1901 года. Строительство по проекту архитектора В. В. Попатенко консультировал наш земляк, известный русский ученый А. С. Попов.

Конечно, возможности первой городской станции сегодня кажутся не то что мизерными, а просто-напросто смешными: работала одна паровая машина мощностью 158 лошадиных сил. Тем не менее, 29 января 1902 г. на улицах Перми вспыхнули 20 дуговых фонарей, а улицы Сибирская и Покровская (ныне улица Ленина) освещались лампочками накаливания в 135 и 65 свечей!

Электростанция со временем модернизировалась и расширялась, были сделаны пристройки для котельного и машинного отделений. В революционном 1917 году электростанцию усилили новыми генерирующими установками – все-таки и в эпоху грандиозных государственных и социальных потрясений остаются умные люди, занимающиеся нужным для блага окружающих делом.

Что ж, меняются времена, меняется и облик города – этот процесс не остановить. Уже нет в живых людей, кто бы видел, как выглядел этот участок Перми всего-то сто с небольшим лет назад: на углу улиц Торговой и Оханской до 1899 г. находился так называемый Полицейский пруд, родившийся из вод речки Медведки. Давно закопали речку и пруд, на их месте выросли современные нам здания, но их срок, по всей видимости, тоже подходит к концу.

«Ждите членов правительства!» Дом № 14, расположившийся на перекрестке улиц Газеты «Звезда» и Петропавловской, стал ярким образцом архитектурного аскетизма, сменившего вычурность сталинского ампира, но еще не скатившегося до убожества «хрущоб»: высокие потолки и окна, «парадные» входы в подъезды еще напоминают, что дом, заселенный в 1960 г., был построен для комфорта в нем проживания.

Большинству наших земляков это здание известно тем, что на первых двух этажах разместилась городская стоматологическая поликлиника № 1. И как бы она ни была хороша, какие бы замечательные врачи здесь ни работали (а все это действительно так), мысль о необходимом посещении дантиста у меня, например, только усиливает зубную боль.

– А вот многие из наших бывших сограждан-земляков с вами не согласятся, – радуется глаз роскошной белозубой улыбкой как идеальным воплощением стоматологической науки и практики главный врач поликлиники Александр Михеев. – Приезжая навестить родных из США, Германии, Израиля, Англии или Испании, они чуть ли не в первую очередь спешат к нам, чтобы привести в порядок свои зубы.

Ведь изгетовление одной металлокерамической «единицы» несколько лет назад в Англии, например, стоило 250 фунтов стерлингов, а у нас – 50 долларов.

– У нас материалы дешевые?

– Те же самые, что и на Западе, технологии, идентичные материалы, качество нашей работы в каких-то случаях даже превосходит западное (во всяком случае, «их» огрехи в работе мы сразу замечаем). Но в США средний врач-стоматолог зарабатывает 200 тысяч долларов в год, а пермские муниципальные врачи на платных услугах могут заработать не более 200 тысяч рублей в год. Мы значительно беднее западных граждан, поэтому и услуги наши дешевы. Несмотря на то, что, совершив настоящий прорыв в современную стоматологию, взяв на вооружение самые современные технологии лечения, мы вполне конкурентоспособны в рамках требований мировой стоматологической практики.

– Александр Николаевич, знаменитости лечились у вас?

– Президентом и поп-звезд точно не было. А легендарная актриса Пермского драматического театра Лидия Владимировна Мосолова обращалась – и неоднократно. Раза два я лично обсуждал с ней ее проблемы.

Неудивительно, что народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР, кумир пермских театралов советской поры Лидия Мосолова лечилась именно в этой поликлинике. Ведь она в доме № 14 прожила с 1960 по 1996 г.

Квартира Мосоловой, по воспоминаниям хорошо знавших артистку людей, была гостеприимной. А от смелых розыгрышей у Лидии Владимировны могли разболеться не только зубы. Так, однажды по телефону директор театра Павел Левитан сообщил Мосоловой: «Вечером ждите членов правительства! Приготовьтесь!»

Как могли, подготовили к приему высоких столичных чиновников трехкомнатную квартиру со старыми диванами, с желтым книжным шкафом и круглым столом. Звонок – в дверях хохот, шум, поцелуи! Конечно, никаких правительственных бонз: свои театральные физиономии, принесли с собой всякие вкусности.

Здесь, на диванах с уютными валиками, сживали первая жена Высоцкого Изольда, Георгий Бурков, артисты МХАТа... Дружила Лидия Владимировна с известными врачами. Среди них – семьи Могендовичей, Гроссбаумов, выдающийся хирург Евгений Вагнер.

Была знакома Мосолова и с популярнейшим писателем Борисом Полевым, автором книги «Повесть о настоящем человеке». Как-то Полевой и герой книги – безногий военный летчик Алексей Маресьев – заночевали у Лидии Владимировны, будучи в Перми. Маленькая дочь Мосоловой, ночью пробравшись в комнату, где отдыхал Маресьев, увидела протезы – «отстегнутые ноги» – и долго плакала, убедившись впервые и воочию, как жестока бывает судьба даже к сильным и хорошим людям.

– Чудесная была семья, которую я застала в этой квартире в таком составе: актриса Ксения Михайловна Дальницкая – мама Мосоловой, сама Лидуша или Лидуша (как мать называла свою дочь, а та ее звала почему-то Тата), обаятельнейший Виктор Александрович Викторов – муж Мосоловой, актер и повар по первой профессии, и их дочь Наташа – ныне столичный искусствовед, – вспоминает руководитель Пермского теацентра Галина Ивинских. – Таких веселых вечеринок я не видела больше нигде. И таких вкусных пирогов с вязигой – дело рук Ксении Михайловны – более нигде не пробовала.

Возможно, пироги с вязигой пробовал в этой квартире и известный профессор Николай Григорьевич Хорошавин – организатор курорта «Усть-Качка». Ведь он тоже жил в доме № 14, по соседству с актрисой.

Приют левых идей. В доме № 16 сегодня располагается корпус № 3 Пермской государственной медицинской академии. История этого красивого, но ныне запущенного донельзя здания, а также биографии людей, населявших его, весьма любопытны и в чем-то даже непонятны предприимчивому человеку нашего нового прагматичного времени.

Трехэтажный каменный дом, размерами, декором фасадов и внутренним убранством более смахивавший на дворец императорского фаворита, с момента завершения строительства в 1884 г. вплоть до 1916 г. принадлежал потомственному дворянину, члену Пермского научно-промышленного музея, члену общества велосипедистов-любителей и общества спасения на водах Владимиру Дмитриевичу Кувшинскому – по роду занятий управляющему литейным и машиностроительным заводами промышленника Любимова.

Извилиста, словно лесной ручеек, судьба этого дома-дворца. Сначала лихой велосипедист Кувшинский открыл типографию, где печаталась газета «Пермский край». Сменяли друг друга владельцы типографии: нашего потомственного дворянина заменил В. А. Чердынцев, а того – Я. С. Гребнев, издававшие газету «Камский край», справочник-ежегодник «Вся Пермь», различную художественную и общественно-политическую литературу. В этом здании действовали переплетно-футлярный завод И. С. Абрамовича, мастерские дамских нарядов и мужской одежды, учебное заведение по подготовке детей для поступления в младшие классы школы, здесь работало отделение Сибирского торгового банка, содержались меблированные номера «Россия».

Этот шикарный дом на Оханской улице, как ни странно, на долгие годы приютил под своей крышей левые идеи. Отсюда разносились свободолюбивые лозунги, здесь бурлили идеи освобождения человека труда от гнета капитала. «Левой» была газета Кувшинского «Пермский край». Сменивший ее «Камский край» был органом партии народной свободы. В 1906 г. из столицы в Пермь была выслана за революционную деятельность и поселилась у Кувшинского его сестра Анна Дмитриевна Чарушина. Управляющим отделением Сибирского торгового банка в доме Кувшинского был ссыльный Степан Осипович Хлусевич. Его жена Зоя Осиповна Гордон (с ней Хлусевич познакомился «на этапе») привлекалась по делу о покушении на императора Александра III вместе с Анной Ильиничной Ульяновой – сестрой Ленина. Пермский миллионер Николай Васильевич Мешков подружился с семьями Кувшинских, Чарушиных, Хлусевичей, оказывал финансовую поддержку изданию «левых» газет.

Словом, компания под крышей этого дома собралась взрывоопасная. И сегодня естественно задаться вопросами: зачем эти миллионеры, дворяне, промышленники, богатые или зажиточные собственники умышленно приближали час всплеска народного гнева? Где было их чувство самосохранения? Неужели они и впрямь мечтали о счастье народном, искренне пытались разрешить конфликт между трудом и капиталом? Неужели и нынешних пермских капиталистов и миллионеров ждет такая же участь, после того, как они обожгутся, обопьются, наворуются и нагуляются вволю?

Нелогично, по нашим меркам, было поведение этих людей, необычна их судьба. Впрочем, с этим домом и в советские, и в новые времена связаны судьбы не менее замечательных людей нестандартного жизненного масштаба.

Не только сотрудникам медакадемии, но и многим жителям Перми известны имена ученых Алексея Васильевича Пшеничнова и Бориса Иосифовича Райхера, создавших в годы войны вакцину против сыпного тифа и удостоенных Государственной премии. Кафедра общей гигиены и кафедра эпидемиологии (на ней-то и было сделано важное научное открытие) до недавнего времени размещались как раз в этом здании.

Несколько лет – до начала 50-х гг. прошлого века – в доме Кувшинских размещался стоматологический институт, в первом выпуске которого получила диплом корифей в области детской стоматологии, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки России Евгения Юдовна Симановская. В свои 90 с лишним лет бывшая фронтовичка еще руководила кафедрой детской стоматологии и имела большое количество учеников в России, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Уважаемый профессор на кафедре, руководитель кандидатских и докторских диссертаций, врач в клинике, совершающий еженедельный обход и осмотр маленьких пациентов с прооперированными травмами и врожденными дефектами – такой она была до последних лет жизни. Недавно она ушла от нас.

А что касается самого дома № 16, то сейчас он пустует. Там идет ремонт. Устал за свои долгие почти 130 лет жизни.

Вуз под сенью муз. Попав в это здание с роскошными фасадами, уходить не хочется: отовсюду молодое горячее искусство посылает свои приветствия вокальными распевами из-за дверей классов, трелями фортепианных экзерсисов, томным перебором мандолины или вскриками трубы, драматическим монологом, вылетающим из аудитории в широкий коридор, по которому грациозно пробегают прелестные девчушки в пикантных нарядах для хореографического тренинга. Пермскому институту искусства и культуры исполнилось тридцать пять лет, и он полон замыслов, свойственных этому энергичному возрасту.

Как у всякой выдающейся постройки города, у этого архитектурного комплекса довольно затейливая судьба, в которой есть свои и белые, и черные страницы. В середине XIX-го в. двухэтажный особняк советника казенной палаты В. В. Парначева был куплен семинарией для устройства в нем духовного училища. В 1918 году в этом здании зверствовала колчаковская контрразведка, и когда полуразрушенный за годы гражданской войны бывший кра-

савец-дом был передан под общежитие пермским рабфаковцам, они во время субботников находили в подвале трупы замученных под пытками людей. Действовали здесь медицинский, землеустроительный, фармацевтический, художественный техникумы, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, книжное издательство, горсовет...

Однако изначально, видимо, было predeterminedено поселиться здесь музам. Ведь в духовном училище кроме изучения богословских наук, языков живых и мертвых, общеобразовательных дисциплин, обучались также игре на скрипке и церковному пению. Так что связь веков ушедших с нынешним временем – налицо. Также оцутима и забота об уникальном, красивейшем памятнике архитектуры федерального значения.

– А ведь недавно здание находилось в угрожающем состоянии, – рассказывает ректор ПГИИК Евгений Малянов. – Мы провели акцию «Спаси и сохрани альма матер», привлекли внимание спонсоров к нашим бедам и нуждам: ведь значительная часть помещений была закрыта, в колонном и концертном залах сквозь крышу проглядывало небо. Спасибо всем, кто помог тогда институту. Их имена мы увековечили на табличках при входе в отремонтированные аудитории. Сейчас мы чувствуем себя достаточно уверенно: здание восстановлено, стараемся поддерживать его в нормальном состоянии.

– Евгений Анатольевич, при основании ваш вуз замышлялся как учреждение по подготовке кадров для клубной работы, для библиотек – и в этом он преуспел. Но времена резко изменились, изменилось и лицо института, стало более творчески выразительным.

– Впрочем, и в первые годы уже ставилась задача готовить специалистов, способных работать с любительскими коллективами, уже требовались музыканты, хореографы и так далее. Уже тогда начали складываться отношения института с театрами, музыкальными училищами, филармонией. А в труднейшие пореформенные времена мы нашли силы развиваться, открывать новые специальности, превратились в настоящий творческий вуз, прибавив к названию «институт культуры» еще и ко многому обязывающее слово «искусства», готовя, например, специалистов по всему консерваторскому циклу.

– Можно ли сказать, что институт, его выпускники качественно влияют на творческую жизнь Перми и всего региона?

– Судите сами. Сегодня более половины актерского состава драмтеатра – это наши бывшие студенты. Есть наши в ТюЗе, «У моста», в театре оперы и балета, в филармонии, в губернском военном оркестре. Некоторые из бывших наших студентов-художников сами стали преподавателями художественных вузов.

– А что это за история с письмом Калягина губернатору Чиркунову?

– Услышав много лестного о дипломном спектакле института, председатель СТД Александр Калягин попросил руководство края помочь выехать студентам на международный театральный фестиваль. Ребята вернулись лауреатами, они соревновались с выпускниками самых известных творческих вузов.

– Евгений Анатольевич, под крышей вуза прочно обосновались Евтерпа, Мельпомена, Талия и другие музы. Говорят, что среди дочерей Зевса и Мнемозины готова появиться и Терпсихора?

– Да, открыли отделение «Искусство хореографии». Выпускники хореографических училищ смогут получать в Перми высшее образование.

Храм во славу фармации. Внимательно разглядываю старинную фотографию, сделанную еще до Первой мировой войны, – в 1913 г. На ней – красивейший архитектурный комплекс. Радует глаз благородная соразмерность зданий, парка, обнесенного дивной чугунной оградой, и окружающего пермского пространства. Как все продумано до мелочей, как уютно обустроено! На фотографии некий человек любуется видом утопающего в зелени квартала.

А сейчас – почти 100 лет спустя – я стою на месте этого зеваки и ищу сходство сегодняшнего уголка старой Перми с тем видом, что запечатлен на пожелтевшей фотографии. Отдаленное сходство, не скрою, есть. И все-таки идентифицирую местность с трудом. Потеряно главное – та самая соразмерность, гармония линий и объемов, некогда царившая на перекрестке улиц Покровской и Оханской, а ныне, естественно, улиц Ленина и Газеты «Звезда».

Архитектурной доминантой здесь была Рождество-Богородицкая церковь, высота колокольни которой со шпилем достигала 52 метров. На колокольне имелось богатое хозяйство: 10 колоколов. Главный весил около 9 тонн. Сегодня мы можем только фантазировать, как далеко был слышен голос такого богатыря, с какой уверенной, басовой силой возвещал он прихожанам то или иное слово.

Речь идет о недавнем главном корпусе Пермской фармацевтической академии, которая поселилась в здании храма Рождества Пресвятой Богородицы в 1941 г. В двадцатые годы здесь сломали колокольню, в тридцатые церковь обезглавили – снесли купола. И долгие десятилетия храм служил во имя фармакологии и фармации.

Стремительное и не всегда разумное наступление современности на старину лишает нас памяти. Вот и сегодня мало кто знает о том, какая захватывающая история в духе авантурных романов Жюль Верна или Майна Рида предшествовала постройке Рождество-Богородицкой церкви в 1789 г. Мало кто знает о том, какие яркие, волевые и благородные люди водились на Руси.

Городской голова с 1784 по 1790 г. Василий Герасимович Лапин был успешным купцом, торгуя с Англией, Индией, Китаем. Сам отправлялся в далекие экспедиции. Однажды в Тихом океане он потерпел кораблекрушение, был выброшен на пустынный берег и в ожидании голодной смерти молился Пресвятой Деве. Его подобрал английский корабль, а в январе 1786 г. купец Лапин подал епископу Вятскому и Великопермскому прошение «о построении в городе Перми каменной церкви во имя Пресвятой Богородицы», услышавшей мольбы о спасении отчаянного пермского мореплавателя.

О былом величии храма, на первом этаже которого еще полгода назад размещались аптека и другие торговые прилавки, напоминает лишь роскошная лестница. По старинным маршам я поднимался к ректору академии профессору Григорию Олешко.

– Наша академия – особая: она входит в число трех вузов России, которые являются самостоятельными учебными заведениями фармацевтического профиля, – рассказал Григорий Иванович. – Мы осуществляем подготовку кадров для 60 регионов России и 12 иностранных государств Северной и Центральной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Со времени образования вуза, который нынче будет отмечать свое 70-летие, подготовлено более 25 тысяч специалистов с высшим фармацевтическим образованием, около 300 магистров фармации для зарубежных стран. В ногу со временем идут и научно-исследовательские работы, проводимые в вузе. Их осуществляют 12 научно-педагогических коллективов под руководством докторов медицинских, химических и фармацевтических наук.

Обучение поставлено на самый современный лад, и это известно многим зарубежным специалистам – ведь академия имеет десятки партнеров (имеются в виду вузы, научно-исследовательские организации, предприятия) как отечественных, так и иностранных. «Забугорные» студенты, плата за обучение которых составляет 1700 долларов в год, едут в Пермь охотно по разным причинам. Главная же – это современные образовательные технологии, высокий уровень получаемых знаний.

... Благое дело задумал 200 с лишним лет назад купец Лапин. Богоугодное. Несмотря на то, что интернационалисты-большевики надругались над православным храмом, он и в недавнем состоянии продолжал служить на благо людям. Сегодня спрос рынка труда на провизоров превышает предложение, значит в выпускниках фармацевтического вуза надобность у человечества особая.

Осенью 2010 года здание передано Русской Православной церкви.

Уж не ангелов ли это хор? Дом № 17. Это здание – чуть ли не единственный пример заботы страны о подрастающем поколении, явленный в 1992 г. и сделанный скорее по недомыслию в угаре борьбы ельцинских демократов с «ненавистным тоталитаризмом».

Известно, что здания обкомов-горкомов-райкомов КПСС коммунистам пришлось освободить, и на волне борьбы за справедливость эти помещения заняли народные суды, а дом № 17, где располагался райком КПСС Ленинского района, как неожиданное счастье свалился на голову руководителей и юных певцов Пермской хоровой капеллы мальчиков, до того ютившейся в ветхой обители.

Наверное, в гримасах истории есть все-таки какая-то логика. Дело в том, что на месте дома, о котором сегодня идет речь, ранее, до большевиков, существовали постройки, принадлежащие Богородицкой церкви. Церковь славилась своим замечательным хором. И вот история, совершив очередной прыжок по спирали времени, словно восстановила попорченную справедливость. И даже возвела ее в некоторую степень. Ведь вместо одного хора сегодня возле бывшего Богородицкого храма поет уже семь хоров – именно столько певческих коллективов разместилось в стенах хоровой капеллы мальчиков.

Когда из классов или из концертного зала вылетают на простор звонкие серебряные дисканты и зависают в воздухе, ошеломляя пространство своей чистотой и первозданностью, кажется, что это ангелы спустились на нашу грешную землю, и поют песню надежды изуверившемуся в добре человечеству. Мальчишеский хор во всем мире звучит одинаково, он напоминает о потерянном рае, о былой чистоте помыслов, о светлом и наивном юноше, которым был каждый мужчина, выходя на тернистый жизненный путь.

Слушать пермских мальчишек – истинное наслаждение. Впрочем, «мальчишки» по отношению к капелле – это понятие растяжимое. Ведь если ребятам из хора «Малышок» по шесть-семь лет, то в концертном хоре юношей поют бывшие выпускники этой музыкальной школы, которым уже тридцать лет исполнилось. Таким патриотом пения стал, например, инженер «Мотовилихинских заводов» Алексей Бабий.

А вообще-то в составе этого хора есть юристы, врачи, экономисты, педагоги, музыканты, студенты – те мужчины, которые, и закончив школу, не могут порвать нити, связывающие их с капеллой, которые уже не могут жить без коллективного хорового музицирования.

– Свет в душе остается на всю жизнь, – говорила мне в свое время директор музыкальной школы «Хоровая капелла мальчиков» Людмила Самсонова. – Это кроме того, что ребята получают фундаментальные знания по истории и теории музыки, учатся игре на народных, духовых, струнно-смычковых инструментах, на фортепиано. И, конечно, учатся хоровому пению.

Художественный руководитель капеллы Василий Грачев (он «ведет» главный – концертный – хор) – для поющих мальчишек, для юношей, для молодых мужчин непререкаемый авторитет. Его любят и боготворят, как любят Ирину Бояршинову (класс фортепиано), Лидию Замесову (хормейстер) или Людмилу Хохлову (вокал) – да всех, всех преподавателей! А обоюдная любовь, как известно, рождает добрые плоды. Капелла решением Министерства образования России стала базовой – то есть образцовой – школой. Она – лауреат Всероссийского конкурса учреждений дополнительного образования. Ее победам нет числа, многожды школа являлась лауреатом и обладателем Гран-при в международных конкурсах – и даже самых престижных. А в стенах капеллы проводятся замечательные местные конкурсы. Например, «Соловьи Прикамья». На ежегодный концерт-презентацию «Рождественская звезда» попасть не так просто – желающих послушать божественные голоса достаточно.

Четыреста учеников обучаются здесь единовременно. Более двух тысяч певцов выпущено за 47 лет. У них разные дороги – от чиновников до студентов Московской консерватории. Но душа поет у всех.

Святому делу не изменила. Уже сто десять лет украшает угол улиц Пермской (Кирова) и Оханской (Газеты «Звезда») двухэтажное здание, построенное по проекту архитектора А. Б. Турчевича. Дивной красоты кирпичные ворота и былой сад внутри ограды придавали этому дому вид особняка важной персоны. Однако особняком «архитектурная изюминка» никогда не бывала, ибо со дня своей постройки и по сию пору служит обществу. Здание входило в комплекс Рождество-Богородицкой церкви, в нем с 1896 г. размещалась лучшая в Перми церковноприходская школа для девочек.

При школе были организованы двухгодичные бесплатные курсы шитья, кройки и рукоделий. Знаменитый оперный певец Александр Дмитриевич Городцов вел здесь курсы певческой грамоты, и это здание называли еще домом Городцова – человека, создавшего в Прикамье более 400 хоров. Доктор медицины Павел Николаевич Серебренников – организатор и председатель Пермского певческого общества – снискал истинное уважение пермского общества. Зал на втором этаже школы, где часто выступали вокалисты и хоры, носил имя Серебренникова, который, между прочим, был еще и председателем Богородицкого приюта, попечителем дешевой столовой Богородицкого попечительства бедных.

Суровая школьная привратница с книгой в руке сказала:

– Некоторые договорились до того, что Серебренников родился в Перми, чуть ли не в этом доме. Ничего подобного. Он наш, из села Архангельское Юсьвинского района. Его отец священником

служил – тоже помогал всякому, чем мог. Я в 1990-е гг. была старостой церкви в Архангельском, разбирала церковные архивы – об этой семье все знаю.

И при советской власти школа осталась школой и продолжала исполнять свою гуманитарную миссию. Знаменитая на весь город ШРМ (школа рабочей молодежи) № 7 позволила десяткам тысяч молодых людей завершить прерванное по разным причинам среднее образование «без отрыва от производства», многие выпускники «семерки» поступали в вузы (и не только пермские) – настолько хорошо здесь был поставлен процесс обучения и, что тоже немало важно, воспитания. Тридцать лет беспрерывно школой руководила Идея Васильевна Федорова.

«Семерка» давала не только знания, но и профессию. До последнего времени ее существования в экономическом классе готовили бухгалтеров-программистов, вместе с аттестатом желающие получали здесь профессию повара, медсестры, работника детского дошкольного учреждения.

Увы, сегодня знаменитой «семерки» не стало. Некому учиться. Рождаемость резко упала. И было принято решение обучать «контингент» из центральной части города в средней общеобразовательной вечерней школе № 2 (на улице Матросова), куда перешла часть учителей из седьмой школы.

Думается, традиции «седьмой» здесь не растворятся, а только умножатся. Педагогический коллектив – сильный. Хотя «контингент» – не из лучших. В основном дети и подростки из бедных семей, где родители беспробудно пьют. Пьют сильно и не знают порой, что их дети сбежали из дома от кошмарной жизни. Ребятам ищут сами педагоги – с помощью милиции, конечно. Есть в школе такие, которых присылают из «детской комнаты» милиции – эти пермские «генералы песчаных карьеров». Есть те, кто в «обычной» школе не смог поладить с учителями, со сверстниками. В этой «вечерке» энтузиасты, получающие свои педагогические гроши, пытаются достучаться до каждого, обогреть замерзшую и очерствевшую душу. Всеми правдами и неправдами стараются довести учеников до окончания девятого класса, чтобы потом можно было получить специальность в каком-нибудь лицее или училище.

В дом на углу улиц Кирова и Газеты «Звезда» переехала из ветхого здания на правом берегу Камы средняя общеобразовательная школа № 5. Но ненадолго. Здание передано православной гимназии. Школа, построенная на пожертвования горожан, продолжает свое святое дело.

В еврейском квартале. Квартал между улицами Большевицской и Луначарского не очень-то давно назывался в народе «еврейским» – так, во всяком случае, утверждают некоторые старожилы.

Конечно, на это звание могли бы претендовать и другие уголки старой Перми, соседствовавшие с нынешней синагогой на улице Большевицской или с не существующим сегодня деревянным иудейским храмом в районе Сенного рынка. Разгуляйские улочки до сих пор сохранили уже пришедшие в ветхость жилые дома с шестиконечными звездами. А уж по количеству коммерсантов, врачей, музыкантов, учителей и представителей прочих профессий из бойкого, предприимчивого и неунывающего племени дома Израилевого Пермь вполне может быть признана одним из радушных и доброжелательных пунктов на мировом пути их рассеяния.

Провизор губернской аптеки Л. Р. Линденбратен, владельцы мануфактурных магазинов Е. З. Кауфман и И. Н. Ганштак, шляпник Б. Г. Давидович, доктор медицины И. А. Левин, владелец мастерской офицерских и гражданских форменных вещей М. Л. Мериин, дантист М. М. Мовшович, З. С. Мондштейн с белошвейной мастерской, фабрикант И. С. Абрамович и многие-многие другие евреи жили бок о бок с русскими, татарами, удмуртами, коми-пермяками в старой Перми. Словом, наш город можно было назвать «обителью толерантности».

Но, совершив это небольшое отступление, вернемся, однако, в квартал нашего путешествия. Сопровождать нас будет журналист Екатерина Соколовская, моя однокурсница по университету.

– Вот этот дом на углу, где сейчас находится налоговая инспекция Ленинского района и который выходит фасадами на улицу Большевицскую и на улицу Газеты «Звезда», был в пору моего детства в 50-е годы обычным жилым зданием, – вспоминает Екатерина Самуиловна. – Не помню обитателей этой двухэтажки, но флигель во дворе памятен: здесь жила моя подруга Люда – она из многочисленных сестер и братьев Григория Барабанщикова, замечательного диктора Пермского радио с редким по красоте тембром голоса.

– Ты уже в детстве была с ним знакома?

– Что ты? Он был значительно старше нас и являлся гордостью улицы, ибо уже тогда – в 50-е годы – начал сотрудничать на радио.

– Кто еще сделал квартал знаменитым?

– Виолончелист Андрей Флоринский, известный преподаватель музучилища. Его мать в квартале очень хвалили и уважали: она в одиночку поднимала на ноги сына, и моя бабушка, рассказывая о мытарствах соседки, говорила: «Бьется как муха в ухе».

– Екатерина, ведь не только флигель, но сам этот дом для города – не просто здание. Здесь на втором этаже начинала свою и веселую, и нелегкую, а потом нелепо закончившую жизнь газета «Ве-

черняя Пермь». Я сам, будучи молодым и бедным, писал туда заметки и однажды под Новый год получил премию – 25 рублей. Как мы с женой радовались этим неожиданным и большим деньгам! Ага, а вот это твой дом?

– Да, он, родимый.

Мы подходим к двухэтажному особняку, уходящему в глубь двора, а на улицу выставившему лишь небольшое «лицо»-фасад, увешанное вывесками различных контор и пережившее в последние годы усиленное внимание самых разных претендентов – от грузинских структур до местных силовиков.

– В этом частном доме мы жили до 60-х годов, – говорит мой экскурсовод, – потом отдали его государству, а взамен получили небольшую квартиру на окраине. Почти до самого нашего отъезда отсюда улица была не асфальтированной, козы на газонах щипали траву. У нас во дворе был огородик – 20 на 20 метров. Он был заведен родителями больше для моего трудового воспитания, поэтому я – городская девочка – умела выращивать помидоры, огурцы, всяческую зелень. Воду носили с колонки, в ведрах на коромысле, а водяное отопление, канализацию и водопровод отец со своим заводским другом Зиганшиным соорудил где-то в начале шестидесятых.

– А вот здесь был дом с магазином народных промыслов. Дом снесли, и это вызвало, как помнишь, широкий общественный резонанс.

– Как же мне не помнить. Рядом жила семья сестры моего отца и далекий наш родственник Геннадий Пазовский – племянник знаменитого пермяка, музыканта Ария Пазовского, ставшего художественным руководителем Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, а затем и художественным руководителем Большого театра СССР, трижды лауреатом Госпремии.

«Русский двор» не ко двору. Мы притормозим в квартале между улицами Большевицской и Луначарского с тем, чтобы затронуть некие тайны и рассказать, как события десятилетней давности повлияли на облик этого квартала.

Теперь уже мало кто помнит (а знают и того меньше), что на тихой тогда улочке в доме-усадьбе под № 27а, создавался под покровительством государственной программы «Национально-культурное развитие русского народа» культурно-этнографический центр «Русский двор».

Помню, я не однажды с удовольствием приводил сюда, в салон-магазин «Народные промыслы», гостей – и русских, и иностранцев. Они не уходили с пустыми руками, ибо на память о Перми было что купить: от картин местных живописцев до изделий кузнецов-виртуозов или мастеров-камнерезов. На задах магазина

работал небольшой трактир с таким перечнем истинно русских блюд, какой встретишь разве что в знаменитой старинной кулинарной книге мадам Молоховец.

За высоким деревянным забором во дворе дома-усадыбы топилась баня. Это была сказочная баня. Спрятавшаяся под высокими деревьями, она, словно грешная чаровница, манила к себе понежиться в ее жарких объятиях. А потом отпускала в холодок, под сень густых лип, где за выскобленным до белизны деревянным столом хорошо было выпить чашечку-другую чая с медом из тутошних – с подворья – ульев да поглядывать довольным взглядом на крепкий, справный амбар с музейной утварью да на веселый купол освященной часовенки, собиравшей по средам своих прихожан.

Нет, право слово, хорошо было на подворье: в центре огромного города – блаженный уголок тишины и покоя, запах лип и свежесметанного стожка, тепло деревянных стен хозяйственных построек, будто из былой Руси перенесенных в этот городской квартал.

Неудивительно, что в этой баньке грели на полке свои номенклатурные зады депутаты и чиновники разного ранга, столичные генералы и киношники, члены делегаций и участники симпозиумов...

Чудесные воспоминания о приятном времяпрепровождении оставил «Русский двор» у группы иерархов, приехавших на празднование 100-летия Белогорского монастыря. Запомнилось подворье Великой княгине Марии Владимировне и Великому князю Георгию Михайловичу. Ценителями отдыха «а-ля рюсс» оказались Майя Плисецкая, Екатерина Максимова, Владимир Васильев, охотно сбрасывавшие здесь звездный балетный пафос и опрощавшиеся в «Русском дворе» почти по-толстовски. Менеджер американской фирмы «Pratt & Whitney» Майкл Майк восторгался: «Поражает то, как смогли сохранить и поддержать этот оазис русской культуры».

Увы, мистер Майк, не по силам оказалось Перми удержать эту красоту. В 1999 г. строители решили украсить квартал, о котором мы ведем сегодня речь, внушительных размеров многоэтажкой. Для «Русского двора» это означало смерть.

Скандал с особой силой разгорелся в выборном 2000 г. Строители наступали, «Русский двор» отбивался. Решение должна была принять администрация Перми. В адрес мэра тогдашний заместитель губернатора Морозов писал: «В связи с предполагаемым строительством жилого дома по ул. Газеты «Звезда», 27а, встал вопрос о сносе в этой части улицы построек XIX века, салона-магазина «Народные промыслы» с принадлежащим ему культурно-этнографическим центром. Предлагаю вернуться к рассмотрению вопроса о целесообразности переноса построек данного предприятия на другое место, ибо это может привести к ликвидации «Народных промыслов».

С ходатайствами о сохранении культурно-этнографического центра обращались в мэрию представитель ЮНЕСКО, архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий, губернатор Геннадий Игумнов, председатель департамента культуры и искусства Лидия Лисовенко и многие-многие другие. Вроде бы и в администрации города прислушались к голосу встревоженной произволом строителей общественности.

Но ненадолго. Городская власть неожиданно для всех вдруг встала на сторону строителей.

Сегодня нам уже, конечно, никто не расскажет, что случилось в преддверии выборов-2000. О таких альянсах, итогом которых являются большие политические и финансовые дивиденды, принято молчать. Поэтому нам приходится лишь гадать: кто, где, с кем и насчет кого договаривался, и какие кому предлагались отступные. Может быть, в виде поддержки на выборах. Всякое люди говорят.

В итоге «Русский двор» был снесен, дом-гигант построен. Место «Народных промыслов» заняли магазин «Элементы роскоши», банк, офисы. У нас появился новый губернатор. Есть ли связь между этими событиями? Кто же станет голословно утверждать... Но порублены липы, посаженные здесь в 1945 г. в честь победы над врагом. А дом, построенный на месте порушенного храма, может ли быть благополучным?

Кто живет на крыше? Ответить на этот вопрос по отношению к дому 27 достаточно просто: уж точно не Карлсон живет на его крыше, для этого ему не хватит никаких денег. Сейчас жилье на крыше, вдали от шума городского, называемое «пентхаус», стоит огромных денег и спрос на него велик.

Достаточно сказать, что все четыре «пентхауса», расположившиеся под куполом высотного здания на углу улиц Луначарского и Газеты «Звезда», были раскуплены еще в пору строительства пермского небоскреба в 2003 г., хотя тогда это было самое дорогостоящее жилье в Перми. Мой вопрос: «Кто все-таки живет на крыше, если не Карлсон?» – вызывал лишь легкую улыбку на устах собеседников, заводивших глаза к потолку. Один из них разоткровенничался:

– Очень богатые, очень влиятельные и очень уважаемые люди.

– Видимо, политики, бизнесмены? Те, в чьих кругах родилась циничная пословица: «Если ты умный, то почему такой бедный?»

– И те, и другие. Двухуровневые квартиры-пентхаусы расположились на 17 и 18 этажах. Особую роскошь двухэтажным апартаментам добавляют открытые террасы площадью свыше 35 квадратных метров, где можно играть в мини-футбол или настольный теннис, соорудить собственный сад-дендрарий (здесь есть условия даже для посадки деревьев), принимать гостей на светском рауте или просто любоваться просторами, открывающимися с высоты птичьего полета.

Об особенностях дома мне рассказал один из разработчиков индивидуального проекта здания архитектор Игорь Луговой.

– Главной изюминкой является словно парящий над зданием купол – аналогов ни по конфигурации купола, ни по конструктивным решениям, связанным с его сооружением, в мире нет, мы проверяли, – пояснил Игорь Васильевич. – Из каждой квартиры – выход на угловую полукруглую лоджию: такое расположение позволило увеличить ее площадь и обзор.

– Надо понимать, что на каждом этаже – четыре квартиры?

– Да. Две двухкомнатные и две трехкомнатные. Звучит прозаично, но если скажу, что площадь двухкомнатной квартиры 90 квадратных метров, многое станет понятным. В доме небольшое количество квартир, а значит и жильцов.

– Видимо, повышенные параметры сервиса тоже предусмотрены?

– Они, в основном, созданы за счет установки дорогостоящих, но чрезвычайно надежных импортных систем водо-, тепло- и электроснабжения.

– Говорят, что у этого дома какая-то особая теплоизоляция...

– Точнее – дом с вентилируемым фасадом. Это система наружно-го утепления здания с целью снижения теплопотерь и повышения эстетического уровня отделки фасадов. Снаружи – керамогранит, затем – воздушная прослойка и только третий слой – собственно утеплитель. Словно хорошая одежда на теле человека: сохраняет тепло, не греет улицу, бережет энергию, украшает вид. Сегодня многие пермские застройщики оценили наш опыт.

– Что еще вы можете сказать об этом жилом здании?

– «Вот здание, в котором я хотел бы жить!»

Со строительством чуть ли не этого дома закончилась тихая, спокойная, размеренная жизнь бывшей улочки Оханской. Там и сям полезли из земли новостройки вполне западного облика, родились невиданные здесь ранее «пробки». Буквально на глазах один за другим были снесены старые дома, навсегда исчезла прежняя Пермь.

Еще в 1970-е гг. был разработан замечательный по своей заботе о детях план застройки квартала, что напротив дома, о котором мы только что вели речь. При коммунистах успели возвести только первую очередь Дворца пионеров, который должен был занять целый квартал и по улице Газеты «Звезда». Сегодня здесь жилой дом – тоже не для бедных. Во дворе, где планировалось организовать самый разнообразный детский досуг, построены уже два дома, приносящие вместо радости пионерам и школьникам доход застройщикам.

Впрочем, с приходом новых демократических времен рухнула идея всего ребячьего комплекса, завязанного в единый узел, всей детской республики: Дворец пионеров, стадион «Юность», детский парк, тихая пешеходная улица Газеты «Звезда». Все брошено под ноги новому кумиру – прибыли.

Вот и крышу заселил не сказочный Карлсон. Нету ему места в домике за трубой.

Дом, где поселились таланты. Итак, пересекаем улицу Луначарского и останавливаемся у девятиэтажки, занявшей весь следующий квартал вплоть до улицы Пушкина.

Молодежь вслед за оценщиками-риэлторами подобные жилые здания презрительно называет «серая панелька», видимо, полагая, что уж их-то поколение будет жить в элитных апартаментах. Мы же зайдем в этот дом, который стал в свое время пристанищем многих талантов, прославивших Пермь, и в пору заселения, уж конечно, заслуживал не презрительного взгляда, а завистливого вздоха, ибо был образцом комфортного жилья брежневской эпохи.

Ведь не случайно в этой девятиэтажке жили: народная артистка СССР Людмила Сахарова и первый чемпион мира по боксу Василий Соломин, секретарь местного отделения Союза писателей СССР, боевой морпех Олег Селянкин и известный книжный график Николай Горбунов, журналист и писатель Владимир Михайлюк и заместитель председателя Пермского отделения Всесоюзного общества «Знание» Евгений Климов. Здесь до сих пор живут ученые, врачи, учителя и бывшие сотрудники КГБ – последнее обстоятельство, правда, к славной жизни дома ничего сегодня не прибавляет.

Дом этот заселен легендами, историями, анекдотами, лирическими воспоминаниями так же плотно, как и реальными жильцами. Но одна из квартир, думается, воспоминаниями о прошлом богата больше других, ибо она была своеобразным клубом творческой интеллигенции Перми.

Поэт Алексей Решетов так описывал ее: «Нежданная пирушка, в кармане ни гроша, но так и ходит кружка, от уст к устам спеша. Хозяюшка-простушка, хозяин-вертопрах, но мудрая кукушка живет у них в часах. И вот уже мы встали, и вот уже ушли в неведомые дали без неба и земли».

Хозяюшка-простушка и хозяин-вертопрах – это любимица пермской писательской братии и сама писатель Ирина Христолюбова и ее муж – в ту пору главный редактор кинопроизводства Пермского телевидения, умница, обаятельнейший человек Григорий Мещеряков.

– Мы с Гришей въехали в этот дом в 1975 году чуть ли не самыми первыми, так надоело снимать на Южном крохотную квартирку, – вспоминает Ирина Петровна. – Из вещей, которые мы привезли, был только один чемодан. Но какая жизнь начиналась здесь!

Здесь были написаны все основные произведения детского писателя Христоролюбовой. Здесь произошло чудо, достойное того, чтобы занести его в Мировую книгу чудес: материализовалась героиня чудесного сборника рассказов, выпущенного в 1980-е годы, – «Загадочная личность».

Как-то раздался звонок в дверь, Ирина Петровна открыла и увидела девочку-подростка:

– Меня зовут Света. Я и есть «загадочная личность», о которой вы написали книгу.

«Загадочная личность» Светлана стала захаживать к своей «литературной маме», рассказывала о жизненных событиях, взрослела. И как-то раз пришла не одна – привела для знакомства жениха. А потом вышла замуж, родила девочку. Так что «загадочная личность», рожденная Ириной Христоролюбовой, живет уже во втором поколении, учится в школе.

А книжка писательницы «Топало» пробудила безудержную детскую фантазию. В квартире – целая галерея кукол, изображающих Топало. Они были сшиты детскими руками и присланы юными читателями сюда, на улицу Газеты «Звезда».

– Это был клуб, куда приходили с удовольствием Иринины подружки во главе с Аней Бердичевской, ныне московские писатели Леня Юзефович, Толя Королев, наши классики Лев Давыдычев, Алексей Решетов, Алексей Домнин – всех не перечислить, – рассказывает известный пермский книжный редактор Надежда Гашева. – Здесь всегда мы шумно отмечали приход Нового года, другие праздники. И кто бы ни был в гостях – Гришины друзья-детдомовцы из Свердловска, драматург Геннадий Бокарев, коллеги-телевизионщики, журналисты или писатели – вас всегда ждал роскошный разговор за столом, умная беседа. Таких домов в Перми было мало, а сейчас, пожалуй, и совсем нет.

Случались здесь самые разные – веселые и забавные – анекдоты. Например, поэтесса Нина Чернец на вечеринке по поводу приезда в гости знаменитого «мультияшного» режиссера Федора Хитрука, прижав создателя всемирно известных фильмов к перилам балкона, страстно призналась ему в любви с первого взгляда.

В Перми врач Брежнева жил в бане. У ограды бывшего детского парка имени Горького, а ныне городского парка развлечений некогда и заканчивалась улочка Оханская – предшественница современной улицы Газеты «Звезда».

В детстве я жил неподалеку от этого места, и всевозможные мальчишеские заботы нередко приводили меня с товарищами к одноэтажному домику, скрытому за высоким деревянным забором. Какая-то тайна окружала этот дом, разглядеть который – и то не полностью – можно было только зимой с высокого сугроба: взору открывалась часть двора. В нем никогда никого не было видно, а вокруг никогда ничего не происходило.

Ну мы и решили, что здесь по ночам готовят наших шпионов. Став взрослее, считали, что в этом доме останавливаются высокие, знатные гости.

А потом дом снесли. И через какое-то время на его месте выросла гостиница «New Star» – «Новая звезда».

Как-то я встретился с человеком-легендой, который знает о Перми все. Я имею в виду недавно ушедшего от нас бывшего первого секретаря обкома КПСС Бориса Всеволодовича Коноплева. Разговорились – и я вспомнил о наших предположениях по поводу загадочного дома.

– Должен сказать, что после войны у руководителей крупных предприятий появилась этакая мода – строить для себя особняки. В доме, о котором идет речь, жили сначала директора телефонного и велосипедного заводов, а потом – до его сноса – рядовая пермская семья. Кстати, у школы № 22 до сих пор стоит бывший особняк бывшего директора моторостроительного завода Солдатова, а на улице Швецова – трехэтажное здание, построенное в конце сороковых годов для руководителей корпуса военных железнодорожных строителей. Сейчас это – известная музыкальная школа № 1.

– А где все-таки высоких гостей принимали?

– На улице Большевикстской, напротив краевого архива, стоит небольшое здание примечательной архитектуры. Оно было построено в послевоенные годы как квартира директора объединения «Кизелуголь», а затем превратилось в гостевой домик.

– Кто там жила?

– Например, будущий Генеральный секретарь КПСС Леонид Ильич Брежнев. Будучи Председателем Президиума Верховного Совета СССР, он в 1958 году приезжал в Пермь, чтобы лично убедиться: может ли самостоятельно Пермь решить поставленные перед ней космические задачи. Я был тогда первым секретарем горкома, и мы три дня провели на производствах Мотовилихи и Свердловского завода. Брежнев входил во все тонкости дела.

– Как к комфорту относился?

– Да никак. Спал в маленькой угловой комнате. Рядом – два офицера охраны. Для врача места в доме не нашлось – он жил в баньке, во дворе.

Впрочем, воспоминания увели нас далеко от улицы Газеты «Звезда». Вернемся к нашей экскурсии.

На месте дома, что стоит на пересечении улиц Газеты «Звезда» и Пушкина (он известен под названием «дом геологов»), до середины прошлого века стоял небольшой деревянный особняк, в котором воспитывалась известная поэтесса, автор книг для детей Евгения Федоровна Трутнева. Пермский краевед Елена Александровна Спешилова так рассказывает историю в духе старых дамских романов: «На Большой Ямской, 66, некогда жила мещанка Юлия Георгиевна Вишневецкая. Морозным декабрьским утром 1884 года на стук в дверь вышла прислуга и обнаружила на ступеньках сверток, в котором оказался ребенок. У Юлии Георгиевны недавно умер маленький сын, и Вишневецкая удочерила подкидыша. День 4 декабря, когда нашли девочку, и стал днем рождения будущей известной пермской поэтессы».

... Все течет, все изменяется. В лучшую ли сторону? Не знаю. Исчез, например «сад камней» перед «домом геологов» – своеобразный музей уральского камня долгое время украшал пермский пейзаж. Демократическая новь смела красоту как ненужный элемент в облике Перми. Сама геологоразведочная экспедиция, занимавшая цокольный этаж здания, уступила место кабинету милиции, стоматологам, мировым судьям, книжному магазину и дидактическому центру, магазину по продаже компьютеров. Тоже нужные объекты, спору нет. Но обидно, что геологи Перми больше не понадобились.

Впрочем, время безжалостно ко всему. Исчезли с лица земли стоявшие в этой округе дома Н. В. Мешкова с первой бесплатной библиотекой, краеведа Н. Н. Новокрещенных – организатора Пермского музея и исследователя знаменитого Гляденовского городища, писательницы А. А. Кирпищиковой, сотрудничавшей с некрасовским журналом «Современник».

В аллеях нашей молодости. Строго говоря, городской сад развлечений, разделивший надвое улицу Газеты «Звезда», к самой улице имеет косвенное отношение. Но обойти кругом и не заметить историческую реликвию Перми невозможно. Слишком многое у горожан нашего времени, у старожилов, у самой Перми связано с аллеями сада, заложенного при губернаторе Модерахе еще в 1810 г.

Об истории старинного сада, я думаю, читателю известно достаточно много. Известно, что император Александр I, находившийся в Перми с 30 сентября по 3 октября 1824 года, отдыхал в ротонде, построенной специально к его приезду и сохранившейся до сих пор. Известно, что немецкий ученый Александр Гумбольдт, следуя

в 1829 г. через Пермь в Бухару, именно на ступеньках ротонды впервые произвел инструментальное определение географического положения Перми. Что по Загородному бульвару – будущему городскому саду – в 1835 г. прогуливался ссыльный писатель Александр Герцен. Что в 1937 г. горожане приветствовали здесь звезду советского кинематографа Любовь Орлову...

Давайте прогуляемся по аллеям старинного сада, пошуршим опавшими листьями. Осень – время, располагающее к ностальгическим прогулкам.

В последние годы сад сменил свое название, а вместе с ним и свою суть: объект «культуры и отдыха» превращен новыми хозяевами в центральный городской парк развлечений, где задействован чуть ли не каждый квадратный метр полезной площади. На небольшой территории действуют около 50 аттракционов и других видов развлечений и увеселений. Все движется, шумит, грохочет. Что ж, у каждого времени свои приметы и свои забавы.

Иду по-осеннему задумчивому в буднее утро саду. Боковой вход с улицы Газеты «Звезда» надежно перекрыт, а когда-то здесь входили под липовую и дубовую сень сада свободно. Здесь же, напротив ротонды, шумел фонтан, и «мальчик с дельфином» в чаше фонтана все летние месяцы стойко переносил испытание холодными струями. Мы – послевоенные мальчишки – уходили домой из сада, чтобы только перекусить и хоть на миг показаться на глаза родителям. В беседке у ротонды читали вслух «Всадника без головы» и «Приключения Незнайки», в Зеленом театре на открытом воздухе можно было посмотреть концерт, а рядом в библиотеке – сыграть в шахматы или почитать книгу на веранде. На центральной аллее собирали опавшие желуди – из них мы делали забавных человечков. Сейчас дубы в саду повывелись, деревьев стало мало.

А какие концерты давали в Летнем театре, что стоял на центральной площади сада! Московские артисты (я уже не говорю о пермских) с удовольствием выступали здесь. Не одну программу показали в саду молодые родители будущей звезды театра, кино и телеэкрана Андрея Миронова – популярные Мария Миронова и Александр Менакер. До сих пор я помню гастроли всемирно известного мага Вольфа Мессинга, выступавшего в пятидесятые годы прошлого столетия с разрешенными еще тогда опытами с использованием гипноза. Потом мы – мальчишки – так же, как Мессинг, мрачным взором пытались усыпить друг друга.

По вечерам вход был платный. И только для взрослых. Наши молодые, красивые мамы и папы, нарядно одетые, веселые, шли с друзьями погулять в саду. На вечерних сеансах в кинотеатре «Отдых» много-

кратно смотрели «Возраст любви», «Верные друзья», «Мама, папа, служанка и я». А утром и днем «Отдых» был наш. Какое блаженство было сидеть перед экраном в «нулевом ряду» – то есть на полу, на лучшем месте – и переживать за китайскую «Баскетболистку № 5» или следить, как наши славные моряки пресекают козни шпионов в «Тайне двух океанов», какие события разворачиваются «В квадрате 45».

Мы становились старше, и сад Горького открывал свои новые радости. Каток, снежинки в свете вечерних фонарей, музыка из динамика на столбе, наши «гаги» и «канады» рядом с девичьими «фигурными» коньками. Первые вздохи и признания. Прогулки вдвоем или вчетвером по летним тенистым аллеям. Польша-бабочка, первые чарльстоны и даже запрещенные буги-вуги на танцплощадке, у входа на которую расступалась толпа, когда знаменитый боксер Витя Самсонов – он же Самсон – вел под руку свою будущую жену, а тогда просто сестру нашего друга Толика Смирнова.

Бреду по дорожке, усыпанной листьями, и вспоминаю монолог из «Покровских ворот»: «Пятидесятые годы – они уже скрылись за поворотом. Отшумели шестидесятые. Семидесятые пролетели. Восьмидесятые проросли... Где вы теперь, друзья моей юности? Вы, бескорыстные подружки? Молодость, ты была или не была? Кто ответит, куда ты делась? И только ветер в аллеях Нескучного сада замечает твои следы».

Вот и в пермском саду хозяйничает осенний ветер, делает свое дело.

Все о погоде. Надо ли сегодня одеваться теплее? Выходя из дому, захватить ли с собой зонтик? Позволит ли погода провести запланированный пикник или совершить поход за грибами? На эти и многие другие важные вопросы исчерпывающие ответы всегда готовы у сотрудников отдела метеопрогнозов Пермского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Отдел этот находится в доме № 42 по улице Газеты «Звезда». С его руководителем Людмилой Николаевной Кузьминой у нас состоялась интересная беседа.

– Прогнозы – политические, экономические, социологические – всегда были делом и ненадежным, и неблагодарным, ибо редко сбываются в полной мере. А синоптикам можно доверять сегодня?

– На территории края прогноз оправдывается на 94 процента. Расчет метеопараметров с помощью решения уравнений гидродинамики позволяет с высокой точностью прогнозировать погоду на завтра.

– Как собирается информация?

– В Пермском крае действуют 26 метеостанций – каждые три часа они отправляют сведения о фактическом состоянии атмосферы. В Москве информация из различных точек страны с помощью компьютеров превращается в синоптические карты, которые по каналам

связи поступают во все прогностические центры страны, где синоптики анализируют карты. В Перми есть еще и станция радиозондирования. Зонд, поднимаясь на высоту 20 километров, посылает радиоинформацию о температуре, влажности, силе и направлении ветра, с помощью которой составляются высотные карты. Кстати сказать, для расчетов мы используем не только московские, но и американские, а также западноевропейские прогностические карты.

– Прогноз, как я понимаю, надо делать быстро.

– В 8.30 утра заступает смена, в 11.30 дежурный синоптик выдает предварительный, а в 13.00 – окончательный прогноз погоды на завтра.

– Людмила Николаевна, лет 30-40 назад что-то не слышно было ни о смерчах, ни о шквалах в Прикамье. У нас погода изменилась?

– Эти опасные явления были всегда на нашей территории. Зарегистрированы случаи шквалов большой разрушительной силы, со скоростью ветра 35 метров в секунду. Менее мощных шквалов (скорость 25-30 метров в секунду) бывает 3-4 за лето. Наиболее подвержены опасным явлениям наши южные районы.

Что касается изменения погоды, то скажу следующее: мы сравнивали информацию 30-летней давности и фактическую. Разница в повышении температуры воздуха на один градус есть. За счет зимнего потепления. Летние температуры, можно сказать, идентичны.

– Кто пользуется вашими прогнозами?

– На договорных началах мы обслуживаем более 60 организаций. В основном же мы работаем на власть, на федеральные службы. Первыми бюллетень погоды получают губернатор Чиркунов, службы МЧС.

– Слушая по утрам метеосводку, диву даешься: у каждой радиостанции, у каждого телеканала – свой прогноз, своя температура.

– Очевидно, они используют информацию собственных датчиков или данные Интернета без учета местных условий. Наши прогнозы передают в эфир телеканалы «Пермь» и «Рифей», радио «Альфа». Мы анализировали сообщения некоторых СМИ: качество прогнозов на 15-20 процентов ниже наших. Кроме того, они «узкие»: нет сообщений о возможности опасных явлений, о снегопадах, метелях, гололеде, гололедице.

– Кстати, какая разница между этими явлениями?

– Гололёд – это образование наледи на ветках деревьев, на проводах. Гололедица – это возникновение наледи на дорогах.

О ком заботился обком? До середины прошлого века нынешний «тихий центр» Перми за садом Горького воспринимался уже чуть ли не окраиной. И сегодня суэта огромного города не проникла пока

еще сюда в полной мере. Видимо, как раз это драгоценное качество местности – патриархальная, неторопливая атмосфера бывшего частного сектора, околдованного соловьиным пением летними бесконечными вечерами, и стало в 1960-е гг. определяющим при выборе площадки под строительство жилья, которое надолго стало поводом для пересудов и сплетен.

Целый городок, получивший в народе название «обкомовские дома», выходит одной из своих сторон на улицу Газеты «Звезда». А начиналось освоение новой площадки с возведения пятиэтажного дома, внешне мало чем отличавшегося от привычных хрущевских «пятиэтажек».

Жизнь «обкомовских» домов вызвала понятный повышенный интерес горожан. Я сам неоднократно расспрашивал свою родную тетушку, принимавшую участие в проектировании этих жилых зданий: «Чем особенным отличаются обкомовские новостройки от нашего грешного жилья? Какие претензии высказываются партийной номенклатурой в ходе проектирования, строительства и приемки дома?»

– Сами-то работники обкома нам не досаждали, чего не скажешь об их женах, – делилась со мной тетушка «закрытой информацией». – Порой до смешного доходило. Одна из жен – дородная, надо сказать, мадам – устроила скандал: почему туалеты такие узкие! Я слушала, слушала ее – и не выдержала. Вы бы, говорю, заранее сообщили, какого размера делать туалеты исходя из размера ваших поп.

Много всяческих легенд ходило об «обкомовских домах», хотя действительность оказывалась проще и обыденней. Вот и квартира бывшего первого секретаря Пермского обкома КПСС Бориса Всеволодовича Коноплева даже в пору аскетического жилищного «комфорта» воображение не поражала. Спору нет, квартира хорошая, четыре комнаты (но – небольшие) – и только-то.

– А чего только не болтали завистливые языки! Мол, водоснабжение и тепло автономные, потолки высоченные, в коридорах можно на велосипеде гонять, а сам «дом Коноплева» и прилегающую территорию со сквером охраняют «бойцы невидимого фронта».

– Обычный дом, который был сразу же поставлен на баланс жилищного управления райисполкома, – рассказывал сам Борис Всеволодович. – Типовое здание, только потолки, действительно, на 20 сантиметров были выше. В подъезде, где я живу, было помещение для милиционера – вот и вся охрана. Я ведь, кстати сказать, и на работу пешком ходил, ничего не боялся – машину брал, если возвращался поздно ночью.

– Дом заселяла партийная элита? О ком, так сказать, заботился обком?

– В обкомовской «пятиэтажке» – несколько четырехкомнатных квартир, а также двух- и трехкомнатные. Селили сюда работников всех категорий: уборщиц, водителей, инструкторов, заведующих отделами, секретарей обкомов, – пояснял Коноплев.

– Говорили, что здесь квартиры аж с двумя туалетами. Тогда это считалось чуть ли не вызовом общественности, особенно проживающей в «коммуналках» с утренними очередями к унитазу.

– Это речь шла о следующем, девятиэтажном, доме. Он был построен значительно позже, и действительно был более комфортабелен, с более современной планировкой. Но я туда ехать отказался, и жена заявила, что ей совсем не хочется убирать такие площади. Так и живу здесь, в «пятиэтажке». В последние годы много новых людей поселилось. А из прежних остались только я и бывший секретарь обкома Вера Александровна Константинова, – рассказывал за год до своей кончины Б. В. Коноплев.

Любопытна судьба квартиры, предназначавшейся отказавшемуся от нее «царю Борису». Не все его соратники по партии оказались такими же скромными в быту, такими же щепетильными людьми. Сначала эту квартиру переделали под гостевую, обставив хорошей мебелью. Мебель, как утверждают знатоки, увез с собой получивший назначение в Москву во время перестройки партийный деятель Евгений Чернышев, живший недолго в этой квартире. Его сменил губернатор Кузнецов – бывший речник, прозванный своими же собратьями «бакенщиком». Он приватизировал квартиру и дорого ее продал перед отъездом в демократические джунгли Москвы.

Остается добавить, что в обкомовской «девятиэтажке» квартиры получили в свое время и достойные люди. Такие как авиаконструктор Павел Соловьев, кардиохирург академик Евгений Вагнер, художественный руководитель Пермского академического театра драмы Иван Бобылев и другие.

Символ символу рознь. Остановимся у двух жилых домов по улице Газеты «Звезда», каждый из которых по-своему рассказывает о Перми и ее жителях.

Дом № 46, построенный на месте бывшего бассейна «Комсомолец» на перекрестке нашего маршрута и улицы Тимирязева, словно излучает полное довольство и самодостаточность своей громадностью и высотой. Он попирает окружающее пространство. Он – как Символ Личного Благополучия. Под его многоэтажным ампиром – имитацией архитектурного стиля сталинской эпохи – просторный двор, огороженный высокой металлической решеткой. Решетка – тоже символ. Символ Священной Частной Собственности. Забор по-хозяйски отрезал часть улицы, включив ее в свое дворовое пространство.

Во дворе – не просто иномарки, а полное автотехническое изобилие. Отливает матовым светом вальжный «Ситроен». Мощный и невозмутимый «Хаммер» предупреждает желтым агрессивным окрасом – мол, меня не трогай. Дорогуший глянец машин ведущих мировых фирм безмолвно напоминает пешим прохожим, что есть в Перми богатые люди, способные за квадратный метр жилой площади заплатить сумму, равную годовой зарплате учителя.

По всей видимости, и условия проживания здесь чуть ли не царские – так считают многие пермяки. Но не все.

Так, архитектор Олег Горюнов, проектировавший этот дом-замок, считает, что ничего особенного в смысле комфорта, технических или архитектурных решений здесь нет. Никакое это не элитное жилье. Конечно, подземная автостоянка, пристроенный оздоровительный комплекс с 25-метровым бассейном, огромные квартиры площадью 160-180 квадратных метров – это хорошо. И даже очень. Но сегодня в Перми такое жилье – не редкость.

Однако этот дом знаменателен не только большим удельным весом проживающих в нем «новых русских». Построенный фирмой Семена Леви «Стройиндустрия», он открыл дорогу в нашем городе современной технологии возведения жилых объектов методом сборного каркаса.

К сожалению, замыслы архитекторов полностью не были осуществлены: инвестор посчитал, что можно обойтись без запланированных витражей и других «излишеств». Обещал инвестор «довести до ума» незавершенную верхушку здания. Недоделал. Уехал в Москву.

Соседний с этим дом № 54 не поражает своим величием. С виду обычное четырехэтажное жилище, построенное пленными немцами еще в 50-е годы прошлого века, с деревянными перекрытиями. Но живет в этом доме уникальный человек – академик РАН Владимир Никитович Анциферов. У него столько званий, наград, должностей и общественных обязанностей, что для их перечисления потребовался бы отдельный материал. Скажем лишь, что он – лауреат Государственной премии СССР, член различных научных советов РАН, член редколлегий научных журналов, кавалер орденов и медалей, автор большого количества внедренных в производство научных разработок, председатель Фонда возрождения историко-культурных традиций имени Татищева.

Доктор технических наук, профессор Анциферов – основатель и руководитель Научного центра порошкового материаловедения Пермского государственного технического университета. Напомним, что

порошковая металлургия позволяет сокращать расход материалов и энергии при производстве изделий, а также придавать этим изделиям особые свойства. Так, одним из направлений деятельности научного центра является изготовление изделий практически любой формы, высокой плотности, прочности и твердости из однородных металлических и керамических порошковых материалов. Например, разработанные в научном центре Анциферова порошковые стали лучше, чем износостойкие высокохромистые стали известной шведской фирмы «Сундс дефибратор». И так далее, и тому подобное – зря ученым наград не дают.

– Я живу здесь давно – с 1978 года. Что только не случилось за это время: смешное, серьезное, всякое. Помню, утром отправился на митинг по случаю смерти Брежнева. В почтовом ящике – открытка. А в ней сообщение о том, что мне присуждена Государственная премия СССР. Вот такие странные совпадения: кому – горе, кому – радость, – вспоминает академик.

– Уезжать с этой улицы не думаете?

– Хотелось бы поменять квартиру на более комфортабельную. Боюсь, заработков академика для этого недостаточно.

«В моей судьбе ты стала главной ...» Дом № 79 – последний на нашем маршруте. Здесь расположена мастерская известного скульптора и правдолюбца Рудольфа Веденева. В очередном поиске справедливости он пытается увековечить событие, которому более 90 лет. Речь идет о политическом и уголовном преступлении – зверском убийстве в Перми великого князя Михаила Романова, младшего брата императора Николая II. Скульптор Веденев создал эскиз памятной доски с именами Михаила Романова и его секретаря англичанина Брайана Джонса, тайно похищенных чекистами и убитых в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. Доска, по мнению скульптора, должна быть установлена на 7-м километре Соликамского тракта – на предполагаемом месте трагедии, лишившей Россию наследника престола.

... За время путешествия мы вспомнили разные судьбы самых разных людей – от простых обывателей до императоров. Мы уже говорили о том, что в ротонде на берегу Камы, давшей начало улочке Оханской, в сентябрьские дни 1824 г. сживал посетивший Пермь император Александр I. Не исключено, что именно тогда, оглядывая с высокого берега бескрайние лесные просторы и осеннюю пестроту сентябрьской палитры, император почувствовал нечеловеческую тяжесть бремени управления громадным государством и желание уйти в частную жизнь.

Здесь, по этой улице, хаживали приехавшие на денек в Пермь из всеволодо-вильвенской глуши молодой поэт и конторщик Борис Пастернак с Ф. Н. Збарской, здесь вышагивал с молодой женой Рахилью Соломянской лихой кавалерийский рубака и начинающий писатель Аркадий Гайдар, здесь прогуливались полные надежд на мировую пролетарскую революцию Маяковский и Каменский... А Михаил Осоргин? А авиаконструктор Павел Соловьев? Космонавт Виктор Савиных, навещаая Пермь, совершал здесь утренние пробежки. И сколько замечательных имен, хранимых этой улицей, можно еще и еще называть!

Заканчиваю описывать заключительный отрезок маршрута, а в ушах – мелодичная песня, проникновенно исполненная в кинофильме «Весна на Заречной улице» покорителем женских сердец Николаем Рыбниковым. «На свете много улиц славных, но не сменяю адрес я. В моей судьбе ты стала главной, родная улица моя...» Эта улица стала «главной» не только в судьбах людей, но и в судьбе самой Перми. Она, словно крепкая нить, связала глубокую старину и настоящее, а нынче примеряет наряд стремительного будущего.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН – Академия Наук
АО – акционерное общество.
Б. г. – без года (в библиографическом описании).
Б. м. – без места (в библиографическом описании).
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет.
ГАБТ СССР – Государственный академический Большой театр СССР.
ГАПК – Государственный архив Пермского края.
ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ГОПАПО – Государственный общественно-политический архив Пермской области.
ГТРК – Государственная телерадиокомпания.
ГУК – государственное учреждение культуры.
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей.
Д. – дело (в ссылке на архивный документ).
Е. И. В. – Его императорское величество.
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом. ИРЛИ РАН).
КГБ – Комитет государственной безопасности.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
Л. – лист (в ссылке на архивный документ).
Л. – Ленинград (в библиографическом описании).
М. – Москва (в библиографическом описании).
МВД – Министерство внутренних дел.
МГУ – Московский государственный университет.
МУК – Муниципальное учреждение культуры.
Н-ки – наследники (в названии фирмы).
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.
НЭП – Новая экономическая политика.
ОАО – Общество с ограниченной ответственностью.
Об. – оборот (в ссылке на архивный документ).
ОблОНО – Областной отдел народного образования.
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.
ОМБ – Объединение муниципальных библиотек.
Оп. – опись (в ссылке на архивный документ).
Пг. – Петроград (в библиографическом описании).
ПГВ – Пермские губернские ведомости.
ПГИИК – Пермский государственный институт искусств и культуры.

ПГСХА – Пермская государственная сельскохозяйственная академия.
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет.
ПГТУ – Пермский государственный технический университет.
ПГУ – Пермский государственный университет.
ПГХГ – Пермская государственная художественная галерея.
ПЕВ – Пермские епархиальные ведомости.
ПермГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории.
ПКМ – Пермский краевой музей.
ПКЦОП – Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия).
ПОИПКРО – Пермский областной институт повышения квалификации работников образования.
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей.
ПСЗ – Полное собрание законов.
ПСХИ – Пермский сельскохозяйственный институт.
ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия.
РАН – Российская Академия наук.
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РГБ – Российская Государственная библиотека.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РНБ – Российская Национальная библиотека.
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РФ – Российская Федерация.
СМИ – средства массовой информации.
СНК – Совет Народных Комиссаров, Совнарком.
СПб. – Санкт-Петербург (в библиографическом описании).
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СТД – Союз театральных деятелей.
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук.
Ф. – фонд (архивный, в ссылке на архивный документ).
ЦГБ – центральная городская библиотека.
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.
ЦК – Центральный Комитет.
Ч. – часть (в библиографическом описании).
ЧК – Чрезвычайная комиссия.
ШРМ – школа рабочей молодежи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аленчикова Наталья Дмитриевна, историк-архивист.

Баяндина Юлия Николаевна, аспирант кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Брезгин Олег Петрович, искусствовед, заведующий научной библиотекой Пермской государственной художественной галереи.

Бубнов Василий Михайлович, журналист, г. Пермь.

Бушмаков Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного института искусств и культуры.

Быстрых Татьяна Ивановна, специалист в области библиотечного краеведения, заслуженный работник культуры РФ.

Ваксман Семён Иегудович, кандидат геолого-минералогических наук, почётный нефтяник, член Союза российских писателей.

Вершинина Ольга Антоновна, ученица 10-го класса пермской гимназии № 4 им. Братьев Каменских.

Власова Ольга Михайловна, кандидат искусствоведения, член Союза художников России, заслуженный работник культуры РФ, доцент Уральского филиала Академии живописи, ваяния и зодчества.

Гайсин Олег Дуфарович, историк, ООО «Пермстроймет+».

Гладышев Владимир Федорович, председатель общества «Пермский краевед», член Союза писателей России.

Давыдова Татьяна Николаевна, студентка Пермского государственного университета, специальность «Журналистика».

Демидова Марина Анатольевна, главный библиотекарь Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева).

Жаворонкова Галина Ивановна, главный библиотекарь Культурно-информационного центра Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. Д. Н. Прянишникова.

Карлюк Татьяна Николаевна, ведущий научный сотрудник Пермского краевого музея (Дом-музей Н. Г. Славянова).

Киселёв Александр Борисович, заместитель директора ГКУК «Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)».

Князева Нина Афанасьевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики начального обучения и воспитания Пермского государственного педагогического университета, доцент.

Константинов Аркадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Пермского филиала Уральской академии государственной службы, член Союза журналистов РФ, военкор газеты «Звезда».

Корчагин Павел Анатольевич, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук, кандидат исторических наук.

Краснопёров Всеволод, ученик 10-го класса пермской школы № 22.

Краснопёрова Наталья Васильевна, инженер, член клуба «Пермский краевед».

Крохалёва Анна Петровна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Лобанов Дмитрий Алексеевич, историк, директор историко-архивного журнала «Ретроспектива».

Обухов Леонид Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

Пакните Марта Павловна, студентка специальности «Журналистика» Пермского государственного университета, арт-критик, художник.

Перескоков Лев Валентинович, председатель Пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, искусствовед, краевед.

Полякова Елена Николаевна, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, профессор, доктор филологических наук.

Рафиенко Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, г. Москва.

Семянников Виктор Владимирович, краевед, г. Пермь.

Серов Михаил Иванович, краевед, один из организаторов Пермского общества любителей балета «Арабеск».

Сидякина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Пермского государственного университета, программный директор Пермской Синематеки.

Сироткина Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Сургутского государственного педагогического университета.

Ситников Михаил Григорьевич, краевед, г. Пермь.

Смородина Светлана Сергеевна, директор Муниципального учреждения «Архив города Перми».

Стародубцева Ирина Павловна, старший методист НОУ «Содружество».

Субботин Евгений Павлович, Президент Пермского общества «Арабеск».

Усть-Качкинцева Светлана Викторовна, физик, бывший преподаватель Пермского государственного университета.

Хоринко Виталий Петрович, доцент кафедры анатомии сельскохозяйственных животных Пермской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат медицинских наук.

Шапвалов Роман Олегович, ученик 10-го класса пермской гимназии № 4 им. Братьев Каменских.

Шилов Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

Яковлева Валерия Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета.

Ярома Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социологии Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. Д. Н. Прянишникова.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«Пермский дом в истории и культуре края»,
состоявшейся 19 декабря 2008 г. (Пермь, 2008-2009)

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

- Киселёв А. Б.** Дом в культурном пространстве города.
Сыромятников О. И. Архетип дома в философском дискурсе.
Лейбович О. Л. Дома без всякой архитектуры.
Новинский В. Г. О формировании Перми (собственная версия).
Коневских Л. А. «У добра спросите, какое содержание приличествует дому» (представления о духовном домостроении в Живой Этике).
Куличкина Г. В. Уходящая натура.
Полякова Е. Н. Первые дома на Егошихе (по данным лексики памятников XVII века).
Козлова В. Ю. Жилые дома в Перми второй половины XIX века (качественные характеристики).
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. К вопросу о бытовом укладе жителей Перми во второй половине XIX века.
Масальцева Т. Н. У истоков Сибирской.
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Пермские дома в трудах А. А. Дмитриева и В. С. Верховланцева.
Перескоков Л. В. Соцгородок Рабочий поселок.
Бутусова А. З. Прогулка по Городским Горкам.
Сидякина А. А. Пермская синематека: «умное кино» и город (к проблеме маркетинга культурного очага).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

- Порозов В. А.** Музыкальные дома Перми.
Корж Л. М. Непризнанный меценат. К 100-летию создания в Перми первого на Урале отделения Императорского Русского музыкального общества.
Кашаева Ю. А. «Вид генерал-губернаторскому дому».
Киселёв А. Б. Одно из старейших банковских зданий в городе Перми.
Бушмаков А. В. Строитель-богослов. Из истории здания главного корпуса Пермского института искусств и культуры (ул. Ленина, 29).
Иванова Т. В. Церковная певческая культура в музыкальном образовании в Прикамье (Пермское духовное училище).
Гладышев В. Ф. Дом с кикиморой.
Ремезовская Т. Б. Первая земская аптека (ул. Ленина, 30).
Субботин Е. П. Усадьба купца Мартынова и его дочери, потомственной дворянки Костровой (Торговая улица, 35).

- Ремезовская Т. Б.** Дом Архиерейский.
Боброва Е. Е. «Я была очарована домом...» (пермский дом Дягилевых в воспоминаниях Е. В. Дягилевой).
Дёгтева И. Б. Реконструкция исторических интерьеров дома Дягилевых.
Карлюк Т. Н. Уникальный особняк в Мотовилихе (мемориальный дом-музей Н. Г. Славянова).
Колбас В. С. Вклад Л. С. Кашихина в изучение архитектурных памятников Прикамья (гостиница «Королёвские номера» в Перми).
Чуракова Т. П. Дом Кузнецких (ул. Газеты «Звезда», 21).
Цвирко Л. С. Дом Мешкова и его владелец.
Семянников В. В. Особняк на берегу Камы (ул. Газеты «Звезда», 2).
Князева Н. А. История домов в жизни одного человека.
Ширинкин В. М. Пермский Дом Гайдара.
Силина Т. И. Дворец Солдатова.
Сидякина А. А. «Здесь жили поэты...» Фрагмент истории пермского литературного андеграунда 1980-х гг. в процессе становления городской культурной идентичности (ул. Народовольческая, 42).
Гайсин О. Д. Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная» – «Семиэтажка» (ул. Сибирская, 9).
Снегирёва Т. Ю. Пермский Дом учителя: 85 лет вдохновения (ул. Сибирская, 12).
Найдёнова Н. М. Тайны Портретного фойе (Дом Смышляева).

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

- Ребель Г. М.** Дом в литературе и литература как дом.
Сидякина А. А. Дом – город – культура: место обитания в художественно-мемуарной прозе пермских «шестидесятников» («Провинция» Б. Зиф, «Чемодан Якубовой» А. Бердичевской, «Дракон» А. Королёва, «Дом» Н. Васильевой).
Ваксман С. И. Звездное небо над Пермью-Юртыным.
Гладышев В. Ф. Дом трёх сестер.
Усть-Качкинцева С. В. Дом Учёных.
Спешилова Е. А. Воспоминания об отчем доме (дом А. Н. Спешилова в Перми).
Васильева Н. Е. Воспоминания о Доме и его обитателях.
Власова Е. Г. От дома детства в дом природы (прогулка по осоргинской Перми).
Лапаева Н. Б. Пермь как дом в эмигрантской судьбе и творчестве Ольги Волконской: попытка обретения.

**СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ
ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Пермский дом в истории и культуре края»,
состоявшейся 16 декабря 2009 г. (Пермь, 2009)**

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

- Суслов М. Г.** Дома Перми как биография города и зеркало эпох.
Киселев А. Б. Принципы определения историко-культурной значимости объектов культурного наследия.
Баньковский Л. В. Пермский дом из глубины столетий.
Полякова Е. Н. Посуда в домах на Егошихе в XVII – начале XVIII вв.
Константинов А. А. Вишневый сад. (Коллективный сад № 2 в Мотовилихинском районе).
Стародубцева И. П. Люби и знай свой край родной. Опыт проведения областных (краевых) краеведческих радио-уроков и конкурсов.
Гладышев В. Ф. Здесь будет «Город танца»? (О поисках пермского стиля в архитектуре).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

- Кашаева Ю. А.** План дома М. М. Голицына в г. Перми конца XVIII века.
Рафиенко Л. С. Дом губернатора в Перми (ул. Сибирская, 27).
Рафиенко Л. С. Здание Училища детей канцелярских служителей и Пермской земской управы (ул. Сибирская, 26).
Захарова Н. Ф. Трансформация здания Дом Смышляева. Перечень архивных документов.
Аленчикова Н. Д. История строительства Народного дома в Перми, в здании которого в 1934—1964 гг. размещался Государственный архив Пермской области.
Силина Т. И. Пермские ремесленно-учебные мастерские – первое в Перми начальное профессиональное учебное заведение (ул. Свердловская, 7).
Бушмаков А. В. Пермское отделение Волжско-Камского Коммерческого банка (ул. Ленина, 32).
Колбас В. С. Часовня и братство во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и его преемников Герасима, Питирима и Ионы (по материалам исторической записки Л. С. Кашихина).
Бояршинов В. Г. Рождество-Богородицкая церковь и Рождество-Богородицкая женская церковно-приходская школа.
Мамаева Л. В., Шварёва Е. В. Дом благотворительства. Из истории Богородицкой церковно-приходской школы.
Шилов А. В. Народный дом в Мотовилихе: страницы истории.
Гайсин О. Д. «Дом Трудолюбия» (ул. Толмачева, бывшая Брюхановская, 18).
Брезгин О. П. Пермская иконостасная мастерская Брезгиных.
Карлюк Т. Н. Торговый дом Ижболдиных (ул. Петропавловская, 65).
Ремезовская Т. Б. Здание конвойной команды.

- Семянников В. В.** Дом Кашиных.
Кальпиди В. В. Как Королёвские номера стали Королевскими (ул. Сибирская, 5).
Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака. Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми в 1919 году.
Обухов Л. А. Пермский исправительный рабочий дом в годы гражданской войны.
Инзельберг В. Д. Корпус Естественнонаучного института, где работали ученые Пермского университета.
Жаворонкова Г. И. Комплекс зданий, связанных с историей Пермской государственной сельскохозяйственной академии (ул. Сибирская, 24, 26, 28).
Гайсин О. Д. О строительстве «Дома Чекиста» (ул. Сибирская – К. Маркса, 30).
Гладышев В. Ф. Застывшая музыка сталинизма. («Дом Чекиста» в Перми).
Гайсин О. Д. «Дом Грузчика» (ул. Орджоникидзе, 171).
Субботин Е. П. Пермские адреса народной артистки СССР Л. П. Сахаровой.
Найденова Н. М. Дом Смышляева: экскурсионный комплекс.

**ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ**

- Красноперова Н. В.** Бытовой уклад семьи писателя А. С. Сигова-Погорелова.
Антипина З. С. Дом Василия Каменского в Троице: резиденция советского поэта.
Корчагина А. П. Пермь в романе Л. Юзефовича «Казароза».
Ваксман С. И. Пермская Атлантида.
Князева Н. А. Обитатели старой Курьи (воспоминания).
Аленчикова Н. Д. Поселок Сталинского завода и Комсомольский проспект в начале 1950-х годов (воспоминания).
Усть-Качкинцева С. В. Архипелаг Университет.
«Горьковка» в Доме Смышляева (воспоминания).
Спешилова Е. А., сотрудник библиотеки с 1952 г.
Терёхина Л. В., сотрудник библиотеки с 1954 г.
Аликина Н. А., читатель библиотеки с 1942 г.
Круглова Т. А., читатель библиотеки с 1952 г.
Коротаяева Л. В., читатель библиотеки с 1955 г.
Полетаев В. Е. Двор ушедшей Перми (ул. Советская, бывшая Торговая, 100).
Константинов А. А. Студенческая «общага» как сколок советского прошлого (по личным воспоминаниям).
Приложение. Из путеводителей по Перми.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ	
Киселёв А. Б. Старые здания и объекты культурного наследия: порядок придания статуса	5
Гладышев В. Ф. Цена Старого города. Найти и хранить!	9
Корчагин П. А. Дом Яковлева-Мешкова и его соседи. (Застройка 39-го квартала Перми в конце XVIII – XIX вв.)	22
Ярома О. В. Политика городских властей Перми в области благоустройства (1905—1916 гг.)	29
Субботин Е. П., Ситников М. Г. Пермские адреса рода купца Афанасия Эскина	33
Константинов А. А. «Под пермским небом – рыканье льва!» История пермского цирка	44
Брезгин О. П. Семья Клингбергов в Перми (1856–1919)	55
Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака	67
Ситников М. Г. По адресам Сибирской армии адмирала Колчака в Перми	74
Давыдова Т. Н., Сидякина А. А. Пермские кинотеатры 1920-х годов (по материалам газеты «Звезда»)	82
Субботин Е. П. Изобретатель электросварки Н. Г. Славянов. Из истории увековечения памяти в Перми	89
Бушмаков А. В. Застройка города Перми в сталинскую эпоху	94
Жаворонкова Г. И. Адреса Пермской сельскохозяйственной академии	102
Субботин Е. П. Балетная династия Орешкевичей в Перми	107
Серов М. И. Пермское общество «Арабеск» и конкурсы артистов балета в Перми	117
Пакните М. П. Пермские сквоты: арт-позиция молодых художников	119
Красноперова Н. В. Квартал № 161 в Старой слободке	124
Яковлева В. В. Пространство пермской средней школы в начале XX века (на примере 2-ой мужской казенной гимназии и Алексеевского реального училища)	131

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Корчагин П. А. Дома князей Голицыных в Перми в конце XVIII – начале XIX в.	135
Рафиенко Л. С. Здание Екатерино-Петровского городского училища (ул. Большевикская, 71)	149
Гайсин О. Д. Памятник истории и культуры краевого значения «Здание Городской Думы» (угол улиц Сибирской и Петропавловской, 11/25)	151
Краснопёров В., Краснопёрова Н. В. История здания пермской школы № 22 (ул. Сибирская, д. 80)	166
Рафиенко Л. С. Здание старого корпуса Епархиального женского училища (ул. Петропавловская-Коммунистическая, 18)	172
Рафиенко Л. С. Дом Берг-инспектора – Пермское горное правление – Казенная палата (ул. Ленина, 23)	174
Гайсин О. Д. История строительства здания Пермской губернской казенной палаты (угол улиц Ленина и Сибирской, 23/15)	178
Шилов А. В., Гайсин О. Д. Доходный дом Камчатова или «Город в городе» (угол улиц Куйбышева и Орджоникидзе, 7/59)	190
Шаповалов Р. О. Дом промышленников Тупицыных. От усадьбы до общественного здания	200
Обухов Л. А. Пермский исправительный рабочий дом № 1 (губернская тюрьма) в годы гражданской войны (ул. Клименко, 24)	205
Лобанов Д. А. Казармы 49-й артиллерийской бригады за Сибирской заставой (Красные казармы). История строительства	218
Семянников В. В. Вокзал станции Бахаревка	224
Перескоков Л. В. Памятник истории «Пермская духовная семинария»: жизнь после смерти	227
Аленчикова Н. Д. В. М. Шулёпов и история «Муравейника» (Комсомольский проспект, д. 42)	232
Стародубцева И. П. История без продолжения. (Судьба старинного особняка на Малой Ямской, 9)	245
Вершинина О. А. Так будь же мне звездой путеводной... Гимназия № 4 имени Братьев Каменских (ул. Плеханова, 41)	250
Смородина С. С. Архивный дом на Соликамской (ул. М. Горького, 14б)	255
Константинов А. А. Страшный след «Хромой лошади» (ул. Куйбышева, 9)	261

Власова О. М. Пермский «Дом художника»: портрет в интерьере	265
Баяндина Ю. Н. Мультиплекс на Технической – мастерская пермского анимационного кино	270
Демидова М. А. «Дом Смышляева» в год 65-летия Победы	275

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Полякова Е. Н. Дом водников (ул. Коммунистическая, 14)	278
Усть-Качкинцева С. В. Воспоминания о военном детстве	286
Бубнов В. М. Верный Тарасыч	294
Князева Н. А. Несколько строчек о далеком детстве	302
Хоринко В. П. Отцовский дом на Луначарского и Липогорье. (Воспоминания об отце, П. А. Хоринко)	307
Крохалева А. П. Дом в жизни и творчестве пермских художников	311
Ваксман С. И. Неведомый шедевр	316
Сироткина Т. А. «Строгановский кремль» в романах М. Строганова «Камни господни» и П. Северного «Сказание о Старом Урале»	319

ЭКСКУРСИИ И ПУТЕВОДИТЕЛИ

Карлюк Т. Н. Мотовилихинский медеплавильный завод – Райский сад – Театральный сад – сад им. Я. М. Свердлова	323
Бубнов В. М. Вдоль по улочке Оханской	329
Условные сокращения	367
Сведения об авторах	369
Содержание сборника материалов первой конференции «Пермский дом в истории и культуре края», состоявшейся 19 декабря 2008 г	372
Содержание сборника материалов второй конференции «Пермский дом в истории и культуре края», состоявшейся 16 декабря 2009 г	374

Краеведческое издание

**Пермский дом
в истории и культуре края**

Материалы третьей научно-практической конференции

Составитель и редактор **Т. И. Быстрых**

Художник **Наталья Фуфачёва**

Ответственный за выпуск: **директор МУК ОМБ Е. Н. Клешнина**

Формат 60X84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 23,75.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 300 экз.

Книга отпечатана на оборудовании

ООО "Абрис"

т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19